

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

ЦЕНТР ДОСЛІДЖЕНЬ З ІСТОРІЇ КИЇВСЬКОЇ РУСИ

Рекомендовано до друку вченою радою Інституту історії України
НАН України

У разі передруку матеріалів узгодження з видавцями обов'язкове

Висловлюємо подяку «Фонду катедр українознавства» за підтримку видання

<http://history.org.ua/index.php?urlcrnt=JournALL/select.php&seriaName=ruthenica>

Адреса редакції: 01001, м. Київ, вул. Грушевського, 4
e-mail: tolochko@hotmail.com; wlr@i.com.ua
Факс: (38044) 279-63-62

Свідоцтво про державну реєстрацію
Серія КВ № 6937 від 04.02.2003 р.
ISSN 1995-0276

© Ruthenica, 2009
©Автори статей

RUTHENICA

ТОМ VIII

Наукові редактори
Володимир Ричка, Олексій Толочко

2009
КИЇВ

Зміст

Анна Литвина, Федор Успенский Что стоит за отказом митрополита Константина от христианского погребения в 1159 г. ?	7
Martin Dimnik Ryurik Rostislavich (d. 1208?): the Unsung Champion of the Rostislavichi	31
Андрей Кузнецов Политическая история Северо-Восточной Руси в 1211–1218 гг.: источниковедческий аспект.	66
Yuriy Zazuliak Knowledge of Law and the Administration of Justice in Late Medieval Galicia.....	97
Ігор Скочиляс Аспрокастрон-Білгород — кафедра Галицької митрополії у XIV ст.....	120
Михайло Ієвлев, Аркадій Козловський Забудова центральної частини «міста Ярослава» поблизу Софійського собору в XI ст.	138

ДИСКУСІЇ

Петр Толочко Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная.....	151
---	-----

ЗАМІТКИ

Вадим Хоробрий у Никонівському літописі (Вадим Арістов), 184; «Великая Скуфь» (Владимир Рычка), 188; «Зверь юнь» (Вадим Ставиский), 192; 975 г. Случай на охоте (варианты прочтения сюжета) (Юрий Писаренко), 196; «Изломи копье свое» (Петр Толочко), 202; Печерські пророки (Володимир Ричка), 205; Догадка о происхождении «ранней»

даты основания Софийского собора в Киеве (Алексей Толочко), 208; «Феодосіів монастир Печерський» (Вадим Арістов), 213; Товары-станы-колымаги (Петр Толочко), 216; «Поморье» в Слове о полку Игореве (Вадим Ставиский), 218; О судьбе Федоровского монастыря в Киеве в послемонгольское время (Алексей Толочко), 223..... 184

ПУБЛІКАЦІЇ

Юрий Артамонов, Алексей Гиппиус, Илья Зайцев
Из древнерусской эпиграфики Константинопольской Софии 227

РЕЦЕНЗІЇ. ОГЛЯДИ..... 244

СКРОЧЕННЯ 269

Анна Литвина, Федор Успенский

Что стоит за отказом митрополита Константина от христианского погребения в 1159 г.?

В середине XII в. в русской церковной жизни сложилась крайне парадоксальная ситуация, когда часть князей Рюриковичей решили просить Константинополь прислать нового главу киевской митрополии, хотя два иерарха, Климент Смоленский и Константин, рукоположенные в разное время в митрополиты киевские, были в ту пору еще живы и оба находились на Руси. По-видимому, такое решение казалось единственно возможным компромиссом для преодоления внутридинастического конфликта, в который церковь была вовлечена настолько, что каждый из митрополитов, прежде поддерживаемый одной из противоборствующих сторон, оказывался неприемлемым для остальных.

Впрочем, вскоре после обращения князей в Константинополь и хиротонии третьего митрополита, Феодора, на киевскую кафедру положение дел стало изменяться само собой, независимо от человеческих решений — в 1159 г. грек Константин, один из двух прежде поставленных киевских иерархов, скончался в Чернигове.

Перед смертью он оставил завещание, исполнение которого, судя по летописному рассказу, поразило воображение горожан. Завещание это дошло до нас в Лаврентьевской летописи:

В то же лѣтѣ . преставис^а митрополитъ Къевьскыи . Костантинъ Черниговъ . бѣ бо в то время выбѣгль ис Къева . Мстислава [дѣла] Изаславича . бѣ^е же и смѣрть его сица . яко ѹмираючи ему призва к собѣ епѣпа Черниговьского . Антоныа . заклатъ и гла сице . яко по ѹмерьтви моеѣ не погребешъ тѣла моего . но ѹжемь поверзше за нозѣ мои . извлечѣте ма из града . и поверзѣте ма псомь . на расхытанье . по оумертви же его епѣпъ то все створи повелѣнаа юму имь . народи же вси дивишася ѡ смѣрти его . на оутрии же днь Сѣославъ князь . здумавъ с мужи своими . и съ епѣпомь . вземше тѣло его и похорониша в цркви оу стаѣ Сѣса Черниговѣ¹.

Лаконизм этого летописного свидетельства не позволяет утверждать наверняка, разделяли ли общенародное недоумение черниговский епископ Антоний и сам составитель летописи. Во всяком случае, этот последний счел нужным

1 ПСРЛ 1: 349.

описать весь ход событий достаточно подробно, цитируя или пересказывая завещание митрополита. Очевидно, тем самым, что все произошедшее воспринималось как нечто чрезвычайно значимое и из ряда вон выходящее.

Разумеется, свидетельство летописи о столь причудливой судьбе останков митрополита Константина не могло не привлекать внимания современных исследователей. Без преувеличения можно сказать, однако, что оно зачастую вызывало у них такое же удивление, как и у черниговцев XII в. В большинстве работ, так или иначе касающихся этой темы, завещание Константина относительно собственного погребения рассматривается как его экстравагантное персональное изобретение, продиктованное столь же личными особенностями той части его жизненного пути, которая связана с Русью. Предполагалось в первую очередь, что поступок митрополита обусловлен тем эмоциональным состоянием, в котором он находился из-за церковного раскола и связанного с ним конфликта с киевским князем Мстиславом Изяславичем². Пожалуй, наиболее лапидарно этот практически общепринятый тезис был сформулирован А. Поппэ: «высказанная им (Константином. — А.Л., Ф.У.) последняя воля говорит о смятенном душевном состоянии: не считая себя достойным погребения, он велел черниговскому епископу Антонию бросить свое тело на растерзание псам»³.

2 Обзор исследовательских интерпретаций поступка Константина и их критический разбор выполнен нами: Литвина А., Успенский Ф. *Траектория и традиции: главы из истории династии и церкви на Руси кон. XI — нач. XIII в.* М., 2010, в печати. Здесь отметим лишь, что едва ли не единственная работа, специально посвященная этому летописному эпизоду, принадлежит А. П. Толочко (Толочко О. Смерть митрополита Константина (До розуміння давньоруської моделі святості). *Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей.* К., 1993. Т. II, 30–48). Весьма существенно, что это исследование несколько не концентрируется на эмоциях митрополита Константина и сосредоточено на поиске культурных параллелей к его поступку. А. П. Толочко вводит читателя в круг источников, необходимый для понимания летописного рассказа, однако приведенные им примеры едва ли могут служить объяснением или непосредственным образцом для поступка митрополита. В самом деле, исследователь обсуждает странную смерть Константина и настойчиво уподобляет ее гибели христианских святых, принявших мучение за веру, в то время как самая кончина киевского святителя не содержит в себе ничего необычного и происходит, по-видимому, от естественных причин. Удивление вызывает лишь завещание, где он добровольно и последовательно, — в отличие от всех лиц, упомянутых в работе А. П. Толочко, — обрекает свое тело на поношение и отказывает себе в должном погребении.

3 Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси. Шапов Я. Н. *Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв.* М. 1989, 197; в этой части воспроизведено без изменений в: Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси. Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*, Издание второе, исправленное и дополненное. Перевод А. В. Назаренко под редакцией К. К. Акентьева, СПб. (=Subsidia Byzantinorossica, T. I), 1996, 457. Поиск ключа к поведению Константина в собственно эмоциональной сфере, как кажется, невольно провоцирует и самих исследователей на повышенную эмоциональность рассуждений, незаметно меняющую акценты в изложении фактов. Так, А. Поппэ утверждает, что «всеобщее возмущение все же заставило похоронить Константина в кафедральном храме Спаса Преображения» Там же; более мягко эта же мысль сформулирована в работе: Поппэ А. Леонтий, игумен Патмосский, кандидат в митрополиты Руси. *Palaeoslavica*, vol. X, no. 2: For Professor Ihor Ševčenko on his 80th Birthday 2002, 87, 83, примеч. 8. Однако никакого «всеобщего возмущения» в летописных текстах мы не находим. В Лаврентьевской летописи речь идет лишь о том, что народ дивился столь необычной процедуре, в позднейших же текстах рассказывается

Однако, если взглянуть непредвзятым взором на политические телодвижения, которые довелось совершать Константину, и сопоставить их с процедурой позорного погребения, которую он якобы для себя изобрел, то его завещание с точки зрения здравого смысла, не говоря уже о церковных канонах, покажется чудовищно чрезмерным. Это несоответствие, кстати говоря, бросалось в глаза всем исследователям и комментаторам этого сюжета и заставляло их говорить о загадке Константина.

Загадка эта, однако, представляется нам вполне разрешимой, ибо поступок Константина не был результатом его личных измышлений, а своим предписанием иерарх ни в коей мере не стремился исключить себя из христианского мира. Напротив, святитель, как мы продемонстрируем ниже, действовал строго в рамках некой древней и достаточно развитой христианской традиции, отразившейся во многих образцовых текстах.

*

Беглый обзор традиции, объясняющей поступок митрополита Константина, мы начнем с Иоанна Лествичника (VII в.), ибо именно на его текст чаще всего опирались подвижники и агиографы, соприкоснувшиеся с интересующей нас практикой. В знаменитой Лествице, в 5-м слове «О покаянии», где рассказывается о предельной аскезе святых подвижников, говорится, что «И молю вас, братия, не подумайте, что повествуемое мною — басни. Часто они умоляли сего великого судию, т. е. пастыря своего, сего ангела между человеками, и убеждали его наложить железа и оковы на руки и на шеи их; а ноги их, как ноги преступников, заключить в колоды и не освобождать от них, пока не примет их гроб. Но иногда они сами себя лишали и гроба. Ибо никак не могу утаить и сего истинного умиленного смирения сих блаженных и сокрушительной их любви к Богу и покаяния. Когда сии добрые граждане страны покаяния отходили ко Господу, чтобы стать перед нелицеприятным судилищем; тогда, видевший себя при конце жизни, посредством своего предстоятеля, умолял и заклинал великого авву, чтобы он не сподоблял его человеческого погребения, но, как скота, повелел бы предать тело его речным струям, или выбросить в поле на съедение зверям; что нередко и исполнял сей светильник рассуждения, повелевая, чтобы их выносили без чести и лишали всякого псалмопения. Но какое страшное и умиленное зрелище было при последнем их часе!»⁴.

Как нетрудно убедиться, ситуация, описанная Иоанном Лествичником, по многим параметрам чрезвычайно близка тому, что мы находим в летописном известии под 1159 г. Здесь есть и эксплицитно выраженная предсмертная просьба о лишении «человеческого погребения», и описание того, что именно делалось

о Божественных знамениях, явленных народу и князьям после смерти митрополита, и раскаянии Ростислава Мстиславича в недолжном поведении по отношению к Константину.

4 Преподобного отца аввы Иоанна, игумена синайской горы, Лествица. СПб., 1995, 75–76. Курсив в цитатах здесь и далее принадлежит авторам статьи.

с останками просившего — отказ от отпевания, бросание их в реку, выволакивание в поле на съедение диким зверям и т.п. В предшествующем же фрагменте главы «О покаянии» Иоанн в который раз подчеркивает, что этим, как и другим тяготам, «граждане страны покаяния» подвергают себя сугубо добровольно. Иными словами, в его сочинении лишение себя христианского погребения оказывается своего рода высшей, предельной ступенью монашеской аскетической практики.

Нет нужды лишней раз останавливаться на том, сколь огромное влияние на христианский мир и в особенности на Восточную церковь оказывали образы Лествицы. Однако описывает ли Иоанн в данном случае некоторый отвлеченный аскетический идеал или за его словами можно разглядеть конкретные фигуры древних подвижников?

В патериках мы обнаруживаем истории о монахах, достигших этой вершины аскетического подвига. Иные из них, подобно инокам, описанным в Лествице, безымянны. Таков, например, отшельник, подвизавшийся на Синае (а именно на Синае, напомним, в свое время был игуменом Иоанн Лествичник). Этот подвижник, которого по его ремеслу называли каллиграфом, обратился к своему соседу с поразившей того просьбой: «Когда этот прекрасный подвижник приблизился к смерти, то позвал своего соседа эйлатца и говорит ему: “Будь так любезен, никому не говори, что я болею, но оставайся здесь сегодня, а когда я умру, то возьми мое тело и брось в пустыне, чтобы пожрали его звери и птицы: ибо согрешил я перед Богом много и недостоин погребения”. Говорит ему садовод эйлатец: “Поверь, авва, не соглашается моя душа сотворить таковое”. Больной ответил ему: “Вина эта на мне, и даю тебе слово, что если ты послушаешься и так сделаешь, то я как смогу помогу тебе”. И когда каллиграф умер в этот день, брат сделал так, как ему было велено, и бросил его тело [без погребения] нагим в пустыне. Ибо они обитали в месте, называемом Метемер, в двадцати милях от Крепости»⁵.

Имена же других подвижников, добивавшихся, подобно безымянным «гражданам страны покаяния» и метимерскому каллиграфу, посмертного поругания, более чем известны в христианском мире. Весьма сходным образом завещал поступить со своим телом не кто иной, как живший на рубеже IV–V вв. св. Арсений Великий. Незадолго до смерти преподобный сказал своим ученикам: «...я буду судиться с вами на судилище Христовом, если вы отдадите кому-либо тело мое. Они сказали ему: что же мы будем делать, когда не знаем как похоронить тебя? На это старец сказал: ужели не знаете как привязать к ноге веревку и тащить меня на гору?»⁶.

5 *Великий патерик или великое собрание изречений старцев*: Систематическая коллекция (Codd. Coils. 108, Coils. 127, Sinait. 454). Пер. с др. греч. А. В. Марков, Д. А. Поспелов. Т. 1, М., 2005 (= *Bibliotheca hesychastica*, т. 1), 111–112.

6 *Древний патерик, изложенный по главам*. 3-е изд. М., 1899 [Репринт = М., 1991], 271. Приведем вариант этого рассказа из Скитского патерика (гл. 29): «Авва Даниил сказывал: “Авва Арсений, приближаясь к смерти, завещал нам: “Не заботьтесь делать по мне вечера любви. Ибо если я приготовил для себя сиою вечерю, то найду ее”. Когда приблизилась кончина его, ученики его

Из этого текста, строго говоря, мы не можем определить наверняка, было ли тело Арсения предано земле, однако совершенно очевидно, что он не только требовал соблюдения строгой тайны своих похорон, но и сознательно исключал из этой процедуры исполнение традиционного для христиан обряда. Более того, он приветствовал не только максимальное пренебрежение к его телу, но и уже знакомые нам элементы прямого поношения (привязывание веревки к ноге трупа и волочение его по земле). В свое время принадлежность Арсения к интересующей нас традиции крайней аскезы была совершенно недвусмысленно понята и оценена на русской почве. Однако об этом нам предстоит сказать более подробно ниже.

Как же мог возникнуть такой обычай в христианском мире? По-видимому, в его основе лежат две составляющие, в равной мере связанные с духом и буквой раннехристианского монашества. С одной стороны, не вызывает сомнений, что добровольное желание отдать свое тело на поругание является частью куда более общей практики аскезы как имитации мученичества. Гонители веры стремились в жизни и смерти уравнивать христиан с самыми жалкими из осужденных преступников, едва ли не самое ужасное, что они могли сделать и делали с телом верующего — не отдавать его единомышленникам и лишиться должного погребения. Но уже к концу эпохи гонений презрение к телу, стремление умертвить плоть, которая, по выражению Иоанна Лествичника, сама умерщвляет человека, приводило некоторых монахов-отшельников как к добровольному нанесению себе ран и увечий (в подражание прижизненным страданиям мучеников), так и столь же добровольному лишению себя христианского погребения.

Разумеется, значительная часть идей, стоявших за аскетической практикой отказа от погребения (умерщвление плоти, необходимость ее очищения через посямление и поношение), в известном смысле была заложена в деяниях ранних мучеников. В этом отношении очень выразительна 4-я глава из «Послания к римлянам» Игнатия Богоносца († ок. 107 г.): «Я пишу церквам и всем сказываю, что добровольно умираю за Бога, если только вы не воспрепятствуете мне. *Умоляю вас: не оказывайте мне неблагоприятной любви. Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пиеница Божия: пусть измелют меня зубы зверей, чтоб я сделался чистым хлебом Христовым. Лучшие приласкайте этих зверей, чтоб они сделались гробом моим и ничего не оставили от моего тела, дабы по смерти не быть мне кому-либо в тягость. Тогда я буду поистине учеником Христа, когда даже тела моего мир не будет видеть»⁷.*

Здесь мы, помимо общности душевного настроя, находим и многие из тех конкретных образов и атрибутов, которые несколько позже обнаружатся у ас-

пришли в смятение. А он говорит им: «Еще не настал час; когда же настанет, скажу вам; но я буду судиться с вами на Страшном Суде, если вы отдадите кому-либо останки мои». Они сказали: «Что же нам делать? Мы не знаем, как похоронить тебя». Старец отвечал им: «Ужели не знаете, как привязать к ноге моей веревку и тащить меня на гору». Он оставил мне кожаный хитон свой, белую жесткую власяницу и пальмовые сандалии».

7 Игнатий Богоносец. Послание к римлянам. *Писание мужей апостольских*. СПб., 1895 [Репринт = Рига, 1994], 330–331.

кетов, отказывающихся от христианского погребения. Не последнее из таких действий — предсмертное обращение к ученикам, заранее уведомляющее их о добровольном отказе от погребальных церемоний. Таким образом, практика столь своеобразной аскезы как будто бы сохраняет живую, непосредственную связь с категориями и идеями первых веков христианства.

С другой стороны, есть еще одна, не менее важная составляющая этой традиции, и она целиком определяется сменой эпох в истории христианства. С окончанием периода гонений (312 г.) имитация мученичества среди монашествующих аскетов и подвижников неизбежно носила двойственный характер: смиренное стремление к уподоблению, по сути своей, не допускало отождествления. Аскет, подражая мученическому подвигу, одновременно настаивал на том, что с мучеником он никогда не сравняется, а, следовательно, воздавать его останкам те же почести, что и мощам древних святых, погибших за веру, недопустимо.

Кроме того, отныне аскеты, в отличие от ранних мучеников, вынуждены были так или иначе соприкасаться с уже сложившимися в мирской христианской среде обычаями обращения с останками тех, кто еще при жизни был прославлен своими подвигами и кого их окружение уже заранее почитало как святых. Предсмертные распоряжения этих подвижников и отцов церкви могли выражать неприятие тех вполне конкретных посмертных почестей, которые намеревались воздать их телам. Как это нередко бывает, протесты и запреты оказываются одним из основных источников наших сведений о разного рода обычаях прославления.

Так, Антоний Великий, отец монашества, судя по житию Афанасия Александрийского, опасался, что его телу уготована участь лежать непогребенным на ложе в доме кого-либо из ревностных в вере египтян. Именно этого в своей предсмертной беседе с учениками он приказывал избежать со всевозможным старанием: «... и если имеете попечение о мне и помните, как об отце, то не попустите, чтобы кто-либо взял тело мое в Египет и положил у себя в доме; во избежание сего удалился я в гору и пришел сюда. Знаете, как всегда порицал я делающих это и убеждал оставить такой обычай. Предайте тело мое погребению и скройте под землю. Да соблюдено будет вами сие мое слово, чтобы никто не знал места погребения тела моего, кроме вас одних»⁸.

Желание скрыть свое тело от поклонения мирян, стремление к анонимности погребения, как мы имели случай убедиться, выражал в ту пору не один Антоний. Аналогичная просьба, звучащая, скорее, как суровое требование, обнаруживается, например, в коптской версии жития св. Пахомия Великого, еще одного столпа монашества и современника Антония⁹. «Стратегия» предсмертных запретов святых строилась при этом на отталкивании от локальных обычаев и тех приготовлений, которые заранее предпринимались их окружением.

8 Афанасий Великий. *Творения*. Т. 3. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902–1903 [Репринт = М., 1994], 248.

9 Хосроев А.Л. *Пахомий Великий: Из ранней истории общежительного монашества в Египте*. СПб.; Кишинев; Париж, 2004 (= Библиотека журнала «Нестор»: Источники и исследования истории и культуры России и Восточной Европы, Т. VII), 316–317.

Принадлежность к традиции уничтожения собственных останков просматривается и в предсмертном завещании такого авторитетного учителя Церкви, как Ефрем Сирин. Ефрему скорее всего суждено было бы лежать под алтарем в церкви — против этого, в частности, направлена его последняя речь, великолепный образчик риторического перечисления тех почестей, которые не должно, вопреки намерениям верующих, воздавать его мертвому телу: «Если кто положит меня под жертвенником, то да не узрит он Божия жертвенника, потому что смрадной нечистоте неприлично лежать на святом месте. Если кто положит меня во храме, то да не узрит он храма света; потому что суетная слава бесполезна тому, кто недостоин славы. Нагим предстанет каждый дать за себя отчет <...> Не полагайте меня с мучениками, потому что грешен я, и ничего не стою: по недостаткам своим боюсь и приближаться к костям их <...> *Кто понесет меня на руках своих, у того руки да покроются проказой, как у Гиезия; но подъяв меня на рамена, несите, как можно скорее и предайте погребению, как презренного <...> Не полагайте меня в ваших гробницах, потому что ни к чему не послужат для меня ваши украшения. Я же дал обет Богу, чтобы погребли меня со странниками. Я такой же странник, как и они; с ними положите меня, братья мои. <...> Положите меня на кладбище, где погребены сокрушенные сердцем...»¹⁰.*

В этом тексте мы не находим ни диких зверей, ни выволакивания трупа на веревке, ни просьбы об оставлении без гроба, однако отвращение к прославлению останков выражено здесь с не меньшей настойчивостью, чем в завещании Арсения Великого или в предсмертной воле безымянных пустынников. Достаточно очевидна здесь и мысль о недопустимости уравнивания собственной посмертной участи с посмертной участью мученика.

Итак, в церкви, с одной стороны, ширился культ мощей и гробниц, причем объектом почитания становились не только святые, принявшие смерть за веру, но и аскеты, подвижники благочестия. С другой стороны, в качестве ответной реакции именно в монашеской среде стремительно формировалась традиция посмертного смирения, отказа от мирских почестей не только при жизни, но и после кончины. Обсуждению подвергались как общецерковные нормы и правила в этой сфере, так и границы индивидуального выбора в определении посмертной судьбы останков. Высказывания, сформулированные Иоанном Лествичником, Арсением, Ефремом и Антонием, в определенном смысле являлись репликами в этих дискуссиях. Так, Антоний Великий (а, по-видимому, и составитель его жития Афанасий Александрийский) полагал, что не подобает тела скончавшихся оставлять без гроба и не предавать земле (что для нас может служить дополнительным свидетельством в пользу распространенности такой практики при его жизни), «ибо тела Патриархов и Пророков донныне хранятся в гробницах, и

10 См.: Святой Ефрем Сирин. *Творения*. Т. V. М.: Можайск, 1993–1995, 300–301, 305. Первоначально Ефрем был погребен в соответствии со своим завещанием на кладбище для странников в Эдессе, однако вскоре горожане перенесли его тело, судя по всему, в монастырь св. Сергия на Эдесской горе, где положили его рядом с епископами.

самое тело Господне положено было во гроб, и приваленный камень скрывал оное, пока не воскресло в третий день»¹¹.

Существенно, однако, что при всей определенности этого высказывания смиренные аскеты, просившие бросить их нагой труп без погребения, а равно и те, кто описывал их подвиг, отнюдь не считали, что они противоречат образцам монашеской жизни, заданным Антонием Великим. Весьма характерно в этой связи продолжение рассказа о безымянном каллиграфе с Синая, распорядившемся бросить свое тело на растерзание зверям. Согласно соответствующей апофтегме патерика, его сосед, не без страха решившийся выполнить волю покойного, был награжден за свой поступок видением, в котором усопший благодарил его за содеянное следующим образом — «На третий день является ему в сновидении отошедший ко Господу и говорит ему: “Бог, брате [возлюбленный], да помилует тебя, как ты помиловал меня. Поверь мне, великую милость сотворил мне Бог, ради того, что без погребения осталось мое тело, сказав мне: “*Се ради великого смирения твоего Я повелел, чтобы ты был с Антонием [Великим]*”. Тогда я попросил и за тебя. Но ступай же, оставь этот малый сад, и подумай об ином саде (райском). В тот час, когда изошла душа моя, я увидел, что мои слезы угасили огонь, в который я должен был быть отправлен”»¹². Не вызывает сомнений, иными словами, что для составителей патерика Антоний и безымянный каллиграф принадлежат к единой аскетической традиции, не в последнюю очередь потому, что оба желали избежать какого бы то ни было посмертного чествования своих останков.

Итак, по крайней мере с IV в. отказ от ожидаемых почестей при погребении, просьба о небрежении к останкам становятся закономерной чертой аскетического направления в церкви. В желании же подвергнуть свое тело ритуалу посмертного поношения можно видеть один из крайних полюсов этого направления, никогда, в силу своей очевидной радикальности, не ставший общеупотребительным ни в богословской, ни в обиходной перспективе, но в том или ином виде всегда присутствовавший как в церковной жизни, так и в агиографии.

Напряженность погребальной проблематики отнюдь не ограничивается во времени первыми столетиями христианства, но распространяется и далее вглубь Средневековья. Христианская традиция в этой сфере как будто бы не только бережно сохраняет все оппозиции, заложенные в эпоху Отцов Церкви, но и обогащает их новыми деталями, создает дополнительные градации как в максимально торжественном обращении с телом, так и внутри аскетической модели посмертного обряда. Подобно тому, например, как запрет хоронить в церкви и приурочивать себе гробницу в церковных стенах никогда не соблюдался последовательно и, вместе с тем, никогда не забывался полностью, обрастая послаблениями, ограничениями и оговоренными условиями¹³, так и куда более экзотическая просьба о

11 См.: Афанасий Великий. *Творения*. Т. III, 247.

12 *Великий патерик*, 111–112.

13 Ср.: Kötting B. *Der frühchristliche Reliquienkult und die Bestattung im Kirchengebäude*, Köln, 1965. (=Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen. Geisteswissenschaften, 110. Sitzung am 16. December 1964 in Düsseldorf, Heft 123).

небрежении останками то сводится к скромным уступкам требованиям аскезы, то выливается в полный отказ от христианского погребения.

Нас, напомним, интересуют именно такие случаи достаточно полного воспроизведения древних образцов, когда аскет закликает подвергнуть его тело посмертному поношению. Так, в эпоху, предшествующую разделению церквей, византийский святой Лука Элладский или Стирийский († 953 г.), сперва подвизавшийся как отшельник, а позднее основавший небольшой монастырь в Стирии, напрямую выражает соответствующее желание перед своей кончиной. Когда у смертного одра святого остался лишь один из близких ему людей, священник Григорий, он спросил Луку, как тот хотел бы быть похороненным. Умиравший ответил: «Неужели не стыдно тебе не ведать этого? Обвяжи мои ноги веревкой и отволоки в одну из лощин, поскольку я не гожусь ни на что другое, я стану пищей диких зверей»¹⁴.

Еще более последовательным образом примеры аскетизма египетских отшельников были подхвачены монахами Афонской горы, и здесь мы находим рассказы, чье начало не может не показаться нам уже хорошо знакомым. Такова, в частности, предсмертная воля преподобного Филофея (годы жизни неизвестны): «Когда настал час праведнической кончины, преподобный строго запретил ученикам погребать его тело, велел бросить оное с безчестием в лес на расхищение и в снедь зверям и птицам, что ученики и исполнили в точности по смерти его»¹⁵.

Иные из этих агиографических повествований заведомо относятся к достаточно позднему времени, как, например, рассказ о кончине Феофила Мироточивого, скончавшегося в 1548 г.: «Наконец, будучи исполнен дней, святой предрезнул смерть свою и начал готовиться к исходу в вечность. Между прочим, написал он исповедание веры и завещание духовное, а пред смертью пожелал, чтоб совершили над ним таинство елеосвящения. Это было в пяток. Простившись со всеми, в субботу приобщился он в храме пречистых Таин Христовых в чувстве благодарения Богу о всем и наконец призвал ученика своего Исаака для объявления ему последней воли своей. Смиранный в течение всей своей жизни, святой Феофил и по смерти не хотел почитания человеческого: он дал Исааку заповедь, чтоб не было объявляемо о смерти его, когда предаст он дух свой Богу, чтоб не призывались иереи для совершения над ним обычного погребения, но чтобы Исаак оцепил ноги его вервию и выбросил тело по возможности. Объявив таким образом последнюю волю ученику своему, преподобный Феофил распростерся на одре. <...> Послушный ученик его Исаак в точности выполнил заповеди святого: привязав к ногам его вервь, он увлек мощи его в лес»¹⁶.

Таким образом, завещание митрополита, прибывшего на Русь в XII в. из Константинополя, совершенно закономерным об-

14 *The Life and Miracles of St. Luke of Steiris: Text, translation and commentary*, by C. L. Connor and W. R. Connor, Brookline, Massachusetts (=The Archbishop Iakovos Library of Ecclesiastical and Historical Sources, 1994, No. 18), 104–109.

15 *Афонский патерик*. М., 1897 [Репринт = М., 1994] Ч. II, 298.

16 *Афонский патерик*. Ч. II, 75.

разом вписывается в традицию добровольного поношения останков, долгожительство которой в восточнохристианской церкви не вызывает никаких сомнений. Причем соответствия есть как на уровне конкретных атрибутов (привязывание к телу веревки, выволакивание трупа за ноги, оставление его на пустом месте, без гроба на съедение диким зверям и птицам), так и на уровне структуризации событий в нарративе — предсмертный разговор с ближайшим окружением или учениками, взятие с них клятвы, детальное описание процедуры погребения, которое иногда может заменять даже ее исполнение.

*

Существенным отличием интересующей нас процедуры от всех других христианских похоронных обычаев является ее известная крайность, некая предельность, а в глазах современников и очевидцев — даже запредельность, граничащая с неосуществимостью предсмертной воли аскета. И здесь обнаруживается одно из конституирующих противоречий, которое имеет отношение к самой сущности столь необычного поступка, нарушающего (в особенности, если речь идет о Средневековье) целый ряд канонических установлений. Действительно, этот чрезвычайный в своей радикальности акт смирения и аскезы, с одной стороны, производит впечатление чего-то разового, уникального, поражающего воображение своей неожиданностью; с другой стороны, уже на очень ранних этапах он как на уровне повествования, так, по-видимому, и на уровне реального события обрастает определенным ритуалом, обретает достаточно четкие воспроизводимые формы. Завещания святых со столь пугающей просьбой создают цепочку ориентирующихся друг на друга образцов, что, собственно, и дает основание считать такую практику традицией. Каков же удельный семиотический вес различных составных элементов этого ритуала?

Самым неизменным, а, пожалуй, и самым значимым, как ни странно, является именно акт прижизненного сообщения столь нетривиальной воли умирающего. Нередко она приобретает форму письменного текста, духовной грамоты как таковой. При этом умирающий непременно произносит его вслух перед кем-то из своего ближайшего окружения. Момент, когда ученики или другие духовные лица узнают, как подвижник распорядился относительно собственного погребения, оказывается в известном смысле кульминацией события.

Перечисление, называние тех элементов, из которых должно состоять ритуальное поношение, не менее значимы, чем последующее совершение соответствующих действий. Более того, перечисление способно служить субституцией действия как такового. Дело в том, что после этого, по существу, чисто вербального акта традиция допускает разные возможности дальнейшего развития событий.

Во-первых, высказанная воля умершего может быть исполнена его окружением буквально, последовательно и окончательно: над телом совершаются именно те и только те действия, которые были предписаны в завещании.

Во-вторых, воля скончавшегося могла быть сперва исполнена, т. е. его останки подвергались просимому поношению, но по прошествии некоторого (зачастую весьма небольшого) времени на тех или иных основаниях тело или кости погребались в соответствии с общепринятыми образцами.

В-третьих, окружение умирающего подвижника выслушивает его волю о поношении останков, но после смерти не хочет или не решается ее исполнить и погребает тело в соответствии со своими представлениями о статусе покойного.

И, наконец, в-четвертых, умирающий выражает желание, чтобы его останки подверглись посмертному поношению, и оговаривает это желание в завещании, однако при этом вступает в своеобразный диалог со своим окружением, и, предусматривая невозможность исполнения такой процедуры, сам предлагает некую смягченную альтернативу или подчиняется общепринятому погребальному обычаю.

Мы не имеем возможности сейчас подробно говорить о том культурном механизме, который, с одной стороны, заставляет считать интересующее нас распоряжение высшей формой благочестия, а с другой стороны, позволяет из благочестия же нарушать завещание умирающего аскета. Скажем только, что в агиографии огромную роль здесь играют посмертные чудеса и знамения, переводящие весь событийный ряд как бы в другую плоскость. В данном случае они не только свидетельствуют о святости усопшего, но и демонстрируют правильность или неправильность действий тех, кто его хоронил. Те, кто хоронят аскета иначе, нежели он просил в своих предсмертных речах, в известном смысле остаются в рамках традиции уничижительного погребения. Более того, со временем, когда канонические установления и местные общепринятые обычаи оказывают все большее воздействие на жизнь и смерть рядового инока, а тем более духовного иерарха, неисполнение завещаний само по себе воспринимается как нечто неизбежное и в своем роде даже традиционное. Дабы обозначить свою принадлежность к древней отшельнической практике, монаху достаточно выразить смиренное желание вовсе не иметь могилы или хотя бы включить в свою последнюю волю упоминание некоторых элементов поношения. Далее в дело вступают ученики новопреставленного или знатные миряне, чья роль также заранее предопределена авторитетными образцами.

Характерным образом, в текстах, посвященных этому ритуалу, отказ от исполнения воли умершего никогда напрямую не мотивируется самым, казалось бы, очевидным доводом — несоответствием такого завещания каноническим предписаниям о погребении монахов. Желание усопшего принадлежать к традиции столь крайней аскезы как бы выводит происходящее за рамки вопроса о каноничности / неканоничности подобных требований. Агиографическая традиция в данном случае последовательно избегает ситуации прямого противопоставления древних образчиков поведения прославленных подвижников существующим церковным предписаниями.

Так или иначе, все, что случилось с митрополитом Константином в XII в., — это и по структуре, и по деталям классический случай реализации второго варианта сценария с поношением и последующей отменой: сначала епископ

Антоний буквально исполняет «повелѣнная ему» митрополитом, затем же останки Константина хоронят подобающим его сану образом, в черниговском соборе.

Более того, история киевского митрополита XII в. далеко не единственный случай обращения к традиции аскетического поношения останков в средневековой Руси. Едва ли не самый выразительный и известный пример подобного рода — это дошедшее до нас подлинное завещание Нила Сорского († 1508 г.). В этом тексте мы обнаруживаем уже хорошо известные нам элементы ритуального посмертного уничтожения вплоть до самого радикального из них — оставление тела на пустом месте:

Завѣщаваю яже о себѣ моимъ приснымъ господиамъ и братаимъ, яже суть моего нрава: молю вас, повернете тѣло мое в пустыни, да изыдут е звѣрие и птица, понеже съгрѣшило есть къ Богу много недостойно есть погребения. Аще ли сице не сътворите, и вы, ископавше ровъ на мѣстѣ, идѣже живем, съ всякимъ бесчестиемъ погребите мя <...> Мнѣ потщание, елико по силѣ моей, что бых не сподобленъ чести и славы вѣка сего некоторые, якоже в житии семъ, тако и по смерти¹⁷.

Как уже говорилось, неисполнимость столь крайних мер для той эпохи, когда писал свое завещание Нил, в известном смысле предусмотрена самой традицией. Это, судя по всему, четко им осознавалось, во всяком случае, преподобный предусмотрел и другую, не столь ошеломляющую процедуру собственного погребения. Характерно, однако, что и в альтернативной, смягченной версии поругания, которую предлагает Нил (погresti тело во рву, без почестей, на том месте, где он жил), он также следует древним образцам, сложившихся в рамках той же монашеской традиции. Точно также, например, святой Лука Элладский велит без всяких почестей закопать его на том самом месте, где при жизни был его одр, коль скоро ученики не в силах бросить его останки в ущелье, на съедение диким зверям.

Еще более существенно, что распоряжение Нила Сорского не только соответствует по всем параметрам интересующим нас образцовым текстам, но и содержит прямую отсылку к одному из них. Русский игумен прямо апеллирует к словам св. Арсения Великого, которые разбирались нами выше: «Бойте же ся слова, иже Великий Арсений завѣща своимъ учеником, глаголя: «На Судѣ стану с вами, аще кому дадите тѣло мое¹⁸».

Счастливым образом, у нас не может возникнуть сомнений в том, что Нил Сорский знал житие Арсения Великого в полном объеме, и цитата, приведенная в завещании, отнюдь не была для него изолированной, вырванной из контекста фразой. Житие Арсения, как известно, было в числе текстов, переписанных при жизни Нила в его монастыре: дошедший до нас список по всей вероятности принадлежит к числу его автографов.

17 Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. *Сочинения*. Изд. подгот. Г. М. Прохоров. СПб., 2008, 280.

18 Там же.

Не возникает сомнений и в том, что Нил вполне сознательно в рамках общей традиции аскетического погребения избирает для себя именно то направление, у истоков которого стоит повествование о смерти Арсения Великого. В самом деле, он переписывал жития и других отцов монашества, в первую очередь, Антония Великого, однако из всех известных ему распоряжений о погребении в свое собственное завещание он счел нужным ввести формулы предельной аскезы. Скорее всего (хотя здесь мы вступаем в область недоказуемых предположений), Нил, подобно древним подвижникам, не противопоставлял завещания Антония и Арсения, но явно тяготел к выбору последнего.

Разумеется, знания Нила Сорского относительно интересующей нас погребальной практики вовсе необязательно носили исключительно «книжный» характер. Весьма вероятно, что он имел возможность столкнуться с живой традицией подобного рода во время своего пребывания на Афоне, где, судя по дошедшим до нас примерам, обычай ритуального уничтожения останков был вполне актуальным на протяжении столетий. В данном случае модели, почерпнутые из ранней агиографии и монашеского обихода Святой Горы, дополняя друг друга, как бы выстраивались в одну линию и как нельзя лучше соответствовали духу русского исихазма, который исповедовал Нил, однако рассмотрение идейной подоплеку данной практики на Руси XV–XVI вв. выходит за пределы настоящей статьи¹⁹.

XVI в., — необычайно плодотворный с точки зрения канонизации собственно русских святых и составления их житий, — открывает нам целый тип подвижников, чьи завещания соответствуют интересующим нас образцам. Как правило, речь идет об основателях новых обителей, для своей братии являвшихся в определенном смысле малыми подобиями древних отцов монашества. Иные из них были канонизированы вскоре после кончины, тогда как у других актуальной канонизации предшествовал долгий период местного почитания. Жития же их в рукописных сборниках зачастую могли соседствовать друг с другом и содержать весьма сходные предсмертные распоряжения.

Так, в житии Дмитрия Прилуцкого, умершего в 1392 г., мы находим следующий рассказ о последних часах жизни святого:

еще жив сый в последнемъ смиренни глаголя вопросившим тогда гдѣ положити мощи его. Он же рече мое грѣшное тѣло влечите во блато и в поприание ногам своим сотворите. О сем умиленным плачемъ и на Бога имуше надежу, яко имать дерзновение к нему, вземше честня его мощи, и со псалмы и песни, погребоша того во церкви, юже сам созда во своей обители, в неуже постнически до конца подвизася²⁰.

19 Об этом см., в частности: F. von Lilienfeld. *Nil Sorskij und seine Schriften: Die Krise der Tradition in Russland Ivan III* (Berlin, 1963); G. A. Maloney. *Russian Hesychasm: The Spirituality of Nil Sorskij* (Paris, 1973) с указанием литературы.

20 *Жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского*: Текст и словоуказатель. Подгот. к изд.: И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Л. А. Захарова, К. Н. Лемешев; под ред. А. С. Герда. СПб., 2003 (Памятники русской агиографической литературы), 86. Об этом житии см. подробнее: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, в 3-х вып. (Далее — СлККДР). Л.: СПб., 1987–2004. Вып. II, ч. 1, 259–262, с указанием литературы.

Как мы видим, агиографический рассказ строится здесь в полном соответствии с тем, что мы бы назвали третьим вариантом развития сценария: святой просит о том, чтобы его тело выволокли в пустое заброшенное место, ученики же, уповая на Бога, нарушают его волю и, совершив отпевание, погребают останки в церкви.

Характерным образом, на Руси в качестве своеобразного локуса поношения, дополнительного аналога «горы», «леса» или «пустыни», указывается болото, место одновременно не только безлюдное и труднодоступное, но и заведомо нечистое, обладающее явно отрицательными семиотическими коннотациями. Точно такую же функцию выполняет болото и в предсмертном распоряжении Григория Пельшемского († 1449 г.), рассказ о кончине которого в целом очень напоминает историю св. Дмитрия Прилуцкого, однако обладает большим числом конкретизирующих деталей:

се му повелѣ пасти стадо христоименитое и заповедав всем учеником своим, егда душа моа от тѣла разлучится, и никоеяже почести грѣшному тѣлесе моему сотворите, но влекуще за носѣ мои и предатие блату и ногами своими попрѣте...²¹.

Здесь мы находим более полный перечень элементов поругания, точно указано, как и в случае с Арсением Великим или митрополитом Константином, что к ногам трупа следует привязать веревку и именно так волочь его прочь с места кончины. Несколько более развернуто, чем в предыдущем примере, представлена здесь и формула поношения — поправление трупа ногами, однако в обоих агиографических текстах при относительной прозрачности семиотического смысла этой процедуры не вполне понятным остается ее, если так можно выразиться, техническое назначение. Очевидно, иными словами, что упоминание о поправлении мертвого тела ногами является частью всей традиции посмертного смирения, и в этом отношении радикальные распоряжения свв. Григория и Дмитрия напрямую перекликаются с более «умеренными» желаниями других подвижников — быть погребенными под порогом церкви или в месте, через которое пролегает путь в храм, дабы все идущие наступали ногами на их могилу. С другой стороны, не исключено, что под затаптыванием тела в болото подразумевается нечто вроде позорного погребения, — останки хоронят, но не в земле, а в нечистом месте, и самый акт погребения совершается не руками, а ногами.

Как бы там ни было, перед нами два очень сходных эпизода, позволяющие думать, что к XVI в. на Руси стал уже вполне привычным образ святого, просящего на смертном одре об уничтожительном погребении, сформировались собственные авторитетные образцы для соответствующих действий и рассказов о них. Еще одной иллюстрацией, свидетельствующей в пользу укоренения подобного рода практики на русской почве может служить, например, житие Александра Свирского († 1533 г.), написанное игуменом Иродионом, где предсмертная просьба свя-

21 *Жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского*, 171–172. О житии: СлККДР, Вып. II, Ч. 1, 254–257.

того в первой своей части почти тождественна пожеланиям Дмитрия Прилуцкого и Григория Пельшемского, а во второй, в той, где святому приходится «уступить» настояниям учеников, перекликается с завещанием Нила Сорского:

и вопросившимъ жъ братамъ святого, да гдѣ его положатъ погребутъ по преставлении его. Онъ же завещавъ имъ, глаголя: брате, мое грѣшное тѣло свяжете по нозѣ и влечете и в дѣбрь блата и во мху покопавше и ногама жъ своимъ да поперете и. Они же глаголюху къ нему: ни, отче, не сотвориве сего, но у Троицы в монастыри да погребен будеш. И пакы жъ глаголя святыи: то аще брате сего не сотворите, то погрѣбете мя у святого и боголепнаго Христова Преображения, иде жъ вся братья кладутся²².

Как нетрудно убедиться, перед нами очередной образчик четвертого варианта развития событий: согласно житию, Александр Свирский еще подробнее, чем Нил, перечисляет элементы интересующей нас наиболее радикальной процедуры оскорбления останков, однако, как и Нил, отказывается от «великого» поношения в пользу своего рода «малого» поношения, отвергая те почести, которые следовало бы, с точки зрения ближайшего окружения, воздать его останкам. Здесь нет упоминания о рве, в который следует бросить тело святого, однако, подобно Нилу Сорскому, Александр хотел быть погребен вне церкви и при своем монастыре.

Перечень всех этих примеров может создать впечатление, что просьба о посмертном поношении в эту эпоху превратилась на Руси в своего рода безликий агиографический штамп. Однако это не совсем так, а об обезличивании здесь, как кажется, говорить и вовсе не следует. В распоряжениях подобного рода, как правило, наличествует индивидуальный выбор — они манифестируют желание принадлежать к совершенно определенной, но отнюдь не универсальной традиции. Для поддержания этой традиции в определенном смысле не так уж важно, кем этот выбор сделан: самим подвижником или его агиографом. Благодаря такому выразительному тексту, как завещание Нила Сорского, у нас не остается сомнений, что подобного рода решения хотя бы иногда формулировались непосредственно самими аскетами, и ни в какой степени не ограничивались сферой виртуально-литературной.

Что же касается тех рассказов, которые мы знаем исключительно в составе агиографических сочинений, то и здесь определенная индивидуальность выбора прослеживается вполне отчетливо. Так, неоднократно отмечалось, что на житие Григория Пельшемского заметно повлиял соответствующий текст, посвященный Дионисию Глушицкому. Однако в том, что касается описания предсмертной воли, житие Дионисия указывает на принадлежность к совершенно иной, куда более распространенной традиции, когда подвижник за много лет до своей смерти приуготовляет себе место упокоения и завещает похоронить себя имен-

22 *Житие Александра Свирского: Текст и словоуказатель*. Подгот. к изд.: И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Л. А. Захарова, К. Н. Лемешев; под ред. А. С. Герда. СПб., 2002 (Памятники русской агиографической литературы), 87–88, 89. Об этом житии см. подробнее: СлККДР, Вып. II, ч. 1, 440–442, с указанием литературы.

но там. В этой своей части житие Григория сближается с житием другого вологодского подвижника — Дмитрия Прилуцкого.

Точно так же житие Александра Свирского, как известно, во многом ориентировано на целый ряд созданных на Руси текстов — жития Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, — однако ни в одном из этих сочинений не обнаруживается просьбы о посмертном поношении останков. Остается предположить, что игумен Иродий, как и неизвестный автор жития Григория Пельшемского, либо доподлинно знал о соответствующих распоряжениях святого перед смертью, либо осознанно стремился включить его в совершенно определенную сферу аскетической практики. По-видимому, традиция поношения останков святого на Руси конца XIV–XVI в., представляла собою все то же тесное переплетение живой преемственности и агиографических образцов, взаимовлияние литературы и действительности, что было ей присуще издревле.

Таким образом, практика уничтожительного погребения на русской почве обрывает собственно местной цепочкой примеров и в отдельных деталях, таких, например, как упоминание болота и топтания ногами, приобретает своего рода местный колорит, не отступая при всем при этом от своих исходных древних образцов. Во всех рассмотренных нами выше текстах так или иначе присутствует эта двойная линия, сочетающая обращение к древним первоисточникам с ориентацией на собственных подвижников и столпов благочестия, но наиболее эксплицитно она проявляется в житии Антония Сийского († 1557 г.), одна из редакций которого принадлежит царевичу Ивану Ивановичу, сыну Грозного.

В этом тексте мы находим своего рода «энциклопедию уничтожительного погребения», где имеется и пространный перечень его возможных элементов, и некоторая сжатая история этой традиции:

Братиям же умилне святого вопросившим, да егда положат честныя мощы его по преставлении его к богу. Блаженный же отвещав к нимъ — да связавше по нозѣ влекут и в дбрь, во мху и в благе потопчите рече грѣшное мое тѣло на растерзание звѣрем и гадом, или на кляпине обѣсите и птицам на снадение или за шею оцепивше в езеро вверзите. Пишет убо в Лествице, яко нещии ученицы вопрошаху старцов своих — но гдѣ убо по преставлению погребут тѣло его? Они же повелѣша себе звѣрем на снадение дати. Тии же яко истиннии чада отцов своих подобное гробу предаша, якож и прочии человецы, и пишет убо и в житии преподобнаго и богоноснаго отца нашего, Александра Свирьскаго, новаго чудотворца — егда убо приближися преставление его и ученикомъ его вопрошающим: да где убо велит положить тѣло свое по преставлении своем? Он же отвеща к ним: многогрешное мое тѣло, акы пса смердяща, за руку и за нозѣ оцепивше, и в болоте ногами своими потопчите. Тии убо яко истиннии ревнители должную любовь яко чада отцелюбцы, достойное над тѣм погребателное сотворшы, яко и прочим подобает святым, они же со многым рыданием глаголаху: ни, отче, не сотворим сего никакож, но у живоначальныя Троица тобою в созданныи обители честно погребем трудолюбныя мощы святыя²³.

23 *Житие Антония Сийского: Текст и словоуказатель.* Подгот. к изд.: И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Д. Г. Демидов, Л. А. Захарова, А. В. Сизиков; под ред. А. С. Герда. СПб.,

Как видно из текста, святой предлагает на выбор несколько уже известных нам из других источников вариантов процедуры поношения останков (труп предписывается выволочь на веревке в лес, потоптав ногами, бросить в болото на растерзание зверям, либо бросить в озеро), добавляя к ним еще один, пока не фигурировавший в приводимых нами текстах, — повесить тело на согнутом дереве («кляпинѣ»), дабы его съели птицы. Здесь же отчетливо прочерчивается и двойная линия преемственности — по отношению к русскому новопрославленному святому, Александру Свирскому, и к древним безымянным подвижникам из Лествицы Иоанна.

Без преувеличения можно сказать, что перед нами своего рода последняя ступень осмысления традиции изнутри, когда все перечислено, объяснено и взвешено, но в самой этой взвешенности ощущаются некоторые признаки заката и излѣта живого обычая на Руси. Воскреснуть вновь во всей полноте он мог бы только при радикальной перестройке культурной ситуации в целом.

Как кажется, на русской почве такая возможность отчасти реализовалась относительно скоро, в эпоху раскола, когда старообрядцы в полной мере ощутили свою связь не столько с чередой мирно почивших русских игуменов, сколько с древними мучениками эпохи гонений. Лишение христианского погребения снова символизирует для них теснейший сплав мученичества и аскезы с явным и вполне понятным «семиотическим перевесом» в пользу образцов мученичества.

Если мы обратимся к одной из челобитной протопопа Аввакума, где обсуждается эта тема, то подобный перевес будет замечен даже из простого соотношения объемов текста — Аввакум очень подробно описывает участь тех, кто был лишен христианских таинств и обречен на позорное погребение гонителями веры, и лишь кратко упоминает о тех, кто лишил себя могилы добровольно, из смирения:

А еже насъ не велишь умерших у церкви погребать, и исповѣди и святыхъ тайнъ лишать в животѣ сушихъ еще коихъ, да Христось насъ не лишитъ благодати своея: Той есть присно с нами и будетъ, надѣемъ бо ся нанъ крѣпко и никто-жь челоувѣкъ смертной и тлѣнной отлучити насъ от Него возможетъ — с нимъ бо стражемъ и умираемъ. А по смерти нашей грѣшная телѣса наша добро такъ, царю, ты приду-малъ со властями своими, что псомъ помѣтати или птицамъ на растерзание отдати. Вѣмы бо, да и ты слышишь по вся дни во церкви, яко святымъ мученикомъ ни единому честнаго погребения не бысть от убивающихъ ихъ или в темницахъ умо-

2003 (=Памятники русской агиографической литературы), 99–100, 101. В данном издании публикуется редакция жития царевича Ивана, сына Ивана Грозного, по списку XVI в. Об этом житии см. подробнее: СлККДР, Вып. II, Ч. 1, 247–248. В другой редакции жития, так называемой редакции Ионы, апелляция святого к авторитетным образцам, примечательным образом, далеко не столь детализирована и не содержит никаких авторитетных имен: «Братиямъ же умилне святаго вопросившим, да гдѣ положат честныя мощи его по преставлении его к Богу. Блаженный же отвѣщавъ к ним, да связавше по нозѣ влекут и в дебрь: «Во мху и в благѣ потопычите, — рече, — грешное мое тѣло на растерзание звѣремъ и гадам, или на кляпинѣ обѣсите и птицам на снѣдение, или за шию оцѣпивше, во озеро верзите». Они же со мнозем рыданием глаголаху: «Ни, отче, не сотворим сего никакоже, но у Живоначальныя Троици тобою созданѣй обители честно погребем трудолюбезныя твоя мощи святыя» (Рыжова Е.А. *Антониево-Сийский монастырь, Житие Антония Сийского (Книжные центры русского Севера)*. Сыктывкар, 2000, 299).

ряющих, но метаху ихъ в безчестныя мѣста и в воду иныхъ, и в ровы, и в калъ, овыхъ же и сожигали мощи, да Христось ихъ нигдѣ не забылъ; такожь и насъ негли не забудеть Надежда наша и купно с первыми собереть кости наша в послѣдний день и оживотворить мертвенная телеса наша Духомъ Святымъ. Нѣсть мы лутши древнихъ мученикъ и исповѣдникъ — добро такъ намъ валятися на земли. *Земли же есть и добровольне себя святии отцы погребати себя не повелѣшиа, великаго ради смирения, да большую мзду восприимут от Христа Бога*²⁴.

Как кажется, преемственность аскетов по отношению к мученикам для Аввакума очевидна, но по понятным причинам он отождествляет себя именно с последними. Рассматривая же распоряжения ранних аскетов как еще один образец для себя и своих сподвижников, Аввакум выделяет в традиции добровольного обречения своих останков на поругание не ту ее составляющую, которая связана с воспроизводимостью, длительной цепочкой преемственности, а, прежде всего ту, что способна вызвать ужас и непонимание очевидцев.

Зримая граница, пролегающая между сочинениями агиографов конца XVI в. и творениями протопопа Аввакума, полностью соответствует границе между разными типами восприятия практики ритуального поношения останков. Если для составителя жития Антония Сийского речь идет, по преимуществу, о некоем акте смирения, остающемся целиком в вербальной сфере и не нарушающем никаких церковных обычаев, то для Аввакума — это прежде всего событие и действие, хотя образцом и стимулом для обоих служат письменные тексты.

*

Итак, на Руси с конца XIV — до конца XVI в. мы несомненно наблюдаем расцвет интересующей нас традиции завещаний подвижников, содержащих просьбу о ритуальном поношении останков, причем, насколько мы можем судить по дошедшим до нас источникам, события развиваются здесь по одному из тех сценариев, когда именно эта воля умершего не находит осуществления. Завещание митрополита Константина, так сказать, задним числом вполне удачно встраивается в этот собственно русский контекст.

Самое существование этого собственно русского извода интересующего нас обычая ставит сразу несколько вопросов, ответы на которые будут неизбежно содержать изрядную долю гипотетических, не всегда доказуемых предположений.

Во-первых, можно ли говорить о непрерывности — с XII по XVI столетие — бытования этой традиции на Руси?

Как кажется, материала для безапелляционных утверждений на этот счет в нашем распоряжении недостаточно. В самом деле, существование лакуны в два с половиной века, когда мы не имеем никаких данных о событиях подобного рода, позволяет думать, что речь идет, скорее, о повторном проникновении этого

обряда на Русь, тем более что никто из известных нам завещателей или их агиографов в XV–XVI вв. не ссылается на поступок митрополита Константина как на авторитетный прецедент для собственного выбора. С другой стороны, общий дефицит наших источников о церковной истории «промежуточного периода» таков, что полностью отвергнуть самую возможность такой практики в это время все же представляется несколько рискованным.

Во-вторых, почему митрополит Константин счел необходимым приобщиться именно к этой ветви аскетической традиции? Можно ли рассматривать его поступок как коммуникативный акт, обращенный не только к Богу, но и хотя бы в какой-то мере к современникам?

Разумеется, возможность культурного диалога подобного рода определяется степенью подготовленности аудитории, а о ней, как уже говорилось, мы знаем весьма и весьма мало. В самом деле, не вызывает сомнений, что Константин, прибывший из Византии образованный грек, сделал свой выбор вполне сознательно. Однако насколько истинный смысл и функциональная нагруженность его просьбы о ритуальном поношении останков были понятны его русскому окружению?

Весьма вероятно, что черниговский епископ Антоний, тоже грек, был не менее митрополита осведомлен об особенностях интересующей нас традиции и именно потому-то и счел нужным, подобно многим своим предшественникам, сначала буквально исполнить последнюю волю умершего, а затем посоветовать князю предать его достойному погребению. Вместе с тем, текст Лаврентьевской летописи допускает и толкование, подразумевающее всеобщую наивность очевидцев, сперва устранившихся проклятия, а потом — содеянного. Строго говоря, подобная амбивалентность в понимании текста обусловлена не только лаконизмом летописного рассказа, но и уже многократно упоминавшейся нами специфической природой обычая как такового. Все, связанное с практикой уничтожительного погребения, с одной стороны, формирует традицию, а с другой, — всякий раз происходит как бы впервые, провоцируя изумление, страх и необходимость выбора у участников ситуации, и все эти чувства и сомнения тщательно фиксируются в письменных источниках.

Однако, помимо всего прочего, можно допустить, что кроме изумленных черниговцев у действий митрополита Константина был еще один адресат, а точнее, группа адресатов. Речь идет о другом опальном митрополите и многолетнем оппоненте Константина, Климе Смолятиче, и его сторонниках. Напомним, что до поставления на митрополию Клим был схимником, т.е. принял великий иноческий образ, летописи приписывают ему выдающуюся книжную образованность²⁵. Как мы знаем из дошедшего до нас послания Клим Смолятича пресвитеру Фоме, он окружал себя людьми, чьи познания позволяли им толковать Священное Писание и демонстрировать риторическую выучку, вполне отвечающую (по крайней мере, на его взгляд) неким нормам византийской образован-

25 Ср.: *ПСРЛ* 2: 340.

ности. Таким образом, Клим Смолятич и близкие ему люди с большой вероятностью могли оценить по достоинству завещание Константина²⁶.

Более того, из текста послания Фоме мы можем судить, как переживший Константина Клим мыслил себе свое собственное погребение. Стремясь продемонстрировать смирение и нестяжательство, он действовал в чем-то прямо противоположным Константину (хотя и не менее традиционным) образом, а именно — *заранее* приготовил себе место посмертного упокоения, которое мог лицезреть каждый и которое ежедневно видел сам Клим, идя в церковь²⁷.

Разумеется, в этом реконструируемом «диалоге» двух иерархов есть немало умозрительного, однако для нас весьма существенно, что мы располагаем вполне определенными сведениями (а это само по себе для той эпохи большая редкость) о том, какую участь готовили своим останкам два враждовавших митрополита, и что их волеизъявления столь наглядно контрастируют друг с другом.

Об еще одном аспекте бытования интересующей нас традиции на Руси, как кажется, можно говорить с большей определенностью. Каково бы ни было восприятие современников, у нас есть основания утверждать, что в свое время сложилось некое единое семиотическое пространство, в которое вовлечены как митрополит XII в., так и поздние русские святые, просившие о небрежении их останками, и «реплика» Константина была услышана и оценена потомками.

Как известно, митрополит Константин был причислен церковью к лику святых. Точная дата его официальной канонизации не установлена, однако очевидно, что она состоялась достаточно поздно, не ранее второй половины XVI в. Высказывались предположения, что акту канонизации предшествовала его местное почитание, но никаких положительных свидетельств о существовании этого местного культа уже в домонгольское время у нас нет²⁸. Древнейшие летописи, как мы помним, не содержат решительно никаких известий о почитании этого митрополита, в рассказе о его смерти ничего не говорится о нетленности тела или посмертных чудесах, мы не находим здесь даже похвального слова усопшему иерарху (см. Приложение). Как и когда в упоминания о Константине проникают явные элементы агиографического рассказа?

Примечательным образом, развитие житийных мотивов в летописных источниках хронологически совпадает с постепенным разрастанием и разработкой в русской агиографии темы просьбы святого об уничижительном погребении. Так, в Московском летописном своде конца XV в. и в Воскресенской летописи (см. Приложение) появляется вставной рассказ о чудесах и знамениях, связанных с кончиной митрополита, который следует за довольно точно соответствующей Лаврентьевской летописи историей кончины, поношения останков и пог-

26 Ср.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Кирилло-мефодиевский след в поставлении на митрополию Климента Смолятича (1147 г.). *Miscellanea Slavica: Сборник к 70-летию Бориса Андреевича Успенского* (Труды по филологии и истории). Сост. Ф. Б. Успенский. М., 2008, 130–149.

27 Никольский Н. *О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века*. СПб., 1892, 104; ср.: *Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме: Неизданный памятник литературы XII в.* Сообщение Х. Лопарева. СПб., 1892, 14.

28 Голубинский Е.Е. *История канонизации святых в русской церкви*. М., 1903, 139.

ребения. Характерно, что знамения эти предельно гиперболизированы: в Киеве одновременно случаются солнечное затмение, буря, сломавшая княжеский шатер, землетрясение и гроза, убившая семь человек, в том числе трех клириков; в Чернигове же все эти три дня сияет солнце, а над непогребенным телом Константина стоят три огненных столпа.

Иными словами, вновь создаваемая версия летописного рассказа снабжается уже хорошо знакомым нам по другим источникам топосом, историей о чуде, определяющем правильность / неправильность обращения с останками покойного. Повествование здесь зримым образом распадается на две части — старую и новую. Правда, и в относительно лаконичный рассказ о самом погребении, унаследованный из древнейшего летописания, уже вводится специальное указание на нетленность и невредимость тела, пролежавшего три дня за стенами города, — указание, отсутствующее в летописи Лаврентьевской.

Апогея эта демонстрация святости митрополита и неправоты князя Ростислава достигает в Никоновской летописи, составленной в XVI в. (см. Приложение). В этом тексте также легко вычлениаются добавленные части, однако они образуют здесь своего рода рамку, в которой прославление Константина обрастает многими деталями, цитатами и реминисценциями и не только заключает рассказ о его предсмертном распоряжении и смерти в Чернигове, но и предвворяет его.

Практически не вызывает сомнений, что эта нарастающая тенденция к прославлению Константина в хронографических текстах конца XV–XVI столетия вызвана новым прочтением, своеобразным узнаванием древнего рассказа о его кончине и предсмертной просьбе. Иначе говоря, для летописца того времени был весьма актуален образ святого, который, будучи при жизни духовным наставником (будь то игумен или митрополит), обращается перед смертью к своему ближайшему окружению с такими же просьбами и заветами. Известно летописцам было и то, что такие завещания святого благочестивые люди считали должным не исполнять. Таким образом, древнее свидетельство о митрополите Константине составители поздних летописей воспринимали не иначе как рассказ о еще одном русском святом и украшали его приличествующими добавлениями.

Рискнем даже предположить, что и самая канонизация митрополита была обусловлена во многом все тем же «актом узнавания». В самом деле, к концу XV в. почитание св. Дмитрия Прилуцкого явным образом превращается из местного в общерусское, соборами 1547–1549 гг. официально канонизированы Александр Свирский и Григорий Пельшемский, а в 1579 г. общерусским святым признан Антоний Сийский²⁹. Иначе говоря, именно в эту пору расцвет агиографической линии, содержащей просьбу об уничтожительном погребении, поддерживается всем канонизационным процессом, и, возможно, именно потому в этот процесс вовлекается фигура грека, скончавшегося на Руси в XII в. Напомним, что Константин, в сущности, был единственным митрополитом этого столетия, привлечшим к себе внимание канонизаторов, и это при том, что он не принял мученической кончины, не известен (в отличие от Кирилла Туровс-

29 Голубинский Е.Е. *История канонизации святых в русской церкви*, 73, 100, 104, 117.

кого, например) никакими своими сочинениями и все события его жизни описываются крайне отрывочно и отнюдь не в агиографическом ключе. Создается устойчивое впечатление, что едва ли не единственным залогом его святости (помимо появляющихся в поздних текстах чудес) оказываются его предсмертные распоряжения и самый характер исполнения их черниговцами. Можно сказать, что и поздние летописцы, и канонизаторы опознали в древнем свидетельстве рассказ о еще одном русском святом, и именно этому вторичному акту узнавания спровоцировано как усиление житийного начала в поздних текстах, так и сам факт канонизации Константина.

Вся эта совокупность данных в определенной степени подталкивает нас к выводу о том, что канонизация Константина произошла не только не ранее второй половины XVI в., но — с большой вероятностью — и не позднее этого времени, так как в дальнейшем внимание агиографов и канонизаторов к традиции уничтожительного погребения явным образом ослабевает, и летописный рассказ о кончине митрополита неизбежно потерял бы в их глазах немалую толику своей прозрачности, выразительности и злободневности.

Приложение

Летописные свидетельства о смерти Константина

Лаврентьевская летопись: В то же лѣтѣ . преставис^а митрополитъ Кыевскыи . Костантинъ Черниговъ . бѣ бо в то время выѣбгль ис Кыева . Мстислава [дѣла] Изаславича . бы^е же и смѣртъ его сица . яко ѡмираючи ему призва к собѣ епѣпа Черниговского . Антонья . заклатъ и гла сице . яко по ѡмертвии мое^и не погребешъ тѣла моего . но ѡжемь поверзше за нозѣ мои . извлечѣте ма из града . и поверзѣте ма псомъ . на расхытанье . по оумертвии же его епѣпъ то все створи повелѣнаа юму имь . народи же вси дивишаса ѡ смѣрти его . на оутрии же днѣ Стославъ князь . здумава с мужи своими . и съ епѣпомъ . взявше тѣло его и похорониша в цркви оу ста^ѣ Спса Черниговъ (ПСРЛ I: 349).

Воскресенская летопись / Московский летописный свод конца XV в.: Митрополиту же Костянтину тогда сушу въ Черниговѣ, бѣжавшу ему Мстислава Изяславича, въ то же время тамо и разболѣся; и увѣдѣвъ же преставленіе свое и написавъ грамоту за печатію, и призва къ себѣ епископа Черниговского Антонія, и дасть ему грамоту и заклатъ его именемъ Божиимъ, яко да по преставлении его сотворитъ то все, иже въ грамотѣ той написа. Егда же преставися, и возьмъ епископъ грамоту данную ему митрополитомъ, и иде ко князю Святославу Олговичю и отрѣшь печать и прочте ю, и обрѣте въ ней страшную вещь, яко “по умертвии моемъ не погребите тѣла моего, но поврѣгше его на землю и поцѣплше ужемъ за нозѣ и извлекше изъ града, поврѣзите на ономъ мѣстѣ”, имя нарекъ ему, “псомъ на расхищение”. Диви же ся тому много князь и епископъ, таже сотвори епископъ повелѣнное ему, и поверже на урочномъ мѣстѣ тѣло его; народи же вси дивишася о смерти его. И лежа

внѣ града тѣло его 3 дни; потомъ же Святославъ князь о вещи сей страхомъ велиемъ и ужасию одержимъ бѣ, и убоявся суда Божия, и повелѣ въ 3-й день взяти тѣло его, и повелѣ везти во градъ съ великою честью; не прикосну же ся въ тѣи дни ничтоже тѣлу тому, но цѣло невредимо бысть ничимъ же; и внесше и во градъ, положиша у святаго Спаса, идѣже Игорь лежитъ Ярославичъ, в теремци. Въ сия же 3 дни въ Киевѣ солнце помрачися и буря зѣлна бѣ, и яко земли трястися, и молнии блистаней не можаху человекци трѣпѣти, и грому силну бывшу, яко единѣмъ шибаниемъ зарази 7 человекъ, дву поповъ да диакона и 4 простъци. А Ростиславу же тогда стоящу у Вышегорода на поли, и полома буря о немъ шатерь его; Ростиславъ же наполнився страха Божия и воспомяну смерть митрополичю, возвѣщено бо бѣ ему преже того Святославомъ Ольговичемъ, и посла ко святѣй Софии, и повелѣ и по всѣмъ церквамъ, да творять стояние обѣ ночь въ церквахъ. Се бо грѣхъ ради нашихъ посла Богъ на насъ казнь сию. Сия же страшная вся въ Киеве быша, а въ Черниговѣ по вся 3 дни солнцу сияющу, а въ нощи видяху надъ тѣломъ его 3 столпы огнены до небеси; егда же погребено бысть тѣло его, и тогда бысть тишина повсюду (ПСРЛ VII: 70–71, ПСРЛ XXV: 66–67).

Никоновская летопись: Преставися Костянтинъ митрополитъ Киевский и всея Руси во градъ въ Черниговѣ, понеже бѣжалъ бѣ изъ Киева отъ князя Мстислава Изяславича злобы его ради на нь, и не хотя съ нимъ въ молвѣ и въ смущении быти, и сиче избѣжа изъ града, по заповѣди Христовѣ, еже глаголетъ въ евангелии своемъ: аще гонять васъ во градъ семь, бѣгайте въ другий; не хошеть бо насъ Христосъ Богъ нашъ предаатися намъ самѣмъ себя въ напасти. Рече бо: внемлите себѣ, предаять бо васъ на сонмы, и на соборишехъ ихъ биени будете; предаять убо, глаголетъ, а не сами себя предадите; и ко владыкамъ и царемъ ведени будете, а не сами себе приведете; будете убо, рече, мудри яко змиа и цѣли яко голубие. Еже бо супротивъ брань на брань воздвизати, и жесточяти, и сверѣпѣти и въ ярость приводити, и сиче убо бѣдныа и смертоносныа дѣла совершаются; но сиче убо тихостию, и кротостию, и увѣщательными и сладкими словесы, и всяческимъ мудрованиемъ утоляти гневъ и ярость, аще удобно есть; аще ли неподобно есть сиче, бѣгати подобаеть по заповѣди Христовѣ, да не множайшихъ человекъ смертей виновни будемъ. И сиче мудролюбезно избѣгше, яко птица отъ ловящихъ избавльшеся и яко серна отъ тенета избѣгши, утоляти гнѣвъ и ярость въ себѣ на обидящихъ насъ, понеже гнѣвъ мужу правды Божия не содѣваетъ, и не себе, рече, отмщающе, возлюблении, но дадите мѣсто гнѣву; ярость бо въ нѣдрахъ безумныхъ водворится, и мужъ яръ не благообразенъ, и чясець ярости его падение ему. Не противитися убо злу заповѣда намъ Господь Богъ; и апостоль глаголетъ: гнѣвайтесь и не согрѣшайте, и солнце да не заидеть во гнѣвъ вашемъ, и всяка горестъ, и ярость, и гнѣвъ и вопль да отъимется отъ вас со всякою злобою; гнѣвъ бо и ярость велиа содѣваетъ злая, сиче же и зависть и лукавство. Тѣмъ же потребно есть бѣгати, и внимати себѣ, и бѣдѣти и молитися, да не внидемъ во искушение. Сиче же и великий апостоль Христовъ Павелъ изъ града Дамаска въ кошницѣ спущень бысть по стѣнѣ вх нощи, и избѣжа рукъ ищущихъ его яти. Сиче же и друзии отъ апостоль и мнози отъ святыхъ отецъ не

вдаша сами себя въ напасти, но любомудриемъ о Господи бѣжаша отъ ловящихъ ихъ. Сиде убо всемогий Господь насъ наказа, самъ отъ Ирода тѣлесне бѣжа, да и мы смиренни наказуемъ не презорствомъ и гордостію взиматися, ни самѣмъ себя вметати въ напасти. Сиде убо и сей пресвященный Константинъ митрополитъ Киевский и всеа Руси по заповѣдѣ Христовѣ избѣжа, и даде мѣсто ярости, и моляшеся о нихъ, глаголя сиде: «Господи не постави имъ грѣха сего». Бысть же убо сиде преставление его: разумѣвъ убо себя, яко преставление ему прииде на оно житіе ко Господу, и призва Антоніа, епископа Чръниговскаго, и глагола ему зъ запрещениемъ сиде: «по умертвїи убо моемъ, о епископе, ни самъ погреби, никому же даждь погresti тѣла моего, но ужемъ повезше за нозѣ мои извлекѣте изъ града, и поврзите псомъ на снѣденіе и птицамъ на разхищение». И сиде убо по смерти его Антоній епископъ Чръниговский сотвори тако. Князь велики же Чръниговский Святославъ Олговичъ и вси князи и бояре его удившася и ужасошася о пречюднѣмъ дѣлѣ его и смиреннїи многомъ. И наутрие князь велики Святославъ Олговичъ со Антоніемъ епископомъ своимъ Чръниговскимъ, и со князи, и зъ бояры и со множествомъ много народовъ собравшеся, и шедше за градъ со страхомъ и трепетомъ, и съ великою честию взяша тѣло его, много благоуханїа испущающе, и внесше во градъ положиша его во святѣй церкви въ Спасѣ въ Черниговѣ. Тогда же убо бысть во градѣ Киевѣ знаменїе страшно зѣло въ день преставленїа его, и еже за градомъ лежаше, и въ четвертый день положенъ бысть во гробѣ въ церкви святаго Спаса въ Черниговѣ, и въ тѣ во всѣ четыре дни въ Киевѣ возста знаменїа страшна, яко не видѣти солнечныхъ лучъ, но бысть тма, точию молнїамъ блистающимъ, и громная шибенїа и тресканиа страшна зѣло, и вѣтри, и бури и вихри силни зѣло, и многи храмины отъ основанїа преложи, и дворъ княжъ разби, и многихъ человекъ изби. Князю же Изяславу Мстиславичю тогда сущу во градѣ Киевѣ, во многоъ страхъ и трепеть впаде, и услыша, яко Константинъ митрополитъ Киевский и всеа Руси во градѣ Чръниговѣ преставися, и уразумѣ, яко злобы его ради, еже сотвори къ святителю Божию, и начятъ исповѣдатися и каятися о зломыслии своемъ, и сотвори обнощное стоанїе во святѣй церкви со множествомъ народа, и раздаде милостыню многу, и нищихъ и алчныхъ напита, и свѣтло и духовно сотвори празднованїе, и тако уставися. Во градѣ же Чръниговѣ бысть в тѣ четыре дни ведро, и воздухъ благорастворенъ, и кротко, и тихо, и свѣтлость велиа зѣло (ПСРЛ IX: 214–215).

Martin Dimnik

Ryurik Rostislavich (d. 1208?): the Unsung Champion of the Rostislavichi*

Introduction

During the second half of the twelfth century, the Rostislavichi of Smolensk, descended from Vladimir Monomakh's grandson Rostislav Mstislavich (d. 1167), became one of the most powerful dynasties in Rus'. They emerged as successful contenders for the throne of Kiev against their cousins the Yur'evichi of Suzdalia descended from Yury Dolgorukiy, against their cousins the Izyaslavichi of Volyn' descended from Izyaslav Mstislavich, and rivals of the Ol'govichi of Chernigov descended from Oleg Svyatoslavich.¹ One of the most active champions of the Rostislavichi fortunes, whose political career the chroniclers record for some fifty years, was Rostislav's son Ryurik. His career, however, was one of political turmoil.

In the light of his successes and failures he was a controversial figure for both chroniclers and historians who have conflicting views concerning his political importance. They disagree as to just how successful a ruler he was. According to Tatishchev who cites an unidentified chronicler

...he ruled for 37 years. Four times he was driven out [of Kiev], and he was tonsured, suffering much at the hands of his son-in-law [Roman Mstislavich]. He had no peace from any direction, for he himself was much addicted to drink and was manipulated by women (*zhenami vodim be*); he paid little attention to the ruling of the land, and his administrators (*tiuny*) did much evil. For this reason the Kievans had little love for him.²

* I wish to acknowledge that I have drawn upon material from Martin Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 2003, published by Cambridge University Press, and reproduced with permission. I have expanded and modified a number of the observations and conclusions concerning Ryurik Rostislavich's career expressed in that work.

1 For the various dynasties, see N. de Baumgarten, *Généalogies des branches régnantes des Rurikides du XIIIe au XVIe siècle*, *Orientalia Christiana*, vol. 35, nr. 94 (Rome, 1934), V, 27, 16, 23; and IV, 4.

2 V. N. Tatishchev, *Istoriya Rossiyskaya*, (abbreviated Tat.) 7 vols. (Moscow [abbreviated M.] — Leningrad [abbreviated L.], 1962–68), Tat. 4, 341; Tat. 3, 184–185; J. Fennell, *The Crisis of Medieval Russia 1200–1304* (London and New York, 1983), 34.

It has been pointed out that this description was composed by a Galician-Volynian or Kievan chronicler who was sympathetic to Roman Mstislavich.³

Under the year 1199 the *Ipat'evskaya letopis* gives us a different description of Rurik. Igumen Moisey of the Vidubitskiy monastery, most likely writing in the chronicle that Rurik himself had commissioned, records with great enthusiasm an encomium (*pokhvala*) to Rurik on the occasion of the completion of the supporting wall below the church of St. Michael in the monastery. Moisey explains that since the church was built by Vsevolod Yaroslavich (d. 1093), four generations of princes ruled Kiev, but not one of them had as much love for the church as Rurik in the fifth generation. Only Christ loving Rurik with the goodwill of God completed the wall. Rurik demonstrated goodwill towards monasteries and to all the churches, and love for their buildings.⁴ Igumen Moisey also calls Rurik 'tsar' and dignifies his principality by calling it an autocratic state known not only in the lands of Rus' but also in distant lands beyond the sea, and to the ends of the universe.⁵

Historians also have favourable appraisals of Rurik's career. According to one, Rostislav's sons, David, Rurik and Mstislav "distinguished themselves with ambition and bravery."⁶ Others observe that Roman Mstislavich and Rurik Rostislavich were the last outstanding figures in the list of twelfth-thirteenth century princes in Rus'.⁷ Finally, another historian claims that with his success in Kiev Rurik set the foundation for Rostislavichi dominance in Rus'.⁸ Surprisingly, despite these positive appraisals of Rurik's career, he has been largely ignored by historians in that no comprehensive examination of his political career has been written.

Just as Tatishchev's chronicle source is biased in favour of Roman, so Igumen Moisey is biased in favour of Rurik. Therefore, neither can be taken at face value. Which view is closer to the truth? Let us first point out that there is no chronicle evidence that will help us to determine if Rurik was much addicted to drink, if he was manipulated by women, and if his administrators did much evil. The purpose of this investigation is to examine the available chronicle information concerning his political career and to determine insofar as it is possible his goals, his achievements, and his failures.

Rurik's Early Years

The chroniclers fail to record the date of Rurik's birth. According to the first chronicle reference made to him under the year 1157, however, we are told that in that year he participated on a campaign.⁹ To be old enough to take part on a military

3 B. A. Rybakov, *Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv.* (M., 1982), 496.

4 *PSRL* 2: 708–711; P. P. Tolochko, *Russkie letopisi i letopistsy X–XIII vv.* (Sankt–Peterburg, 2003), 140.

5 *PSRL* 2: 713; Rybakov, *Kievskaya Rus'*, 494; P. P. Tolochko, *Drevnyaya Rus'* (Kiev, 1987), 149–150.

6 D. Ilovayskiy, *Istoriya Rossii, chast' pervaya, Kievskiy period* (M., 1876), 249.

7 Rybakov, *Kievskaya Rus'*, 496; A. V. Emmausskiy, *Mstislav Udaloy* (Kirov, 1998), p. 142.

8 Fennell, *The Crisis*, 22.

9 See under the year 1158: *PSRL* 2: 491; "Gustinskaya letopis'," (abbreviated Gust.) *PSRL* 2 (SPb., 1843), 305; "Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka," *PSRL* 25 (M.– L., 1949), 63; for the correct date, see N. G. Berezikov, *Khronologiya russkogo letopisaniya* (M., 1963), 168–170.

expedition he must have been at least a teenager. Consequently, he would have been born around 1140 at the latest. He was one of Rostislav Mstislavich's five sons.¹⁰ Since the chroniclers do not report the births of any of the sons, the silence of the sources has created controversy among historians concerning Ryurik's place in the genealogical order of Rostislav's sons. In the light of future political rivalries for Kiev, however, it is important that his genealogical status in the family be accurately established.

There is no doubt that Roman was the eldest of Rostislav's sons. A number of historians claim that Svyatoslav was the next in seniority,¹¹ others consider him to be the second youngest,¹² while others omit him from the family tree altogether.¹³ Since he died in 1170,¹⁴ that is, before Ryurik became involved in the rivalries for Kiev, Svyatoslav's rank in the family tree is not important to our investigation. It is generally agreed that the youngest of Rostislav's sons was Mstislav. The most important genealogical relationship for our investigation is the one that existed between Ryurik and David. Many historians claim that David was the senior of the two.¹⁵ A smaller number holds that Ryurik was the elder brother.¹⁶ During the course of our investigation circumstantial evidence will show that Ryurik was older than David and this is the genealogical order that we will adopt.

In 1162, according to the chronicles, Rostislav Mstislavich brought the Polovtsian princess Belukovna as wife for Ryurik.¹⁷ The couple evidently had no children and, to judge from the silence of the sources, she seemingly died not long after from unexplained causes, perhaps in childbirth. To judge from the information that at a later date two princes of Turov are called Ryurik's brothers-in-law,¹⁸ he married a princess of Turov, named Anna, at an undisclosed date.¹⁹ Anna gave birth to two sons and four daughters. The order of seniority of the girls is not reported but concerning the sons we know that Rostislav was older than Vladimir. The former was born in 1072 and the latter in 1187, fifteen years later.²⁰ From the date of Rostislav's birth we know that Ryurik married Anna before 1072.

10 Baumgarten, *Généalogies*, IX, 6. As we shall see, Ryurik was most likely older than David. According to Berezhkov David was probably born in 1141/2 (*Khronologiya*, 208.) If this date is correct, Ryurik would have been born in 1140 at the latest.

11 See, for example, Baumgarten, *Généalogies*, IX, 3.

12 See P. V. Golubovskiy, *Istoriya Smolenskoy zemli* (Kiev, 1895), 203.

13 See, for example, Fennell, *The Crisis*, 177.

14 See under the year 1172: *PSRL* 2: 550; O. M. Rapov, *Knyazheskie vladenyia na Rusi v X-pervoy polovine XIII v.* (M., 1977), 161; M. Hrushevs'kyi, *Istoriia Ukrainy-Rusy*, vol. 2, XI–XIII vik (Kyiv, 1992), 594, Table 7; for the correct date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 159.

15 Baumgarten, *Généalogies*, IX, 4; Fennell, *The Crisis*, 177; Rapov, *Knyazheskie vladenyia*, 159–160; M. Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246* (Cambridge, 2003), 396.

16 Tat. 4, 271; Tat. 3, 83; Golubovskiy, *Istoriya Smolenskoy zemli*, 203; Hrushevs'kyi, *Istoriia Ukrainy-Rusy*, vol. 2, 594, Table 7.

17 *PSRL* 2: 521–522; Gust, 307; *PSRL* 25: 72. For the correct date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 157–158.

18 In 1190 Ryurik's brother-in-law (*shurin*) Svyatopolk Yur'evich of Turov died (*PSRL* 2: 665; Gust., 322), and five years later his brother Gleb Yur'evich of Turov died. (*PSRL* 2: 694).

19 Concerning her name, see under the year 1199: *PSRL* 2: 710; Baumgarten, *Généalogies*, IX 6.

20 For Rostislav, see *PSRL* 2: 567; for Vladimir, see *PSRL* 2: 657–658. Baumgarten, *Généalogies*, IX, 18–23. According to one view Ryurik had a third son named Svyatoslav (Emmausskiy, *Mstislav Udaloy*, p. 143).

The chronicles tell us little about Rurik's career before the early 1170s when he became involved in the rivalry for Kiev. Up until then he is mentioned a number of times as a participant in military campaigns. Nevertheless, even though he is referred to only in passing, we learn useful details about his career and genealogy.

As already noted, the chronicles refer to him for the first time under 1157 when Izyaslav Davidovich campaigned against Yury Yaroslavich of Turov. We are told that Rurik with Smolensk troops accompanied Izyaslav's attacking force.²¹ The news that Rostislav of Smolensk assigned his son Rurik to command his troops implies that Rurik held a position of genealogical seniority among the Rostislavichi brothers even though, as we have seen, he was probably still a teenager. His seniority is supported by news the chronicler gives two years later. In 1159, Rostislav sent Roman and Rurik to help Rogvolod Borisovich of Polotsk wage war against Minsk.²² The information that Rurik accompanied his eldest brother Roman suggests that Rurik was next in genealogical seniority and that their remaining brothers were still too young to participate in military encounters.

In a number of instances Rurik is the only son who is reported assisting his father or his father's allies in their battles. Rostislav's choice of Rurik as his companion or representative on campaigns speaks in support of Rurik's military prowess. Thus under the same year (1159) a number of chronicles report that Rurik helped Svyatoslav of Chernigov fight against Izyaslav Davidovich and the Polovtsy.²³ In the following year, after Rostislav became prince of Kiev, we learn that Rurik came to help his father fight against Izyaslav Davidovich.²⁴

In 1162, Rostislav faced insubordination from his younger brother Vladimir Mstislavich who seized the town of Sluchesk. Rostislav called upon Rurik's leadership talents once again to command an alliance of princes from Turov, Chernigov, and Polotsk to evict Vladimir Mstislavich from the town. On seeing the large size of the attacking force Vladimir sued for peace and withdrew to his brother in Kiev.²⁵ Rurik's leadership qualities are emphasized again under the same year when he, evidently commanding the troops of the Kievan towns and friendly tribesmen, joined Mstislav Izyaslavich of Volodimir against Izyaslav Davidovich.²⁶ Thus his reputation as a military commander was evidently well established despite the fact that in 1162 he was still a young prince, perhaps some twenty years of age. We also learn that, in 1160 and 1162, when Rurik campaigned against Izyaslav Davidovich, he came from Torchesk, a southern outpost of Kiev, which was his domain at that time.

In 1167 Rostislav summoned all his allies to take up positions at Kanev to preempt Polovtsian attacks. The chronicles give the names of either three or two Rostislavichi who answered their father's summons. These were either 'Rurik, David, and Msti-

21 *PSRL* 25: 63; under the year 1158: *PSRL* 2: 491; Gust., 305.

22 *PSRL* 2: 496; Gust., 305.

23 *PSRL* 25: 67–68; "Lavrent'evskaya letopis'," *PSRL* 1, 2nd ed. (L., 1926), cols. 349–350; under the year 1160: *PSRL* 2: 505–507, 509; Gust., 306 and others.

24 *PSRL* 25: 70; "Ermolinskaya letopis'," *PSRL* 23 (SPb., 1910), 44; and others.

25 *PSRL* 2: 521; Gust., 307; *PSRL* 25: 72.

26 *PSRL* 2: 517–518.

slav' or 'Ryurik and David'.²⁷ As was the chroniclers' practice, the princes are listed in their genealogical order of seniority. Thus Ryurik was the eldest of the princes named. At that time their eldest brother Roman was prince of the more distant Smolensk and was not expected to participate in the campaign.

At the beginning of 1168 Mstislav Izyaslavich of Kiev summoned the princes of Rus' to join him on a campaign against the Polovtsy. We are told that the Rostislavichi were represented by Ryurik who came from his domain of Vruchiy.²⁸ According to this information, in 1168, the year after Rostislav's death, the chronicles report for the first time that Ryurik was the prince of Vruchiy. Although the sources refer to Vruchiy as Ryurik's domain they do not identify it as his patrimony. Nevertheless, there is chronicle evidence confirming that by the time of his father's death Vruchiy was Ryurik's patrimony.²⁹ After 1168, until his death which, as we shall see, probably occurred in 1208, he is reported visiting Vruchiy on at least seven occasions (1187, 1190, 1193, 1195, 1202, 1206, 1207) to look after the administration of his domain.³⁰ Significantly, no other prince is reported ruling the town during Ryurik's lifetime. This is strong testimony in support of the view that Vruchiy was his patrimony.

The chronicles do not inform us when Rostislav allocated Vruchiy to Ryurik but it may be possible to suggest a probable date. In 1162, as noted above, Ryurik was prince of Torchesk.³¹ Later in the same year, however, his younger brother David seized control of the town against his father's wishes, therewith displacing Ryurik.³² Moreover, in the same year Rostislav gave Belgorod to his youngest son Mstislav, presumably as his patrimony.³³ Ryurik however was older than Mstislav so it is logical to assume that Rostislav had given him a domain earlier or about at the same time. Nevertheless, since the chronicler reports that Rostislav returned Torchesk to his nephew Mstislav Izyaslavich in 1163,³⁴ this means that Ryurik was no longer prince of Torchesk in that year. We have already noted that in 1162 Rostislav had Ryurik marry a Polovtsian princess.³⁵ It is highly likely therefore, although the chronicles do not confirm it, that Rostislav allotted Vruchiy to Ryurik at the time of his marriage.

In 1167 Rostislav died.³⁶ After his death his nephew Mstislav Izyaslavich occupied Kiev rather than Rostislav's brother Vladimir Mstislavich who had a prior claim.³⁷ Mstislav's arrogant conduct, however, angered many of the princes and the boyars. In the winter of 1168 therefore, Andrey Bogolyubskiy of Suzdalia organized a coalition of princes to attack Kiev. It drove out Mstislav and pillaged the town. Although

27 See under the year 1168: *PSRL* 2: 527–528; Gust., 308; see under 1167: *PSRL* 25: 74; for the correct date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 159. This order of seniority is repeated elsewhere, see for example, *PSRL* 2: 532–533, 541; *PSRL* 25: 75.

28 Under the year 1170: *PSRL* 2: 541. For the correct date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 159.

29 See for example, *PSRL* 2: 543, 547, 657, 669.

30 *PSRL* 2: 657, 669, 678, 690; *PSRL* 25: 100, 105, 106.

31 *PSRL* 2: 517.

32 *PSRL* 2: 519.

33 *PSRL* 2: 519.

34 *PSRL* 2: 521.

35 *PSRL* 2: 521–522.

36 *PSRL* 2: 532.

37 See under the year 1168: *PSRL* 25: 75–76; and under the year 1169: Gust., 309.

Ryurik and David initially supported Mstislav, they later joined Andrey's coalition. After the campaign, on 8 March 1169, Gleb Yur'evich, Andrey's younger brother, sat on the throne of Kiev.³⁸ In the following year the Rostislavichi buttressed their alliance with the Yur'evichi. We are told that Ryurik, David, and Mstislav joined Gleb on a campaign against Vasil'ko Yaropolchich, the nephew of Mstislav Izyaslavich.³⁹

On 19 August 1170 Mstislav Izyaslavich fell ill, died, and was buried in Vladimir in Volyn'.⁴⁰ Following his death, the Novgorodians expelled his son Roman and invited Andrey Bogolyubskiy, who now became the most powerful prince in the land, to be prince of Novgorod. Instead of occupying it in person or sending one of his sons, however, he appointed Ryurik Rostislavich to the town. Thus, on 4 October 1170 Ryurik occupied Novgorod.⁴¹ This appointment shows that Andrey cultivated amicable relations with the Rostislavichi and by appointing Ryurik as his lieutenant he ingratiated himself with the Rostislavichi even further. We know almost nothing about Ryurik's rule in Novgorod. The only information that the chronicles give us comes from under the year 1171 which tells us that Ryurik deposed Posadnik Zhiroslav from office.⁴²

By deposing Zhiroslav we see that Ryurik took active measures in the administration of the town but his eviction of the posadnik was probably unpopular with Andrey. Zhiroslav was Andrey's appointee and leader of the pro-Suzdalian faction. This is confirmed by the news that after Ryurik deposed him he fled to Andrey in Suzdal'. Furthermore, after Ryurik vacated Novgorod in the winter of 1171–72, Andrey reappointed Zhiroslav as posadnik.⁴³ When he antagonized Andrey Ryurik must have also alienated the pro-Suzdalian faction in Novgorod. This is suggested by the news that, according to a number of accounts, Ryurik 'fled' from Novgorod in the winter of 1171–72 and Andrey sent his son Yury to Novgorod as prince.⁴⁴ The chroniclers do not explain why Ryurik fled but it has been suggested that he was not reconciled with the Novgorodians.⁴⁵ The disgruntled townspeople must have been the pro-Suzdalian faction. This, Ryurik's only sojourn in Novgorod, was not a major episode in his political career. It was important, however, in that it was his first major administrative appointment. With that, it appears, he became a major player in the politics of Rus'. It also had special significance for his family. In 1172, while Ryurik was fleeing from Novgorod with his wife their first son Rostislav was born.⁴⁶

38 *PSRL* 1: 354–355; *PSRL* 25: 77–79; *PSRL* 2: 540–546.

39 *PSRL* 2: 550; Gust., 312.

40 See under the year 1172: *PSRL* 2: 559. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 183–184.

41 *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov* (abbreviated NPL), edited by A. N. Nasonov, (M.–L., 1950), 33, 221–222; see under the year 1171: *PSRL* 25: 82; under the year 1173: *PSRL* 2: 562; Gust., 313.

42 NPL, 34, 222.

43 NPL, 34, 222. Yu. A. Limonov, *Vladimiro-Suzdal'skaya Rus'* (L., 1987), 69. Ryurik ruled Novgorod from 4 October 1170 until the winter of 1171/1172, for about a year and a half (V. L. Yanin, *Aktovye pechati Drevney Rusi X–XV vv.*, vol. 1, *Pechati X-nachala XIII v.* [M., 1970], 115).

44 See under the year 1172: NPL, 34, 222; under the year 1173: *PSRL* 2: 566–567; under the year 1174: *PSRL* 25: 83; *PSRL* 1: 365.

45 Ilovayskiy, *Istoriya Rossii*, 256; Hrushevs'kyi, *Istoriia Ukrainy-Rusy*, vol. 2, 199.

46 See under the year 1173: *PSRL* 2: 566–567.

Kiev in the 1170s

On 20 January 1171 Gleb Yur'evich of Kiev died.⁴⁷ For the next half decade Kiev witnessed turbulent times as its princes came and went because Andrey Bogolyubskiy failed to successfully place a puppet on its throne. After Gleb's death he appointed Ryurik's eldest brother Roman to Kiev.⁴⁸ In 1173, however, Andrey and the Rostislavichi had a falling out. Convinced that the Kievans had poisoned his brother Gleb, Andrey insisted that Roman apprehend the culprits who had committed the deed and send them to him. When Roman and his brothers refused to comply with Andrey's wishes he demanded that Roman, David, and Mstislav depart from Kiev, Vyshgorod, and Belgorod and return to their patrimonial domain of Smolensk. He ignored Ryurik who was ruling Vruchiy outside the Kievan lands. Roman, not wishing to confront Andrey, returned to Smolensk as he was ordered to do and Andrey replaced him with his own brother Mikhalko in Kiev. The latter, perhaps not wishing to suffer the same fate that had befallen his brother Gleb, handed over Kiev to his younger brother Vsevolod and their nephew Yaropolk Rostislavich. Roman's brothers, however, were discontented with these arrangements and retaliated. On 24 March Ryurik, David, and Mstislav attacked Kiev, took Vsevolod and Yaropolk captive, and appointed Ryurik to Kiev.⁴⁹ Thus, for the first time, the Rostislavichi openly challenged the authority of Andrey who was their genealogical senior in the dynasty of Monomashichi.

After Ryurik occupied Kiev we are told that the Rostislavichi consolidated their control over the Kievan lands by marching against Andrey's brother Mikhalko at Torchesk and offering him Pereyasavl' in addition to Torchesk. He accepted the offer, became their ally, and deserted Andrey. In addition, they also evicted Yaropolk's brother Mstislav from Trepol'.⁵⁰ Thus we see that under Ryurik's command the Rostislavichi considered themselves to be powerful enough to challenge Andrey a second time. It is noteworthy that Ryurik was not the senior prince of the Rostislavichi when he occupied Kiev. Even though this was an irregularity, there appeared to be no hostility between him and his eldest brother Roman. The latter did not claim that Ryurik was preempting his authority. Ryurik's occupation was also irregular in that he had not ruled his dynasty's capital of Smolensk before occupying Kiev, as was done by his father Rostislav and by his brother Roman. These however were critical times and it appears that the brothers were prepared to circumvent tradition in order to act as a unified family against Andrey.

The insubordination of the Rostislavichi enraged Andrey. Later in 1173 he ordered Ryurik to depart from Kiev and the Rostislavichi to vacate their domains in the Rus' land. The Rostislavichi, however, once again spurned Andrey's commands. He responded by marshalling a huge army consisting mainly of Monomashichi and

47 *PSRL* 2: 563–564.

48 See under the year 1174: *PSRL* 2: 567–568; Gust., 313. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 189.

49 See under the year 1174: *PSRL* 2: 569–571; Gust., 314; compare under the year 1172: NPL, 34, 222. Concerning the dates, see Berezhkov, *Khronologiya*, 189–190.

50 *PSRL* 2: 571–572; Gust., 314–315. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 190.

Ol'govichi troops and invited Svyatoslav Vsevolodovich of Chernigov to be its commander-in-chief. The allies seized Kiev without a battle because the Rostislavichi abandoned the town in the face of the overwhelming invading force. Rurik sought safety in Belgorod, which he would eventually treat as his patrimony; Mstislav fortified himself in David's Vyshgorod with David's troops; and David rode to Galich to solicit reinforcements from Yaroslav Osmomysl. After Rurik deserted Kiev Svyatoslav occupied it but dissension in his alliance among the Turkic tribesmen called the Black Caps (*Chernye klobuki*) forced him to vacate the town. After he departed the Rostislavichi invited Yaroslav Izyaslavich of Lutsk, who had brought reinforcements from Volyn' around 10 November, to occupy the Kievan throne.⁵¹ Svyatoslav objected to Yaroslav's rule, attacked him, and occupied Kiev, but after plundering it for twelve days vacated the town. Around the beginning of 1174, we are told, the Rostislavichi sent messengers to Andrey asking him to reinstate Roman in Kiev.⁵² Their request demonstrates that despite their insubordination to him, they still recognized him to be the senior prince in the House of Monomakh.

On 29 June 1174, before Andrey Bogolyubskiy could give the Rostislavichi a definitive reply, he was murdered.⁵³ His death disrupted the balance of power and, on the one hand, enabled the Rostislavichi to assert their claim to Kiev more aggressively. On the other hand, it also permitted Svyatoslav Vsevolodovich of Chernigov to play a more commanding role in the politics of Kiev while at the same time acting as king-maker in Suzdalia. Not surprisingly, after Andrey's death the princes of Suzdalia were thrown into disarray as they vied for supreme authority in the northeast. It would be fifteen years before a prince of Suzdalia would intervene again in the politics of southern Rus'.

In 1175 Roman Rostislavich occupied Kiev without any fear of being challenged by the prince of Suzdalia.⁵⁴ Rurik presumably remained in Vruchiy, David had Vyshgorod, and Mstislav was in Belgorod. In the following year, we are told, Roman of Kiev sent his two sons and Rurik against the Polovtsy who had attacked towns along the Ros' River. David, who quarrelled with his brothers, at first refused to participate on the campaign but joined the other princes at a later date. Despite the Rostislavichi unified attack the Polovtsy defeated the four princes. Svyatoslav of Chernigov held David responsible for the defeat and demanded that Roman punish him for his conduct by depriving him of his domain of Vyshgorod. Roman however refused to impose such severe measures against his brother and instead returned to Smolensk. Svyatoslav therefore marched against Kiev and on 22 July 1176 seized control of the town.⁵⁵ Nevertheless, Svyatoslav failed to evict David and Mstislav from Kiev's two

51 Yaroslav was the younger brother of Mstislav Izyaslavich who, as was noted above, died on 19 August 1170 (Baumgarten, *Généalogies*, V, 39).

52 *PSRL* 2: 572–580; Gust., 315–316; compare *PSRL* 25: 83; *PSRL* 1: 367. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 190.

53 *PSRL* 1: 369; *PSRL* 2: 580. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 78–79, 190–192.

54 *PSRL* 2: 600; Gust., 316; compare NPL, 34, 223.

55 *PSRL* 2: 603–605; Gust., 316. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 194. For a more detailed discussion, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 135–136.

satellite outposts of Vyshgorod and Belgorod. Understandably, this arrangement was unwelcome to Svyatoslav because it placed his actions under the close scrutiny of the two hostile Rostislavichi. No other prince of Kiev in the past had to rule under such constraining conditions. In the light of the restrictions that David's presence in Vyshgorod could place on an Ol'govichi prince in Kiev it is not surprising that Svyatoslav had attempted to force Roman to remove David from that Kievan outpost.

In 1179, it appears, the Novgorodians invited Ryurik's youngest brother Mstislav to become their prince. The following year, however, he fell ill and died.⁵⁶ After Mstislav departed from Belgorod, Ryurik evidently occupied the Kievan outpost. From that time on, to judge from circumstantial evidence, he treated it as his patrimonial domain in the Kievan lands and ruled it in addition to Vruchiy.⁵⁷ By seizing control of Belgorod Ryurik ensured that the two Kievan outposts would be controlled by the two genealogically eldest Rostislavichi.

Ryurik as Co-ruler with Svyatoslav

On one occasion, in 1180, David Rostislavich was hunting along the right bank of the Dnepr and Svyatoslav of Chernigov was hunting along the left bank. While on the hunt Svyatoslav received news that Vsevolod Bol'shoe Gnezdo of Suzdalia had taken his son Gleb captive. It should be noted that the princes of every dynasty in Rus' looked upon the capture of one of their number as a great disgrace to their dynasty. In his ire, therefore, Svyatoslav insisted on avenging himself immediately but as Vsevolod was too far away he schemed to avenge himself against the Rostislavichi. The latter, he argued, were also Monomashichi and they continued to stymie his plans in the Kievan lands. He therefore schemed to take David captive and to evict Ryurik from Belgorod. After neutralizing the brothers he would take his revenge against Vsevolod. David, however, escaped his clutches and fled to Ryurik in Belgorod. Having declared war on the two brothers, Svyatoslav feared to return to Kiev and withdrew to Chernigov. This allowed Ryurik to occupy Kiev once again even though he was not the senior prince of the Rostislavichi.⁵⁸

Although the chronicler claims that Svyatoslav plotted to evict the Rostislavichi from the Kievan lands because Vsevolod captured his son, Svyatoslav's statements reveal that Vsevolod was not the primary object of his revenge. Svyatoslav also had ample grounds for harbouring hostility towards the Rostislavichi themselves. He argued that they challenged his jurisdiction in Rus' whenever opportunity arose. The main reason why they succeeded in obstructing his authority was because they lived in the Kievan outposts of Belgorod and Vyshgorod. After capturing David, he was therefore determined to drive out Ryurik from Belgorod in order to become sole ruler of all the Kievan towns.

⁵⁶ *PSRL* 2: 606–607, 609; *NPL*, 36, 225; *PSRL* 25: 89.

⁵⁷ Concerning Ryurik's appropriation of Belgorod, see M. Dimnik, "The Patrimonies of the Rostislavichi in the Kievan Lands: An Anomaly," *Mediaeval Studies*, vol. 69 (Toronto, 2007), 198–199.

⁵⁸ *PSRL* 2: 614–616; compare Gust., 317–318. For a more detailed discussion, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 145–147.

In that same year Roman, the eldest Rostislavich, died in Smolensk.⁵⁹ Since his youngest brother Mstislav had died earlier in that year, Roman's death reduced the ranks of the Rostislavichi to two: Rurik and David. The latter replaced Roman in Smolensk, but in doing so vacated Vyshgorod therewith removing an important Rostislavich from the Kievan land. After Roman's death Rurik became the senior prince of the Rostislavichi. Thus he could now rightfully lay claim to Kiev on behalf of the Rostislavichi and become the main challenger to Svyatoslav for Kiev.

In 1181 Svyatoslav campaigned against Suzdalia intending to avenge himself against Vsevolod Bol'shoe Gnezdo. After the latter humiliated him in Suzdalia he went to Novgorod and from there marched south against David. From Drutsk, where he defeated David's Smolensk forces, he set off south against Rurik in Kiev. When the latter learnt that Svyatoslav was approaching Kiev and that Svyatoslav's cousin Igor' Svyatoslavich of Novgorod Severskiy and Polovtsian reinforcements were waiting for Svyatoslav near Vyshgorod, Rurik withdrew to Belgorod. Svyatoslav therefore occupied Kiev uncontested. Later, however, after Rurik learnt that the Polovtsy had set up camp at Dolobsk, located across the Dnepr from Kiev, he sent his troops to attack them.

Rurik's troops scored a brilliant victory over the tribesmen. Since the Polovtsy were essential to Svyatoslav's military superiority, their defeat gave Rurik the upper hand. He took advantage of his victory by dictating unfavourable terms of rule to Svyatoslav. Thus, in 1181, because the latter was senior to Rurik he acknowledged Svyatoslav to be the senior prince in Rus' by relinquishing the throne of Kiev to him.⁶⁰ That is, Rurik acknowledged Svyatoslav's seniority on three counts: Svyatoslav was physically older than he was, Svyatoslav belonged to a more senior generation, and Svyatoslav belonged to a more senior dynasty.⁶¹ Nevertheless, Svyatoslav would not be just a figurehead; he would have real power albeit greatly reduced. He would have complete authority over Kiev and be the commander-in-chief of the co-rulers' united forces. Rurik, for his part, made Belgorod his political base and assumed jurisdiction over all the other domains in the Kievan lands that traditionally had fallen under the jurisdiction of the prince of Kiev.⁶² The arrangement that Rurik dictated to his co-ruler was unprecedented in the history of Kievan Rus'. It is noteworthy that the co-rulers belonged to rival dynasties.

59 *PSRL* 2: 616–618; Gust., 318.

60 Compare Mstislav Vladimirovich's action in 1024, when he ceded control of Kiev to his brother Yaroslav because, he observed, Yaroslav was senior to him (*PSRL* 2: 134–136; *PSRL* 1: 147–149. See also M. Dimnik, "Succession and Inheritance in Rus' before 1054," *Mediaeval Studies*, vol. 58 [Toronto, 1996], 112–113).

61 Svyatoslav Vsevolodovich was descended from Svyatoslav Yaroslavich (d. 1076) who, at the time of Yaroslav's death in 1054, was Yaroslav's second eldest surviving son. Rurik was descended from Svyatoslav's younger brother Vsevolod (d. 1093). Svyatoslav Vsevolodovich was also the grandson of Oleg Svyatoslavich (d. 1115), whereas Rurik was the great-grandson of Oleg's cousin Vladimir Monomakh (d. 1125).

62 See under the year 1180: *PSRL* 2: 620–624; Gust., 317–318. For somewhat different interpretations of dual rule, see Rybakov, *Kievskaya Rus'*, 492 and Tolochko, *Drevnyaya Rus'*, 216–217. For a more detailed discussion, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 150–151.

According to the chronicler, Ryurik proposed the arrangement of co-rulers for a moral reason: he wished to end shedding Christian blood. No doubt he also had a more selfish motive. Namely, he believed that he lacked the necessary military power to depose Svyatoslav decisively. If they were not reconciled any future confrontations would undoubtedly end in an impasse just as they had in the recent past. Ryurik's solution, therefore, was to mark time. He relinquished his claim to Kiev for the time being but, as we shall see, he made Svyatoslav designate him as his successor after his death.

Two years later, in 1183, Svyatoslav and Ryurik buttressed their political union with a personal bond. Svyatoslav's son Gleb married Ryurik's daughter Anastasia.⁶³ After that, the chroniclers frequently stress Ryurik's family tie with his co-ruler by identifying Ryurik as Svyatoslav's *svat*, namely, as his daughter-in-law's father.⁶⁴

Ryurik and Svyatoslav's duumvirate would prove to be a successful working arrangement. After their political alliance was bolstered by their family tie they worked hand in glove especially in the defence of the Kievan lands against Polovtsian attacks. The years from 1184 to 1187 witnessed the height of nomadic incursions on both banks of the Dnepr. Svyatoslav and Ryurik retaliated frequently and scored victorious punitive raids on a number of occasions. Ryurik became especially conscientious in defending his domains along the Ros' River region and in prodding Svyatoslav into leading offensive and defensive campaigns against the marauders. Nevertheless, since the princes were unable to pursue the marauders after each lightning strike the tide of incursions did not subside until the late 1180s. The chroniclers evidently report only the major military encounters.

Thus, we are told that on 23 February 1184 Khan Konchak pillaged the Pereyaslavl' lands. Svyatoslav summoned Ryurik and they rode in pursuit of the tribesmen. Nevertheless, after Svyatoslav's brother Yaroslav came from Chernigov and joined them with reinforcements he persuaded them to organize a summer campaign. They agreed but later Svyatoslav dispatched Igor' Svyatoslavich of Novgorod Severskiy and Ryurik sent Vladimir Glebovich of Pereyaslavl' after the nomads. Even though Igor' and Vladimir had a falling out, Igor' pursued the raiders, defeated them at the Khiriya River, and took many captive.⁶⁵ According to this information we see that the duumvirs shared the obligation of defending all the lands of Rus'. In keeping with this obligation it is noteworthy that Ryurik participated on campaigns against the Polovtsy on the left bank even though his own lands on the right bank had not been plundered. Accordingly, in the summer of 1184 Svyatoslav and Ryurik launched the major campaign that Yaroslav had advised. On 30 July they scored a great victory at the Erel' River where Khans Osoluk Burchevich and Kobyak and many others were taken captive.⁶⁶

63 *PSRL* 2: 624–625.

64 See, for example, *PSRL* 2: 628, 651, 652, and 659.

65 *PSRL* 2: 628–629; Gust, 318–319; concerning the date, see Berezkhov, *Khronologiya*, 201.

66 *PSRL* 2: 630–633; *PSRL* 1: 394–396; *PSRL* 25: 91; concerning the date, see Berezkhov, *Khronologiya*, 82, 202.

In 1185 Khan Konchak once again raided the lands of Pereyasavl'. After being informed of his incursion Svyatoslav and Rurik marshalled a retaliatory force. On 1 March, on finding the nomads camped in a water meadow, the princes attacked the enemy and captured many of the marauders but the khan escaped.⁶⁷ In the same year Igor' of Novgorod Severskiy led his disastrous campaign against the tribesmen. After his defeat at the Kayala River, the Polovtsy took advantage of their victory by increasing the number of their raids. Khan Konchak attacked the Pereyasavl' lands and Khan Koza pillaged Chernigov territories.⁶⁸ Two years later, in 1187, Khan Konchak pillaged the Ros' River region again. After that, the chronicler reports, marauding tribesmen often raided Rurik's lands on the right bank of the Dnepr.⁶⁹

On one occasion, towards the beginning of April in 1187, Svyatoslav and Rurik rode out against the Polovtsy who were raiding the ford of Tatinets, on the right bank of the Dnepr River. After being alerted by the Turkic Black Caps to the deployed princely retaliatory force, the nomads fled to the left bank of the river. The princes, however, were unable to ride in pursuit because the spring thaw had suddenly swelled the river which became impassable. They therefore returned home. In pillaging Tatinets the nomads invaded Rurik's domains. After the failure of the April campaign, the chronicler reflects Rurik's concern for the defense of the Ros' River region. He reports the prince's enthusiasm for Svyatoslav's plan to conduct a campaign in the winter of 1187 and his suggestion to Svyatoslav that he summon all his allies to assemble at Chernigov.⁷⁰

That winter, therefore, Svyatoslav and Rurik set out on a second campaign against the Polovtsy but they quarrelled. When they reached the Sneporod River Yaroslav of Chernigov did not want to go further but Rurik insisted on pressing on.⁷¹ Although Svyatoslav was prepared to go deeper into the steppe in search of the nomads he refused to continue without his brother. Rurik, the chronicler relates, obstinately argued that the brothers continue the march, but they would not. Rurik lost the quarrel and was forced to return home without finding the tribesmen.⁷² Rurik's determination to pursue the tribesmen vividly demonstrated his responsible conduct in the defense of his lands, contrary to Tatishchev's claim that he paid little attention to the ruling of the land. Significantly, this was the first reported occasion on which Rurik disagreed with Svyatoslav, but it would not be the last.

On 1 October 1187 Yaroslav Osmomysl' of Galich died.⁷³ His passing gave rise to a vicious succession rivalry during which a number of contenders challenged Yaroslav's sons Oleg and Vladimir for their father's throne. After Vladimir fled to King Béla III of Hungary Roman Mstislavich of Vladimir in Volyn' replaced him in Galich.

67 *PSRL* 2: 634–636; concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 202.

68 *PSRL* 2: 644–649; Gust., 320.

69 *PSRL* 2: 653.

70 *PSRL* 2: 652–653.

71 The Sneporod has been identified as the Samara, an eastern tributary of the Dnepr below the Erel' (Ugol), (L. L. Murav'eva and L. F. Kuz'mina, [compilers] *Imennoy i geograficheskiy ukazateli k Ipat'evskoy letopisi* [M., 1975], 101).

72 *PSRL* 2: 653–654; compare Gust., 320–321. For a more detailed examination of the campaigns against the Polovtsy, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 156–160, 162–181, 187–188.

73 *PSRL* 2: 657; Gust., 321.

The king however marched against Galich with the intention of reinstating Vladimir. Roman therefore fled to the Poles but after they refused to help him he rode to his father-in-law Ryurik in Belgorod to ask for military assistance. Ryurik sent his son Rostislav to help him capture Galich.⁷⁴

Meanwhile, Béla III who was in Galich sent envoys to Kiev inviting Svyatoslav to send his son Gleb to Galich. He explained that he was prepared to perform the favour that Svyatoslav had asked of him at an unspecified date. Svyatoslav therefore dispatched Gleb but without alerting Ryurik to his action. Not surprisingly, Ryurik became furious when he learnt that Svyatoslav had a special agreement with the king but Svyatoslav assured him that he had sent his son on a personal matter. Although the chronicler does not reveal the nature of the personal matter, from later information it would appear that Svyatoslav had probably requested the king to negotiate a marriage for Gleb's daughter Evfimia with an unnamed prince of Byzantium.⁷⁵ Ryurik was evidently appeased with the explanation because the princess was also his granddaughter. To prove his goodwill towards his co-ruler and to buttress their alliance Svyatoslav agreed to join Ryurik in attacking the king in Galich.

In 1188, therefore, Svyatoslav and Ryurik marched against Béla III. On the way Svyatoslav made a proposal to Ryurik. He suggested that Ryurik rule all the Galician lands and, in exchange, relinquish to him 'all the Rus' lands around Kiev' (*vsei Rouskoi zemli okolo Kyeva*). Ryurik rejected the offer because, the chronicler reports, he did not wish to part with his patrimony (*otchina*). Instead, he proposed that they divide the Galician lands between them. As a result they failed to reach an agreement and returned home.⁷⁶ From this information, we see that Svyatoslav was using Galich as a bargaining chip to gain possession of Ryurik's Kievan lands. This would allow him to become the sole ruler of Kiev and the Kievan lands and remove Ryurik as the co-ruler of Rus'. If Ryurik agreed to the proposal the prince of Kiev would once again become the single most powerful prince in Rus'. Ryurik's response was enigmatic. He refused to part with his Kievan possessions because they were his patrimony.

Which was the patrimony near Kiev that Ryurik was alluding to? As we have seen, in 1168, the chronicler reported that Ryurik's domain was Vruchiy but he did not identify it as Ryurik's patrimony.⁷⁷ Nevertheless, the chronicles give convincing evidence after 1168 that Vruchiy was his patrimony.⁷⁸ Just the same, was Vruchiy the patrimony that Ryurik had in mind in 1188 when he refused to relinquish control of it to Svyatoslav? This is unlikely since the domain of Vruchiy cannot be described as 'all the Rus' lands around Kiev'.⁷⁹ Under the year 970 the *Povest'vremenykh let* gives us a relevant item of information. It states that Svyatoslav Igorevich

74 *PSRL* 2: 660–661; compare Gust., 321.

75 See Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 208–209.

76 *PSRL* 2: 662–663; Gust., 322; concerning the date for the rivalry over Galich, see Berezhkov, *Khronologiya*, 204–205. For a more detailed examination, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 191–193.

77 Under the year 1170: *PSRL* 2: 541.

78 See for example, *PSRL* 2: 543, 547, 657, 669. See also footnote 30 above.

79 Compare Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 193 where it is stated incorrectly that Vruchiy was the patrimonial domain that Ryurik referred to in this instance.

(d. 972) allocated Kiev to his son Yaropolk. To Oleg, his younger son, he gave as a patrimony the lands of the Dereva tribe whose capital was Vruchiy.⁸⁰ Svyatoslav's distribution of patrimonial domains therefore confirms that Vruchiy was not part of the Kievan lands.⁸¹

Consequently, what patrimony did Rurik have in mind when he rejected Svyatoslav's offer? Clearly we must look for towns closer to Kiev. In 1180, as we have seen, when Svyatoslav failed to evict Rurik and David from their towns in the Kievan lands, Rurik was ruling Belgorod and David was in Vyshgorod. These Kievan outposts do qualify as being located around Kiev. Were they the patrimony that Rurik refused to surrender to Svyatoslav?

Rostislav it appears was the prince who first allocated Kievan towns to his sons. There is no documented proof that he intended the towns to be their patrimonies but circumstantial evidence suggests this. As we have seen, around 1162 he gave Vruchiy, which is not in the Kievan lands, to Rurik; from later evidence we learn that it was his patrimony. It is reasonable to assume that he also gave patrimonies to his remaining sons. Thus, it appears that he gave Belgorod as a patrimony to his youngest son Mstislav. We may infer this from Mstislav's reply to the Novgorodians under 1178 when he initially declined their invitation to rule Novgorod because, he claimed, he did not want to depart from his patrimony.⁸² Although the chronicler does not identify the patrimony, later evidence makes it clear that the domain in question was Belgorod. Since, however, Rurik occupied Belgorod in 1178 after Mstislav went to Novgorod it appears that he appropriated the town for himself at that time.⁸³

The chronicles neglect to state to which son Rostislav allocated Vyshgorod. Nevertheless, under the year 1174 we learn that Andrey Bogolyubskiy expelled David from Vyshgorod, Roman from Kiev, and Mstislav from Belgorod. In the same year he commanded his officials to drive out Rurik and David 'from their patrimonies' (*iz otchiny svoei*).⁸⁴ We therewith receive indirect confirmation that Andrey looked upon Vruchiy and Vyshgorod as Rurik and David's patrimonies. Significantly, he did not challenge the two Rostislavichi concerning their patrimonial claims. Rather, he was determined to evict them because they rebuffed him by refusing to surrender to him the Kievans whom he accused of poisoning his brother Gleb.⁸⁵ Andrey's conduct reveals that he acknowledged the Rostislavichi claims to Kievan towns as their patrimonies and that he did not believe their claims to be a contentious issue.

We have no documented evidence informing us when the Rostislavichi appropriated the Kievan towns as their permanent domains. We also are not told if they gained control of them all at the same time or if they laid claim to them

80 *PSRL* 2: 55–57; *PSRL* 1: 67–69; NPL, 119–121.

81 See also A. N. Nasonov who observes that Vruchiy and the *derevskaya zemlya* around it were not considered to be part of Rus' or 'the Rus' land' ("*Russkaya zemlya*" i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva [M., 1951], 29).

82 *PSRL* 2: 606–607.

83 See footnote 57 above.

84 *PSRL* 2: 573–574.

85 *PSRL* 2: 569.

as opportunity arose. For example, did they seize control of Belgorod and Vyshgorod while Rostislav ruled Kiev and the other towns during the turbulent 1170s? There can be little doubt, however, that they consolidated their control during Ryurik's rule as senior prince of the dynasty. As we have seen, in 1181 when he concluded his agreement with Svyatoslav, the prince of Kiev formally acknowledged the Kievan towns to be the permanent possessions of the Rostislavichi. Or, what is most likely, at that time Svyatoslav merely formalized an existing situation, namely, that Ryurik as the senior prince of the Rostislavichi controlled the princely appointments to all the Kievan towns except to Kiev. Up to the creation of the duumvirate, the prince of Kiev enjoyed the prerogative, at least notionally, of appointing minor princes to Kievan domains. After the unprecedented pact in 1181 the prince of Kiev formally relinquished that power to Ryurik and the Rostislavichi. Thus we see that in 1188 when Ryurik refused to turn over control of his patrimony in the Kievan lands he was evidently referring to Belgorod, Vyshgorod and all the other Kievan towns.

In the following year, peace was restored in Galicia. Vladimir Yaroslavich escaped from Hungarian captivity and with the help of Polish forces reinstated himself in Galich in the early part of August. He then sought backing for his rule from his uncle Vsevolod Bol'shoe Gnezdo in Suzdalia and pledged to be Vsevolod's loyal vassal. The latter therefore forbade all the princes from challenging his nephew's rule in Galich. In the light of this threat they agreed.⁸⁶ Significantly, this was the first time after Andrey Bogolyubskiy's death in 1174 that the prince of Suzdalia believed himself to be powerful enough to interfere in the politics of southern Rus'.

Two of the princes most acutely affected by Vsevolod's threat were the other two senior Monomashichi: Ryurik of Belgorod and Roman of Vladimir in Volyn'. There was an important difference in the seniority of the three cousins. Ryurik and Roman belonged to the branch of Monomakh's family descended from his eldest son Mstislav. Vsevolod belonged to the branch descended from Monomakh's second youngest son Yury Dolgorukiy. Although Ryurik and Roman belonged to a more senior branch, even more relevant was the consideration that all three belonged to different generations: Vsevolod belonged to the second generation after Monomakh; Ryurik belonged to the third generation after Monomakh; and Roman belonged to the fourth generation after Monomakh. Therefore, Vsevolod was the most senior of the three.⁸⁷ His seniority gave him the right to assume the role of the 'father' of the Monomashichi in keeping with the instruction that Yaroslav the Wise had given to his sons before his death. As we shall see, in his dealings with Ryurik and Roman, Vsevolod would place great importance on his genealogical seniority. Indeed, to judge from later circumstantial evidence, it was probably at this time that Ryurik and Roman, in acknowledging Vsevolod to be the senior prince of the Monomashichi, agreed to defer to his judgment in all major political decisions.

⁸⁶ *PSRL* 2: 666–667; Gust., 322. Concerning the date, see Berezhev, *Khronologiya*, 205.

⁸⁷ Baumgarten, *Généalogies*, V, 7, 16, 27, 47; IX, 6; VI, 1, 14. For a more detailed examination, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 193–194.

In the summer of 1190 we are told that Svyatoslav and Rurik brought peace to the land of Rus' by forcing the Polovtsy to accept their terms.⁸⁸ In the autumn, however, the period of peace ended after Svyatoslav took Khan Kuntuvdey of Torchesk captive because jealous neighbouring tribesmen levied false accusations against him. Svyatoslav released Kuntuvdey only after Rurik convinced him of the khan's innocence. Since the latter was the ruler of Torchesk in the Poros'e region, which was one of the Kievan towns under Rurik's jurisdiction, Kuntuvdey was Rurik's vassal. Although Svyatoslav attempted to reestablish peace with the khan he refused to ignore the unjust charge. He rode to the Polovtsy and persuaded them to attack towns along the Ros' River administered by the Black Caps who had slandered him. Since the Turkic tribesmen were also Rurik's vassals, Kuntuvdey's attacks on their towns penalized Rurik rather than Svyatoslav who had insulted the khan. Rurik alerted Svyatoslav to the danger of renewed attacks and warned him that the two of them should not be looking after their private affairs in Vruchiy and Chernigov while leaving Rus' undefended.⁸⁹ Thus we see that Rurik's concern for Kuntuvdey, for the defense of Rus', and for running his domain bespeak a responsible attitude contrary to Tatishchev's claim that he paid little attention to the ruling of the land.

In the same autumn of 1190 another crisis strained Rurik and Svyatoslav's relationship. The chronicler reports that Svyatoslav had a dispute, which he does not explain, with Rurik, David, and the Smolensk land. We are told that Svyatoslav assembled all the Ol'govichi to help him find a means to avoid violating his oath to the Rostislavichi. The chronicler once again fails to describe the nature of the oath. As was to be expected, Rurik as the senior prince of the Rostislavichi was their spokesman and, as we shall see, he may also have had the greatest personal interest in the dispute. Moreover, the news that he drew Vsevolod of Suzdalia into the controversy suggests that the issue was of concern to all the Monomashichi.

According to the account, Rurik reminded Svyatoslav that in 1181, when he became prince of Kiev, he had promised to adopt the same terms of rule in relation to the Rostislavichi that Rurik's eldest brother Roman had adopted when he was prince of Kiev. If Svyatoslav kept his promise then the Rostislavichi would remain his allies. If, however, he intended to revive the dispute that the Ol'govichi had originally had with Rurik's father Rostislav, Svyatoslav would violate his promise to them. If he did that, the Rostislavichi would break their alliance with him.⁹⁰ To judge from Rurik's vague declaration, it appears that Roman had settled to the satisfaction of the Rostislavichi a dispute that the Ol'govichi had had with Rostislav when he ruled Kiev. The Ol'govichi had challenged him on some unidentified issue but later withdrew their challenge when his son Roman became prince of Kiev. Rurik demanded that Svyatoslav not renew that challenge.

88 *PSRL* 2: 668. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 206.

89 *PSRL* 2: 668–669; Gust., 322–323. For a more detailed examination, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 196–197.

90 *PSRL* 2: 670.

If we review the relations between Ryurik and Svyatoslav over the previous decade we will see that the controversy may have already surfaced on at least two earlier occasions. The first time was in 1180 when Svyatoslav failed to capture David and to drive out Ryurik from Belgorod. The second time was eight years later when Svyatoslav and Ryurik marched against Béla III. Before they besieged Galich Svyatoslav proposed that Ryurik take all the Galician lands and in exchange give to Svyatoslav his Kievan domains. Ryurik, however, refused to relinquish control of his Kievan patrimony. To judge from Svyatoslav's desire to evict David and Ryurik from Rus' on the first occasion, and Svyatoslav's request for the domains around Kiev on the second occasion, the Rostislavichi jurisdiction over the Kievan towns was the main object of Svyatoslav's concern in each instance.

In 1190, the terms of Roman's rule some fifteen years earlier were central to the dispute. As we have seen, after Rostislav's death Andrey Bogolyubskiy appointed his puppets to Kiev. From 1171 to 1173 Roman was his appointee.⁹¹ Later, after Andrey's death Roman occupied Kiev again, from 1175 to 1176, but as an independent ruler.⁹² On one of these two occasions, probably the second, he most likely formally acknowledged Belgorod and Vyshgorod as the patrimonies of Mstislav and David. In doing so he imitated Andrey Bogolyubskiy's tacit recognition of the patrimonies and the formal recognition made by Mstislav Izyaslavich. The latter, on becoming prince of Kiev in 1169, had officially endorsed the Rostislavichi in their domains.⁹³

Even though the Ol'govichi objected to Roman's confirmation of Rostislavichi patrimonies, it was at that time that they evidently pledged to abide by his verdict. On occupying Kiev in 1181 Svyatoslav assumed the same authority over the Kievan lands that Roman had held. Nevertheless, Ryurik's victory over the Polovtsy undermined Svyatoslav's military advantage enabling him to force Svyatoslav to formally acknowledge the Rostislavichi patrimonies of Belgorod and Vyshgorod just as Roman had done. What is more, although the chronicles do not report this, Ryurik was probably able to demand an even greater concession from Svyatoslav. Taking advantage of his victory he demanded that Svyatoslav also confirm the lesser Kievan domains as Rostislavichi patrimonies.

Thus, if our interpretation of the crisis of 1190 is correct, Svyatoslav attempted to seize control of Belgorod, Vyshgorod, and the other Kievan outposts without breaking the oath that he had made in 1181 to Ryurik. That is, he attempted for the third time since 1180 to deprive the Rostislavichi of their Kievan patrimonies. By doing so he would depose Ryurik as a *duumvir*. Moreover he would significantly lessen the territorial base of the Rostislavichi because Ryurik, as the senior prince of his dynasty, would be required to occupy the Rostislavichi capital of Smolensk in place of David. He would also have to compensate any other Rostislavich who had been ruling a Kievan patrimony with a domain in the Smolensk lands.

In wishing to evict the Rostislavichi from the Kievan domains Svyatoslav and the Ol'govichi had right on their side. The Ol'govichi would have challenged Rostislav's

91 *PSRL* 2: 567–568; for the correct date, see Berezkhov, *Khronologiya*, 189.

92 *PSRL* 2: 600, 604.

93 *PSRL* 2: 534.

patrimonial allocations to his sons in the Kievan lands by reminding him that, according to tradition, he did not have the authority to grant the Kievan towns as patrimonies because Kiev was not his patrimony. By giving Kievan towns away as patrimonies he violated the so-called testament of Yaroslav the Wise according to which the Kievan lands were to become the common patrimony of his three eldest surviving sons - Izyaslav, Svyatoslav, and Vsevolod - and their descendants. Furthermore, the Ol'govichi would have reminded Rostislav that he could grant Kievan domains to his sons only as temporary possessions. After his death his sons would have to relinquish control of them. Each new prince of Kiev assumed the authority either to reappoint the incumbent prince to a Kievan domain or to give it to another prince of his choosing. Svyatoslav objected to Ryurik because the Rostislavichi retained their Kievan domains after Rostislav's death and therewith violated traditional practice. That would have been the formal reason why Svyatoslav sought to evict the Rostislavichi from the Kievan lands. There was also a more practical reason that he had expressed in 1180 when he attempted to capture David of Vyshgorod and evict Ryurik from Belgorod. He had declared that by living in the two Kievan outposts the brothers stymied his plans in the Kievan lands at every turn.

In the end Svyatoslav's plans whatever they were came to naught. Ryurik's envoys gave him the agreement that Ryurik, David, and Vsevolod Bol'shoe Gnezdo required him to accept on oath. At first he refused to agree to the terms and dismissed the envoys but later he summoned them back and complied with the Monomashichi demand.⁹⁴ We are not told the terms of the settlement but we may assume that they were similar if not the same as the ones that he had accepted in 1181.

Thus, in 1190 Svyatoslav backed down from his challenge to the Rostislavichi and Ryurik retained control of the Kievan patrimonies with even greater authority. Svyatoslav may have had two cogent reasons for not rejecting Ryurik's terms. On the one hand he did not wish to initiate a full-scale war that would also allow the Polovtsy to intensify their incursions. On the other hand, as we shall see, in 1181 he had designated Ryurik to be his successor to Kiev. Thus, after his death Ryurik would assume control of Kiev in addition to the Kievan domains. At that time his crusade to make the Kievan towns incontestable Rostislavichi patrimonies would be virtually assured.

After Ryurik and Svyatoslav were reconciled over the crisis of 1190 they returned to the business of defending the Kievan lands against nomadic incursions. Thus we are told that two years later the two stood guard at Kanev all summer to defend Rus' from Polovtsian raids.⁹⁵ In the winter of 1192 Ryurik was also reconciled with Khan Kuntuvdey. He bribed the Polovtsy into handing over the miscreant and reinstated him as a vassal. Nevertheless, he did not repeat Kuntuvdey's controversial appointment to Torchesk. Instead he gave the khan a less important town on the Ros' River in part, no doubt, as punishment for his attacks on the Poros'e region.⁹⁶ Moreover, in this

94 *PSRL* 2: 669–670. See Dimnik, “The Patrimonies of the Rostislavichi”, 206–209. For a somewhat different interpretation of the controversy, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 197–199.

95 *PSRL* 2: 673; Gust, 323.

96 *PSRL* 2: 674; Gust., 323.

way Ryurik demonstrated his administrative acumen by obviating any future opposition from the Black Caps who had objected to Kuntuvdey's rule in Torchesk.

In 1193 Ryurik demonstrated his talents as a negotiator by concluding peace with the Lukomorskie Polovtsy. Following his success Svyatoslav proposed that the co-rulers conclude peace with all the nomads above all with the Burchevichi.⁹⁷ The two princes therefore went to Kanev to parley with the tribesmen who came to the left bank of the Dnepr. They, however, insulted the princes and the negotiations came to naught. After the Polovtsy departed Ryurik recommended to Svyatoslav that they launch a winter campaign against the nomads. Svyatoslav however excused himself on the grounds that he had personal business to look after in his patrimony. Ryurik observed that he also had personal business to attend to, namely, he proposed to lead a campaign against the Lithuanians. Svyatoslav however accused Ryurik of shirking his obligation to the Kievan lands since the Poros'e region was under his jurisdiction and defending it was his duty.⁹⁸ Despite Svyatoslav's criticism of Ryurik, his intention to campaign against the Lithuanians testifies to his attitude of responsibility for the administration and defense of his patrimonial domain of Vruchiy.

That winter the Polovtsy intensified their raids on the Poros'e region. Ryurik's son Rostislav, in response to a request from the Black Caps, led a campaign against the nomads without informing his father. His force scored a brilliant victory. On learning of Rostislav's raid Svyatoslav complained to Ryurik accusing his son of renewing war with the tribesmen. Moreover, despite the imminent danger to the Poros'e region that this raid created, Ryurik still proposed to lead a separate campaign against the Lithuanians. Ryurik took Svyatoslav's criticism to heart and aborted his private campaign. During January and February of 1194, therefore, the two princes stationed their troops at Vasiliev guarding against any possible raids. Since the nomads did not strike Svyatoslav went to his domain and Ryurik returned to Vruchiy. After the princes withdrew, however, the nomads renewed their attacks. The chronicler's remark at the end of this report is noteworthy in the light of Tatishchev's accusation that Ryurik paid little attention to the ruling of the land. The chronicler remarks that Ryurik "stood guard at Vasiliev for a long time, serving his lands".⁹⁹ This was Ryurik and Svyatoslav's last joint military expedition.

Ryurik as Sole Ruler of Kiev

Towards the end of July in 1194 Svyatoslav died in Kiev. His last official act was to summon Ryurik to Kiev.¹⁰⁰ This news confirms that he had pledged to designate Ryurik as his successor. Ryurik's authority in Kiev however would be differ-

97 The Lukomorskie Polovtsy probably lived at the mouth of the Dnepr River and along the shores of the Black Sea and the Sea of Azov. The Burchevichi lived along the east bank of the Dnepr River (S. A. Pletneva, "Polovetskaya zemlya," *Drevnerusskie knyazhestva X–XIII vv.*, ed. L. G. Beskrovniy [M., 1975], 286–288).

98 *PSRL* 2: 676; Gust., 323.

99 *PSRL* 2: 676–679. For a more detailed examination, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 202–204.

100 *PSRL* 2: 681.

ent from Svyatoslav's authority. While Svyatoslav ruled Kiev he had held at best a notional superiority over his co-ruler Rurik and the Rostislavichi. After Rurik became sole ruler of Kiev, however, the Ol'govichi had to swear oaths of allegiance to him. Moreover, as co-rulers Svyatoslav and Rurik had addressed the interests of both the Ol'govichi and the Rostislavichi. It remained to be seen if Rurik would continue this policy or favour the Rostislavichi at the expense of the Ol'govichi. He would undoubtedly be persuaded to favour his own dynasty by the fact that he wielded greater power than Svyatoslav had done. He was now the sole ruler of both Kiev and the Kievan domains and he did not have to work with a co-ruler from a rival dynasty who could curtail his actions.

According to the Hypatian chronicler, the Kievans welcomed Rurik with the customary pageantry and he "sat on the throne of his grandfather and his father" in St. Sophia.¹⁰¹ This information suggests that, contrary to Tatishchev's assertion that the Kievans had little love for him, at least at the beginning of his reign he was popular with the townspeople. Moreover, from the chronicler's report we may assume that the townspeople acclaimed him as grand prince and the metropolitan enthroned him. According to the Suzdalian Laurentian chronicler, however, Vsevolod Bol'shoe Gnezdo sent his officials to install Rurik.¹⁰² Vsevolod's chronicler wished to emphasize that his prince, genealogically the most senior member of the Monomashichi, wielded supreme authority over the dynasty including over the appointment of the prince of Kiev. Nevertheless, the report is not accurate. Since Vsevolod's emissaries could not have arrived in Kiev from distant Suzdalia as quickly as Rurik had travelled from nearby Belgorod, Vsevolod's envoys must have arrived after Rurik was already installed. Consequently, they would have merely conveyed Vsevolod's official approval of a *fait accompli*. The important point to note is that Vsevolod's intervention in Rurik's installation was a warning to him that Vsevolod planned to meddle in his affairs.

On becoming prince of Kiev one of Rurik's most important tasks was to allocate Kievan domains to the minor Monomashichi. Thus, on 17 May 1195 his brother David of Smolensk came to Kiev to help him distribute the Rostislavichi patrimonies in the principality of Kiev. Rurik seemingly invited his younger brother to come and help him make the allocations out of deference to his status as the only other surviving son of Rostislav. Even though Rurik, as prince of Kiev and senior prince of the dynasty controlled all the Kievan domains, he chose not to distribute them without his brother's collaboration. It is noteworthy, however, that he avoided seeking advice from Vsevolod Bol'shoe Gnezdo. Since he treated the towns as Rostislavichi patrimonies he considered allotting them to be a Rostislavichi matter which did not require Vsevolod's approval. Consequently, he kept Belgorod in his own family by giving it to his son Rostislav, and he allowed David to keep Vyshgorod. He granted five lesser outposts to his son-in-law Roman Mstislavich of Galich. Thus only the Monomashichi

101 *PSRL* 2: 681.

102 *PSRL* 1: 412; *PSRL* 25: 95. For a more detailed examination, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 211–212.

now ruled the Kievan domains especially after Ryurik removed the only Ol'govich, Svyatoslav's son Gleb and his own son-in-law, from Kanev.¹⁰³

Vsevolod, however, challenged Ryurik's allocations. He pointed out that Ryurik and the Rostislavichi had acknowledged him as the senior prince in the House of Monomakh. To be sure, Ryurik admitted this in one of his messages to Vsevolod when he stated: "you, brother, are the eldest of us all in Vladimir [Monomakh's] tribe." (*A ty, brate, v Volodimeri plemeni starei esi nas.*)¹⁰⁴ The chronicler does not report on what occasion all the Monomashichi, above all the Rostislavichi and Roman, acknowledged Vsevolod as their senior prince. As noted above, however, this may have occurred in 1189 when Vsevolod demanded that all the princes of Rus' pledge not to evict his nephew Vladimir Yaroslavich from Galich.

Vsevolod observed that despite his seniority Ryurik had ignored him by refusing to grant him towns. He therefore withdrew his military support to Ryurik and told him to seek help for the defence of Rus' from those to whom he had allotted towns. Vsevolod was especially furious because Ryurik had given Torchesk, Tropol', Korsun', Boguslavl', and Kanev to his son-in-law Roman. Vsevolod however demanded to have those towns for himself and threatened to attack Ryurik. On being told of Vsevolod's ire, Roman agreed to return the towns to Ryurik in exchange for either other domains or a comparable payment. Ryurik handed over the five towns to Vsevolod and he was appeased. Vsevolod, in turn, gave Torchesk to Ryurik's son Rostislav, his own son-in-law, and dispatched his *posadniki* to administer the other four towns.

It is noteworthy that Vsevolod challenged Ryurik's distribution of towns to Roman not because he claimed that Ryurik lacked the authority to allocate the towns but because Ryurik had ignored him, that is, out of wounded pride. In other words Vsevolod, like his brother Andrey Bogolyubskiy at an earlier date, acknowledged the Kievan towns to be Rostislavichi patrimonies which they had the right to rule. But Vsevolod undoubtedly had a more practical reason than merely wounded pride for demanding the towns. By gaining control of a number of Kievan domains he increased his influence over Ryurik. Just as the latter had curbed Svyatoslav's rule in Kiev with his jurisdiction over the two neighbouring Kievan outposts, Vsevolod could curtail Ryurik's power as prince of Kiev through the *posadniki* that he had appointed to the four Kievan towns. Nevertheless, there was an important difference between Svyatoslav and Ryurik's rule in Kiev. Although Svyatoslav and Ryurik had been co-rulers, Ryurik had acknowledged Svyatoslav to be the senior partner because he was senior in age and in genealogical seniority. As prince of Kiev Ryurik, however, was to be neither an autonomous ruler nor the senior partner. He had to rule under the thumb of Vsevolod, the senior prince of all the Monomashichi who now also obtained a territorial foothold in the Kievan land itself.

Roman was furious when he learnt that Torchesk had been given to his brother-in-law Rostislav claiming that Ryurik had wanted to give the town to Rostislav from the very beginning. Ryurik however reminded Roman that he had voluntarily surrendered

103 *PSRL* 2: 681–685; Gust., 324. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 207.

104 *PSRL* 2: 686; see I. Ya. Froyanov, *Kievskaya Rus'* (L., 1980), 56.

the towns to Vsevolod and after that they were his to do with as he pleased. He cautioned Roman that they should not estrange Vsevolod because all the Monomashichi acknowledged him to be their senior prince. Refusing to be reconciled Roman conspired against Rurik by forming an alliance with Yaroslav Vsevolodovich of Chernigov and persuading him to seize Kiev. On learning this news Rurik informed Vsevolod that Roman and the Ol'govichi were planning to wage war against him and called upon Vsevolod to come to his defense. In the face of his father-in-law's impending retaliation Roman sought safety with the Poles. Unfortunately for him, while with the Poles he was wounded in battle and, on returning to Volyn', sought to be reconciled with Rurik. The latter forgave him for his betrayal and gave him the town of Polonyy and a district on the Poros'e region in compensation for his loss of the five towns.¹⁰⁵

In the autumn of 1195, after Yaroslav's overt declaration of hostility and his failed alliance with Roman, Rurik took precautions against this new threat to his rule from the Ol'govichi. He, David, and Vsevolod challenged Yaroslav with an ultimatum. They demanded that he and the Ol'govichi pledge never to seize their patrimony, neither Kiev nor Smolensk, either from them, or from their descendants, or from any other prince from the House of Monomakh. With this demand the Rostislavichi, for the first time, attempted to secure their control permanently over Kiev. In other words, they attempted to violate the directive given by Yaroslav the Wise in his so-called testament that Kiev must not become the permanent possession of any one of his sons but remain the common patrimony of Izyaslav, Svyatoslav, and Vsevolod and their descendants.¹⁰⁶ Should Yaroslav capitulate to Rurik's demand and relinquish the rightful claim of the Ol'govichi, then the Monomashichi, but above all Rurik and the Rostislavichi, would become the sole claimants to Kiev.

In making their controversial demand the Rostislavichi attempted to realize Monomakh's ambition of securing Kiev as the patrimony of his descendants. As it has been suggested elsewhere, in 1097 at the Congress of Lyubech, Svyatopolk Izyaslavich the prince of Kiev, and Vladimir Monomakh the prince of Pereyaslavl' demoted the Svyatoslavichi of Chernigov to the place below Monomakh in the order of succession to Kiev. Consequently, in 1113 after Svyatopolk died, Monomakh rather than Oleg Svyatoslavich occupied Kiev.¹⁰⁷ Later, before his death in 1125, Monomakh seemingly convinced the citizens of Kiev to recognize his eldest son Mstislav as his successor and to proclaim Kiev to be his patrimony.¹⁰⁸ All of Mstislav's heirs, however, were not as capable as their father had been at ruling Kiev and failed to maintain their control over it against powerful Ol'govichi challengers. In 1195, the Rostislavichi endeavoured to usurp the right of succession from the Ol'govichi once again. Significantly, in the House of Monomakh the Rostislavichi did not have first claim to Kiev. As we have seen, Vsevolod Bol'shoe Gnezdo had that right as the patriarch of all the

105 Concerning the controversy over Rurik's allocation of domains, see *PSRL* 2: 683–688; Gust., 324; compare under the year 1196: Mosk. 96–97. Compare also Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 213–214, where it was suggested wrongly that David was older than Rurik.

106 *PSRL* 2: 688–690; Gust, 325; under the year 1196: *PSRL* 25: 97.

107 M. Dimnik, *The Dynasty of Chernigov, 1054–1146* (Toronto, 1994), 216–218.

108 Dimnik, *The Dynasty of Chernigov, 1054–1146*, 305–308; 324–331.

Monomashichi. Indeed, in the early 1170s he had ruled Kiev fleetingly when his elder brother Andrey Bogolyubskiy had appointed him to the town.

Yaroslav Vsevolodovich of Chernigov did not reject the Monomashichi demands outright but conceded on one point. He promised that he and the Ol'govichi would not seek to evict Ryurik from Kiev and therewith prudently agreed to maintain the status quo. After all, Ryurik was already ensconced in Kiev and Yaroslav realized that should he attempt to evict him Ryurik could summon the superior forces of the united Monomashichi to his aid. Nevertheless, Yaroslav refused to give up the right of future Ol'govichi generations to ruling Kiev. Rather, he proclaimed bluntly, that following Ryurik and David's death succession to Kiev would be decided by God's providence. In other words, the Rostislavichi and the Ol'govichi would have to determine who was to rule Kiev through military force. Yaroslav pointed out that as the Ol'govichi and the Monomashichi were both offspring of Yaroslav the Wise, they both had a legitimate claim to ruling the capital of Rus'.¹⁰⁹ In 1195, therefore, Yaroslav rebuffed the Rostislavichi by rejecting the most controversial demand that they had made to date. His refusal to comply with Ryurik and David's ultimatum however was too important for the Rostislavichi to pass over without a military challenge.

It was most likely Ryurik who prompted the other two Monomashichi to formulate the challenge to Yaroslav since he was the one whom Yaroslav had planned to depose. If he was driven out of Kiev he would lose political superiority in southern Rus'. Thus, after Yaroslav rejected the demand, it was again Ryurik who took the initiative by turning to Vsevolod for help. He took advantage of Vsevolod's insistence that the Rostislavichi respect him as the patriarch of the Monomashichi by requesting him to assume the responsibility of leading a campaign against Yaroslav. Vsevolod complied with the request by promising to march against Chernigov in the winter. Acting as the commander-in-chief of a joint campaign with the Rostislavichi would bolster his status as the senior prince of the Monomashichi. Nevertheless, after Yaroslav sued for peace and promised to accept all of Vsevolod's terms, he cancelled the campaign. In 1195, at the beginning of the winter, Yaroslav also sent a delegation to Ryurik requesting him to refrain from invading the territories of Chernigov before he, Vsevolod, and David had decided whether to be reconciled or to initiate war. Ryurik agreed, sent the Polovtsy back to their camps in the steppe, and withdrew to his patrimony of Vruchiy.¹¹⁰

We may assume that when Yaroslav asked Ryurik for a truce he probably promised not to challenge Ryurik for Kiev. In return, to judge from subsequent information, Ryurik granted him the town of Vitebsk which was under Rostislavichi jurisdiction but located west of the principality of Smolensk. Although Ryurik sent messengers to his brother in Smolensk asking him to arrange for Yaroslav's occupation of the town, the

109 According to a late source, Yaroslav declared that the Ol'govichi and the Monomashichi both had the right to rule Kiev from the days of their forefathers according to the ladder system of succession instituted by Yaroslav the Wise depending on to whom God chose to give it ("Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis'," *PSRL* 10 [SPb., 1885], 26–27).

110 Concerning the demand of the Monomashichi, see *PSRL* 2: 688–690; under the year 1196: *PSRL* 25: 97. Concerning the dating of these events, see Berezkhov, *Khronologiya*, 207. See also Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 215–217.

prince of Vitebsk, who was David's son-in-law, refused to hand it over. Yaroslav, however, was convinced that David was the one who refused to comply with Rurik's directive and made preparations for war. In March of 1196 he dispatched an Ol'govichi force commanded by two of his nephews to evict David's son-in-law from Vitebsk.

The Ol'govichi force defeated David's troops and took captive his most senior nephew Mstislav Romanovich. Moreover, after defeated Smolensk soldiers informed Yaroslav's nephews that the people of Smolensk were dissatisfied with David's rule, the two Ol'govichi suggested to their uncle that he launch an attack on David himself in Smolensk. Rurik sent messengers to warn Yaroslav that should he capture Smolensk and kill David he, Rurik, would retaliate by attacking Chernigov. In the light of Rurik's threat Yaroslav turned back from his campaign and sent messengers to Rurik absolving himself of any wrong doing. He argued that David was the guilty party because he had helped his son-in-law to keep Vitebsk. Rurik, for his part, sought to free David from blame by explaining that his messengers had not yet reached David before Yaroslav waged war. The outcome of their disagreement was that the two princes remained at odds.¹¹¹ The incident reveals Rurik's loyalty to his brother and to the Rostislavichi. As senior prince of the dynasty he assumed the role of the defender of its princes, their rights, and their claims.

Following the Vitebsk conflict Rurik once again sent messengers to Vsevolod in Suzdalia admonishing him for failing to attack Chernigov as he had promised to do. As a result of Vsevolod's failure to attack Chernigov, Rurik argued, Yaroslav had sent his troops against the Rostislavichi at Vitebsk which took captive Rurik's nephew Mstislav Romanovich. As we have seen under the year 1180 when Vsevolod himself had captured Svyatoslav's son Gleb, the princes of every dynasty in Rus' looked upon the capture of one of their number as a great disgrace to their dynasty. Rurik therefore demanded that Vsevolod avenge the insult by freeing Mstislav. Vsevolod promised to come with his forces but instructed Rurik that, in the meantime, he begin aggressive action against the Ol'govichi. During the summer of 1196, therefore, Rurik conducted sorties into the Chernigov lands but Vsevolod failed to arrive. Yaroslav, for his part, pleaded with Rurik to refrain from plundering Ol'govichi domains and tried to reassure Rurik that he neither intended to attack Kiev nor that he had any argument with Rurik. What is more, he promised to release Mstislav if Rurik would pacify him with David and Vsevolod. Despite these conciliatory overtures Rurik stubbornly refused to cooperate and continued conducting his raids onto Ol'govichi lands.¹¹²

Meanwhile, by the autumn of 1196 Roman's wounds which he had sustained while fighting with the Poles had healed. He therefore renewed his alliance with Yaroslav who was undoubtedly eager to find allies in the light of Rurik's persistent incursions. In retaliation Roman ordered his men to raid Rostislavichi domains in the Kievan lands. By attacking Rostislavichi towns he forced Rurik to withdraw some

111 Concerning the campaign against Vitebsk, see *PSRL* 2: 690–694; Gust., 325; under the year 1196: *PSRL* 25: 97–98. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 207. Compare Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 218–220 where it is suggested wrongly that David was older than Rurik.

112 *PSRL* 2: 694–696. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 207.

of his troops from raiding the Chernigov lands. Thus, as a counter measure, Ryurik dispatched his nephew Mstislav Mstislavich to Vladimir Yaroslavich of Galich asking him to assist Mstislav in pillaging Roman's domains. While Roman's troops and Ryurik's allies were raiding each others territories, Ryurik himself rode to join forces with Vsevolod who had finally invaded the Chernigov lands.¹¹³

After Vsevolod joined forces with David he wished to be reconciled with Yaroslav and the Ol'govichi but David remained adamant that they should attack Chernigov. David reminded Vsevolod that he had promised to join Ryurik and David at Chernigov where they would dictate to Yaroslav terms acceptable to all three Monomashichi. Vsevolod, however, had his mind set on negotiating a private agreement. Therefore, ignoring David's objections and without informing Ryurik of his intention, he sent messengers to Yaroslav to negotiate a separate pact.

Not surprisingly, Vsevolod changed to his own advantage some of the terms that Ryurik had insisted the Monomashichi impose upon Yaroslav. Similar to Ryurik, he required Yaroslav to set Mstislav Romanovich free. Nevertheless, Vsevolod had a personal motive in making this demand because Mstislav was his relative through marriage.¹¹⁴ He also introduced a new demand. He insisted that Yaroslav evict from Chernigov Yaropolk, the son of Vsevolod's eldest brother Rostislav.¹¹⁵ In 1174, after the death of Andrey Bogolyubskiy, Yaropolk had succeeded him to Vladimir for a brief period. As Vsevolod's genealogically most senior nephew and with Yaroslav's military support he remained a potential challenger to Vsevolod's rule in Vladimir. Yaroslav appeased Vsevolod by promising to free Mstislav and to evict Yaropolk. Furthermore, Vsevolod insisted that Yaroslav sever his alliance with Roman. Although this demand was in keeping with Ryurik's wishes Vsevolod made only a token effort at enforcing it. It was to his advantage to keep Yaroslav and Roman's pact alive because as allies they presented a threat to Ryurik's control of Kiev. Fear of being attacked by the two princes would guarantee Ryurik's dependence on Vsevolod's military support and in this way buttress Vsevolod's supremacy in the House of Monomakh. Thus, in the light of his political interests he did not object when Yaroslav refused to end his pact with Roman. Finally, in keeping with the demands that the Monomashichi had made in the previous year, Vsevolod prohibited Yaroslav from either driving out Ryurik from Kiev or David from Smolensk. To Ryurik's great displeasure, however, Vsevolod omitted the demand that the Ol'govichi relinquish their claim to Kiev on behalf of future generations of Ol'govichi.

As was to be expected, after Ryurik learnt the terms that Vsevolod's agreement he was furious and rejected it. Even though David had kissed the Holy Cross to the settlement Ryurik refused to be pacified. He accused Vsevolod of breaking his every promise. Above all, he looked upon Vsevolod's unwillingness to break the alliance between Roman and Yaroslav, and the latter's refusal to renounce the claims of future

113 *PSRL* 2: 696–698.

114 According to Vsevolod's chronicler, the prince's main objective for marching south was to obtain the release of his *svat* Mstislav and to secure Kiev for Ryurik (*PSRL* 1: 413).

115 Baumgarten, *Généalogies*, VI, 16; Rapov, *Knyazheskie vladeniya*, 165–166.

generations of Ol'govichi to Kiev as devastating failures for the Rostislavichi. The chronicler reports that in his indignation he repossessed the four Kievan towns that he had granted to Vsevolod a year earlier and allotted them to his brothers.¹¹⁶ After that Rurik remained estranged from Vsevolod.

On 23 April 1197, David died and Mstislav Romanovich, whom Yaroslav had set free as he promised, succeeded him as prince of Smolensk.¹¹⁷ For a few years following David's death inter-dynastic rivalries subsided and, to judge from chronicle information, allowed Rurik to direct his energies to cultural projects. On 1 January 1198 we are told that the metropolitan consecrated the church of St. Vasily that Rurik had built and dedicated to his patron saint.¹¹⁸ In the same year he commissioned reinforcing the supporting wall beneath the church of St. Michael at the Vidubitskiy monastery.¹¹⁹ In the following year, after the wall was completed, his chronicler reported that the prince with his family came to the monastery for a blessing ceremony. As has been noted above, in his encomium of gratitude Igumen Moisey of the Vidubitskiy monastery praised Rurik with great enthusiasm giving us, contrary to Tatishchev's scribe who claimed that the Kievans had little love for Rurik, a glowing portrayal of the prince.¹²⁰ Moreover, building a church and the restraining wall for the Church of St. Michael were activities that reflected a responsible administration, one that Tatishchev's chronicler denied existed during the period of Rurik's rule.

After the few years of relative peace the last decade of Rurik's career proved to be turbulent. During the first five years the bane of his life was his son-in-law Roman Mstislavich. After Vladimir Yaroslavich died in Galich in 1198 Roman occupied the town.¹²¹ Refusing to forgive his father-in-law for granting the five Kievan towns to Vsevolod Bol'shoe Gnezdo he began raiding Rurik's lands and those of neighbouring Rostislavichi. In 1201 Rurik finally summoned the Ol'govichi to help him retaliate against Roman. Five years earlier, as we have seen, Yaroslav of Chernigov had refused to sever his pact with Roman. In 1201, however, Yaroslav's successor Oleg Svyatoslavich broke that alliance. He chose to work with Rurik just as his father Svyatoslav had collaborated with him when the two had exercised dual rule over southern Rus'. Accordingly, Oleg rode to Rurik's assistance.

Roman, however, rallied the troops from Galich and Vladimir in Volyn'. Significantly, the Monomashichi, the Turkic Black Caps, and the militias from all the towns

116 Concerning Vsevolod's campaign against Chernigov, see *PSRL* 2: 694–702; Gust., 325–326; see also under the year 1197: *PSRL* 1: 413; *PSRL* 25: 98–99. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 85, 208. For a more detailed examination of the negotiations, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 220–221, 223–227.

117 *PSRL* 2: 702; Gust., 326; see under the year 1198: *PSRL* 25: 99; *PSRL* 1: 414. According to Berezhkov, David was 57 years of age when he died (concerning David's death, see his *Khronologiya*, 208).

118 See under the year 1197: *PSRL* 2: 707. Concerning the correct date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 208.

119 See under the year 1199: *PSRL* 2: 708–711; Gust., 326. Concerning the correct date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 209–210.

120 *PSRL* 2: 711–715. Concerning the encomium, see footnotes 4 and 5 above.

121 See under the year 1199: Gust., 326. Gust. reports the death of Yaroslav Mstislavich and other events under the year 1199 which the Lav. also puts under the year 1199, but which, according to Berezhkov, occurred in 1198 (*Khronologiya*, 209). This suggests that the events that Gust. reports under the year 1199 also occurred in 1198.

in the Kievan lands also came to his aid. Such overwhelming desertion of Ryurik's allies seemingly buttresses the view that he was unpopular in the Kievan lands. To be sure, the chronicler reports that the Kievans opened the gates of the lower town (*podol'*) to Roman's troops. This evidence suggests that there may be an element of truth to Tatishchev's claim that the Kievans had little love for Ryurik.¹²² Nevertheless, the desertion of the Monomashichi and the inhabitants of the Kievan towns in this instance is the only recorded evidence before 1201 of opposition to Ryurik from among his allies. This implies that at least until that year he was not generally disliked. Rather, in this instance the desertions may have been prompted by a specific incident. That event may have been Ryurik's alliance with the Ol'govichi who not long ago, under Yaroslav's command, had been the bitter enemies of the Rostislavichi. Ryurik's resolve to seek assistance from his erstwhile rivals for Kiev may have alienated his Monomashichi relatives and the Kievans.

In face of the opposition from the townspeople and Roman's troops, Ryurik and Oleg surrendered. Roman permitted Ryurik to withdraw to his patrimony of Vrchy and Oleg to return to Chernigov. From a late chronicle we learn that, before marching against Ryurik, Roman had sent messengers to Suzdalia advising Vsevolod that he proposed to expel Ryurik from Kiev. In this way he sought approval for his action from Vsevolod out of deference to his seniority in the House of Monomakh. Vsevolod concurred with Roman's plan and the two concluded an agreement.¹²³ Thus, after Ryurik departed from Kiev Vsevolod and Roman appointed Ingvar' Yaroslavich of Lutsk to Kiev.¹²⁴

Two years later Ryurik punished the Kievans for betraying him. On 2 January 1203 he, with the help of Oleg and the Ol'govichi, sacked Kiev. We are told that the Polovtsy from the entire Polovtsian land were especially brutal in massacring the inhabitants. In this way Ryurik ruthlessly avenged himself against the Kievans who had expressed their hostility to him by opening the town's gates to Roman. According to the chronicler the evil meted out that day on the inhabitants of Kiev was unparalleled since the introduction of Christianity to Rus'.¹²⁵ According to this statement, we may conclude that Ryurik's devastation exceeded all previous ones including the one in 1168 inflicted by Andrey Bogolyubskiy's coalition. It is noteworthy that whereas in the 1180s the Polovtsy were Svyatoslav and Ryurik's fiercest enemies, by the turn of the thirteenth century many tribesmen had been subdued sufficiently to serve Ryurik as auxiliaries in his battles against other princes.

After Ryurik let his troops pillage the town and massacre the populace, he prudently refrained from occupying it. He had no desire to face the hostility of its survi-

122 Tat. 4, 341; Tat. 3, 184–185.

123 See under the year 1201: *PSRL* 10: 34. See also under the year 1202: Tat. 4, 327; Tat. 3, 167.

124 See under the year 1202: *PSRL* 1: 417–418; Gust., 327–328; *PSRL* 25: 160. Concerning the date, see Berezkhov, *Khronologiya*, 86–87. Ingvar was Roman's junior cousin, see, Baumgarten, *Généalogies*, XIV, 1. See also Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 241–242.

125 *PSRL* 1: 418–419; *PSRL* 25: 100. According to the Novgorod chronicler the attackers captured Kiev on 1 January, on the Feast of St. Basil (NPL, 45, 240). Concerning the date, see Berezkhov, *Khronologiya*, 87, 247. For a more detailed examination of the sack of Kiev, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 243–245.

vors. Nevertheless, lest Kiev fall into Roman's hands once again he appointed Oleg's younger brother Vsevolod Chermnyy as its prince.¹²⁶ Presumably, the appointment would serve as an interim measure until such a time when he himself could return as the town's prince. His selection of an Ol'govich was calculated. He could not appoint one of the Monomashichi since all the junior princes ruling Kievan towns had deserted him for Roman. Rurik also refused to ask Oleg because as the senior prince of the Ol'govichi he could have threatened his own claim. Vsevolod Chermnyy, the second Ol'govich in seniority after Oleg, was a safer choice. Paradoxically, therefore, whereas in 1196 Rurik had demanded that the Ol'govichi, as a dynasty, relinquish their claim to Kiev forever, he himself was now forced to appoint an Ol'govich to rule it as his lieutenant. In the meantime he returned to Vrchy.

Since Rurik and Oleg had sacked Kiev in retaliation for Roman's raids on Rurik's lands, Roman took it upon himself to mediate reconciliations between the princes. First he approached Vsevolod of Suzdalia and Oleg. Thus, in February of 1203 the two sent delegations to each other and concluded peace.¹²⁷ Roman himself was also pacified with the Ol'govichi. Meanwhile, on 16 February he marched against Rurik in Vrchy who capitulated without opposition and promised to break off relations with Oleg and the Polovtsy. Furthermore, Roman advised him to petition Vsevolod to reinstate him in Kiev and promised to intercede on his behalf. Rurik did as Roman advised him and, the chronicler reports, Vsevolod forgave him for the atrocities that he had perpetrated against the Kievans and reinstated him in Kiev.¹²⁸

Roman had a number of reasons for placating Rurik and returning him to Kiev. As long as he was denied Kiev he would inevitably continue raiding Roman's lands and the Kievan lands with the Ol'govichi and the Polovtsy. Moreover, it would be futile to appoint another prince to Kiev in Rurik's stead as appointing Ingvar' had proven to be. Rurik would inevitably challenge any prince of Kiev whether he was an Ol'govich or another Monomashich. Therefore, if Roman could not appoint a substitute for Rurik to rule Kiev, the most logical solution appeared to be to reappoint Rurik himself but under controlled conditions as a subservient lieutenant. Roman sought to accomplish this by making Rurik break off his pacts with the Ol'govichi and the Polovtsy and by making him dependent on Vsevolod Bol'shoe Gnezdo and himself. In this way Rurik would be a pawn in Vsevolod and Roman's hands.

In reappointing Rurik to Kiev Roman restored temporary peace to the land. That winter (1203/1204) in a gesture of solidarity, Rurik, Roman, and other princes conducted a successful campaign against the nomads from whom they seized much booty. On returning from the steppe they assembled at Trepol' to allot towns as pay-

126 "Novgorodskaya chetvertaya letopis'," *PSRL* 4 (Petrograd, 1915), 180; "Novgorodskaya pyataya letopis'," *PSRL* 4(ii) (Petrograd, 1917), 180. Compare Fennell who believes that only the "Novgorodskaya chetvertaya letopis'" gives this information. He identifies this reference as an error and suggests that Vsevolod's name was taken from a later entry (*The Crisis*, 41, n. 28).

127 *Ipat.* has no information for the years 1199 to 1205, and the text in *Lav.* for the years 1203 to 1205 is corrupt. However, circumstantial evidence suggests that the princes were reconciled in February of 1203 (*PSRL* 1: 418–421; concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 87).

128 See under the year 1203: *PSRL* 1: 419; under the year 1202: *PSRL* 25: 100. For a more detailed examination, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 246–247.

ment to the princes according to the services that each had rendered. But their collaboration was shattered because they disagreed over the allocations. Roman quarrelled with Ryurik, took him captive, and had him tonsured as a monk in Kiev.¹²⁹ By incarcerating Ryurik in a monastery he followed the precedent set in 1059 by the triumvirate – Izyaslav, Svyatoslav, and Vsevolod — who forced their uncle Sudislav to adopt a monk's habit and to give up his political rights.¹³⁰ In like manner, after taking ecclesiastical vows Ryurik relinquished his political rights and became, as it were, politically dead. After deposing Ryurik for the second time and removing him from the political arena, Roman, with the approval of Vsevolod in Suzdalia, appointed Ryurik's son Rostislav to Kiev.¹³¹

On 19 June 1205 Roman was killed in battle with the Poles; he was survived by two sons, Daniil and Vasil'ko, who were minors.¹³² On learning of Roman's demise Ryurik discarded his monk's habit and seized control of Kiev. He sent for Vsevolod Chernnyy, now the prince of Chernigov, and formed an agreement with him to capture Galich.¹³³ Their pact resembled the one that Ryurik and Vsevolod's father Svyatoslav had made in 1188, when they had campaigned unsuccessfully against King Béla III.¹³⁴ Ryurik and Vsevolod's campaign was also a failure. Since the chronicler reports that the Ol'govichi achieved nothing they were most likely the ones who had hoped to occupy Galich. In return for letting the Ol'govichi take possession of Galich, Vsevolod undoubtedly promised Ryurik to defend his rule in Kiev.

Ryurik's rule in Kiev was vulnerable on two counts. On the one hand, by replacing his son Rostislav in Kiev he would have provoked Vsevolod in Suzdalia who had made the appointment in conjunction with Roman. On the other hand, as an erstwhile monk his right to rule Kiev was controversial. As has been noted, it was unknown in Rus' for a prince who had become a monk to leave his monastery and reenter political life. Ryurik therefore needed a powerful ally to help him confront any rivals and Vsevolod Chernnyy evidently promised to give him the needed backing. Ryurik expressed his gratitude by giving Vsevolod his Kievan outpost of Belgorod.¹³⁵

In the early summer of 1206 Ryurik and Vsevolod organized a second campaign against Galich but once again failed to capture the town. Instead the townspeople took matters into their own hands and invited Vladimir Igorevich from the Igorevichi, the cadet branch of the Ol'govichi, to become prince of Galich. On his return journey to Chernigov, Vsevolod Chernnyy seized the opportunity to use the troops at his disposal to betray Ryurik. He occupied Kiev and forced Ryurik to flee to his patrimony

129 *PSRL* 25: 101.

130 Dimnik, *The Dynasty of Chernigov, 1054–1146*, 44–45.

131 Concerning Ryurik's deposition, see under the year 1203: *PSRL* 25: 101; under the year 1204: Gust., 328–329; under the year 1205: *PSRL* 1: 420–421. See also Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 247–248.

132 See under the year 1206: *PSRL* 1: 425; under the year 1205: *PSRL* 25: 104. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 88.

133 See *PSRL* 25: 104; under the year 1206: *PSRL* 1: 425–426.

134 See footnote 76 above.

135 *PSRL* 25: 104; under the year 1206: *PSRL* 1: 426. See also Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 251–252.

of Vrushchii. Vsevolod also scored a second victory against Rurik by doing what his father Svyatoslav had been unable to do. He seized control, albeit fleetingly, of the Kievan towns over which Rurik had jurisdiction.

Why did Vsevolod violate the oath that the Ol'govichi had taken on several occasions to Rurik promising not to evict him from Kiev? According to the information given by a number of chronicles, Vsevolod argued that it was improper for a monk to wield political power.¹³⁶ In his opinion becoming a monk had disqualified Rurik from being a rightful claimant to Kiev. At the same time by entering a monastery he had also released the Ol'govichi from their oaths to him that they would not depose him. Finally, although Vsevolod antagonized Rurik by seizing Kiev it should be noted that after successfully occupying the town he also alienated Vsevolod Bol'shoe Gnezdo by evicting his son Yaroslav from Pereyaslavl'.

Despite Vsevolod's seemingly easy victory over Rurik his rule in Kiev was made vulnerable after he disbanded the troops which he had assembled to attack Galich. Soon after he occupied Kiev the one-time monk attacked him and removed him ostensibly without difficulty. Vsevolod was unable to repel Rurik's siege with only his personal retinue and the town's militia. Indeed, the loyalty of the town's militia may have been divided owing to the citizens' age-old hatred of the Ol'govichi and love of the Monomashichi. It is true that in 1201 the Kievans had deserted Rurik and opened the town's gates to Roman but at that time they were choosing between two Monomashichi. In 1206 the townspeople were faced with backing either Vsevolod an Ol'govich or Rurik a Monomashich. Many would have sided with the Monomashich. Nevertheless, the determining factor for Vsevolod's expulsion may have been the fact that the two Rostislavichi, Mstislav Romanovich of Belgorod and Rostislav Rurikovich of Vyshgorod, to whom Vsevolod Chernnyy had evidently given those outposts and in return expected their military backing, deserted him and sided with Rurik. Consequently, Vsevolod had no choice but to hand back Kiev to Rurik.¹³⁷

At the beginning of 1207 Vsevolod made what appeared to be a perfunctory effort at evicting Rurik. Not only was the latter probably expecting an attack but Vsevolod besieged Kiev with a small force consisting only of Ol'govichi troops and the nomadic Polovtsy. After Rurik repelled the attackers Vsevolod commanded his men to pillage the surrounding area of Kiev for three weeks and then returned home.¹³⁸ In the summer he launched a more serious attack for which he marshalled troops from the Ol'govichi, the nomads, the princes of Turov and also Vladimir Igorevich from Galich. On this occasion he caught Rurik by surprise probably because he advanced on Kiev via Tropol' in the south rather than from Vyshgorod in the north from where Rurik normally would have expected the Ol'govichi to attack him. On learning of Vsevolod's approach Rurik fled to his patrimony of Vrushchii. Vsevolod then expelled Mstislav Romanovich from Belgorod and the latter's cousin Mstislav Mstislavich

136 "Tipografskaya letopis'," *PSRL* 24 (Petrograd, 1921), 85; "Piskarevskiy letopisets," *PSRL* 34 (M., 1978), 81.

137 *PSRL* 1: 426–428; *PSRL* 25: 104–105; Gust., 330. For a more detailed examination, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 253–257.

138 *PSRL* 1: 428; *PSRL* 25: 105.

from Torchesk. His success in evicting the Rostislavichi from the Kievan towns forced the Kievans to submit to him.¹³⁹ Thus it would seem that in the seesaw battle for Kiev Ryurik appeared to be losing ground against Vsevolod and the Ol'govichi who were powerful enough to successfully challenge him especially since he could not ask the now hostile Vsevolod of Suzdalia for military support.

Nevertheless, Vsevolod Bol'shoe Gnezdo was not ignoring his namesake's victories in southern Rus'. He accused Vsevolod Chermnyy of seizing domains to which only the Monomashichi and he in particular had a rightful claim, and organized a campaign against him. According to the chronicles his objective was not to attack Vsevolod Chermnyy in order to defend Ryurik's right to rule Kiev as he had done in 1196 when he had marched against Yaroslav of Chernigov. His intention was to attack Chernigov in order to reclaim Pereyasavl'. That is, he proposed to avenge himself against Vsevolod Chermnyy because the latter had taken possession of Pereyasavl' and evicted his son Yaroslav from that town which he looked upon as his patrimonial inheritance.¹⁴⁰ Significantly, his antagonism towards Vsevolod Chermnyy did not mollify him towards Ryurik.

After Ryurik was informed that Vsevolod Bol'shoe Gnezdo had set out to attack Chernigov, he quickly assembled a force, marched against Kiev, and forced Vsevolod Chermnyy to abandon it a second time.¹⁴¹ According to Tatishchev who alone gives this explanation, Ryurik succeeded in evicting Vsevolod because he summoned the Polovtsy and with them conducted a surprise attack. Vsevolod was unable to drive off the enemy with the small force at his disposal because he had sent off the majority of his retinue to help defend Chernigov against the impending attack from Suzdalia.¹⁴² Although the surprise of the attack may have been a salient factor in Ryurik's victory, the conduct of the citizens may have also worked against Vsevolod. As already noted the Kievans preferred the Monomashichi to the Ol'govichi and thus may have rallied to Ryurik's support. Moreover, they realized that if they did not submit to Ryurik he would let loose the Polovtsy to pillage their lands. The advisable thing to do, therefore, was to let Ryurik occupy Kiev. Ironically, Vsevolod Bol'shoe Gnezdo's planned siege of Chernigov never took place. While on his march south he discovered that his alleged allies, the princes of Ryazan' who were accompanying him, were plotting against him with the Ol'govichi so he diverted his attack against the lands of Ryazan'.¹⁴³

In February of 1208 Vsevolod Chermnyy made a feeble effort to regain control of Kiev. Not only did he have too small a force but on this occasion, unlike in the previous summer, Ryurik must have been prepared for the attack. Since his troops were insufficient to capture Kiev Vsevolod's main objective may have been simply to

139 *PSRL* 1: 429; *PSRL* 25: 106; Gust., 330. For a more detailed examination, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 258–260.

140 *PSRL* 10: 54.

141 *PSRL* 1: 432–433; *PSRL* 25: 106.

142 Tat. 4, 337; Tat. 3, 181.

143 *PSRL* 1: 429–432.

plunder Kievan lands to appease his exasperation with the Kievans.¹⁴⁴ This was to be Vsevolod's last campaign against Rurik.

There is much conflicting chronicle information and disagreement among historians concerning the date of Rurik's death. According to two minor chronicles, which we believe have the correct information, Rurik died in 1208 in Kiev and Vsevolod Chermnyy succeeded him to the throne.¹⁴⁵ According to Tatishchev, Rurik's last recorded action in 1208 occurred on 4 September when, as prince of Kiev, he helped his son Rostislav occupy Galich. Nevertheless, Rostislav was evicted from the town later that autumn. This most likely occurred after he lost the backing of his father who probably died soon after 4 September.¹⁴⁶ Rurik would have been some seventy years of age at the time of his death. It is ironic that for a prince who was particularly prominent in the politics of Rus' and was a popular subject for chroniclers for some fifty years, there is an inordinate amount of seemingly unexplainable confusion concerning the date of his death. And yet, to judge from the straightforward reports of it given by the *Piskarevskiy letopisets* and the *Tipografskaya letopis'*, there appeared to be no irregularities surrounding his death that might have created the confusion.

We also do not know where he was buried. As a Mstislavich he was eligible for burial in St. Fedor's monastery founded by his ancestor Mstislav Vladimirovich.¹⁴⁷ However, as we have seen, on 1 January 1198 he consecrated the Church of St. Basil (Vasily) in Kiev that he had built.¹⁴⁸ Fourteen years earlier, in 1184, Svyatoslav, when he was prince of Kiev, had also erected a church in honour of St. Vasily.¹⁴⁹ To date only one church dedicated to that saint, the so-called *Trehsvyatitel'skaya*, has been identified. According to one view Rurik did not build a new church but repaired the church founded by Svyatoslav after it was damaged in 1196 by an earthquake.¹⁵⁰ According to tradition a prince was frequently buried in the church that he himself had built. Therefore, it is very possible that he was buried in the Church of St. Vasily.

144 *PSRL* 1: 434; *PSRL* 25: 107. Concerning the date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 100. For a more detailed examination, see Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 260–263.

145 "Tipografskaya letopis'," 85; "Piskarevskiy letopisets," 81. Compare Tatishchev who says that Rurik died in 1211 in Kiev (Tat. 4, 341; Tat. 3, 184). Other sources say that he died in 1215 in Chernigov (*PSRL* 1: 438; *PSRL* 25: 110) or in 1216 (*Troitskaya letopis'*, *rekonstruktsiya teksta*, editor, M. D. Priselkov [M.–L., 1950], 301). Yet another chronicle gives 1219 as the date of his death (Gust., 334). For an examination of the problem, see Dimnik, "The Place of Rurik Rostislavich's Death: Kiev or Chernigov?" *Mediaeval Studies*, vol. 44 (Toronto, 1982), 371–393. Compare J. Fennell, "The Last Years of Riurik Rostislavich," *Essays in Honor of A. A. Zimin*, ed. D. C. Waugh (Columbus, Ohio, 1985), 159–166, and O. Tolochko, "Pro mistse smerti Riuryka Rostyslavycha," *Ukrainskij istorychnyj zhurnal* (1997, 5), 136–144.

146 *PSRL* 25: 108; "Ermolinskaya letopis'," 62; only one chronicle gives the date of Rostislav's occupation of Galich, namely "Nikonovskaya letopis'," (*PSRL* 10: 60); see also Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 264–265.

147 Concerning St. Fedor's monastery as a mausoleum for the Mstislavichi, see M. Dimnik, "Dynastic Burials in Kiev before 1240," *Ruthenica*, VII (Kiev, 2008), 82–83, 90, 92, 94, 95.

148 See under the year 1197: *PSRL* 2: 707; Gust., 326. Concerning the correct date, see Berezhkov, *Khronologiya*, 208.

149 *PSRL* 2: 634; Gust., 319.

150 See Dimnik, *The Dynasty of Chernigov 1146–1246*, 153–156; for the location of the *Trehsvyatitel'skaya* church, see P. P. Tolochko, *Kiev i Kievskaya zemlya v epokhu feodal'noy razdroblennosti XII–XIII vekov* (Kiev, 1980), 54–55.

Conclusion

We have seen that Ryurik was a man of his day. His father Rostislav gave him Vruchiy as his patrimonial domain. At a later date he also appropriated his brother Mstislav's patrimony of Belgorod in the Kievan lands and made it his permanent possession. Ryurik was a faithful advocate of the tradition of lateral succession according to genealogical seniority which he demonstrated by allowing his elder brother Roman to occupy Kiev ahead of him. In keeping with this tradition he, as David's elder brother, occupied Kiev ahead of David.

Ryurik was an indefatigable champion of his dynasty's claims to Kiev and to the Kievan towns. His dogged determination to defend these claims was revealed in his challenge to Andrey Bogolyubskiy, in his dealings with Svyatoslav, in his rivalries with Roman of Galich and Yaroslav of Chernigov, and in his persistent battles with Vsevolod Chermnyy. By asserting Rostislavichi control over the Kievan outposts, especially Belgorod and Vyshgorod, Ryurik ensured that the Rostislavichi would be in a position to monitor and influence the politics of the prince of Kiev.

Contrary to Tatishchev's claim that Ryurik paid little attention to ruling the land, we find ample evidence of his conscientious concern for the administration of his domains. We learn of his monumental building projects in Kiev where he erected the Church of St. Vasily and funded the construction of the restraining wall below the Church of St. Michael. We also know that he commissioned a chronicle whose author wrote an encomium in praise of his patron. Ryurik expressed his concern for the administration of his patrimony of Vruchiy on a number of occasions when he used this obligation as an excuse for absenting himself from campaigns against the Polovtsy. It was evidently also he who was largely responsible for drawing up the terms of his co-rule with Svyatoslav.

Ryurik collaborated with the other Rostislavichi to maintain harmony among the members of his dynasty. His willingness to allocate Kievan towns to his relatives demonstrated his loyalty and fair conduct towards them. He also showed a readiness to work hand in glove with his brothers against Andrey Bogolyubskiy's heavy handedness and with David in the pursuit of Rostislavichi claims against the Ol'govichi. He came to the defense of his relatives when he sought to obtain Mstislav Romanovich's release from the Ol'govichi and when he prevented Yaroslav of Chernigov from attacking Smolensk and killing David. Moreover, he was loyal to his vassals as, for example, when he intervened on behalf of Khan Kuntuvdey after Svyatoslav took him captive. He allegedly acted out of compassionate concern for his subjects when he insisted that he and Svyatoslav cease fighting for Kiev and become co-rulers because he wished to stop shedding Christian blood.

To judge from chronicle evidence Ryurik was an exceptional military commander from an early age. As a young prince his father sent him on campaigns and placed him in command of Smolensk troops. In his early years he is reported as participating on more campaigns than his brothers Roman, David and Mstislav. Later, Ryurik was most assiduous in defending his Kievan patrimonies from nomadic incursions by joining Svyatoslav on numerous campaigns. He also levied attacks against the Lithu-

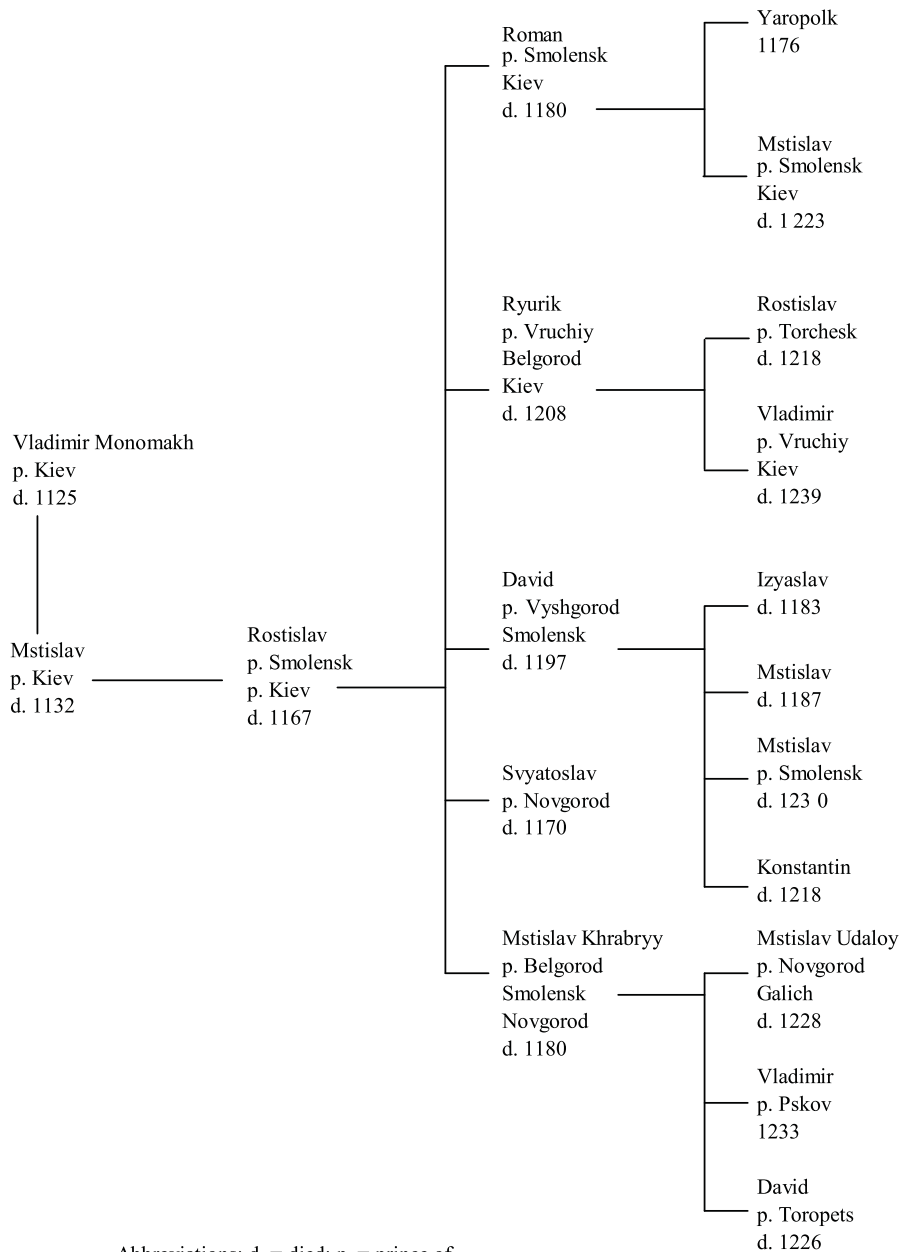
anians who evidently pillaged the territories of Vruchiy. He continued to exercise his prowess in war up to the last years of his life in his battles for Kiev against Vsevolod Chermnyy. In addition to waging war, however, he also exhibited skill as a negotiator in concluding peace with the Polovtsy, in pacifying Kuntuvdey, and later in negotiating with the tribesmen to serve as his auxiliaries.

In his quest to secure control of Kiev for the Rostislavichi Ryurik experienced a number of temporary setbacks. In neglecting to give Vsevolod of Suzdalia towns in the Kievan lands he antagonized him as the patriarch of the House of Monomakh. He experienced other setbacks when Roman evicted him from Kiev on two occasions, when Roman forced him to become a monk, and when Vsevolod Chermnyy drove him out of Kiev on two occasions. Having to acknowledge the overlordship of Andrey Bogolyubskiy and later of Vsevolod Bol'shoe Gnezdo limited his freedom of action for a period but ultimately did not weaken the Rostislavichi hold on Kiev and the Kievan towns. Another setback was the Kievans' opposition to him. Nevertheless, the townspeople seemingly had an ambivalent relationship with him. When it was a matter of backing one of two Monomashichi, either Roman or Ryurik, they supported Roman. However, when it came to choosing between Ryurik, a Monomashich, and Vsevolod Chermnyy, an Ol'govich, they sided with Ryurik. Moreover, although the Kievans were antagonistic towards Ryurik the chronicles never report that he was unpopular with the citizens of Vruchiy or Belgorod.

Ryurik also suffered a number of more lasting failures. In 1195 he antagonized his son-in-law Roman when he gave five Kievan towns to Vsevolod in Suzdalia. As a result Roman remained his enemy for the next ten years until his death. In 1196 Ryurik suffered a major failure when he and the Monomashichi were unable to force Yaroslav and the Ol'govichi to renounce their claim to Kiev for future generations of Ol'govichi. Ryurik therewith failed to realize Monomakh's desire to make Kiev the patrimony of the Monomashichi.

In conclusion we have seen that, on the one hand, in agreement with Tatishchev's source, Ryurik suffered much at the hands of his son-in-law Roman, he had no peace from any direction, and the Kievans' love for him was at best ambivalent during most of the last decade of his life. On the other hand, we have seen that contrary to the accusation made by Tatishchev's source that Ryurik paid little attention to the ruling of the land, the latter appeared to be one of his main preoccupations, especially when it came to defending his Kievan domains against Polovtsian incursions. His greatest objectives, however, were to gain permanent possession of Kiev and the Kievan towns for the Rostislavichi. He successfully obtained control of the Kievan towns but failed to secure Kiev as his dynasty's patrimony even though he evidently died in 1208 as prince of Kiev.

The Rostislavichi of Smolensk

Андрей Кузнецов

Политическая история Северо-Восточной Руси в 1211–1218 гг.: источниковедческий аспект

События 1211–1212 гг. в Северо-Восточной Руси являются ключевыми для понимания истории Владимирского княжества в период 1212–1218 гг. Их исследование обуславливает то или иное видение состояния и развития политических институтов раздробленной Руси и домоногольской Руси в целом. Реконструкция зависит от того, какой блок источников кладется в ее основу: или Лаврентьевская (*Лавр.*), Симеоновская (*Сим.*), Ипатьевская (*Ипат.*), Новгородская первая (*НПЛ*) летописи, Летописец Переяславля Суздальского (*ЛПС*), или летописи новгородско-софийской группы, Никоновская (*Ник.*), Типографская (*Тин.*) летописи, Московский летописный свод конца XV в. (*МЛС*) и, как считается, зависящие от него Воскресенская (*Воск.*), Ермолинская (*Ерм.*), Львовская (*Льв.*), Холмогорская (*Холм.*) летописи, Тверской сборник (*Тв.*), Владимирский летописец (*Влад.*) и др., или совокупность обеих групп. Исследованиям, где варьируются комбинации источников несть числа, а потому обращение к историографии в этой работе будет происходить в ходе решения проблем.

Для устранения историографического плюрализма надо рассмотреть структурные особенности изложений событий 1211–1212 гг. в разных летописях. За эталон последовательности событий взяты сведения *Лавр.* (*Сим.*) (пронумерованы), иные известия других летописей последовательно нумеруются с учетом нумерации в *Лавр.* (*Сим.*). Важные моменты выделены жирным шрифтом, различия в таблице указаны курсивом.

Летопись	Последовательность событий 1211–1212 гг.
<i>Лавр. Сим.</i> <i>Троицкая</i>	1211 г.: 1) свадьба Георгия ¹ в <i>Успенском соборе</i> (в Сим. венчан в святой Богородице монастыре) Владимира, венчал епископ Иоанн в присутствии детей Всеволода и вельмож; 2) 15 мая, на память св. Пахомия (память Пахомия не указана в Сим., Троицкой), в воскресенье, на сборе святых Отцов, на VII-ю неделю после Пасхи произошел сильный пожар в Ростове, сгорело 15 церквей, что было расценено как

1 В данном исследовании Георгием именуется владимирский князь, в историографии привычно называющийся Юрием Всеволодовичем. Поскольку форма «Юрий», наиболее часто встречаемая в летописях, является лишь адаптационной формой имени «Георгий», то естественно употребление последней.

- Лавр. Сим. Троицкая* наказание Бога за грехи; выгорела церковь Иоанна Предтечи на дворе епископа, уцелели ее икона мученика Феодора Тирона и вощаница с вином, по слухам принадлежавшая епископу Леону; 3) Константин был во Владимире у отца и там узнал о беде, поехал в Ростов и утешал мужей изволением Бога; 4) 1212 г. «индикта», **13 апреля (18 апреля Сим., Троицкой)**, на память св. Мартина папы Римского умер Всеволод Юрьевич (в издательском примечании к сведению Лавр. указано, что память св. Мартина приходится на 14 апреля; возможно, Всеволод умер 13 апреля вечером, когда уже начались другие церковные сутки); 5) некролог, описание скорбных похорон (без даты); 6) Георгий отпустил рязанских князей, всех рязанцев и епископа Арсения, ходил к Ростову с Ярославом и помирился с Константином².
- Тит.* 1211 г.: 2) 15 мая, на память св. Пахомия, в VII-ю неделю после Пасхи, «Святых отец» большой пожар в Ростове, расцененный как наказание Бога за грехи; выгорела церковь Иоанна Предтечи на дворе епископа, уцелела лишь ее икона мученика Феодора Тирона и вощаница с вином, по слухам принадлежавшая епископу Леону; 3) Константин был во Владимире у отца и там узнал о беде, поехал в Ростов и утешал мужей изволением Бога; 1) Всеволод женил Георгия «у Всеволода Святославича Киевского» (не указано место); 7) галичане тайно привели угров и повесили 3-х Игоревичей и Романа с братией; 8) Всеволод посылал за Константином, предлагая ему Владимир, а Георгию — Ростов; Константин не поехал, желая получить к Ростову Владимир; 9) Всеволод отдал Георгию Владимир и поручил ему все братью. 4) 1212 г.: **15 апреля** умер Всеволод; 5) скупой некролог; 10) во Владимире княжить Георгий; 6) Георгий отпустил рязанских князей; 11) Святослав ушел к Константину; 12) изгнание из Киева Всеволода Черного и смерть его; 13) Киев занял Мстислав Романович; 14) Владимир бежал к брату Константину; 15) Георгий, Ярослав и Иван ходили на снем к Юрьеву и помирились; 16) Владимир утвердился в Москве, а Святослав ушел от Константина к Георгию, тот дал ему Юрьев³.
- Ерм., Льв.* 1211 г.: 1) Всеволод женил Георгия «у Всеволода Черного» (не указано место); 7) галичане тайно привели угров, поймали «Игоревичи 3, Романа з братьею (Игоревичей трех, Романа и братью его — Льв.)», «бывша их» и повесили; 8) Всеволод посылал в Ростов за Константином, желая дать ему Владимир, а Георгию Ростов — Константин не поехал; 17) Константин не поехал после второго призыва; 18) Всеволод созвал бояр и всех людей, епископа Иоанна и 9) дал Георгию Владимир, и, приведя их к целованию, приказал Георгию всю братью; 19) об этом узнал Константин и сдвинул брови на братью и на Георгия; 2) пожар в Ростове (без даты), сгорело 15 церквей, выгорела церковь Иоанна Предтечи на дворе епископа, уцелела лишь ее икона мученика Феодора Тирона и вощаница с вином; 4) 1212 г.: умер Всеволод Юрьевич **15 апреля, в неделю**, а похоронен был в понедельник; 5) некролог (совмещение сведений из некролога ЛЛ и статьи «А се князи Русьстии»); 10) Владимир занял Георгий и 6) отпустил рязанских князей; 11) Святослав ушел к Константину; 20) Константин начал замышлять рать на Георгия; 6) Георгий, узнав про это, с Ярославом, Иваном, Владимиром ушел до Ростова и помирился; 21) голод большой; 12) изгнание из Киева Всеволода Черного и смерть его; 22) примирение смоленских князей с Глебом Святославичем; 13) Киев

2 ПСРЛ I: 435–437. Постриги Василька и Всеволода Константиновичей в таб. не фиксируются. Симеоновская летопись. ПСРЛ XVIII: 46–47; Приселков М.Д. *Троицкая летопись*. СПб., 2003, 299. Та же дата смерти Всеволода — 18 апреля на день святого Мартина — читается в Листе над гробом Всеволода Юрьевича (Лист над гробом благоверного великого князя Всеволода Георгиевича. *Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах*. СПб., 2003, 74), что объясняется использованием Сим как источника для этого листа (Сиренов А.В. *Создание Жития Георгия Всеволодовича и надгробные листы Успенского собора. Путь к граду Китежу*, 45–47).

3 ПСРЛ XXIV: 85–86.

занял Мстислав Романович, распределение князей по столам; 14) Владимир Всеволодович бежал к брату Константину; 15) Георгий, Ярослав и Иван ходили на снем к Юрьеву и помирились; 23) у Георгия родился Дмитрий; 24) Константин послал Владимира на Москву; 16) Владимир утвердился в Москве, а Святослав ушел от Константина к Георгию, тот дал ему Юрьев⁴.

Тв. 1211 г.: 1) Всеволод женил Георгия «в Киеве у Всеволода Черного» (не указано место); 7) галичане тайно привели угров, поймали «Игоревичев трех, Романа и братию его, бившее их повесиша»; 25) сведения *НПЛ* (С. 52, 249–250) о новгородских делах; 8) Всеволод посылал в Ростов за Константином, желая дать ему Владимир, а Георгию Ростов — Константин не поехал; 17) Константин не поехал после второго призыва; 18) Всеволод созвал бояр и всех людей, епископа Иоанна и 9) дал Георгию Владимир, и, приведя их к целованию, приказал Георгию всю братью; 19) об этом узнал Константин и сдвинул брови на братью и на Георгия; 2) пожар в Ростове (без даты), сгорело 15 церквей, выгорела церковь Иоанна Предтечи на дворе епископа, уцелела лишь ее икона мученика Феодора Тирона и воцаница с вином, по молве принадлежавшая святому Леонтию; 1212 г.: 26) сведения *НПЛ* (С. 52–53, 250); 4) **15 апреля, на память святых апостола Аристарха (Пуда и Трофима), в неделю** умер Всеволод, в понедельник был похоронен; 5) некролог (совмещение сведений некролога ЛЛ и статьи «А се князи Русьстии»); 10) Владимир занял Георгий и 6) отпустил рязанских князей; 11) Святослав ушел к Константину; 20) Константин начал замышлять рать на Георгия; 6) Георгий, узнав про это, с Ярославом, Иваном, Владимиром дошел до Ростова и помирился; 27) сведение *НПЛ*; 21) великий голод; 12) изгнание из Киева Всеволода Черного и смерть его; 22) примирение смоленских князей с Глебом Святославичем; 13) Киев занял Мстислав Романович, распределение князей по столам; 14) Владимир Всеволодович бежал к брату Константину; 15) Георгий, Ярослав и Иван ходили на снем к Юрьеву и помирились; 23) у Георгия родился Дмитрий; 24) Константин послал Владимира на Москву; 16) Владимир утвердился в Москве, а Святослав ушел от Константина к Георгию, давшему ему Юрьев⁵.

*МЛС,
Воск.*

1211 г.: 1) Всеволод привел из Киева невесту, дочь Всеволода Святославича Георгию, венчание состоялось в Успенском соборе **28) 10 апреля**; 7) галичане тайно, через горы, привели к себе угров, изымали 3-х Игоревичей — Романа с брата — и бивше их, повешаша; 8) князь Всеволод посылал в Ростов за Константином, желая дать ему Владимир, а Георгию Ростов — Константин не поехал; 17) Константин не поехал после второго призыва; 18) Всеволод созвал бояр и всех людей, епископа Иоанна и 9) дал Георгию Владимир, и, приведя их к целованию, приказал Георгию всю братью; 19) Константин, узнав об этом, «вздвиге брови с гневом» на братию свою и, особенно, на Георгия; 2) большой пожар в Ростове, сгорело 15 церквей, выгорела церковь Иоанна Предтечи на дворе епископа, уцелела лишь ее икона мученика Феодора Тирона и воцаница с вином, по молве принадлежавшая святому Леонтию. — 1212 г.: 4) **15 апреля, в неделю, 29) когда оканчивают литургию** 4) умер Всеволод, в понедельник был похоронен; 5) некролог (совмещение сведений из некролога ЛЛ и статьи «А се князи Русьстии»); 10) Владимир занял Георгий и 6) отпустил рязанских князей; 11) Святослав ушел к Константину; 20) Константин начал замышлять рать на Георгия; 6) Георгий, узнав про это, с Ярославом, Иваном, Владимиром дошел до Ростова и помирился; 21) великий голод; 12) изгнание из Киева Всеволода Черного и смерть его; 22) примирение смоленских князей с Глебом Святославичем; 13) Киев занял Мстислав Романович, распределение князей по столам; 14) Владимир Всеволодович бежал к брату Константину;

4 *ПСРЛ* XXIII: 63–64; *ПСРЛ* XX, 1: 147.

5 *ПСРЛ* XV: 309–312.

15) Георгий, Ярослав и Иван ходили на снем к Юрьеву и помирились; 23) у Георгия родился Дмитрий; 24) Константин послал Владимира на Москву; 16) Владимир утвердился в Москве, а Святослав ушел от Константина к Георгию, тот дал ему Юрьев⁶.

Проявляются следующие схемы статей 6719–6720 гг. в летописях.

Лавр., Сим., Троицкая: 1)–2)–3)–4)–5)–6).

Тит.: 2)–3)–1)–7)–8)–9)–4)–5)–10)–6)–11)–12)–13)–14)–15)–16).

Ерм., Льв.: 1)–7)–8)–17)–18)–9)–19)–2)–4)–5)–10)–6)–11)–20)–6)–21)–12)–22)–13)–14)–15)–23)–24)–16). Похожа схема в *Холм.:* отсутствуют эпизоды 2) (пожар в Ростове), 5) (вместо некролога даны годы жизни и правления); в эпизоде 4) нет числа, месяца и дня недели смерти Всеволода⁷.

Тв.: 1)–7)–25)–8)–17)–18)–9)–19)–2)–26)–4)–5)–10)–6)–11)–20)–6)–27)–21)–12)–22)–13)–14)–15)–23)–24).

МЛС (Воск.): 1)–28)–7)–8)–17)–18)–9)–19)–2)–4)–29)–4)–5)–10)–6)–11)–20)–6)–21)–12)–22)–13)–14)–15)–23)–24)–16).

В *Ник.* представлена компиляция. Об этом свидетельствует указание на то, что венчал Георгия Всеволодовича и дочь Всеволода Чермного в 1211 г. вел епископ Иоанн в монастыре Богородицы, как в *Сим.* Но при венчании, согласно *Ник.*, присутствовали лишь дети Всеволода, без вельмож. В *Ник.* порядок сведения близок к *Лавр.* В 6720 (1211) г. женился Георгий. Затем сообщается о пожаре в Ростове и уцелевших в огне иконе и вощанице. Читаются известия о гибели Игоревичей в Галицкой земле, о непослушании Константина и о передаче через созыв представителей земли власти Георгию, о гневном сдвиге бровей Константином. Затем идут новгородские сведения. В 6721 (1212) г. Всеволод умер 14 апреля на память святого Мартина, в неделю (воскресенье) и был похоронен в понедельник. Нет эпизода 3). В датах смерти и похорон сбиты хронологические реалии 6720 и 6721 гг. День св. Мартина, когда умер Всеволод, соответствует 14 апреля. В остальном организация материала 6720–6721 гг. *Ник.* близка к схеме *Ерм., Льв., Холм.* Эти сведения *Ник.* «проложены» новгородским летописным текстом, превосходящим по объему *Тв.*⁸

Компилятивные сведения читаются и во *Влад.* По схеме и объему они похожи на *Лавр.* Подобно *Сим.*⁹, во *Влад.* сообщается о венчании молодоженов в монастыре епископом Иоанном, но, как в *Ерм., Льв., Холм.* и *Тв.*, не говорится о присутствии на церемонии детей и вельмож Всеволода. Затем сообщается о

6 Московский летописный свод конца XV в. (МЛС) *ПСРЛ* XXV: 108–109; Воскресенская летопись (Воск.) *ПСРЛ* VII: 117–118.

7 Холмогорская летопись (*Холм.*) *ПСРЛ* XXXIII: 59–60.

8 Никоновская летопись (*Ник.*) *ПСРЛ* X: 63–64. Если 6721 г. переводить как 1213 г., то 14 апреля этого года — воскресенье.

9 Близость Владимирского летописца к *Сим.* (Троицкой) до 1379 г. отмечена: Тихомиров М.Н. Летописные памятники б. Синодального (Патриашего) собрания. *Исторические записки.* Т. XIII. М., 1942, 257–262; Лурье Я.С. *Общерусские летописи XIV–XV вв.* Л., 1976, 25, 27–28; Муравьева Л.Л. *Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века.* М., 1983, 27; Лурье Я.С. Летописец Владимирский. *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2. (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 2. Л., 1989, 17–18.

пожаре в Ростове, но нет сведений о реакции Константина. 6721 г. открывается смертью Всеволода 13 апреля, с упоминанием индикта и указанием на 37 лет правления, как в *Лавр.* Некролог напоминает по структуре некролог *Ерм., Льв., Холм. и МЛС (Воск.)*, но в него включено сведение о распределении детей Всеволода по городам. Затем, как в *Лавр.* и *Сим.*, сообщается об освобождении Георгием рязанских князей и епископа Арсения, примирение у Ростова с Константином (как в *Лавр.*)¹⁰.

Схема *Лавр., Сим.* в текстах *Ерм., Льв., Тв., МЛС (Воск.)* нарушается вторжением иного материала. Оно сочетается с изменением последовательности событий, устранением ряда сведений: во фрагменте 2) нет даты пожара в Ростове, нет фрагмента 3), разрыв эпизода б). Частично это объясняется тем, что сводчики XV–XVI вв. испытывали трудности при группировке событий по сентябрьскому стилю. Тем более, в *Сим.* эти сведения сдвинуты на 1 годовую позицию по сравнению с *Лавр.* Использование новгородских и южнорусских сведений еще больше затрудняло работу сводчиков. Видна и редакторская правка. Можно зафиксировать 2 версии событий 1211 г. В текстах *Ерм., Льв., Тв., МЛС (Воск.)* проводится мысль о том, как в отсутствие Константина Всеволод решил передать власть Георгию. При этой процедуре присутствовал ростовский епископ Иоанн. То есть, он освятил передачу власти Георгию Всеволодовичу. Символическим воздаянием за это стал пожар в Ростове, во время которого сгорела церковь епископа, посвященная Иоанну. В *Лавр.* и *Сим.* читаются сведения, логически не связанные между собой, а в *Ерм., Льв., Тв., Холм. и МЛС (Воск.)* — рассказ, где эти сведения объединены темой передачи власти Всеволодом Георгию в обход старшего Константина. При создании рассказа были вытеснены дата пожара, указание на пребывание Константина во Владимире. Завершило рассказ сведение о том, что Георгию после смерти отца в 1212 г. достались старшинство и власть во Владимирской земле, и Константин начал борьбу за справедливость. Последний факт требовал объяснений, данных в статье 1211 г. *Ерм., Льв., Тв., Холм. и МЛС (Воск.)*. Это вынуждает более доверять сведениям *Лавр.* и *Сим.*, давших материал для создания нарратива в *Ерм., Льв., Тв., МЛС (Воск.)*.

Так из текста, читаемого в статье 6721 г. *Лавр.* (6722 г. в *Сим.*), в *Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск. и Тип.* могло попасть сведение об отъезде Владимира в Москву¹¹. Но в этих летописях, кроме *Тип.*, сведение распределилось по эпизодам 16) и 24). Сведение *Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск.* о рождении у Георгия сына Всеволода-Дмитрия¹² — фрагмент 23) — читается под в 6721 г. *Лавр.* (6722 г. в *Сим.*). Фрагмент 7) (привод галичанами угров и расправа над Игоревичами) в *Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск.* представляет собой сжатый пересказ сведений, читаемых в *Ипат.* (6716 г.) и *НПЛ* (6722 г. — мотивация изгнания Всеволодом Черным Ростиславичей из «Руси»¹³). В *Ипат.* говорится о том, что

10 Владимирский летописец (*Влад.*) ПСРЛ XXX: 83

11 *Лавр.*: 437; *Сим.*: 48.

12 *Лавр.*: 438; *Сим.*: 48.

13 *НПЛ.*: 53, 251.

венгерский король Андрей направил в Галич сына, хотевшего отослать к королю захваченных князей Романа, Святослава, Ростислава. Но галичане умолили венгров, чтобы те выдали им князей на расправу: «да быша и повесили мести ради», «предании быша на повешение месяца сентября»¹⁴. В первой цитате определяется искаженная строка фрагмента 7): «и бивша ихъ, повешаша»¹⁵. Вторая цитата объясняет, почему в *Ерм., Льв., Тв., МЛС, Воск.* фрагмент 7) открывает годовую статью. Казнь черниговских князей произошла в сентябре — после новогодия сентябрьского года. Этот месяц и задал канву статей в *Ерм., Льв., Тв., МЛС, Воск.* Указание *Ипат.* на 3-х казненных князей позволяет определить источник этого текста: в *НПЛ* Всеволод Чермный обвинил Ростиславичей в гибели двух князей. Оставляя в стороне спор о числе повешенных¹⁶, надо отметить, что перед сводчиками протографа сведений о событиях в Галиче в *Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск.* лежали тексты, читаемые в *Ипат.* и *НПЛ*. *НПЛ* по использованию уступала *Ипат.* из-за отсутствия хронологических маркеров.

Использование текста *НПЛ* в составлении статей 1211–1212 гг. в *Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск.* доказывается чтением в них фрагментов 12) (бегство Всеволода Чермного, но в *НПЛ* не указана его смерть), 13) (вокняжение в Киеве Мстислава Романовича, но в *НПЛ* не указано распределение по столам князей). Эти фрагменты читаются в *НПЛ*¹⁷ после обвинения Всеволода Чермного, брошенного Ростиславичам. Дополнения во фрагментах 12) и 13) *Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск.* о смерти Всеволода Чермного и о распределении князей по столам нового не несут. Смерть Всеволода Чермного логически следовала из исчезновения его имени в дальнейших известиях. О вокняжениях Мстислава Романовича в Киеве и Мстислава Мстиславича в Новгороде читается в *НПЛ*, а сведения о княжении Ингваря Ярославича в Луцке можно почерпнуть из текста, читаемого в *Ипат*¹⁸.

Уникальное сведение о примирении смоленских князей с Глебом Святославичем Черниговским можно вывести из текста, читаемого в *Лавр., Сим.* В них говорится, что отправленный в Переяславль Владимир женился на дочери Глеба.

Если так, то надо полагать, что составитель протографа сведений 1211–1212 гг. в *Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС (Воск).* создавал картину общерусской организации власти: Киев — Новгород — Чернигов — Юго-Западная Русь. В Юго-Западной Руси была выбрана удобная фигура, поскольку этот регион был охвачен борьбой за власть, где сошлись венгры, поляки, боярство Галича, Мстиславичи и черниговские князья. Включение сведения о Ингваре Яросла-

14 *Ипат.*: 727.

15 Цит. по: *Ерм.*: 63.

16 Котляр Н.Ф. Комментарий. *Галицко-волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование.* СПб., 2005, 197; Волощук М.М. Обстоятельства казни в 1210 г. Игоревичей Черниговских: актуальные вопросы реконструкции русско-венгерских отношений начала XIII в. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana (Петербургские славянские и балканские исследования)*. 2007. № 1/2, 108–109.

17 *НПЛ*: 53, 252.

18 *Ипат.*: 725 (статья 6716 г., где говорится о казни черниговских князей в Галиче).

вича в Луцке подтолкнуло составителей текста, читаемого в *МЛС (Воск.)*, к объяснению в виде того, что он княжил недолго в Киеве¹⁹.

Охваченными текстом *Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск.* в 1212 г. оказались все политически значимые регионы Руси: Киев — Новгород, Северо-Восточная и Юго-Западная Русь. Откуда черпал сведения о Северо-Восточной Руси в 1211–1212 гг. автор рассказа, читаемого в *Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск.*? Фрагмент 21) о великом голоде, когда люди ели мясо в Великий Пост, обнаруживается в сведении 6722 г. *ЛПС* о «великом гладе» в Суздальской земле, когда люди ели дубовую кору, другие — мох, третьи — солому, а четвертые — конину в «Великое говение»²⁰. Последнее в *Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск.* подано как употребление мяса в Великий Пост. Предположение о заимствовании из текста *ЛПС* сведений в статье 1211–1212 гг. *Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск.* подтверждается фрагментами 11), 20), 14), 15), 24), 16). Фрагмент 11) о бегстве Святослава к Константину читается в *ЛПС* после завещания Всеволода²¹. Эпизод 20) — о сборе рати Константином — в *ЛПС* отдален от эпизода 11) сведениями о договоренности Георгия, Ярослава и Владимира, о вокняжении Ярослава в Переяславле. После фрагмента 20) в *ЛПС* рассказывается о неудачных переговорах между Георгием и Константином, а затем читается текст, который можно идентифицировать с частью фрагмента б) о походе Георгия и Ярослава к Ростову и примирении с Константином²². Только здесь этот фрагмент б) стилистически и информативно иной, нежели в *Лавр., Сим.*, но в *Тит., Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск.* используется текст *Лавр., Сим.* Примечательно, что на равных с Константином в стане врагов Георгия фигурирует его брат Владимир. Далее в *ЛПС* следует первая часть фрагмента б), об освобождении рязанских князей, но опять-таки текст *ЛПС* отличен от текста *Лавр., Сим.*

Фрагмент 14) — о переходе Владимира к Константину — в *ЛПС* выглядит более пространным. Сначала Владимир, не желая княжить в Юрьеве, бежит на Волок, а оттуда в Москву²³. Уже в следующей статье сообщается о столкновениях, вызванных Константином, приходе Георгия с Ярославом, муромским князем Давидом к Ростову. Владимир, узнав об этом, безуспешно пытался овладеть городом Ярослава — Дмитровым, но был вынужден бежать к Москве²⁴. Об обратном переходе Святославу к Георгию не говорится, как умалчивается и о прямой подчиненности Владимира Константину. Более того, после второго примирения Георгия с Константином тот помог в борьбе с Владимиром. Затем Георгий, без участия Константина, договорился с Владимиром, что тот получит Переяславль-Русский. Впрочем, эти события освещены уже в следующей после 1212 г. статье. Примечательно, что в *Лавр., Сим., НПЛ, ЛПС* не указывается (нет части фрагмента 16)), что Святослав перешел обратно к Георгию и

19 *МЛС*: 109; *Воск.*: 118.

20 Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей) (*ЛПС*) *ПСРЛ* XL1: 131.

21 *ЛПС*: 129.

22 *ЛПС*: 130.

23 *ЛПС*: 130.

24 *ЛПС*: 131.

получил Юрьев. Вообще, в *Лавр.*, *Сим.*, *НПЛ*, *ЛПС* (и в новгородско-софийских летописях) не сообщается, что Святослав сел в Юрьеве²⁵. Впервые связь князя с этим городом фиксируется в 1230 г., когда он начал там разбирать церковь²⁶. Возможно, указание на то, что Святослав получил Юрьев уже в 1212–1213 гг. является результатом ретроспективного распространения сведения о Святославе в Юрьеве в 1230 г. Ведь после указания на получение Юрьева Святославом в 1212–1213 гг. об этом князе не говорится как о юрьевском правителе.

Фрагмент 15) — о примирении Георгия, Ярослава и Ивана с Константином на снеме у Юрьева можно соотнести со сведением в *Лавр.*, *Сим.* о втором приходе Георгия с Ярославом к Ростову и примирении с Константином²⁷. Основанием для такого соотнесения служит указание на рождение у Георгия сына Дмитрия после сообщения о мире у Ростов в *Лавр.*, а в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС*, *Воск.* после известия о снеме у Юрьева. Если это так, то тогда в статье 6721 г. *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС*, *Воск.* повторено сведение о примирении князей у Ростова²⁸. Дублированный текст представляет сжатый пересказ статьи 6722 г. *ЛПС*²⁹. Она, подобно *Лавр.* и *Сим.*, знает две встречи Георгия и Константина, и обе — у Ростова. Маркерами заимствования текста из *ЛПС* в статью 6721 г. *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС*, *Воск.* являются сведения о сожжении отрядом Константина Костромы, наличии в войске у Георгия муромского князя Давида, о реке Ишня (Идша). Под 6721 г. в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС*, *Воск.* читается сообщение *Лавр.* (*Сим.*) об отставке епископа Иоанна³⁰. В *ЛПС* сообщается, что Георгий согнал Иоанна с епископства³¹. Это, видимо, противоречило замыслу составителя протографа в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС*, *Воск.*, и он предпочел сообщение *Лавр.* (*Сим.*). Этому же автору пришлось «расслаивать» сообщение 6722 г. *ЛПС*. Ведь заимствованный оттуда фрагмент 21) о великом голоде помещен в статью 6720 г. *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС*, *Воск.* Причина в том, что в статье 6722 г. *ЛПС* отмечено, что эти события произошли в високосный год³². Поэтому в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС*, *Воск.* фрагмент 21) помещен под високосным 6720 г. Поэтому составителю протографа текста статей 1211–1212 гг. в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС*, *Воск.* пришлось придумывать или дублировать уникальным известием сведение о втором примирении братьев, но у Юрьева. Ведь в *Лавр.*, *Сим.* сообщение о втором примирении у Ростова датировано годом, следующим после года смерти Всеволода Большое Гнездо.

25 На связь князя с этим городом в 1212 г., участие в битве на Липице вместе с братом Иваном (sic!) указывается в современных работах: Родина М. Печати князя Гаврилы. Уникальные находки во Владимире. *Родина*. № 6. С. 40 (об Иване не говорится); Хламов С.Ю. Князь Святослав Всеволодович — один из участников Липицкой битвы. *Материалы областной краеведческой конференции*. В 2 т. Т. 1. Владимир, 2007, 27.

26 *Лавр.*: 455; *Сим.* : 54.

27 *Лавр.* : 437–438; *Сим.*: 48.

28 *Ерм.* : 64; *Льв.* : 147–148; *Тв.* : 312–313; *Холм.* : 59; *МЛС* : 110; *Воск.* : 119.

29 *ЛПС*: 131.

30 *Лавр.*: 438; *Сим.* : 48.

31 *ЛПС*: 132.

32 *ЛПС*: 132.

Стремление создать полноценную общерусскую картину с акцентированием внимания на Северо-Восточной Руси подтолкнуло авторов протографа статей 1211–1212 гг. в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС*, *Воск.* совместить сведения *Лавр.*, *Сим.*, *Ипат.*, *НПЛ* и *ЛПС*. В *Туп.* совмещались те же тексты с критическим переосмыслением версии, читаемой в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *МЛС*, *Воск.*, но без прямого привлечения *ЛПС*. Данное творчество потребовало фактологическо-хронологических согласований. Такая компенсация привела к другим текстovým погрешностям. Вероятно, что компилятивное редактирование информации в протографе статей 1211–1212 гг. в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *МЛС*, *Воск.* имело и определенную политическую тенденцию. В *Лавр.*, *Сим.*, где, судя по хвале, проявился летописец Константина Всеволодовича, свадьба Георгия открывает 1211 мартовский год. Сообщение о свадьбе Георгия (без даты) в *Лавр.*, *Сим.* (не указана память святого Пахомия (15 мая)) фиксирует присутствие Константина во Владимире и объясняет его отсутствие в Ростове во время пожара 15 мая 1211 г. Свадьба должна была состояться после Великого поста и празднования Пасхи. Она в 1211 г. пришлось, как показывают вычисления и дата пожара в Ростове (5 недель после Пасхи), на 27 марта. 15 мая (мало времени прошло со свадьбы) в Ростове вспыхнул пожар. Константин был во Владимире, может быть, по случаю свадебных торжеств. Возможно, летописцев поразило совпадение даты пожара — 15 мая — и числа сгоревших храмов. Они отметили чудесное спасение от огня тех святынь церкви Иоанна Предтечи, что были принесены святителем Леонтием.

Положение меняется в летописании, отразившемся в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *МЛС*, *Воск.*: свадьба Георгия и пожар в Ростове разделены фрагментами 7)–8)–17)–18)–9)–19). Из них примечательны пространные сообщения о решении Всеволода Юрьевича по передаче власти Константину, отказах последнего явиться к отцу, изменении решения и передачи власти Георгию через одобрение съезда, где присутствовал епископ Иоанн, о гневном сдвиге бровей Константином. После известия о съезде сообщается о пожаре в Ростове. Исчезновение даты пожара снижало актуальность числа сгоревших храмов. По времени разделялись свадьба Георгия, где присутствовал Константин, и пожар в Ростове.

В *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *МЛС*, *Воск.* не указано, что Константин на момент ростовского пожара был во Владимире. Получается, что после свадьбы Всеволод Юрьевич озаботился будущим княжества, заспорил с Константином, находившимся в Ростове, решил передать Георгию владимирский стол. Константин в Ростове гневно воспринял эту весть, и случился пожар, уничтоживший храм Иоанна Предтечи в епископском дворе. В этом контексте пожар не случаен: епископ Иоанн выделен среди тех, кто был при решении о передаче власти Георгию. Пожар, уничтоживший храм Иоанна Предтечи, — символическое воздаяние епископу за участие в неправом деле. В связи с этими соображениями симптоматично отсутствие в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *МЛС*, *Воск.* фрагмента 3) (Константин был во Владимире у отца и узнал о беде, поехал в Ростов и утешал мужей). То есть, Константин, когда решалась судьба княжества, был в Ростове.

Тенденциозность такого структурирования событийной последовательности очевидна. Откуда взялись фрагменты 8)–17)–18)–9)–19)? Фрагменты 8)–17)

могли родиться из сочетания сведений, читаемых в *ЛПС*. Описывая похороны Всеволода, автор *ЛПС* перечислил поименно 5 его сыновей, но «болший Константин не утягил бе приехати над отца своего из Ростова». Ниже подчеркивается, что Константин отсутствовал во Владимире, когда умер отец³³. Двойное указание на отсутствие Константина во Владимире на момент смерти отца соотносится с частями фрагментов 8) и 17) о призывах к Константину и его двойном отказе. В *Лавр.*, *Сим.*, *Тип.*, *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС*, *Воск.* не указано участие Всеволодовичей на похоронах.

Первоначальный проект Всеволода в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Тип.*, *МЛС*, *Воск.*, подразумевавший перемещения Константина из Ростова во Владимир и Георгия в Ростов, в *ЛПС* исходит от Георгия. Он, заручившись поддержкой Ярослава, после слов Константина о неподобии младшему занимать отцовский стол, и сбором им рати, предложил старшему брату Владимир в обмен на Ростов для себя. Тут же говорится о желании Константина получить Владимир, Ростов отдать сыну Васильку, а Георгию отводился Суздаль (желание в смягченной форме читается во фрагменте 8)). Лишь после этого Георгий сносится с Ярославом, чтобы дать отпор³⁴. В *ЛПС* Георгий представлен защитником завещания отца³⁵, но готов идти на компромисс, чтобы не допустить междоусобицы. Константин в *ЛПС* — зачинщик ее. В *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *МЛС*, *Воск.* эти оценки Георгия и Константина полярно поменялись. При этом в *Лавр.*, *Сим.*, *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *МЛС*, *Воск.* не сообщается о мирных предложениях Георгия, отвергнутых Константином.

Фрагмент 18), где говорится о съезде, одобрившем решение передать Владимир и «братию всю» Георгию, вероятно, складывался из нескольких измененных сведений. Масса, прибывшая на съезд, сложилась из «всех вельмож», упомянутых на свадьбе Георгия в *Лавр.*, *Сим.*³⁶, «всех бояр и мужей, и всей земли власти его» в *Лавр.*, *Сим.* и «Иоанну епископу ту сущю, и попове, и чернцы, и всяк чинъ церковный» в *ЛПС* (похожий перечень есть в *Лавр.*, *Сим.*) на похоронах Всеволода Большое Гнездо³⁷. Другими словами, оказались задействованы детали фрагментов 1) и 5) в *Лавр.*, *Сим.* Эти детали отсутствуют во фрагментах 1) и 5) *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС*, *Воск.*

Фрагмент 9), раскрывающий суть завещания Всеволода Юрьевича, представляет отредактированное сведение *ЛПС*, согласно которому, Всеволод перед смертью дал Константину Ростов, Георгию Владимир, Ярославу Переяславль, Владимиру Юрьев, а младших Святослава и Ивана Георгию «вда на руце». Георгий должен был стать им вместо отца и, как отец, заботиться о них³⁸. Во фрагменте 9) это сведение стало указанием на то, что Георгию была приказана братия вся (без оговорок для Константина). Смещение акцентов очевидно. Ярко проявляется и «творческая лаборатория» автора протографа сведений в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*,

33 *ЛПС* : 129.

34 *ЛПС* : 130.

35 *ЛПС* : 129.

36 *Лавр.* : 435; *Сим.* : 46.

37 *Лавр.* : 437; *Сим.* : 47; *ЛПС* : 129.

38 *ЛПС* : 129.

МЛС, Воск. — экономное использование частей сведения *Лавр., Сим., ЛПС*, без придумывания принципиально нового. Фрагмент 19) — гневное воздвижение бровей Константином — мог появиться в результате осмысления указания ЛПС на негодование Константина по поводу, что младший сидит во Владимире³⁹.

Статья 1212 г. *Лавр., Сим.* открывается сообщением о смерти Всеволода Большое Гнездо (фрагменты 4), 5)). В *Лавр.* он умер 13 апреля на память св. Мартина (память отмечается 14 апреля), а в *Сим.* его смерть отмечена 18 апреля памятью того же Мартина. Возможно, в *Сим.* произошла описка, но графически перепутать «и» и «г» трудно. Дата смерти — в ночь с 13 на 14 апреля 1212 г., на память святого Мартина — оснований для истолкования не дает. Другая дата смерти приведена в *ЛПС* — 16 апреля⁴⁰.

Появление новых дат кончины Всеволода Юрьевича (15 апреля, воскресенье) и похорон (понедельник) в *Ерм., Льв., Тв.* объясняется при сравнении со сведением *МЛС, Воск.* В них сохранена структура сообщений *Ерм., Льв., Тв.*, с добавлением фрагмента 28), что Георгий в 1211 г. венчался 10 апреля. Эту дату, казалось бы, можно связать с летописцем Георгия Всеволодовича, чьи сведения дошли в составе *МЛС* (в *Ерм.* они зачастую сокращены). А потому даты смерти и похорон Всеволода Юрьевича надо бы отнести к этому летописцу. Опровергнуть эти рассуждения можно тем, что даты смерти и похорон выглядят искусственными по сравнению с более древней — 13–14 апреля на память святого Мартина (об этом в *Ерм., Льв., Тв., МЛС, Воск.* нет). Ведь 15 апреля 1212 г. — это воскресенье, а 14 апреля — суббота. В *Лавр.* уже попытались приблизить 13 апреля к субботе. В летописях XV–XVI вв. дату кончины наложили на воскресенье. В *МЛС (Воск.)* указано, что князь умер в воскресенье, когда заканчивают литургию — явное наращивание сведения. Видимо, подобным наращиванием стало введение даты венчания Георгия в *МЛС (Воск.)*. Она вычислялась через Пасху — в следующее воскресенье после нее. Дата — 10 апреля — или появилась в тексте *МЛС*, протограф которого читается в *Ерм., Льв., Тв.*, или дата из первичного текста *МЛС* была сокращена в протографе *Ерм., Льв., Тв., Холм.* Последнее подтверждало бы гипотезу А.Н. Насонова: *МЛС* полнее отразил свод, составленный в период 1464–1472 гг.⁴¹, где за период 1207–1234 гг. читается летописец Георгия Всеволодовича⁴². Но вышеприведенные факты свидетельствуют, что в *МЛС* расширяли тексты о событиях 1211–1212 гг., читающиеся в *Ерм., Льв., Тв., Холм.* Поэтому, предпочитая объяснение, согласно которому сводчики *МЛС* добавили фрагмент 28), надо считать, что они поняли замысел авторов текста, читаемого в статьях *Ерм., Льв., Тв., Холм.* о событиях двух последних лет жизни Всеволода Юрьевича. В эволюции сведений менялись даты и расположение событий в статьях 1211–1212 гг. Примерами этого являются *Ерм., Льв., Тв.*

39 *ЛПС* : 130.

40 *ЛПС* : 129.

41 Насонов А.Н. *История русского летописания XI — начало XVIII века. Очерки и исследования.* М., 1969, 274.

42 Там же, 201–202.

Похоже представлены сведения 1211–1212 гг. в *МЛС (Воск.)*. Только они уточнены и расширены. Например, появление даты брака Георгия — 10 апреля. Таким образом, подтверждается наблюдение С.А. Бугославского, повторенное Д.С. Лихачевым: древнейших текст может быть представлен позднейшим списком (*Льв., Тв., Холм.* по отношению к более раннему *МЛС*)⁴³.

В ростовском летописании второй половины XIII — начала XIV вв. проявившемся сначала в сведениях *Ерм., Льв., Тв., Холм.* по истории первой трети XIII в., объяснялась ситуация, сложившаяся во Владимирском княжестве после 1212 г.⁴⁴ Ростовские книжники не поняли ее. Поэтому они смоделировали объяснение, используя сведения и средства *Лавр., Сим., ЛПС, НПЛ*. Другими словами, фрагментарные сведения этих 4-х летописей представляют собой сложное чтение (*lectio difficilior*), которое ростовские книжники делали цельным текстом (нарративом) — легким чтением (*lectio faciliior*)⁴⁵. К итогам проведенного текстологического исследования надо отнести то, что в реконструкции событий 1211–1213 гг. в Северо-Восточной Руси надо привлекать *Лавр., Сим., ЛПС* и отказаться с обоснованием в каждом конкретном случае от *Туп., Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск.*

Большинство же исследователей, начиная с В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина, восстанавливают прошлое Северо-Восточной Руси 1211 — 1213 гг., с опорой на *Ерм., Льв., Тв., МЛС, Воск.* В общих чертах эта реконструкция выглядит так. В 1211 г. Константин заспорил с отцом. Тот хотел утвердить Константина во Владимире, а Ростов отдать Георгию. Но Константин требовал к Ростову Владимир, с чем Всеволод согласиться не мог⁴⁶. Тогда Всеволод, уравнивая поддержку Константина ростовским боярством⁴⁷, созвал на совет представителей разных групп населения Залесской земли⁴⁸. На совете было решено, что Константин останется в Ростове, а Георгий получит Владимир и старшинство среди «младшей братии». Последнее вызвало гнев Константина: он был недоволен потерей старшинства среди братьев.

Этой картине надо отказать в достоверности, исходя из выводов текстологического исследования⁴⁹. Еще А.Е. Пресняков отметил, что планы Всеволода Юрьевича по разделению владений известны по рассказам, носящим следы пережитых смут в 1212–1216 гг. и проникнутым определенными «книжническими тенденциями», что перечень общественных групп на съезде 1211 г. сомнителен,

43 Лихачев Д.С., при участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва. *Текстология*. СПб., 2001, 175.

44 О проявлении ростовского летописания в этих памятниках см.: Кузнецов А.А. *Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Преломление источников в историографии*. Нижний Новгород, 2006, 251–272, 278–302; Кузнецов А.А. Источниковедческие аспекты проблем биографии Георгия Всеволодовича. *Мининские чтения: Труды научной конференции*. Нижний Новгород, 2007, 277–311.

45 Лихачев Д.С., при участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва. *Текстология*, 184–186.

46 *МЛС* : 108; *Ерм.* : 63; *Льв.* : 147.

47 Сергеевич В. *Древности русского права. Вече и князь. Советники князя*. Т. II. СПб., 1908, 77.

48 Насонов А.Н. *История русского летописания XI — начало XVIII века*, 221.

49 В недавней работе автор статьи следовал этой реконструкции: Кузнецов А.А. *Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в.*, 208–227.

поскольку текст дошел в поздней редакции⁵⁰, но общий смысл сведения о съезде достоверен⁵¹. Ныне с последним утверждением нельзя согласиться именно потому, что сведения о съезде дошли в поздних летописях. Исходя из этой посылки, А.Л. Хорошкевич неверно приписала авторство сведения о съезде 1211 г. книжникам Ивана III, к подобному выводу пришли Ю.В. Кривошеев, В.Я. Петрухин, Т.Л. Вилкул⁵². Но эти выводы уязвимы из-за игнорирования неудобного тезиса А.Н. Насонова о том, что сведение *МЛС* о съезде 1211 г. дошло из Летописца Георгия Всеволодовича⁵³. Исследователи не заметили развитие этого сведения *МЛС* из известий, читаемых в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм*. Поэтому отрицание съезда 1211 г. можно делать после преодоления гипотезы А.Н. Насонова о Летописце Георгия Всеволодовича в *МЛС*. Такая попытка представлена выше: показано изменение структуры сообщений 1211 — 1212 гг. летописей, где говорится о съезде, продемонстрирована технология «сборки» сведений сводчиками этих летописей, приведены аргументы в пользу вторичности сведения *МЛС* (ВОСК) о съезде, возводимого А.Н. Насоновым к Летописцу Георгия Всеволодовича, по отношению к известию, читаемому в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм*.

В *ЛПС* говорится, что по решению Всеволода Юрьевича (без съезда) Константин удовольствовался Ростовом, Георгий утвердился во Владимире, Ярославу достался Переяславль-Залесский, Владимиру — Юрьев-Польский; младшие Всеволодовичи — Святослав и Иван — были отданы под опеку Георгия. Иной порядок распределения во *Влад.*:

А сынома своима раздая града: князя Костянтина посади в Ростове, а князя Ивана посади в Стародубе, князя Святослава въ Юрьеве... Сесь Святославъ Гавричь въ Юрьеве Польском церковь постави камену святаго Георгия и другую в Володимери а князя Андрея посади в Суздали, а Святослава посади в Переяславль в Рускии княжить, а князя Юрья благослови после себе на великое княжение в Володимери⁵⁴.

В списке *Влад.* соединены разновременные сведения о княжениях Всеволодовичей в городах. Похожий алгоритм проявился в складывании текста «Повести о битве на Липице»: место ссылки Георгия — Городец — стало источником его сил, выведенных к Липице⁵⁵. Княжение Константина в Ростове определяется сведением *Лавр.*, *Сим.* о том, что Всеволод дал Константину Рос-

50 Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Пресняков А.Е. *Княжое право древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь*. М., 1993, 130; Он же. *Образование Великоорусского государства*. М., 1998, 51, 55.

51 Пресняков А.Е. *Образование Великоорусского государства*, 55.

52 Хорошкевич А.Л., Плигузов А.И. Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела. Феннел Дж. *Кризис средневековой Руси. 1200–1304*. М., 1989, 18; Кривошеев Ю.В. *Русь и монголы*. СПб., 1999, 63–64; Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. *Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь)*. М., 2000, 197–198, 203, 227; Вилкул Т.Л. *Людьё и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв.* Киев, 2007, 97. Прим. 424.

53 Насонов А.Н. *История русского летописания*, 169, 210–211; Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. *Древняя Русь: очерки политического и социального строя*. М., 2008, 127.

54 *Влад.*: 83.

55 Кузнецов А.А. *Владимирский князь Георгий Всеволодович*, 248–251.

тов и 5 городов. Стародуб в связи с Иваном упоминается в *Лавр.*, *Сим.* только в 1238 г.⁵⁶ Уникальность списка *Влад.* подчеркивается еще тем, что Стародуб в 1217–1218 гг. был дан возвратившемуся из половецкого плена Владимиру⁵⁷, что в 1217–1218 гг. Стародуб упомянут впервые, если не считать текста завешания во *Влад.* В *Сим.*, родственной *Влад.*, сообщения о возвращении Владимира нет, то есть автор *Влад.* из сообщения 1238 г. взял сведения об Иване в Стародубе. О связи Святослава с Юрьевым в летописях также сообщается в ЛЛ, СИМ под 1230 г. Из *Влад.* следует, что Святослав сел еще и в Переяславле-Русском. Это упоминается событие конца 1220-х гг. Сведения *Влад.* о завешании Всеволода не достоверно, поскольку не выдерживает соотнесения с *Сим.*, где этого известия нет. Проблема порядка предоставления сыновьям Всеволода городов была камнем преткновения для летописцев XVI вв.: во *Влад.* фигурирует Андрей, получивший Суздаль. Это указание не позволяет доверять списку *Влад.* В иных источниках о распределении столов между детьми Всеволода не сообщается. В.Н. Татищев так представил его первоначальный замысел:

I ред. — Всеволод... послал в Ростов по сына своего старейшего Константина, вдая ему при себе великое княжение Володимерское, а другому сыну князю Юрию Ростов, Ярославу Переяславль, Святославу Юриев, Володимеру Суздаль, Иоанну Стародуб⁵⁸;

II ред. — Всеволод Юрьевич... послал в Ростов по сына своего Константина, хотя ему при себе отдать великое княжение Суздальское со всею областью, другому сыну Юрию, Ростов с города, третиему, Ярославу, Переяславль, Тверь и Волок, четвертому, Святославу, Юриев и Городец, пятому, Владимиру, Москву, шестому Иоанну, Стародуб⁵⁹.

I-я редакция дает список, в котором угадываются сведения *Влад.*, знакомого В.Н. Татищеву⁶⁰. Список II-й редакции расширен по сравнению с I-й редакцией. Источники прибавления не известны. Очевидно, расширение происходило за счет наращивания списка I-й редакция сведениями о принадлежности тому или иному князю в разное время того или иного города. Так, Святослав имел отношение к Городцу. Также:

На решение В.Н. Татищева «завещать» Святославу Городец повлияли, скорее всего, либо приведенные выше умозаключения историка о том, что Городец — это Юрьевец или Юрьев (Татищев В.Н. *История Российская*. Т. III. С. 186), либо отправление Святослава Всеволодовича в 6728 (1220) г. в поход на болгар именно из Городца. Разумеется, версию... о завешании Городца в удел Святославу следует отвергнуть...⁶¹.

56 *Лавр.* : 467; *Сим.* : 59. Это же сведение есть и во *Влад.*: *Влад.* : 89.

57 *Лавр.* : 442.

58 Татищев В.Н. *История Российская*. Т. IV. М.; Л., 1964, 342.

59 Татищев В.Н. *История Российская*. Т. III. М.; Л., 1964, 186.

60 Толочко А.П. *«История Российская» Василия Татищева: источники и известия*. М.; Киев, 2005, 66–69.

61 Пудалов Б.М. *Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XI–первая треть XIII в.)*. Нижний Новгород, 2003, 47.

Владимир оказался в Москве в 1213 г. Важно то, что в I-й редакции Владимир получил лишь Суздаль, а во II-й прибавилась Москва, которая фигурировала в 1213 г. Иван оказался в Стародубе лишь в конце 1220-х гг. Источником списка во II-й редакции был не только *Влад.*, чей составитель, очевидно, ранее историка XVIII в. восстанавливал пожалование Всеволода детям городами, исходя из сообщений о более поздних событиях⁶².

Достоверным надо признать лишь сведение *ЛПС* о завещании Всеволода, где учтен возраст его детей. Святослав и Иван названы «меньшею», что подразумевает их малолетство. Святославу в 1212 г. исполнилось 17 лет, а Ивану — 15. Объяснить их младший статус холостым положением не позволяет наделение городом Владимира — он тоже не вступил в брак. В. Сергеевич неубедительно объяснял это числом городов Залесской земли⁶³.

Соотнося сведения *ЛПС* и иных источников о завещании Всеволода Юрьевича, о развернувшейся борьбе, о прецедентах пребывания на тех или иных столах Всеволодовичей, В.А. Кучкин очертил их уделы⁶⁴. Проведенное исследование обуславливает реконструкцию событий 1211–1216 гг. с опорой на *Лавр.*, *Сим.*, *ЛПС*. К 1211 г. все сыновья Всеволода Юрьевича оказались в Залесской земле. Константин с зимы 1207/1208 г. пребывал в Ростове, к которому были приданы 5 городов. В Ростове у него родились дети Василько и Всеволод⁶⁵. А.Н. Насонов, В.А. Кучкин к 5 городам Константина отнесли Устюг, Углич, Мологу, Ярославль, Белоозеро, составлявшие огромные территории к северу от озера Неро⁶⁶. Всеволод Юрьевич «дал» Константину Ростов, когда как Ярослава в свое время «послал» в Рязань (в *ЛПС* «посади») ⁶⁷. Глагол «дал» сигнализирует именно о выделении Константину части Владимирского княжества, над которой допускался его суверенитет. Чем объяснить такую избирательность Всеволода по отношению к Константину? Вероятно, тем, что он был уже женат, проявился на военно-политическом поприще. Другие Всеволодовичи не были женаты, кроме Ярослава, женившегося в Переяславле-Русском на половчанке. Вместе с ней Ярослав вернулся из Южной Руси⁶⁸, затем ее судьба не прослеживается, а в 1213 г. Ярослав женился вторично. Исходя из этих фактов, можно допустить, что первая жена Ярослава умерла вскоре после прибытия его в Залесскую землю. Поэтому Всеволод и не спешил наделять его владением. Если это так, то Всеволод, давая Константину Ростов, пошел на

62 В литературе лишь фиксируется избыточность сведений *Влад.* по сравнению с *Сим.*: Муравьева Л.Л. Об общерусском источнике Владимирского летописца. *Летописи и хроники. Сборник статей.* 1973 г. М., 1974, 145–146.

63 Сергеевич В. *Древности русского права. Территории и население.* Т. I. СПб., 1909, 33.

64 Кучкин В.А. *Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв.* М., 1984, 100; Кучкин В.А. Владимирское великое княжество. *Православная энциклопедия* (ПЭ). Т. IX. М., 2005, 84.

65 *Лавр.* : 434–435; *Сим.* : 45.

66 Насонов А.Н. «Русская земля» образование территории Древнерусского государства. *Монголы и Русь.* СПб., 2006, 175. Прим. 1; Кучкин В.А. *Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв.* 99–100; Кучкин В.А. Владимирское великое княжество, 83.

67 *Лавр.*: 434; *Сим.* : 46; *ЛПС* : 128.

68 *ЛПС* : 127.

деление княжества. Старший Константин получил старший город Залесской земли — Ростов, что показывает отсутствие дискриминации по отношению к Ростову со стороны Всеволода.

В ЛПС подчеркивается, что Константин получил Ростов, «а потом» было наделение остальных Всеволодовичей. Текст *Лавр. (Сим.)* позволяет понять, что под словом «потом» понимался промежуток в несколько лет — до 1212 г. Относительно других сыновей, если судить по *ЛПС*, Всеволод распорядился незадолго до смерти, когда Константина не было во Владимире⁶⁹.

Георгий контролировал Владимир, Боголюбов⁷⁰, Москву, Соль Великую и Кострому⁷¹. Из этих владений Георгия надо исключить Суздаль и Городец. О Суздале В.А. Кучкин сделал вывод, опираясь на сообщение о разрушении Георгием старой и возведении новой церкви в Суздале в 6730 г.⁷² Распространять это сведение на события 10-летней давности не оправдано. Принадлежность Городца Георгию В.А. Кучкин вывел из участия городчан в битве на Липице в 1216 г., но доверять этому сведению нельзя*. Значит, делать вывод о принадлежности Георгию Городца также нельзя.

Ярославу подчинялись Переяславль-Залесский, Дмитров и Нерехта⁷³, Тверь и Зубцов (судя по текстам о событиях, предшествовавших битве на Липице), Кснятин⁷⁴, Шоша, Дубна и части владимирского княжества в Торжке и Волоке Ламском. А.Е. Пресняков оговаривал возможность получения Ярославом Переяславля при жизни отца⁷⁵, то есть до 1211 г. На наш взгляд, А.Е. Пресняков, не поняв смысла слов *Лавр.* под 1206 г. после сообщения об уходе Ярослава Всеволодовича из Переяславля-Южного: «Всеволодь же посади сына своего в Переяславли»⁷⁶. А.Е. Пресняков считал, что речь в этой цитате идет о Всеволоде Юрьевиче, его сыне Ярославе и Переяславле-Залесском. На самом деле, здесь Всеволод — Всеволод Святославич Черниговский, его сын — это Михаил, посаженный в Переяславле-Русском. Ведь сразу же после приведенной цитаты в *Лавр.* читается о том, что Ярослав пришел к отцу своему в Суздаль в сентябре, что его встречали братья. А.Е. Пресняков отметил, что в 1207 г. Ярослав командовал переяславцами⁷⁷, подобно тому, как Константин командовал новгородцами и белозерцами. То есть, можно допустить, что Ярослав водил в поход переяславльский полк, поскольку княжил в этом городе. Про других Всеволодовичей до 1212 г. в *Лавр.* таких сведений нет. Но этот факт можно объяснить тем,

69 *ЛПС* : 129.

70 *Лавр.* : 438; *Сим.* : 48; *ЛПС* : 132.

71 *ЛПС* : 130, 131.

72 *Лавр.* : 445; *Сим.* : 51.

* О недостоверности «Повести о битве на Липице» см. ниже.

73 *ЛПС* : 131.

74 *НПЛ* : 53.

75 Пресняков А.Е. *Образование Великорусского государства*. М., 1998, 61, 329. Прим. 18.

76 *Лавр.* : 428.

77 *Лавр.* : 432. В Географическом указателе *Лавр.* (Стб. 562) эти переяславцы ошибочно отнесены к жителям Переяславля-Южного.

что Ярослав, подобно Константину и в отличие от других Всеволодовичей, уже самостоятельно княжил и водил полки (южнорусский эпизод его жизни). Поэтому-то Всеволод и мог ему поручить командование переяславцами.

Исходя из *ЛПС*, В.А. Кучкин считает, что в 1212 г. Владимир княжил в Юрьеве-Польском. Лишь в летописях XV в. появилось недостоверное, как указано выше, сведение о получении Святославом в 1215 г. Юрьева.

Наделены землями и городами на момент смерти Всеволода были Ярослав, Георгий, Владимир. Никакого старшинства, кроме Константина, автор *ЛПС* не отмечает. Это напоминает не сословно-представительную монархию⁷⁸, не предсмертное решение Ярослава Мудрого⁷⁹. По решению Всеволода «большой» Константин получил Ростов, Георгий — Владимир, Ярославль — Переяславль, Владимир — Юрьев, а меньшие Святослав и Иван были отданы Георгию на руки: «Ты им буди в отца место, и имея я, яко же аз имех я»⁸⁰. В *ЛПС* указано после последнего распоряжения Всеволода Юрьевича, что Святослав разгневался на Георгия и бежал к Константину.

Описание событий 1212–1214 гг. в *Лавр.*, *Сим.* подтверждает сообщение *ЛПС*. Если рассматривать наделение Всеволодовичей городами согласно *ЛПС*, то перед нами — схема родового совладения неделимой государственной территорией, основанного на представлении о единстве рода правителей⁸¹.

Сведения *Лавр.* (*Сим.*), *ЛПС* позволяют представить следующую картину событий во Владимирском княжестве в 1211–1214 гг.

В 1211 г. женился Георгий, на свадьбе которого были остальные Всеволодовичи. 15 мая в Ростове произошел пожар, а Константин был у отца во Владимире. Видимо, пребывание Константина во Владимире надо связать со свадьбой Георгия и датировать ее ближе к маю 1211 г. А потому точную дату свадьбы в *МЛС* (*Воск.*) тогда надо признать результатом исчисления летописцев XV в., как и то, что Константин во время пожара был в Ростове. Как указано выше, пребывание Константина в Ростове во время пожара согласуется с другими включениями в текст — прежде всего, это известия о решении Всеволода передать престол Владимира Георгия, утвержденном на некоем «земском соборе». Если же следовать, *Лавр.* и *ЛПС*, то таких событий не было. В апреле 1212 г. Всеволод умер. Перед смертью он распорядился другими частями княжества: Георгий получил Владимир, Ярослав — Переяславль, Владимир — Юрьев; Святослав и Иоанн были переданы на руки Георгию. Константин не стал «опекуном» младших братьев, поскольку уже имел сыновей, в расчете на которых ему и могло вы-

78 Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. *Исторические записки*. Т. 89. М., 1972, 394; Он же. Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в. *Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв.* М., 1974, 39; Он же. *Земские соборы Русского государства в XV–XVII вв.* М., 1978, 55–56.

79 Пресняков А.Е. *Княжое право в древней Руси*, 131, 132 (см. также: Кучкин В.А. Владимирское великое княжество, 83). Автор статьи ранее присоединялся к этой точке зрения А.Е. Преснякова: Кузнецов А.А. *Владимирский князь Георгий*, 214–215.

80 *ЛПС*: 129.

81 Толочко А.П. *Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология*. Киев, 1992, 24.

деляться владение. К сожалению, источники не позволяют понять, как Георгий распоряжался судьбами вверенных ему братьев, как он должен был наделять их землями. Но именно Святослав своим недовольством и бегством положил начало усобицы среди Всеволодовичей.

Борьба после смерти Всеволода Юрьевича в 1212 г. шла между Георгием и Константином. Исключение — Ярослав, поддерживавший Георгия. Согласно *ЛПС*, Святослав, обидевшись на Георгия, бежал в Ростов к Константину. Одновременно «непокорство» проявил Владимир. Константин со Святославом стал готовить поход против Георгия⁸². Согласно *Лавр.*, в 1212 г. после смерти отца, Георгий и Ярослав ходили к Ростову и «умиришася» с Константином⁸³. О причинах гнева и «непокорства» Святослава и Владимира *ЛПС* умалчивает. То есть, уход Святослава к Константину предоставил последнему возможность реализовывать недовольство решением отца, приписанное ему *Ерм., Льв., Тв., Холм., МЛС, Воск.*

Георгий предложил Константину Владимир, а сам готов был удовольствоваться Ростовом. Однако Константин желал Ростов оставить сыну Васильку, а Георгию отводил Суздаль. Тогда Георгий и Ярослав, объединившись, совершили превентивный поход к Ростову. Надо отметить, что речи о переподчинении младшей братии в *ЛПС* нет. После столкновения у бродов Ишны, разорения ростовской округи начались переговоры, приведшие к миру⁸⁴. Константин заключил с ними ряд, условий которого в летописях нет. Если доверять сообщению *ЛПС*, то Константин — поборник сильной централизованной власти, желавший обойти волю отца, традиционный порядок разделения земли и интересы представителей всей земли.

Под 1213 г. *Лавр.* сообщает:

Володимеръ сынъ Всеволожь великаго князя еха в Москву... Во второе приходи Гюрги с Ярославом к Ростову и створиша порядъ с Костантином, и идоста от Ростова к Москве Гюрги съ Ярославом и изведъ Гюрги из Москвы Володимера и посла и в Рускыи Переяславль на столь на отчину свою; заканчивается статья сообщением о рождении у Георгия сына Всеволода (в крещении — Дмитрия)⁸⁵.

Согласно *ЛПС*, зимой 1212/1213 г. Владимир, не желая княжить в Юрьеве, ушел к Волоку, а оттуда — в Москву, принадлежавшую Георгию⁸⁶. Действия Владимира по *Лавр.* и *ЛПС* предстают независимыми от действий Константина. Одновременно Константин занял Соль Великую (основной источник соли в Залесской земле⁸⁷) и овладел Нерехтой. Уже из Москвы Владимир Всеволодович — независимо от Константина — безуспешно пытался захватить город Ярослава — Дмитров. Одновременно Георгий силами муромского князя Да-

82 *ЛПС* : 129–130.

83 *Лавр.* : 437; *Сим.* : 47. Бережков Н.Г. *Хронология русского летописания*. М., 1967, 103.

84 *ЛПС* : 129–130. Феннел Дж. *Кризис средневековой Руси*, 85. *Лавр.* : 437; *Сим.* : 47.

85 *Лавр.* : 437–438. Бережков Н.Г. *Хронология*, 103. См. также: *Сим.* : 48.

86 *ЛПС* : 130.

87 Феннел Дж. *Кризис средневековой Руси*, 98.

вида, братьев Ярослава, Святослава, Ивана ударил по окрестностям Ростова. Константин попытался остановить противника, разорив Кострому. Георгий и Ярослав, опустошая окрестности Ростова, вынудили Константина к миру. Лишь после этого Георгий при поддержке войск Ярослава и Константина двинулся к Москве и заставил Владимира уйти в Переяславль-Южный⁸⁸.

Лавр. и *ЛПС* представляют события 1212–1213 гг. как полицентристский скандал среди Всеволодовичей. Георгию не подчинялись Святослав (*Лавр.* и *ЛПС* не сообщают о его обратном переходе к Георгию), Владимир и, конечно, Константин. Действия Георгия против Константина и Владимира выглядят независимыми друг от друга. Константин даже не пытался поддержать Владимира, оппозиционного Георгию. Отправив Владимира в переяславльскую «ссылку», Георгий реализовал право старшинства, данное ему отцом. Владимир в Переяславле-Южном женился, в 1215 г. попал в половецкий плен⁸⁹.

В 1213–1214 гг. в Северо-Восточной Руси ситуация была стабильной. Георгий остался во Владимире, Константин правил в Ростове, Ярослав — в Переяславле-Залесском. В летописях нет сведений о Святославе, лишь Владимир был отправлен на юг Руси. То есть, с некоторыми оговорками на время утвердился режим, завещанный Всеволодом.

Деление суверенитета между Владимиром и Ростовом отразилось и на церковной власти, которую противники пытались привлечь на свою сторону. В результате, в 1214 г. появились две епископии в Залесской Руси⁹⁰. В зависимости от того или иного варианта рассказа о событиях 1211 г. — *Лавр.*, *Сим.*, *ЛПС* или *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС (Воск.)* по-разному повествуется о дальнейшей судьбе епископа Иоанна после смерти Всеволода Юрьевича в апреле 1212 г. Все летописи, рассказывающие о событиях в Северо-Восточной Руси после апреля 1212 г., пестрят сообщениями о борьбе между Всеволодовичами, закончившейся в 1213 г. установлением status quo: Константин правил в Ростовской земле, а Георгий распоряжался остальной частью Владимирского княжества и контролировал владения, принадлежавшие остальным братьям. В описании финала этой борьбы обязательно указано оставление Иоанном епископской кафедры.

В *Лавр.* и *Сим.* сообщается, что епископ Иоанн «отписася епископии всея земли Ростовския» и постригся в чернецы монастыря в Боголюбове. После этого приведено сведение о рождении у Константина сына Владимира. Затем сообщается о том, что Константин направил своего духовного отца Пахомия к митрополиту в Киев для утверждения в епископы. Пахомий вернулся в епископию 28 января. В том же году Константин заложил церковь Бориса и Глеба. Завершается статья известием о том, что Георгий «изведе» Симона игумена Рождества святой Богородицы, направил его к митрополиту в Киев «и постави и епископом» Суздаля и Владимира.

88 *ЛПС* : 131.

89 *Лавр.* : 438; *Сим.* : 48.

90 *Лавр.* : 438; *Сим.* : 48. Бережков Н.Г. *Хронология*, 103–104.

В *Ерм., Льв., Тв., МЛС (Воск.)* — иная канва событий. Епископ Иоанн оставил епископию, и Георгий возвел на его место Симона. Пожар во Владимире уничтожил 200 домов и 4 церкви. Затем рассказывается о походе Георгия с братьями Ярославом, Святославом, Иваном и муромским князем Давидом к Ростову, действиях Константина у Костромы, заключении мира, отправке Владимира Всеволодовича в Переяславль. Сообщается о поставлении Симона в Киеве на епископию, закладке Константином церкви святой Богородицы, рождении у Константина сына. И лишь потом говорится о поставлении Константином в ростовские епископы Пахомия (о его поездке к митрополиту не сообщается)⁹¹.

Третий вариант представлен в *ЛПС*. Статья открывается сведением о свадьбе Ярослава Всеволодовича и дочери Мстислава Мстиславича. Затем рассказывается о занятии Константином Соли Великой и сожжении Костромы, отнятии у Ярослава Нерехты. В ответ Георгий, Ярослав и муромский князь Давид совершили поход на Ростов. Во время его Владимир Всеволодович неудачно напал на Дмитров, город Ярослава. Георгий и Ярослав примирились с Константином у Ростова. Владимир был отправлен в Переяславль-Южный. Рассказ о большом голоде. Завершается статья сведением об изгнании Георгием Иоанна с поста епископа, «зане неправо творяше». На его место Георгий поставил Симона, а Константин — Пахомия. Тогда же Константин заложил церковь Богородицы в Ростове⁹².

Фрагмент, читаемый в *Ерм., Льв., Тв., МЛС (Воск.)*, идейно, логически и текстуально связан с предыдущим повествованием. После добровольной отставки Иоанна (очевидно, подразумевалось раскаяние епископа после освящения неправого решения Всеволода о передаче стола в обход Константина) Георгий возвел на епископскую кафедру Симона. Затем сообщается о большом пожаре во Владимире, который можно рассматривать как небесную кару за «абсолютистское» отношение к церкви Георгия Всеволодовича. Лишь некоторое время и события спустя Симон был поставлен в Киеве епископом. И только потом Константин в манере Георгия ставит Пахомия епископом в Ростове.

В *Лавр.* и *Сим.* иная очередность, позволяющая понять приоритет Константина в деле назначения епископа через одобрение в Киеве. Согласно контексту сведений *Лавр.* и *Сим.* Георгий и Константин назначали иерархов в своих землях если не по договоренности, то по молчаливому взаимному попустительству. Подтверждает такое толкование *ЛПС*. Георгий и владимирцы согнали Иоанна с епископства. Это сообщение по тональности противоречит допущению, что Иоанн был политическим союзником Георгия, как это следовало бы из *Ерм., Льв., Тв., МЛС (Воск.)*. Может быть, наоборот, Иоанн поддерживал старшего Всеволодовича — Константина.

А.В. Маштафаров считает, что отставка епископа Иоанна была вызвана тем, что его не допускали в Ростов из-за участия в передаче власти Георгию Всево-

91 *Ерм.* : 64. *Льв.* : 147–148 (нет пожара во Владимире). *МЛС* : 110. *Тв.* : 312–314 (нет пожара во Владимире).

92 *ЛПС* : 131–132.

лодовичу⁹³. *Ерм., Льв., Тв., МЛС (Воск.)* свидетельствуют, что епископ Иоанн участвовал в решении о передаче власти после смерти Всеволода Юрьевича его сыну Георгию, но в них и в других источниках не сообщается, что епископа не пускали в Ростов. Возможно, на А.В. Маштафарова повлияли слова *Лавр.* и *ЛПС* о том, что епископ Иоанн присутствовал вместе с Георгием, Ярославом, Владимиром, Святославом, Иваном при кончине Всеволода Юрьевича и оплакивал его⁹⁴.

Допущение А.В. Маштафарова о том, что Иоанн не допускался в Ростов с 1212 г., противоречит им же приведенному сведению *ЛПС* об изгнании Георгием и владимирцами в 1214 г. Иоанна «из епископства»⁹⁵. В случае соотнесения версии *Ерм., Льв., Тв., МЛС (Воск.)* и версии *ЛПС* получается, что епископа Иоанна третируют либо в Ростове, либо во Владимире. Последнее подтверждается тем, что в *ЛПС* говорится, что Иоанн был изгнан за то, что «зане неправо творяше». Обе версии относятся к поздним, относительно текста *Лавр.* и *Сим.*, памятникам. Поэтому неизбежны толкования их составителей, и их нельзя принять по причине недостатка данных каждого из них. Надо признать наиболее адекватной версию, предложенную в *Лавр.* и *Сим.*

Сведение *Лавр., Сим.* предполагает добровольность ухода Иоанна с поста епископа в монастырь. Иоанн в ходе усобицы 1212–1213 гг. оказался ее заложником. Очевидно, что противники пытались привлечь его на свою сторону. Соотнесение этого сведения с сообщением *ЛПС* об изгнании Иоанна с кафедры позволяет говорить, что, несмотря на примирение князей, Георгий влиял на ростовского епископа. В этом случае более корректна мысль Я.Н. Щапова, согласно которой Георгий потребовал от Иоанна оставить кафедру и провел разделение епархии⁹⁶. Поэтому после примирения Всеволодовичей Иоанн ушел в монастырь. Последующие события показывают, что Георгий и Константин пытались использовать уход Иоанна. Оба отправили кандидатов в епископы к митрополиту в Киев. Тот рукоположил Пахомия и Симона в епископы Ростова и Владимира. *ЛПС* сообщает, что сначала Георгий утвердил Симона владимирским епископом, а затем Константин — Пахомия епископом в Ростове⁹⁷. Ситуация кажется невозможной, поскольку митрополит не стал бы дробить епархию по желанию Георгия, чья власть не распространялась на ростовскую часть княжества.

Наряду с одновременной посылкой кандидатур в Киев можно допустить, что первым послал в Киев Пахомия Константин. Митрополит его утвердил, а Георгий прислал своего. Так считает Г. Подскальский: 10 ноября 1213 г. был утвержден Пахомий, а в начале 1214 г. — Симон⁹⁸. В данном случае ученый следует очередности сведений ЛЛ, что оправданно проявлением проконстантиновых

93 Маштафаров А.В. Владимирская и Суздальская епархия (до 1917 г.). *ЛЭ*. Т. IX. М., 2005, 40–41.

94 *Лавр.* : 437; *Сим.* : 47; *ЛПС* : 129.

95 *ЛПС* : 132. Маштафаров А.В. Владимирская и Суздальская епархия (до 1917 г.), 41.

96 Щапов Я.Н. *Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв.* М., 1989, 51.

97 *ЛПС* : 132.

98 Подскальский Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*. СПб., 1996, 464.

сведений за этот период времени. Митрополит пошел на разделение епископии, и появилась Владимирская епархия⁹⁹.

Разделение церковно-административной единицы показывает, что Георгий и Константин действовали как суверенные князья. Логично это объяснить и тем, что Георгий признавал княжение Константина лишь в пределах его ростовского владения. М.Д. Приселков с этим разделением связывал особенности ведения летописания в Залесской земле. В *Лавр.* нет сведений, имеющих в *Радзивилловской летописи*: 1193 г. — поучения по поводу пожара, 1194 г. — известия о ремонте церкви во Владимире и Суздале, произведенном епископом Иоанном. М.Д. Приселков объяснил это расхождение так:

Владимирский свод 1212 г. составлялся после смерти Всеволода, передавшего великое княжение Владимирское второму своему сыну Юрию, тогда как старший сын Константин получил Ростов. Весь Ростово-Суздальский край в церковном отношении представлял тогда единую епископию, глава которой находился в Ростове. В... борьбе Константина с Юрием ростовский епископ Иван занял враждебную Юрию позицию, и в 1214 г. «володимерци с князем своим Гурьем изгнаша Иоанна из епископства, зане не право творяше». Отражая недовольство князя Юрия и владимирцев, сводчик 1212 г... опустил из текста предыдущего летописного свода те два известия под 1194 г., в которых восхвалялась строительная деятельность и личность Ивана¹⁰⁰.

С этим сводом Георгия Всеволодовича Я.С. Лурье связал еще одно тенденциозное добавление: в событиях 1175–1176 г. к подвигам Михалки (*Радзивилловская летопись*) «прислоняется» Всеволод (*Троицкая* и *Лавр.*). По мнению М.Д. Приселкова, эта редакция сделана в 1177 г.¹⁰¹, а Я.С. Лурье предложил 1212 г., когда под эгидой Георгия составлялся Владимирский свод¹⁰².

Через призму церковного конфликта М.Д. Приселков характеризовал международный масштаб борьбы Георгия и Константина:

Когда Юрий в 1212 г. обратился к Империи с просьбой об отдельном епископе для Владимира (свод 1212 г. мог служить исторической справкой, подкрепляющей эту просьбу), Никейская империя охотно пошла навстречу этой просьбе, так как углубление распада Ростово-Суздальского княжества и вспыхнувшая здесь борьба сыновей Всеволода... гарантировала византийским политикам продолжение их влияния и власти над сильнейшими уже русскими княжествами. Борьба Константина и Юрия за Владимир этим выводилась из рамок события Ростово-Суздальского края и становилась предметом международного обсуждения. Это можно подкрепить тем, обычно забываемым, наблюдением, что Константин, обиженный теперь и со стороны Никеи, а не только отца, ищет

99 Маштафаров А.В. Владимирская и Суздальская епархия (до 1917 г.), 41.

100 Приселков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.* СПб., 1996, 38; см. об этом же на С. 132. Также указано, что в *Лавр.* зафиксировано, что после победы Константина епископ Иван ушел на покой.

101 Там же, 134.

102 Лурье Я.С. Примечания. Приселков М.Д. *История русского летописания*, 267–268.

*международных связей, о чем свидетельствует присылка к нему в 1218 г., в пору его великого княжения во Владимире, церковных подарков из Константинополя: Константинополь в эти годы был столицей Латинской империи*¹⁰³.

Иначе считает А.В. Маштафаров. Приселков предполагает враждебность Иоанна Георгию, а А.В. Маштафаров пишет о том, что Иоанн поддерживал решение Всеволода Юрьевича о передаче власти Георгию. А.В. Маштафаров говорит о русском масштабе церковного конфликта, а М.Д. Приселков — о его международном размере. В последнем надо М.Д. Приселкову отказать, поскольку Никейская империя в силу слабости могла благосклонно относиться к процессам в русской митрополии, к требованиям русских князей. Пропуск ряда сведений 1193 и 1194 гг. в *Лавр.* и *Ипат.* А.А. Шахматов удачно объяснил техническими причинами¹⁰⁴.

(На самом деле, вопрос о епископиях не был решен окончательно в 1214/1215 гг. После Липицы, согласно ряду летописей, епископ Симон последовал за Георгием в Городец, когда Константин вокняжился во Владимире¹⁰⁵. В *НПЛ*, остающейся самой достоверной в отношении описания битвы на Липице¹⁰⁶, сообщается лишь об отъезде одного князя. Уже зафиксированные случаи наращивания сведений *НПЛ* о битве на Липице в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *МЛС* (*Воск.*)¹⁰⁷ вынуждают поставить вопрос о достоверности известия об отъезде Симона в Городец. К сожалению, нет достаточно данных, чтобы дать четко решить вопрос о достоверности сведения об отъезде Симона в Городец. В зависимости от решения этого вопроса надо в дальнейшем рассматривать историю церковно-политических изменений в Северо-Восточной Руси второго десятилетия XIII в.).

Так определялись предпосылки для Липицы внутри княжества. Они могли закончиться сохранением status quo, при котором оба брата правили бы как великие князья в своих княжествах. Поэтому слова Дж. Феннела, что после 1213 г. стороны собирали силы для неизбежного выяснения отношений¹⁰⁸, есть лишь догадка. Как и то, что именно усобица Всеволодовичей привела к битве на

103 Приселков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.*, 136. В *Примечаниях* Я.С. Лурье поддержал эту идею, указывая на ее источники, 268.

104 Шахматов А.А. *Обозрение русских летописных сводов*, 514 — 516.

105 *Ерм.* : 66. *Льв.* : 149. *МЛС.* : 114. *Тв.* : 324. Это же сведение есть в «Повести о битве на Липице», читаемой в *Софийской первой, Новгородской четвертой, Новгородской Карамзинской* (вторая выборка), *Новгородской по списку П.П. Дубровского* летописях. В этих текстах сведение о епископе Симоне, отправившемся в Городец вместе с семьей князя, наращивает сведение *НПЛ* (56, 257) об отъезде одного Георгия.

106 Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. Куликовская битва и подъем национального самосознания. *ТОДРЛ.* Т. XXXIV. Л., 1979, 97–98, 113. См. также: Кузнецов А.А. *Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси*, 199–207, 239–325.

107 Кузнецов А.А. *Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси*, 199–207, 239–325; Его же. Источниковедческие аспекты проблем биографии Георгия Всеволодовича. *Мининские чтения: Труды научной конференции*. Нижний Новгород, 2007, 291–311.

108 Феннел Дж. *Кризис средневековой Руси*, 86.

Липице¹⁰⁹. Более того, Константин в 1215 г. помогал союзнику Георгия — брату Ярославу — в борьбе за Новгород¹¹⁰.

Помощь Константина заключалась в том, что он послал дружину сына Всеволода¹¹¹. В 1215 г. Всеволоду исполнилось 5 лет (родился в 1210 г.¹¹²). Ряд исследователей видят в этом сведении насмешку Константина (или проростовски настроенных авторов) над братом Георгием. Но участие Всеволода в походе укладывается в политическую практику Всеволода Большое Гнездо (в 1199 г. Всеволод отправил на княжение в Новгород 5-летнего Святослава; в 1200 г. 10-летний Ярослав ушел на княжение в Переяславль-Русский, в 1220 г. 11-летний Василько участвовал в походе на Булгарию). Поэтому нельзя усматривать в летописном сообщении¹¹³ больше, чем оно есть.

С битвой на Липице связан еще один аспект родственных связей Георгия Всеволодовича: поведение Константина и остальных Всеволодовичей. Большинство исследователей считают, что переход Константина на сторону смоленко-новгородско-псковской коалиции был обусловлен его стремлением получить Владимир и старшинство среди Всеволодовичей. Такому объяснению противоречит то, что Константин после 1214 г. признавал сложившуюся ситуацию и вместе с Георгием решал вопросы внешней политики Владимирского княжества: посылка Владимира в Переяславль-Южный¹¹⁴, разделение епископии (без сообщений о реакции Константина), отправка Всеволода Константиновича в помощь Ярославу.

Поэтому надо разобрать сведения *НПЛ* о переходе Константина на сторону Мстислава Удатного в 1216 г. После того, как была снята осада Ржевы, Мстислав взял Зубцов, соединился с Владимиром Рюриковичем и заявил, что надо идти к Переяславлю, что есть «у наю» третий друг. Двигаясь вниз по Волге, Мстислав с князьями встретил посланного Константином воеводу Еремея. Затем на Сарском Городище Константин встретился с Ростиславичами и целовал им крест¹¹⁵. Много информации о позиции Константина в борьбе 1215–1216 гг. дают сведения о переговорах перед битвой на Липице. Требования, переданные Георгию и Ярославу, заключались в том, что Георгий не должен был

109 Кучкин В.А. Владимирское великое княжество, 84.

110 *МЛС*: 111; *Ерм.*: 64–65; *Воск.*: 120. На это обращено внимание: Феннел Дж. *Кризис средневековой Руси*, 98.

111 *Ерм.*: 64; *Льв.*: 148; *МЛС*: 111; *Воск.*: 120; *Тв.*: 318; *Холм.*: 60 (сказано, что сам Константин Всеволодович начал воевать Торопецкую землю).

112 *Лавр.*: 435. Бережков Н.Г. *Хронология*, 102. *Ерм.*: 63; *Льв.*: 146 (родившийся сын Константина назван Иваном — крестильное имя (Кузьмин А.В. Всеволод (Иоанн) Константинович. *ПЭ*. Т. IX, 557); так же в *Холм.*: 59; *МЛС*: 108; *Воск.*: 117; *Тв.*: 309.

113 Сообщение о посылке 5-летнего Всеволода в помощь Ярославу А.Н. Насонов возвел к владимирскому летописному источнику (см.: Насонов А.Н. *История русского летописания*, 212). Но наличие этого сведения в *Ерм.*, *Тв.*, *МЛС* и *Воск.* и его отсутствие в новгородско-софийских летописях позволяет предположить, что первоначально данное известие было включено в ростовское летописание. При составлении «Повести о битве на Липице» новгородский автор исключил его. В *МЛС* и *Воск.* использовали сведение, а во *Льв.* и *Холм.* оно уже было взято из первоисточника *МЛС* и *Воск.*

114 *ЛПС*: 131 (Георгий вынудил Владимира оставить Москву, опираясь на Ярослава и Константина).

115 *НПЛ*: 55, 255.

поддерживать Ярослава. Вопрос о владимирском столе не ставился. Судя по *НПЛ*, его судьба решилась новгородцами, когда Георгий покинул Владимир и отправился в Городец¹¹⁶.

В *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС (Воск.)* и в новгородско-софийских летописях роль Константина изменилась: в сведении о втором обращении к Георгию и Ярославу читается требование передачи старшинства и владимирского стола Константину¹¹⁷. Затем в ряде летописей сообщается о Творимире, призвавшем Георгия и Ярослава уступить Константину старшинство¹¹⁸. Константин по сведениям *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.* занял Владимир после ухода оттуда Георгия, а, согласно «Повести о битве на Липице» его там утвердил Мстислав Удатный. Опираясь на выводы текстологического исследования «Повести о битве на Липице» и текстов ростовской версии (проявилась в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*) данного события, надо предположить, что сведения о втором послании, где говорилось о правах Константина на старшинство, были выдуманы и вставлены в исходный текст. Их автором, вероятно, был ростовский книжник. Поэтому говорить о том, что Константин примкнул к новгородско-смоленской коалиции (или она его поддержала), чтобы отстоять свои права, нельзя. Константин примкнул к коалиции Мстислава Удатного, ориентируясь на союз с родственниками жены, чтобы уберечь свои владения от разорения, поскольку раньше помогал Ярославу. Присоединение Константина к смоленским князьям произошло, когда, судя по «ростовским» и новгородско-софийским летописям, Георгий еще открыто не поддержал Ярослава. Затем Георгий, оказавшийся на стороне проигравшего, покинул Владимир, чтобы его занял союзник победителей — Константин.

В *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.* и в «Повести о битве на Липице» Георгий вышел из Владимира на битву лишь тогда, когда к нему отошел Ярослав, когда в княжество вторглись враги. До этого Георгий, как и Константин со Святославом, поддерживал Ярослава в борьбе за Новгородом. Цель борьбы заключалась, вероятно, в восстановлении влияния Владимирского княжества в Торжке и в Заволочье. В силу этого действия Мстислава Удатного, сплотившего Ростиславичей, Новгород и Псков, выглядели непропорционально большими, чтобы отстоять интересы Новгорода или восстановить попорченную справедливость в отношении Константина.

В «Повести о битве на Липице» указывается, что из Владимира вместе с Георгием вышли Святослав и Владимир. Владимир Всеволодович в битве на Липице, как указано, стал сознательной опiskeй. Относительно Святослава сведение о нем в «Повести о битве на Липице» и в ростовских летописных памятниках восходит к *НПЛ*, где говорится:

116 *НПЛ* : 56, 255–257.

117 *Ерм.* : 65; *Льв.* : 149; *Тв.* : 320; *Холм.* : 60; *СЛ* : 266; НК2 : 108; НІВЛ : 189.

118 *Тв.* : 321; Софийская первая летопись. *ПСРЛ* VI, I : 266; Новгородская Карамзинская летопись (вторая выборка) *ПСРЛ* XLII: 108; *Новгородская четвертая летопись. ПСРЛ* IV, I : 189.

«Ярославъ же поиде съ Торожку... и приде Переяславлю и скопи волость свою всю, а Гюрги свою Володимири такоже, а Святослав такоже; и выиде ис Переяславля съ пълкы... И ста Ярославъ и Гюрги съ братьею на рече Хзе»¹¹⁹.

Святослав мог бы «скопить волость» в Юрьеве (если только Юрьев ему подчинялся, в чем есть текстологические сомнения), для чего ему не надо идти во Владимир. В дальнейшем повествовании *НПЛ*, памятников с ростовской летописной традицией, «Повести о битве на Липице» Святослав и его отряды перед битвой, во время и после нее не упоминаются. Возможно, Святослав из Юрьева (если только он там был) лишь наблюдал за сражением. Поэтому с династической точки зрения битва на Липице стала столкновением Георгия, Ярослава с Константином при нейтралитете других Всеволодовичей.

С битвой на Липице связано и упоминание детей Георгия. В «Повести о битве на Липице» говорится, что князь вышел из Владимира к победителям с 2-мя братьями. В *МЛС*, *Воск.* — с 2-мя сыновьями. В *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.* и *Ник.*, подобно *НПЛ*, нет сцены выхода Георгия к победителям: владимирский князь безлично послал к ним парламентаря. Если исходить из схемы развития текста о Липице, то в памятниках с ростовской версией события Георгий ни с кем не выходил к победителям, а в «Повести о битве на Липице» князь вышел с братьями. Сводчики *МЛС* учли эту ошибку, заменив братьев на сыновей. Надо проверить возможность их выхода.

Георгий женился в 1211 г. В октябре 1213 г. у него родился сын Всеволод (Дмитрий)¹²⁰. О рождении следующего сына (имени нет) Георгия Всеволодовича сообщается в 1217 г.¹²¹, после Липицкой битвы. О рождении еще одного сына Георгия летописи не сообщают. Но в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.* Георгий Всеволодович отправился в Городец в 1216 г. и вернулся оттуда с княгиней и детьми (множеств. ч.)¹²². В *МЛС*, *Воск.* дети и жена Георгия при отъезде в Городец и возвращении оттуда не фигурируют¹²³. Дети сопровождают Георгия, вышедшего из Владимира к победителям.

Эта же сцена, но только с братьями Георгия Всеволодовича, читается в «Повести о битве на Липице». Расширенная и уточненная «Повесть о битве на Липице» читается в *МЛС*¹²⁴. Следовательно, в протографе *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.* за 1216 г. проявился исходный источник, относящийся к ростовскому памятнику. Возможно, из этого источника составители *МЛС* взяли информацию о детях Георгия в 1216 г. и ввели ее в эпизод капитуляции князя. То есть, в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.* читается сведение о детях князя Георгия в 1216 г. В 1216 г. их у него было двое, если еще один родился в 1217 г. В число детей Георгия не могла входить

119 *НПЛ* : 55–56.

120 *Лавр.* : 438; *Сим.* : 48. Бережков Н.Г. *Хронология*, 103. Ошибочно рождение датировано 1212 г. в: Кузьмин А.В. Всеволод (Дмитрий) Георгиевич, 550.

121 *Лавр.* : 441. Бережков Н.Г. *Хронология*, 105.

122 *Ерм.* : 66; *Льв.* : 149; *Тв.* : 324, 326.

123 *МЛС* : 114, 115; *Воск.* : 124, 125.

124 Насонов А.Н. *История русского летописания*, 222.

Феодора, родившаяся 21 сентября 1228 г.¹²⁵ и погибшая в 1238 г. во Владимире. Более естественным было бы существование к 1216 г. у Георгия дочери, жены Василька Романовича¹²⁶. Для утверждения этого факта нет данных о свадьбе до 1230 г. Очевидно, что к 1216 г. у Георгия было двое детей, что противоречит множественному числу их упоминания в сцене отъезда князя в Городец на фоне использования двойственного числа в «Повести о битве на Липице». Так подтверждается тезис о фабрикации большого количества недостоверных деталей в развитии сведения *НПЛ* о Липице к «Повести о битве на Липице».

Не определяется очередность рождений Владимира (Димитрия¹²⁷) и Мстислава Георгиевичей. Считается, что Владимир — второй сын Георгия, родившийся между летом 1214 г. и весной 1216 г.¹²⁸, хотя 6726 г. был ультрамартовским и должен переводиться как 1217 г. Татищев датировал рождение Георгиевича 1215 г., но имени его не сообщил¹²⁹. Вероятно, Владимир был среди детей Георгия на торжествах при поставлении на епископскую кафедру Митрофана в 14 марта 1227 г., а также на перенесении мощей Авраамия¹³⁰. В 1236 г. Георгий Всеволодович женил «сына своя Володимера и Мстислава»¹³¹. По мнению Татищева, Владимир женился на дочери некоего Мстислава, но историк оговорил, что в летописи написано о свадьбе двух Георгиевичей¹³². Одновременная свадьба Георгиевичей свидетельствует, что Владимир был чуть старше брата Мстислава¹³³.

Через полтора года после Липицы Константин вернул Георгия из Городца, дав ему Суздаль¹³⁴. В.А. Кучкин датировал возвращение Георгия из Городца и получение им Суздаля осенью 1216 г. Вместе с князем 11 сентября 1216 г., якобы, вернулся «в город» и епископ Симон¹³⁵. Предположительный тон связан с сомнением в отбывании Симоном Городецкой ссылки. Если сведение об отъезде Симона в Городец является следствием составления нарратива, читаемого в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *МЛС (Воск.)*, то надо доверять сообщениям *Лавр.*, *Сим.* и *НПЛ*, из умолчания которых следует, что Симон никуда не уезжал в апреле 1216 г. из Владимира. Если так, то Симон осуществлял пастырскую власть во Владимирской епархии до возвращения Георгия из Городца и его вокняжения после смерти брата Константина в 1218 г. Текст *Лавр.*, *Сим.* не дает возможности усомниться в том, что Симон покидал епархию и возвращался. Тогда церковная власть в Залесской земле в 1216–1218 гг. предстает в том виде, как она сложилась в 1213–1214 гг.: в княжестве две епархии, и владыки исполняют свой долг. Князья

125 *Лавр.* : 451; *Сим.* : 53.

126 *Ипат.* : 758.

127 Второе имя — Димитрий — приведено В.Н. Татищевым.

128 Кузьмин А.В. Владимир Георгиевич., 720.

129 Татищев В.Н. *История Российская*. Т. IV, 103.

130 *Лавр.* : 449, 453; *Сим.* : 53.

131 *Лавр.* : 460; *Сим.* : 54; *Льв.* : 156; *Воск.* : 138; *Ник.* Т. X. : 104.

132 Татищев В.Н. *История Российская*. Т. III, 230; Т. IV, 373.

133 Поппе А.В. Когда и как князь Владимир был признан святым. *От Древней Руси к новой России*.

Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапову. М., 2005, 54. Прим. 6.

134 *Лавр.* : 440; *Сим.* : 49; *Ерм.* : 67; *Тв.* : 326; *МЛС* : 115; *Воск.* : 125.

135 Кучкин В.А. Владимирское великое княжество, 84.

же проявляют внимание к церковным делам лишь в случае освобождения епископской кафедры.

Если в 1216 г. Симон покинул Владимир и последовал за князем Георгием в Городец, как сообщается в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *МЛС (Воск.)*, то события развивались по другому сценарию. Как в течение года «в изгнании» Симон мог осуществлять власть над своей епархией? Своеобразное отвержение Симона показывает зависимость Церкви в Залесской земле от политических перипетий и, конкретно, от воли князя Константина¹³⁶. С другой стороны у Константина был «свой» епископ. Пахомий еще в 1215 г. скончался, и летописец посвятил ему много хвалебных слов¹³⁷. Среди них, как отметил Б.А. Романов, акцентировалось то епископ был на совесть — не лихоимец, не грабитель, не взяточник¹³⁸ (возможно, что здесь речь идет о противопоставлении его Иоанну, а не всем русским пастырям). На место Пахомия был возведен Кирилл.

Возможно, на датировку В.А. Кучкиным возвращения князя из ссылки 11 сентября 1216 г. повлияло то, что в *Лавр.*, *Сим.* вместо сообщения о битве на Липице говорится о примирении Константина с Георгием с испомещением второго в Суздаль¹³⁹. Но в *Лавр.* это сообщение дано в статье 6725 г., а потому в нем можно видеть примирение братьев именно в 1217 г. Статья 6725 г. состоит из 2-х частей. Первая часть — конфликт Константина и Георгия — датирована по ультрамартовскому стилю¹⁴⁰. Н.Г. Бережков, сопоставляя данные *НПЛ* и *Лавр.* о резне в Исадах, склонился к тому, чтобы эту часть статьи считать мартовской¹⁴¹, но отнес к ультрамартовской части статьи и сообщение о вокняжении Константина во Владимире, а Георгия в Суздале. В *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС (Воск.)* распределение столов между ними произошло после примирения, случившегося на другой год после Липицы. Можно объяснить иначе: первая часть статьи 6725 г. в *Лавр.* — сообщение о конфликте Георгия и Константина — объясняет примирение братьев и их вокняжения именно в 1217 г. Вероятно, Н.Г. Бережков машинально отнес к ультрамартовскому стилю сообщение о вокняжениях Константина и Георгия, поскольку оно завершает сообщение об их конфликте.

Аргументом В.А. Кучкина, видимо, стало и сведение *МЛС* о приходе вместе с Георгием Симона 11 сентября: «и вниде въ онь сентября 11, а епископ Симонъ съ нимъ вниде во свою епископию»¹⁴². Но 11 сентября относится к возвращению Георгия. Так, в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.* под 11-м сентября говорится о въезде Георгия в Суздаль, без упоминания Симона¹⁴³. Очевидно, Симон в рассказе

136 Кучкин В.А. Владимирское великое княжество, 84; Горский А.А. Георгий (Юрий) Всеволодович. *ПЭ*. Т. XI. М., 2006, 89.

137 *Лавр.* : 439. *Сим.* : 48–49.

138 Романов Б.А. *Люди и нравы Древней Руси*. М., 2002, 153.

139 *Лавр.* : 440; *Сим.* : 49.

140 Бережков Н.Г. *Хронология*, 105.

141 Бережков Н.Г. *Хронология*, 105. Неправомочно всю статью 6725 г. в *Лавр.*, в том числе и сведение об Исадах, к ультрамартовскому стилю отнес: Алешковский М.Х. Новгородский летописный свод конца 1220-х годов. *Летописи и хроники*. 1980 г. М., 1981, 108.

142 *МЛС* : 115; *Воск.* : 125 (цит. отсюда).

143 *Ерм.* : 66; *Льв.* : 149; *Тв.* : 326.

МЛС о въезде Георгия в Суздаль — очередной пример наращивания сведения, читаемого в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.* В этом убеждает текст *МЛС (Воск.)* о вокняжении Георгия во Владимире после смерти Константина: «И седе по немь брать его Георгій во Володимери на столе, и Симонъ епископъ его вниде тогда опять во свою епископью»¹⁴⁴.

В *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.* есть похожая фраза, но без указания на вторичное возвращение Симона на епископское место и с подчеркиванием, что он «вниде» во Владимир¹⁴⁵. Это сведение показывает бессмысленность известий *МЛС (Воск.)* о двойном (1217, 1218 гг.) возвращении Симона на епископскую кафедру. Есть другая версия: после примирения братьев в 1217 г. Симон с княжеским двором Георгия переехал в Суздаль, а на епископию вернулся в 1218 г. после смерти Константина и утверждения во Владимире Георгия¹⁴⁶. Эта версия противоречит буквальному пониманию сведений *МЛС (Воск.)* о вступлении Симона в епископию в 1217 г. и 1218 г.

Искусственность вставки в статью 1217 г. *МЛС (Воск.)* очевидна, что обрекло сводчиков уточнять статью 1218 г. Так подтверждается предположение, что сведения о событиях первой трети XIII в. ростовского происхождения дополнялись в *МЛС (Воск.)*, что не позволяет вслед за А.Н. Насоновым это и другие уникальные сведения *МЛС* о событиях церковной жизни Северо-Восточной Руси 1211–1218 гг. отнести к летописцу Георгия Всеволодовича¹⁴⁷.

Симон, согласно *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, вернулся на епископскую кафедру Владимира лишь в 1218 г., после смерти Константина. То есть, она в 1216–1218 гг. пустовала. Видимо, если следовать *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *МЛС (Воск.)*, церковная власть в Залесской земле опять сосредоточилась в руках ростовского епископа без формального низложения Симона. Возвращение Георгия в Суздаль и его переговоры с Константином сопровождалось обсуждением вопроса о церковном управлении. Было решено, что Симон вернется на владимирскую кафедру после вокняжения Георгия, а ростовская кафедра вновь обретет самостоятельность. В последнем была гарантия автономии Константиновичей, получивших земли из владения отца¹⁴⁸.

В этих перипетиях церковной истории Северо-Восточной Руси 1214–1218 гг., описанной в *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.* (фрагментарно), *МЛС*, *Воск.*, ярко проявилась тенденция преобладания светской власти над духовной. Начало ей положил Константин, а Георгий продолжил (в 1227, 1230 гг. он определял назначения епископов во Владимирскую и Ростовскую епархии). В этом проявлялись прерогативы владимирского князя, отличные от прерогатив других князей¹⁴⁹. Возможно, в этом сложном положении церковной власти в Северо-Восточной

144 *МЛС* : 116; *Воск.* : 126 (цит. отсюда).

145 *Ерм.* : 67; *Льв.* : 150; *Тв.* : 329.

146 Ольшевская Л.А., Травников С.Н. Комментарии. *Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик*. М., 1999, 397.

147 Насонов А.Н. *История русского летописания XI — начала XVIII века*, 219–223.

148 Кучкин В.А. *Владимирское великое княжество*, 84.

149 Кучкин В.А. *Владимирское великое княжество*, 84–85.

Руси в 1214–1218 гг. отработывался новый институт сопрестольничества. Истоки его и преобладания светской власти над духовной в Северо-Восточной Руси обнаруживаются в ослаблении контроля над церковными властями из Никеи.

В послании Поликарпу владимиро-суздальский епископ Симон осудил стремление первого стать его наместником (сопрестольником) на двух епископиях Владимира и Суздаля, поддержанное князем Георгием¹⁵⁰. В послании Симона впервые упоминается должность владычного сопрестольника (наместника), главной функцией которого было отправление владычного суда¹⁵¹. В историографии существует несколько точек зрения на время возникновения института сопрестольничества. А.В. Карташев считал его изначально присущим епископской власти на Руси¹⁵², А. Поппе датирует его концом XI в., В.Л. Янин – концом XIII в. Я.Н. Щапов, склоняясь к точке зрения А. Поппе, предложил XII в.¹⁵³. Абстрагируясь от решения данной проблемы, надо указать, что ее исследователи оперируют аргументами от истории отдельной политической единицы Древнерусского государства (Смоленска, Новгорода). Процесс появления сопрестольничества в разных землях мог быть разным и возникал в зависимости от политических обстоятельств или хозяйственно-правовых вызовов времени.

Если же решать вопрос о сопрестольничестве в Северо-Восточной Руси, следуя повествованию *Ерм., Льв., Тв., МЛС (Воск.)*, то появление этого института в Залесской земле можно связать с политическими перипетиями 1212–1217 гг. Сначала из-за княжеских столкновений произошло разделение Ростовской епархии на ростовскую и владимирскую, занятых соответственно ставленниками Константина и Георгия. После отъезда Георгия и владыки Симона власть над владимирской епархией должна была перейти в руки ростовского епископа Кирилла. После прибытия Георгия в Суздаль Кирилл продолжал осуществлять свою власть над всей Северо-Восточной Русью, но наличие рядом Симона, который вновь занял епископскую кафедру после смерти Константина, делало возможным осуществление им пастырских обязанностей над владимирской частью объединенной епархии при признании главенства ростовского владыки. В этом случае не надо было извещать митрополита в Киеве. Так Симон и мог оказаться сопрестольником ростовского коллеги. Затем после 1218 г. институт сопрестольничества утвердился во владимирской епархии и был естественным для Залесской земли к моменту послания Симона Поликарпу¹⁵⁴. Такое предположение верно в том случае, если вопрос о положении Симона и возвращении его на кафедру решался между Георгием Константином в 1217 г. Но в этом слу-

150 Киево-Печерский патерик. *Древнерусские патерики*. 21, 123–124; *БЛДР*. Т. 4, 358–361.

151 Щапов Я.Н. *Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв.*, 70–71.

152 Карташев А.В. *Очерки по истории русской церкви*: В 2 т. Т. 1. М., 1997, 190–191.

153 Поппе А. Учредительная грамота смоленской епископии. *Археографический ежегодник за 1965 г.* М., 1966, 69–71; Янин В.Л. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* Т. II. М., 1970, 86; Щапов Я.Н. К истории отношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII–XIV вв. *Польша и Русь*. М., 1974, 174, 188 (прим. 2–4); Он же. *Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв.*, 71.

154 Щапов Я.Н. К истории отношения светской и церковной юрисдикции, 174, 188 (прим. 2–4).

чае надо признать власть князей Северо-Восточной Руси над церковными владыками, что модернизирует политический процесс XII–XIII вв.

Это сомнение и склонение к мысли о «нарративизации» церковно-политической истории Северо-Восточной Руси 1211–1218 гг. в текстах *Ерм.*, *Льв.*, *Тв.*, *Холм.*, *МЛС (Воск.)*, вынуждает больше доверять версии, выстраиваемой при соотнесении сведений *Лавр.*, *Сим.* и *ЛПС*. В этом случае в ходе усобицы 1212–1214 гг. произошло церковное разделение Северо-Восточной Руси, одобренное митрополитом. При этом митрополит утверждал лишь кандидатуры, предложенные князьями, далее чего влияние светской власти на Церковь не шло. Что является более естественным для первой трети XIII в. Следовательно, Симон не уезжал в Городец и отправлял обязанности владимирского епископа до 1218 г. и далее.

Источниковедение фактов истории Северо-Восточной Руси 1211–1218 гг. позволило представить картину событий, отличную от той, что имеет хождение в историографии на протяжении двух веков. Если следовать представленной на основе сведений *Лавр.*, *Сим.*, *ЛПС*, *НПЛ* картине, то политико-династические процессы Владимирского княжества в начале XIII в. выглядят отнюдь не передовыми, без перспективы развития в сторону сословно-представительной монархии. Всеволод Большое Гнездо, силой судьбоносных обстоятельств и собственных действий неожиданно ставший владимирским князем в конце 1170-х гг., умирая, предложил весьма архаичный порядок организации власти. Этот порядок вобрал в себя черты древнего раздела княжества на отдельные субъекты между братьями и частичного подчинения ряда младшей братии старшему (Георгию). Активное сопротивление этому решению оказал Константин, сам волей случая оказавшийся на владимирском столе при поддержке смоленских князей и новгородцев. Его предсмертное решение о передаче власти Георгию определило политическое устройство Залесской земли в 1218–1238 гг. Эти политические процессы в минимальной степени воздействовали на церковную организацию Северо-Восточной Руси. Церковь в этой части Древнерусского государства развивалась по собственной внутренней логике.

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Yuriy Zazuliak

Knowledge of Law And the Administration of Justice in Late Medieval Galicia

On May 8, 1444, the scribe of the L'viv castle court wrote down in the register *one* of the stages of a lawsuit between two big lords of the L'viv land, Andrew of Sienno and George Strumilo of Kamianka. The case was one of the most common kinds of disputes between noblemen. It was a quarrel about a fugitive peasant. Siennienski complained that his peasant, a certain Jacob, had fled to Strumilo. The record focuses on the parties' debate concerning the plaintiff's right to plead his case before the court of the L'viv captain. Such a right was questioned by the defendant, George Strumilo, since it apparently went beyond the jurisdiction of the castle court. According to the Statutes of Warta the castle courts were restricted to dealing only with cases that fell under the so-called four articles. This point was emphasized in the defendant's speech with particular clarity. He claimed to support it by the law of the land (*iura terrestria*) as well as the Statutes of Casimir the Great. The plaintiff insisted that the defendant had to respond in the castle court, since Strumilo was present in the court during the rival's pleading and had listened to the accusation. According to the plaintiff's reasoning, this demonstrated the defendant's readiness to accept judgment in the castle court. The defendant's arguments seem not to have been considered by the judges as weighty enough. The judges remained uncertain about which court was proper for the settlement of this dispute. They decided to send the case to the palatine upon his arrival in L'viv to clarify to what kind of jurisdiction, castle or land, the case should be submitted.¹ This is basically all what we know about the case: no further legal actions or final judgment was recorded in the court register.

In the following analysis I shall be particularly concerned with an inquiry into several closely connected aspects of this case, that is, knowledge of statute law, uses of statute norms in disputes, and the procedure of prorogation of cases for further counsel. My first observation concerns the reference to the Statutes of Casimir the Great which is found in this case. To my knowledge this is the only explicit mention of the Statutes of Casimir the Great in the fifteenth-century court registers of the Rus' palati-

1 *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej, z archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie* (henceforth: AGZ), ed. A. Prochazka, vol. 14, (Lwów, 1889), no. 1074: "Dedimus ad dom. Palatinum *whori pyathek* ad eius adventum et ibi invenire debet, si est articulus terrestris vel castrensis iuxta eorum citationes, si debet amittere vel litisquestionem alias *prza* habere."

nate.² Furthermore, it is very important to observe that the reference to the Statutes of Casimir of Great seems to be rather irrelevant to the normative background of the dispute between George Strumilo and Andreas Sienniński. The debate was focused on the conformity of the case to the jurisdiction of the castle court, which was regulated by the so-called “four captains’ paragraphs”. These four paragraphs, however, were never listed in the Statutes of Casimir the Great. They were promulgated as the statute norm for the first time almost a century later, in the Statutes of Warta in 1423. These four captains’ paragraphs were issued to regulate the official prosecution conducted against a few major wrongs and designated as public crimes, namely violent assault, public pillage, rape and arson.³

The reference to the Statutes of Casimir the Great in the context of this lawsuit raises some questions about the scope of familiarity with the norms of these and other Statutes in the fifteenth-century Kingdom of Poland. The case suggests rather poor knowledge of statute law in fifteenth-century Poland. It is reminiscent of the words of Jan Laski, who explicitly pointed to this fact in the introduction to his collection of statute law (*Commune incliti Poloniae Regni privilegium constitutionum et indultum publicitus deceretorum approbatorumque*), issued in the very beginning of the next century (1506). Jan Laski noted that in his time no one knew the old laws except two or three dignitaries and that he had met no one who possessed those laws gathered in one collection.⁴

The limited application of the norms of the statutes in the legal practice of the fourteenth and fifteenth centuries was noted by scholars of the late nineteenth century, such as Romuald Hube and Oswald Balzer.⁵ Twentieth-century scholarship further highlighted this feature of the functioning of statute law in late medieval Polish society. For instance, the prominent legal historian Stanisław Roman drew attention to the ignorance of the norms of the Statutes of Casimir the Great in his study of time pre-

2 There is another reference to the *[s]tatuta Regis Kazimiri* recorded in the Halyč land court register under the date October 12, 1456: “Item Castelanus Haliciensis fideiubet pro Muszylone, quod officiales ipsius Snyathinenses [*non*] debent iudicare officiales nec servos Andree in villis nec in castro [*Snyat*] inensi, nisi pro quatuor articulis secundum [*st*]atuta Regis Kazimiri,” see AGZ, vol. 12, (Lwów, 1887), no. 2774. If the year of this entry, 1456, coincides with the time of the described action, then it is possible that the Statutes of King Casimir are those of Casimir Jagiellonczyk, issued in Nieszawa and Opoki in 1454. One of the paragraphs of the Statute of 1454 confirmed the restriction of the captain justice to the four paragraphs. Consider the confirmation of this Statute by Casimir’s successor Jan Olbracht in 1496 in: *Volumina legum* (henceforth: *VL*), vol. 1 (St. Petersburg, 1859), 115.1. However, there is also a possibility that the mention of the Statutes of King Casimir refers to that of Casimir the Great. The record could be regarded then as additional evidence for how problematic the knowledge of the statute law could be in the fifteenth-century Kingdom of Poland.

3 As for the legal regulation of the captains’ jurisdiction by the Statutes of Warta, see *VL*, vol. 1, 34.2. The restriction of the captain’s jurisdiction to the four paragraphs was constantly repeated in the legislation of the fifteenth century. See, for instance, the Privilege of Nieszawa from 1454 in *VL*, vol. 1, 115.1, the Statutes of Jan Olbracht from 1493 in *Jus Polonicum, codicibus manuscriptis et editionibus quibusque collatis* (henceforth: *Jus Polonicum*), ed. Jan V. Bandtkie (Warsaw: Sumptibus Societatis Regiae Philomathicae Varsaviensis, 1831), 324, and the Statutes from 1496 in *VL*, vol. 1, 118.1.

4 Quoted in Waclaw Uruszczak, *Próba kodyfikacji prawa polskiego w pierwszej połowie XVI wieku. Korektura praw z 1532 r.* (Warsaw: PWN, 1979), 35.

5 Consider important remarks by Oswald Balzer in his “Uwagi o prawie zwyczajowym i ustawicznym w Polsce” (Poznań, 1889), esp. 102–4.

scription in Polish medieval law. S. Roman stressed that the paragraph of the Statutes of Casimir the Great that determined the period of three years as the time prescription valid for initiating legal actions was generally ignored in court proceedings in late fourteenth-century Kingdom of Poland.⁶ Another Polish historian, Ludwik Lysiak, took up the point in his discussion of the knowledge of the Statutes of Casimir the Great in late medieval Poland. By examining the wide-spread practice of the postponement of cases and the frequent counsels about the proper ways of their judgment, L. Lysiak suggests that norms of the Statutes were rarely applied and knowledge of the statutes in legal practice was insufficient.⁷ He maintained that the judges' inability to pronounce verdicts, which was expressed in the constant need for counsel, stemmed mostly from their poor knowledge of statute law. Bogdan Lesiński noted that during the whole fifteenth century there are no mentions in the sources that the judges made any use of the *prejudicates* when taking cases *ad interrogandum*.⁸ Medieval law was by its nature a law of precedent. The *prejudicates* were recorded as a more or less stable set of court sentences and added to the Statutes of Casimir the Great. In this way the *prejudicates* were designed to function as precedents and were to be used as an important normative guide in the process of dispute settlement. According to B. Lesiński, the *prejudicates*, although they had been recorded in the Statutes of Casimir the Great, were almost never mentioned at court proceedings as a normative framework of reference usable for settling disputes. A similar picture appears from Bogdan Sobol's study of the legal and legislative aspects of the incorporation of the Principality of Mazovia into the Crown during the 1520s and 1530s. B. Sobol noted several times in his text how problematic was the application of the Crown's statutes in the legal practice of the newly incorporated lands and how ignorant or reluctant local nobles were to accept the Crown's legislation.⁹

However, the picture of the ignorance of statute law drawn by Laski and supported by the results of historical research should not be taken at face value. It can still be argued that the understanding of statute law was not as completely absent as a first reading of the case between Sienniński and Strumilo might suggest. One should not forget that the record shows that Strumilo was able to articulate the correct legal norm to support his objection to being sued in the castle court. This detail of the account suggests that local noblemen were shrewd, experienced and knowledgeable litigants, able to exploit and interpret the resources of the statute law in their own terms. It permits the development of a slightly different explanation.

6 Stanisław Roman, "Z badań nad dawnością w prawie polskim XIV wieku," *Czasopiśmo Prawno-Historyczne* vol. XVII, no. 2 (1965), esp. 75–81.

7 Ludwik Lysiak, "Statuty Kazimierza Wielkiego w małopolskiej praktyce sądowej XV wieku," *Studia Historyczne* vol. 19, no. 1 (1976): 25–39. For a short but informative summary about gulf between statute law and legal practice in late medieval Poland, see also: Hanna Zaremska, "Grzech i występki: normy a praktyka moralności społecznej," *Kultura Polski średniowiecznej, XIV–XV w.*, ed. Bronisław Geremek (Warsaw, 1997), 539–40.

8 For this observation, see: Bogdan Lesiński, „Prejudykaty jako źródło prawa ziemskiego w dawnej Polsce,” *Czasopiśmo Prawno-Historyczne* vol. XLII, no. 1–2 (1990), 20.

9 Bogdan Sobol, „O podstawie prawnej stosowania statutów i zwyczajów sądowych na Mazowszu w latach 1532–1540,” *Czasopiśmo Prawno-Historyczne* vol. IX, no. 1 (1957), esp. 53, 55, 60–1.

The interpretation might be that the mention of the Statutes of Casimir the Great in this record referred to one of the numerous collections of statute law which circulated in the fifteenth century and which often contained several different statutes. In this regard it is worth mentioning the most popular and widely used fifteenth-century collection of statute law, known as *Digesta*. It contained the Little Polish version of the Statutes of Casimir the Great, some Great Polish paragraphs from these Statutes, and the Statutes of Warta.¹⁰ The *Digesta* collection is often believed to have constituted a kind of official law collection of the kingdom in the fifteenth century. Furthermore, it was precisely the *Digesta* collection which was taken in 1488 as the basis for the first published book of Polish law, the so-called *Syntagmata*.¹¹ Since the various statutes were compiled as one collection, it is possible that some of its users felt free to substitute the norms from one part of the collection for another. This could be especially true since some of the paragraphs of the Statutes of Warta explicitly referred to those of the Statutes of Casimir the Great. From this point of view the Statutes of Warta were regarded by its compilers as a kind of novellae to those of Casimir the Great.¹²

Such a possibility is further suggested by some occasional evidence of precise citations of paragraphs or passages of the statutes by litigants during court debates. Litigants referred to the paragraph of the statute, but usually omitted to indicate what exactly statute they had in mind.¹³ Quotations of precise paragraphs of statute law by litigants are rare indeed in the local legal records of the fifteenth century.¹⁴ In addition to this type of evidence, legal records also provide very general references to statute law. Some records describe, for instance, how litigants insisted on their right to be judged according to statute law (*Ipse dom. Iohannes dixit: Domini, iudicatis me iuxta librum iurium*),¹⁵ or how judges had recourse to consulting a book of statute law while resolving difficult cases (*et conscriptum est inter ipsos et quesicionem in libro*

10 Stanisław Roman, „Dygesta małopolsko-wielkopolskie a dążenia do unifikacji prawa polskiego na przełomie XIV i XV wieku,” *Czasopismo Prawno-Historyczne* vol. X, no. 2 (1958), 106–7.

11 The *Syntagmata* was the first published collection of the Polish statute law, printed in the late fifteenth century (approximate date — 1488). It was in the version of *Syntagmata* that the Statutes of Casimir the Great were republished by Jan Łaski in 1506 and in this way they became widely known in the sixteenth century. See, preface by Adam Vetulani and the introduction of Stanisław Roman in: *Polskie Statuty Ziemskie w redakcji najstarszych druków (Syntagmata)*, ed. Ludwik Łysiak and Stanisław Roman (Wrocław-Kraków: Zakład im. Ossolińskich, 1958), 7–14, 17–21, 26–36. Some important observations about the date of its issue can also be found in Kazimierz Piekarski, “O średniowiecznych wydaniach statutów świeckich,” *Kwartalnik Historyczny* vol. XXXVII (1923): 378–82.

12 This is suggested by one of the best experts on late medieval Polish statute law, Stanisław Roman, in his „Dygesta małopolsko-wielkopolskie,” 107.

13 See, for example, the invocation of the statutes’ paragraph with the incipient words *terminus ex modo citacionis* in the debate held on the point whether the bailiff delivered summons to the right or wrong estate of the defendant in *AGZ*, vol. 13, no. 6161 (November 20, 1466). It is most likely that the paragraph the defending party had referred to was one of the Statutes of Casimir the Great. Consider the paragraph no. 48, “de fratribus in bonis paternis divisus” of the Statutes known in the version of *Syntagmata*, in *Polskie Statuty Ziemskie w redakcji najstarszych druków (Syntagmata)*, 83–84.

14 See, for example, the mention of the paragraph of the Statutes of Warta regulating the captains’ jurisdiction which begins with its first words *relatum est nobis* in *AGZ*, vol. 17, no. 2202 (June 16, 1488).

15 *Ibid.*, vol. 12, no. 2396 (February 1, 1451).

statutorum de causis ipsorum).¹⁶ Some judges required that a litigant confirm his/her claim for transferring his/her case to another court with the support of the statutes (*Et iudex dixit ulterius: da michi ad statutum iuris terrestris et velle statuta ponere, si est articulus iste terrestris aut castri*).¹⁷ The plaintiff was in danger of losing the case, even such a serious crime as rape, if he/she was not able enough to sue the wrongdoer under the required procedures of the written law.¹⁸

Furthermore, an appeal to the statutes was also sometimes employed by the nobility to guarantee the autonomy of noble justice and effectively challenge royal encroachment on noble privileges. These ideological implications of the diffusion of statute law were reflected in the course of disputes, as they were invoked in the speeches of litigants.

We have Constitutions and a Law of the Kingdom which are confirmed by His Majesty the King, who assured us that he would keep them untouched. In addition we have one particular constitution about the royal letters, by which the Royal Majesty promised to give no one prejudicial letters.

— claimed one of the litigants while challenging the royal right to intervene in his suit by issuing letters of inhibition which gave the right to one of the parties to postpone the final judgment.¹⁹ The words that the notary added at the end of his account of this litigation are significant. He noted that this speech was followed by the voices of nobles present in the court, who joined the speaker in their disapproval of the royal action:

then all nobles and natives shouted, loudly protesting against judging the case in such a way, because it was believed to be harmful to the law of the land.²⁰

With regard to the expansion of statute law during the fifteenth century, one should also mention that numerous clauses of the royal statutes and privileges speak frequently about the need to implement the statutes in legal practice. Such clauses fig-

16 Ibid., vol. 14, no. 53 (July 29, 1440). See also another example: “Inter nob. Elizabeth de Ostrin actricem et dom. Iohannem de Lythwinow distulimus ad futuros terminos ad librum iurium seu statuta terrestria” in Ibid., vol. 12, no. 2399 (February 1, 1451). For similar cases: Ibid., vol. 14, no. 35, 37 (July 15, 1440).

17 Ibid., vol. 14, no. 3329 (May 5, 1455).

18 Ibid., vol. 15, (Lwów, 1891), no. 1286 (October 22, 1473): “hec Vowda proposuit super Baschynsky, quod eam stuprasset, sed non proposuit quod hanc stupracionem alicui denunciasset iuxta iura scripta, ergo Baschynsky paratus est evadere ipsam, prout ius decreverit. Cui decretum est evadere metseptimo in duabus septimanis cum testibus sibi similibus.” For further references to statute law in the local court registers from the middle of the fifteenth century see: “ergo ego eundem Iohannem Kmetham iuxta citationem et statuta terrestria sentencio alias sdawan,” see in Ibid., vol. 11, (Lwów, 1886), no. 3366 (May 7, 1457); “tali conditione servata, si ius terrestre in Regno fuerit proclamatum,” in Ibid., no. 482 (November 2, 1431); “Et ipse flectabit ante Crucem et recepit hoc ad ius scriptum, si debet iurare vel iam in hoc stare” in Ibid., vol. 14, no. 2040 (April 5, 1448).

19 Ibid., vol. 15, no. 4553 (April 13, 1498): “...nos habemus et constitutiones terrestres et laudum Regni, quia Regia Maiestas ea confirmavit et promisit nobis tenere. Et precipue habemus unam constitutionem ad literas regales, quia Regia Maiestas se inscripsit nemini literas pariudivales dare...”

20 Ibid.: “Et exinde omnes terrigene et nobiles clamoriosa voce dixerunt affectantes et petentes ne tales res iudicantur, quia hoc est in detrimentum iurium terrestrium.”

ured prominently in the fifteen-century legislative ideology of the Kingdom of Poland. Royal privileges and statutes regularly encouraged the local courts to make wider use of the norms of the statute law in their activity. This appeal reflected the trend in royal legislative ideology towards the unification of the legal norms and customs that existed in the various parts of the kingdom.²¹ Because important royal privileges and statutes in the fifteenth-century Kingdom of Poland always bore the mark of the collaborative efforts of the king and nobility, the provisions of statute law must then have reflected to some extent the legal equipment and mentality of the representatives of the noble estate.

The proper assessment of the role of the law, enacted and promulgated in the form of the statutes, would be incomplete without taking into consideration the fact that statute law was complementary rather than a substitute to a vast realm of rarely specified and fluid *consuetudines et laudes terrestres*. Statute law in the fifteenth century failed to supersede the local legal customs which were thriving in that period of time. It is noteworthy that the same designations, like *statuta terrestria* or *lauda terrestria*, which were widely used to describe all existing kinds of law, sometimes make it difficult to discern between a reference to the kingdom's Statutes, local diet's statutes, and unwritten local customs.²²

By contrast with some other lands of the Kingdom of Poland (Little Poland, Łęczyca), the local customs of Galicia were never recorded and elaborated as a distinctive body of customary law. Sources offer only occasional glimpses of how some of these local laws and customs were fixed and written down as statutes of the land or palatinate. Such local legal provisions were passed at local diets or court proceedings attended by a representative body of dignitaries and nobles.²³ Local legislation

21 Consider, for example, the clause of the general confirmation of the privileges and rights of the kingdom, issued by Władysław Jagiełło in Czerwińsk in 1422: "Caeterum cum omnibus terris quas Regni nostri ambitus comprehendit velut unicus princeps et dominus aequaliter dominemur, non est aequum, ut variis modis iudicandi populus nobis subjectus et sub nostro existens regimine, in varios ritus iudiciorum dilabatur. Propterea perpetuo edicto statuimus, ut omnes et singuli homines regni nostri cuiuscunque conditionis, status, dignitatis aut gradus fuerint, causas in iudicijs nostris terrestribus proponentes vel proponere volentes, singulariter singuli et generaliter universi eodem iure, modis, consuetudinibus et ritibus per Regnum nostrum potiantur; nec audeant iudices sedibus et tribunalibus iudiciorum nostrorum praesidentes alios modos, ritus et consuetudines, circa terminos et sententias observare: nisi illos quos praefati domini Casimiri praedictus liber et consuetudines doceant et informant, ad quem semper recurrant. Quidquid autem per ipsos aliter fuerit iudicatum et sententiatum, irritum remaneat et nullius roboris vel momenti." See in *VL*, vol. 1, 37.2.

22 See the following examples: "tali conditione servata, si ius terrestre in Regno fuerit proclamatum" in *AGZ*, vol. 11, no. 482 (November 2, 1431); "quos recepisti ab reclinacione et tenes contra statutum terrestrem eosdem" in *Ibid.*, vol. 12, no. 117 (October 29, 1436); "quia quinque porcos, unumqueque per marcum taxando, in silva sui domini recipiens violenter eosdem mactasti contra statutum terrestre" in *Ibid.*, vol. 12, no. 491 (January 19, 1439); "decreverunt terminos particulares seu terrestres iudicare secundum statuta usque ad occasum solis" in *Ibid.*, vol. 12, no. 3140 (February 21, 1464); "Et iudex dixit ulterius: da michi ad statutum iuris terrestris et velle statuta ponere, si est articulus iste terrestris aut castri" in *Ibid.*, vol. 14, no. 3329 (May 5, 1455). For comparison, consider similar observations by Ludwik Łysiak about ambiguous and unspecified meanings of terms like *ius terrestre* and *consuetudo* in the judicial practice of Little Poland, see Ludwik Łysiak, "Statuty Kazimierza Wielkiego w małopolskiej praktyce sądowej," 34.

23 For the legislative activity of local diets in the fifteenth-century Rus' palatinate, see: Henryk Chodynicki, *Sejmiki ziem ruskich w wieku XV* (Lwów, 1906), esp. 56–73, 88–100, 111–112; Marjan Karpiński,

bore a court-oriented character and was most frequently concerned with the rules for settling disputes and the regulation of the courts' procedures. The local diets and gatherings of dignitaries often functioned as forums for clarifying conflicting and difficult legal issues. Such diets and court sessions frequently served as courts of appeal, to which nobles transferred their cases for verdicts. Judgments and decisions taken at such gatherings constituted the body of the official or semi-official legislature, and are often referred to in the sources as statutes. In fact, every significant verdict of a court could assume the character of a legal norm as a precedent and could be used subsequently as a prejudicate in court practice. Thus local courts became major sites for the creation and reproduction of local law, especially norms that concerned dispute settlement and court procedure.²⁴

The scattered evidence offers the possibility of unfolding some details of the enactment of such statutes and norms. Some of these statutes were re-enacted and re-confirmed through the ritual of "reminding" and memorizing their provision which took place repeatedly during local diets. In this way the norms of such local statutes regained and re-established their importance in current legal practice. This was, for example, the case of the statute promulgated by the diet of Halyč land in 1444 regulating the persecution of thieves. The record of the diet's proceedings reveals that in addition to some newly enacted legal provisions the nobles present at the gathering "reminded" the law about thieves that had already been enacted at previous diets. The nobles also ordered that this law be written among other decrees passed at the diet.²⁵ The records further supply some revealing evidence regarding the disagreement between nobles engaged in local law-making, showing their debates over the conformity of the promulgated law of the land to the statutes of the kingdom. At the subsequent gathering of the whole palatinate judicial assembly (*Colloquium generalis*) the representatives of Halyč land were reproached by some dignitaries of other lands for enacting the aforementioned statute because it went against already existing statute law.²⁶

Ustawodawstwo partykularne ruskie w XV wieku (Lwów, 1935), esp. 18–22, 27–29. On the concept of medieval law as collective activity of various groups and corporations, consult works by Susan Reynolds. See, for example, her "Rationality and Collective Judgment in the Law of Western Europe before the Twelfth Century," *Quaestiones Medii Aevi Novae* 5 (2000): 3–18. For a short overview see also: Warren C. Brown and Piotr Górecki, "What Conflict Means: The Making of Medieval Conflict Studies in the United States, 1970–2000," in Warren C. Brown and Piotr Górecki eds., *Conflict in Medieval Europe. Changing Perspective on Society and Culture* (Adlershot: Ashgate, 2003), 14–15.

24 On the role of diets in the procedure of interrogation see H. Chodynicki, *Sejmiki ziem ruskich w wieku XV*, esp. 11–112. For the attempt to compile and classify the body of the local legislation of the fifteenth-century Rus' palatinate, see Marjan Karpiński, *Ustawodawstwo partykularne ruskie*. M. Karpiński classified some court decisions as pieces of local law, but disregarded others. The principles of such classifications were not explained sufficiently. It seems that M. Karpiński underrated the fact that all court judgments could be considered as constitutive elements of local law.

25 AGZ, vol. 12, no. 1395 (July 2, 1444): "Primo memoraverunt invencionem felicis recordy magnifici Michaelis Pallatini Podolie et domini Odrowansch Pallatini et Capitanei terre Russie generalis, quod cum aliquem dominum vel terrigenam vel eius officialem predestinabit pro fure de castro." The short comment about this legislative provision of the Halyč diet can be found in Henryk Chodynicki, *Sejmiki ziem ruskich w wieku XV*, 95.

26 Ibid., vol. 12, no. 1525 (January 15, 1445): "Que statuta in generali colloquio coram domino Pallatino terre Russie generali naraverunt et domino Sencone et aliis dignitariis et terrigenis. Qui dominus Pallatinus et dominus Sencone: male fecistis, quia ultra consweta statuta omnia hec fecistis, sed tamen

There were also attempts to enforce promulgated local law in practice. For example, the noble community of Halyč land put pressure on individuals who showed contempt for or were reluctant to accept some of the local statutes' provisions. Nobles could be sued in court for the reason of not adhering to the listed local norms. Some of them, however, justified their conduct by drawing on the fact of their ignorance of recently promulgated statutes. In such cases the court judges and assessors bound such contemptuous nobles to swear an oath to prove their ignorance of the new law.²⁷

To further complicate the picture of legal diversity, it is necessary to say that dispute settlement in late medieval Polish law was often subjected to principles of *ius dispositivum*. This meant that litigants could arrive at a private agreement about some of the rules of conducting the litigation, which could vary from the prescribed norms of legal procedure as established by the statutes. By such agreements, the parties could choose the court where their case could be judged, even if such a case was not within its competence. Some private agreements concluded between parties explicitly excluded the possibility of canceling the terms of the contract or avoiding responsibility in court under the pretext of old, existing or future norms of statute law.²⁸ Taking a case out of the judgment of an official court and submitting it to private arbitration was also an expression of the principles of *ius dispositivum*. Parties could also diminish the number of court sessions needed for considering a case and delivering a sentence by establishing the first hearing of the case as the final one.

To what extent the enforcement of the statute norms in legal practice was often dependent upon the personal relationships between parties or between the party and judges can be exemplified by the application of four captains' paragraphs in practice. The evidence shows that its application was sometimes conditioned by special private agreements between captains and noblemen. Such agreements assured, for example, the captain's promise to not summon the noble's men and peasants to the castle court except for the wrongs listed in the four paragraphs.²⁹ All this demonstrates a restricted application of the norms of statute law, which did not operate as *ius cogens*, but was subject to reconsideration according to the interests and motives of the litigants.³⁰ The resulting picture was uncertainty about existing legal norms as well as a lack of clearly established rules and procedures.

illud, quod statuistis, ante se procedat et iudicatur de premissis hominibus.”

27 Ibid., no. 1539 (January 25, 1445): “Familiaris Teodrici reclamabat, quia Theodricus nescivit compositiones seu statuta istas novas de hominibus.” Ibid., no. 1540: “Dominus Michael Buczaczkys iurare habet in duabus septimanis adversus dominum Iudicem pro homine, quod nescivit de compositione ista nova.”

28 Ibid., no. 2969 (July 21, 1460): “et non Sbroslaum evadere Stansilaus debet nec mandatis Regis, nec colloquio generali, nec convencionibus generalibus neque particularibus, neque aliquo laudo antiquo, moderno et futuro.”

29 This is nicely illustrated by the agreement between Andreas Fredro of Plešovyči and the Sniatyn captain, Michael Muzylo of Bučač, from 1456, recorded in the Halyč land court register. It foresaw the intercession of the captain in order to prevent him from judging Fredro's servants and peasants in the castle court unless their wrongs were punishable under the four captain's paragraphs. See Ibid., no. 2774 (October 12, 1456). The evidence is quoted in footnote no. 2.

30 For this aspect of the Polish legal process in the Late Middle Ages, see: Józef Rafacz, “Zasada dyspozytywności w dawnym prawie polskim,” *Przegląd Historyczny*, vol. XXVIII (1929): 183–199.

The problem of the diversity of legal customs and norms repeatedly came into the focus of legislators during the Later Middle Ages. Already, the Prologue to the Statutes of Casimir the Great from the middle of the fourteenth century condemns the practice of judging cases in courts *secundum animorum diversitatem*. The Prologue further stresses that many vexations and disturbances were aroused among litigants because the same legal cases were pleaded in different ways and judged by different legal norms.³¹ At the end it admonished judges to consider cases and deliver judgments in no other ways but in compliance with the norms of the statutes from the moment of their issue.³² A multitude of evidence from the fifteenth century shows that the Statutes of Casimir the Great did fail in this purpose. During the fifteenth century the body of statute law was considerably enlarged and elaborated by the promulgation of new statutes. However, appeals for the unification of the law of the kingdom, frequently postulated by legislative provisions of the fifteenth century, had no success. To exemplify this situation it is enough to look at the royal privilege of Czerwińsk from 1422. While stressing the need to promulgate a unified statute law for the whole kingdom, one of its paragraphs again points to the existence of *variis modis iudicandi populus nobis subjectus* and *varios ritus iudiciorum*.³³

The unification and codification of the law of the kingdom became an especially burning issue at the beginning of the sixteenth century. In that time a number of royal mandates was promulgated encouraging palatines to start collecting information about local legal customs and procedures that had not been regulated by the written statute law. The initiative was considered as a preliminary stage for the renewal of work that aimed at the creation of a unified law of the kingdom. The mandates are clear on the point that existing legal practice was evidently opposite to the objectives of the royal legislators. The complaints on the diversity of legal rules (*Quod ad diversitatem consuetudinem processus iudicarii attinet, qui in omnibus regni terris diversus est*) that brought about chaos to the legal process and administration of justice were regularly repeated in these mandates.³⁴ Furthermore, some mandates contain sharp reproaches of judges, accusing them of administering justice according to their private understandings and ignoring the authority of the statute law. Such reproaches sound very similar to those of the Statutes of Casimir the Great.³⁵

31 *Statuty Kazimierza Wielkiego*, ed. Oswald Balzer (Poznań, 1947), 242: "...in terris dominio nostro subiectis plerique cause in iudiciis non uniformiter sed secundum animorum diversitatem, quamvis super uno et eodem facto varie et diversimode deciduntur et diffiniuntur, ex qua varietate questiones seu cause plerumque post multiplices vexaciones." This reprimand was repeated in the prologue of the fifteenth-century Polish translation of the Statutes of Casimir the Great, named for Świętosław of Wojcieszyn, who voiced similar worries about the state of the administration of justice. The author criticized the bad customs of contemporary courts that had become accustomed to employing different norms and rules in judging similar cases. See, Waclaw Uruszczak, *Próba kodyfikacji prawa polskiego w pierwszej połowie XVI wieku*, 24–5.

32 *Statuty Kazimierza Wielkiego*, 243.

33 *VL*, vol. 1, 37.1.

34 *Corpus Iuris Polonici*, ed. Oswald Balzer, vol. 3, (Cracow, 1906), № 69, 150.

35 *Ibid.*, № 128, 261: "ut iudices regni non de suo private sensu, sed ex auctoritate legum iudicia recte exercerent."

This situation was equally deplored by many contemporary observers, mainly in the sixteenth century. According to the *Monumentum* by Jan Ostrorog, such a diversity of laws and legal traditions in a single kingdom was contrary to reason.³⁶ A similar critique was conveyed with particular vigour by Andrzej Frycz Modrzewsky who used the term “monstrous” to express the unnatural situation of the existence of such a great variety of laws in one kingdom.³⁷ He also considered the diversity of legal customs and norms as the main source for the proliferation of litigants’ subterfuges in the courts, which in turn resulted in the endless terms of a great number of disputes.³⁸

In general, the law of the kingdom consisted of competing and often irreconcilable norms and rules. Additionally, some other important factors set considerable restrictions on the applications of the statute law in the legal practice of local courts. The orality that governed the legal process, the fluidity of the court’s composition, and the nonprofessional communal character of legal knowledge, which allowed almost every member of the community to participate in interpreting legal norms and adjudication, stand out as significant factors that led to the inconsistency and fluidity of applying norms.

As a consequence, agreement on what kind of norms and procedures to apply while judging a case was a matter of permanent debate at court sessions. A pattern which can almost always be observed in cases of the uncertainty about legal rules was postponing the lawsuit and taking it for further consultation. Prorogation of a case for further counsel appeared most often in the legal records in the form of the note *ad interrogandum*. Such clauses can be taken as one of the most noticeable clues indicating the ambiguity and multiplicity of norms invoked in legal actions in the late medieval Kingdom of Poland. Clauses *ad interrogandum* burgeoned in records of the fifteenth-century courts, attesting to the constant hesitation of court judges about the rules and norms of delivering final sentences.³⁹

A poor knowledge of law can be seen as the most plausible explanation for a proliferation of *ad interrogandum* clauses. The legal records of the Rus’ palatinate provide some evidence to support this point of view. Judges quite willingly and frequently confessed their inexperience or incompetence in judging cases. One can find

36 Joannis Ostrorog, *Monumentum*, 51: “quae diversitas in uno praesertim regno non est rationi consona.”

37 Andrzej Frycz Modrzewski, “Liber de Legibus,” in his, *Commentariorum De Republica Emendanda*, ed. K. Kumaniecki, in his, *Opera omnia*, vol. 1 (Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953), cap. XXI.5, 224: “Nam hoc profecto monstri simili esse uidetur, ut in una respublica uiuunt quique uni principi obtemperant diuersis legibus utantur.”

38 Ibid., 225: “Nam propter legum diuersitatem et professores diuersi sunt et multae iuris cautiones multaeque tergiuersationes natae, quae lites infinitas et multorum annorum spaciis durantes pepererunt.”

39 Historians have not paid enough attention to such a widespread practice of postponement of cases and interrogation. The first observations about the practice of interrogation and its connection with a bad knowledge of law were made by Henryk Chodynicki, in his study of diets in the fifteenth-century Rus’ palatinate. H. Chodynicki pointed out the role of local diets as institutions to which various sorts of courts turned for the interrogation while considering doubtful cases. See Henryk Chodynicki, *Sejmiki ziem ruskich w wieku XV*, esp. 58–63, 70. The most apparent parallel with this aspect of court proceedings in the Rus’ palatinate is the study by Ludwik Łysiak of the application of the Statutes of Casimir the Great in the legal practice of fifteenth century Little Poland. It is important to mention that L. Łysiak has also identified a legal case containing an irrelevant reference to the Statutes of Casimir the Great, see L. Łysiak, “Statuty Kazimierza Wielkiego w małopolskiej praktyce sądowej,” 32.

passages in the records on occasion of the prorogation of cases like *hoc nos discernere non valentes*,⁴⁰ *Ideo nescimus diffinire*,⁴¹ *nos terrigene diffinire non potuimus*,⁴² *Nos autem horum tamquam imperiti ad interrogandum recepimus*,⁴³ *Nos vero Iudices causam decernere ignorantes*,⁴⁴ *Unde pro tali articulo non su[mus] competentes*.⁴⁵

The inability to resolve the procedural difficulties of a dispute was the most frequent source of such apparent hesitancy about legal rules. The practice of *ad interrogandum* encompassed a wide spectrum of issues related to legal procedures. Most of these aspects of legal procedures, like some intricate features of oath-taking,⁴⁶ or pleading,⁴⁷ were omitted by the late medieval legislation of the Crown. However, even if the statute provision pertaining to the procedural issue which was at stake in the dispute was available, it did not guarantee that judges would make use of it to resolve an existing difficulty. Sometimes the application of a legal norm was in doubt because of the diversity and inconsistency of statute law itself. To provide just one example, let us look more closely at the record of a dispute in which the scribe put down the note *unde pro tali articulo non su[mus] competentes* to signal the problems the judges faced at case hearings. This note has been already quoted among others to illustrate the ignorance of law. In this particular case the unfamiliarity of law was recorded to highlight the judges' inexperience in dealing with the procedure of delaying cases. At first glance the situation was a simple one - the plaintiff failed to attend a case hearing and insisted on delaying it for another court session. However, the judges evidently had no idea how to proceed with such a claim, doubting what the proper procedure for delaying such cases was and whether the next hearing had to be set as a final one for delivering judgment. It can be speculated that the existing legislation on delays was either unknown by the judges or considered insufficient for resolving all these nuances of procedure.⁴⁸

40 AGZ, vol. 14, no. 196 (February 25, 1441).

41 Ibid., no. 772 (June 21, 1443).

42 Ibid., vol. 11, no. 27 (February 15, 1424).

43 Ibid., no. 3317 (March 24, 1456).

44 Ibid., no. 2293 (October 25, 1446).

45 Ibid., vol. 12, no. 4233.

46 In one case judges were unable to determine whether a plaintiff had to be put under oath in order to convict a man suspected of a crime, see Ibid., vol. 11, no. 2498 (November 27, 1447). In another case judges did not know whether a mistake made by one of the oath-helpers while swearing an oath meant defeat in the dispute or that he simply had to undergo the procedure of oath-taking for the second time. See Ibid., vol. 14, no. 384 (April 20, 1442).

47 For example, judges postponed a case hearing because they were not sure whether it was a wrong or right way of pleading the case, in which an accusation of wounding was brought to the court not by the victim himself, but by his lord, see Ibid., vol. 14, no. 220 (March 17, 1441).

48 Ibid., vol. 12, no. 4233. In another case judges were uncertain whether the fact of the defendant's illness that had led to the prorogation of the case hearing had to be supported by his personal oath-taking. They postponed the case for interrogation, see Ibid., vol. 14, no. 41 (July 15, 1440). Frequent delays of sessions can be considered one of the most fundamental features of fifteenth-century litigation. Abuses of this practice were undoubtedly one of the biggest plagues of the legal process. As for delay by illness, the Statutes of Warta represented one of the earliest legislative attempts to establish the regulation of the practice of delays. Before the promulgation of the Statutes of Warta in 1423, customary practice allowed the testimony of a priest to prove that the serious illness caused the non-attendance at the court session. A priest, called upon to serve last communion and hear confession, had then to testify before

As it has been mentioned already, there were clear regulations in the fifteenth-century statutes about what kind of cases went to the castle court. Nevertheless, the question of where the defendant had to stand trial - in the castle or land court — represented one of the most significant procedural issues on which judges often voiced their doubts about the law and had frequent recourse for further counsel.⁴⁹ The dispute between George Strumilo and Andreas Siennienski mentioned at the beginning of our discussion about the knowledge of law can be taken as exemplary with regard to highlighting this aspect of litigation. To compel a defendant to accept a trial in the court suitable for a plaintiff, or for a defendant to insist on transferring a case to another court was one of the most frequently employed disputation strategies in fifteenth-century Galicia. For some noblemen arguments about a proper court for hearing cases seemed to have been a routine part of dispute settlement. This clearly emerges, for example, from disputes of the said George Strumilo. In 1455, ten years after his dispute with Andreas Siennienski, Strumilo brought to the local castle court a suit against Swyantochna, the widow of Nicolas of Orfyn. Swyantochna had to answer to the charge of accepting Strumilo's fugitive servant. The right to plead and judge the case in the castle court became the central point of this litigation. It is noteworthy that the arguments developed by the defendant's advocate were identical to those that Strumilo himself had adopted in his dispute with Andreas Siennienski. Swyantochna's advocate tried to convince the judge that the case belonged to the jurisdiction of the land court. This time, however, such a claim met an objection from the side of the judge. The record of the dispute relates that the judge challenged the advocate's claim by demanding to put before him the statutes of law in order to find out under what type of jurisdiction the dispute had to be settled (*da michi ad statutum iuris terrestris et velle statuta ponere, si est articulus iste terrestris aut castris*).⁵⁰

the court the fact of hearing confession by swearing an oath. One of the paragraphs of the Statutes of Warta criticized and expressed serious concern with this way of delaying cases. The paragraph speaks of the spread of "perverse customs," which led to improper ways of swearing an oath in the matter of postponing lawsuits and resulted in perjury. The legal provision specified that the procedure was endangered by perjury, mainly because the priest had sworn an oath to the fact of hearing confession, but not to the fact of illness. The provision then focuses specifically on delays of the sessions of two courts — the land court and the judicial assembly, the so-called *colloquia*. The Statutes established the possibility for defendants to miss two sessions of *colloquia* and three sessions of land court without any necessity to produce proof of alleged disease. Only the defendant's absence at the third session of the assembly and the fourth session of a land court had to be confirmed by the defendant at the next session by his personal oath. See *VL*, vol. 1, 32.1–32.2, "De antiqua consuetudine in transpositione terminorum servata." The Statute of Casimir IV from 1465 included one important amendment to the mode of oath-taking in cases of delayed sessions. It established that a defendant was required to bring two oath-helpers to back up his personal oath. See *VL*, vol. 1, 71.2, "De terminorum dilatione per infirmitatem."

49 The phrase *Ideo nescimus diffinire*, quoted above as one of the instances of bad knowledge of law, was recorded as a decision taken by the judges to postpone a case hearing because of the disagreement between the parties about the court appropriate for a dispute resolution. The account of the dispute has it that the defendant pleaded before the judges to send his case to the land court. According to his reasoning, the charges advanced by the plaintiff, accusing him of the raiding and destruction of land marks of her estate, did not fall under the jurisdiction of the castle court. See *AGZ*, vol. 14, no. 772.

50 *Ibid.*, vol. 14, no. 3329 (May 5, 1455).

As a rule, disputants or their advocates knew enough about the four captain's paragraphs to be able to intelligently back up their claims for transferring a case from castle to land court. In addition to the evidence of the dispute between Strumilo and Siennieski this can be exemplified by the record of the lawsuit between Peter of Chlopčyci and Jan of Conušky that was held before the Przemyśl castle court in 1488.⁵¹ Peter charged Jan with trespass on his property, cutting trees on the territory of his estate and breaking the royal pledge which had been previously imposed upon the parties by the court. Jan defended his right to be judged by the land court only. In his words, his case did not really fall under castle jurisdiction and was not in accord with the four castle paragraphs.⁵² In a lucid explanation he clarified the real essence of the four paragraphs: *Duntaxat quatuor articulos iudicat: incendii, publice strata predacio, oppressio mulierum et violencia domestica, ut continetur in statutes in capitulo*. Nevertheless, Peter insisted on his right to take his case to the castle court by stating that the broken pledge had been laid down in this court itself and therefore the defendant should face trial there. In his turn, Jan justified his claim for transfer to the land court by alleging that the pledge was established by arbiters as a private agreement, and not imposed by the court. It seems that by pursuing this argument he managed to escape liability in the castle court.

The uses of the four captain's paragraphs in court proceedings clearly illustrate how local context framed the application of the statute law of the kingdom. All the cases considered so far suggest that a choice of jurisdiction, even if supported by the reference to the proper statute norm, was not something taken for granted, but was constantly challenged and tested in the course of the litigation. Plaintiffs often had to assert their right to plead and judge their cases in the court in fierce debates with defendants. A litigant's success in this matter depended greatly on his personal efforts and determination as well as shrewdness and knowledge in presenting and manipulating legal arguments in court. In this regard it is not surprising to find that exclusive prerogatives given to royal captains as heads of castle courts by the fifteenth-century statutes to judge cases of notorious violence, like assault on public roads and wounding, were repeatedly challenged by litigants. Some court records reveal that disputants reluctant to respond to charges of serious wrongdoings in the castle court could succeed in deferring such cases for further interrogation.⁵³

It is important to add that the court proceedings and disputing process were dominated by highly ritualistic and formal rules that frequently run against the established statute provisions. Priority was usually given to legal ritual and the specificities of procedure over legal facts and norms in the court room. As a rule, a petition of the

51 Ibid., vol. 17, (Lwów, 1901), no. 2202 (June 16, 1488).

52 Ibid.: "Prefato Conyvszeczsky controversia non intrante et petente se remitti ad ius terr. pro eadem cittacione cum pena trium marcarum dicente, quod iste articulus non esset iuris castri, quia nullum articulum ex quatuor, qui ad ius castr. pertinent, contingit."

53 Consult, for example, the evidence of the lawsuit between two nobles of L'viv land from 1454, in which Nicolas Zhuk accused Nicolas of Bartošiv of violent assault on a public road, wounding and detention. In his response, Stibor of Vyšnya, the defendant's advocate and a judge of the L'viv land, faced up these accusations by saying that the case belonged to the jurisdiction of the land court. The case was then deferred for interrogation, see Ibid., vol. 14, no. 3020 (January 15, 1454).

plaintiff was followed by an answer (*responsio, replica*) of the defendant. Before entering into a formal debate with an opponent, the defendant was entitled to plead legally permissible exceptions. Such exceptions usually had a procedural character. In their exceptions, defendants often insisted on delaying the hearing of a case for various reasons until the next court session. An exception could also mean an appeal to transfer a case to another type of court under whose jurisdiction the case should fall, according to the defendant's reasoning. Sometimes exceptions were more substantial and focused on procedural errors that an opponent had committed while pleading his case and advancing accusations. By presenting exceptions, defendants were at least able to gain time for mustering support and legal arguments. But some exceptions could result in the rejection of the defendant's claim and thus bring about the plaintiff's victory. There was always a risk that judges would consider a defendant's exceptions insufficient or, even worse, take them as a formal response to an opponent, or as a defendant's decision to accept the official verdict of the judges at this particular session. It was probably this sort of hidden danger of legal procedure that led to the insertion of numerous cautious clauses like *controversiam non intrante* into the texts of lawsuits on defendants' insistence.

The defendant's immediate response was the formal opening of the lawsuit (*litis contestatio alias prza*). In terms of legal process, a party's willingness to go for the *litis contestatio* meant that a lawsuit would have to result in a formal verdict of the court, to which a plaint and claim were presented. The beginning of the verbal exchange of arguments between parties at the first stage of the dispute precluded the transfer of the case to another judicial institution. It did not matter at all whether the case fell within the jurisdiction of the given court or not. In this regard, legal practice governed by ritual apparently tended to break through the lines of jurisdictions that fifteenth-century statute legislation sought to set up.

There were also other ways in which ritual and formal rules of conducting litigation exerted a strong influence on a process of dispute settlement. Frequently even minor and at the first glance insignificant issues related to the procedural track of litigation raised by disputants could result in postponing cases for further interrogation. For example, in a lawsuit between George Clus and Theodor Bučacki running before the L'viv castle court in 1441, the defendant proved that the plaintiff forgot to write in the register a *memoriale* while pleading his case before the judges.⁵⁴ The defendant pointed to this error as a sufficient reason for an acquittal of the case. Judges reacted in a predictable way by taking the case for interrogation and stating that *hoc nos discernere non valentes*. This was done despite the fact that Bučacki was summoned before the court on the very serious charges of violent assault on a private house. No further records are available in this case. There is no way of knowing whether interrogation really took place and what was the decision of the captain.

It is noteworthy that the notaries as well as litigants showed little interest in recording such important details of disputes as circumstances, justifying their violent conduct or explaining their misbehavior in terms of previous relationships

54 Ibid., vol. 14, no. 196 (February 25, 1441).

with their rivals, or emphasis on their emotional state at the time of the conflict. All these facts were largely ignored or found on the margins of written accounts of conflicts. Court scribes most often tended to write into the record of litigation the debates about the conformity of one's pleading to the established rituals of conducting litigation. These formal aspects of lawsuits sometimes seemed to be of more significance for the process of adjudication than the legal facts that had given rise to the lawsuit. The mode of conduct and speech in the court, that is, whether or not it conformed to the accepted legal rituals and procedural customs in the eyes of judges and the public, could strongly influence the course and outcome of the suit.⁵⁵

The imposition of the proper penalty represented another domain where judges' uncertainties and anxiety about the law were revealed. It is not rare to find that judges adjudicated the case, but were unable to determine the precise size of the fine. For instance, in 1442 judges and assessors of the L'viv castle court managed to deliver a sentence, adjudicating the wounds of the plaintiff, but uttered their inability to define the fine which the guilty person had to pay: *sentenciamus, quod Woythka conthoralis eiusdem Korzyen lucrata est duo vulnera nobilia cruentata, sed solucionem vulnerum ignoramus sentenciare*.⁵⁶ With regard to a knowledge of law, and particularly of the Statutes of Casimir the Great, this record is a very revealing piece of evidence. As it is well known the Statutes of Casimir the Great listed a great variety of types of wounds, punishable differently according to the circumstances involved in the act of wounding. There is no indication however that the judges who heard this case had any knowledge of the system of penalties prescribed by contemporary statute law for wounding.⁵⁷

Some other evidence spells out frequent doubts of judges about the size and type of penalty. In a case running before the Halyč castle court in 1460 the winning party wanted judges to sentence his rival with the fine of three marks because of an improper summons. However, the judges declined the request on the ground of their ignorance in this matter.⁵⁸ In 1441 judges and assessors of the L'viv castle court found

55 This point is worth mentioning in view of the arguments developed by Susan Reynolds. S. Reynolds tends to question the image of medieval law and legal process as heavily irrationalized and dependent on ritual. In her opinion discussions held in the court must be taken as proof suggesting that the settlement of a dispute was not completely devoid of some elements of rationality. In her explanation, however, S. Reynolds has overlooked the possibility that those debates themselves could be strongly bound by ritual and formal procedures, which sometimes escape the possibility of being decoded as "rational" by the mind of modern scholar. See, her "Rationality and Collective Judgment," 9.

56 AGZ, vol. 14, no. 435 (June 22, 1442). Judges made similar statements about pecuniary fines adjudicated to other victims wounded in this conflict. See, *Ibid.*, no. 440.

57 Consult especially the famous paragraph of the Statutes of Casimir the Great *de pena diversorum hominum*, in *Statuty Kazimierza Wielkiego*, no. XLIX. Consider also some other paragraphs of the said Statutes regulating the punishment of wounding, *Ibidem.*, no. LX, LXII, LXIII, LXV. The system of fines for wounding, as it was elaborated in the Statutes of Casimir the Great, has been analyzed in detail by M. Handelsman, *Prawo karne w Statutach Kazimierza Wielkiego* (Warsaw, 1909), 164–167.

58 AGZ, vol. 12, no. 3879 (August 25, 1460): "Denique nobil. Clemens penam vult habere trium marcarum, iudicio totidem, super ipso Orzechowsky officiali de Brzeszani racione inordinate cittacionis, sed Iudices cum dominis ipsam penam decernere ignoraverunt, sed ad requirendum plures dominos ad duas septimanas receperunt."

a plaintiff liable for a penalty, because he had summoned a defendant to the wrong court. But having difficulty to define *qualis et quanta debet fieri pena*, they decided to consult nobles and dignitaries who were about to convene in the nearest diet.⁵⁹ The hearings of another case held in the same Lviv castle court in 1440 were postponed, because the plaintiff left the courtroom, as he was dissatisfied with the pecuniary penalty that had been imposed on his opponent. The ignorance of law was then given by judges as justification for taking the case for counsel: *et ob hoc ignoramus, que pena illa fuit*.⁶⁰ Judges could also be hesitant about giving their verdicts in cases that prescribed a corporal penalty. In 1445 the judges and assessors of the Sanok castle court did not dare to sentence a defendant to the severe penalty of cutting his tongue, for which he was found liable because of his calumnious words against a plaintiff. Instead they took the case for further consultation to consider the possibility of substituting such a severe penalty with a pecuniary compensation.⁶¹ Another court record suggests that a noble accused of theft and captured with stolen goods would most probably escape an immediate penalty, and judges would defer his case to the consideration of the noble assembly.⁶²

The practice of endless postponement of cases for interrogation was often negatively assessed in the public opinion of contemporary society. It was considered one of the most evident shortcomings in the administration of justice in the late medieval Kingdom of Poland. Some sense of this negative side of the *ad interrogandum* procedure can be acquired by looking more closely at two pieces of evidence. Both concern long-lasting disputes and situate the reader in the middle of the litigation. In the first case, the plaintiffs blamed their opponent for refusing to return things which he had misappropriated after murdering the plaintiffs' father.⁶³ The opponent objected to this accusation by maintaining that the judges' sentence had freed him from both guilt and penalties. Both rivals then claimed to support their mutually exclusive statements by referring to the court sentence, which must have been written in the register. Upon consulting the register, it was discovered that no definite outcome had ever been reached in the case. Instead, it was revealed that some time before, the case had been postponed for the interrogation of the captain. However, because of the judges' or captain's disregard, such an interrogation had never taken place and hearings of the case had not been renewed until the time of this action.⁶⁴ This sort of evidence seems to suggest that an *ad interrogandum* procedure served as an occasion for deliberate or accidental forgetting about cases in the practice of the fifteenth-century courts. The neglect of judges in consulting other officials about ways of settling a dispute could

59 Ibid., vol. 14, no. 316 (August 18, 1441).

60 Ibid., no. 13 (June 17, 1440).

61 Ibid., vol. 11, no. 2066. July 17, 1445: "Ideo recepimus ad interrogandum ad dominos, utrum lingwam sibi debet excidere vel si lingwam debet exemere alias *ocupicz*."

62 Ibid., no. 286 (August 14, 1428). It is most likely that the record represents a mere formulary, since it did not contain names of litigants and did not provide any specific details about the case.

63 Ibid., vol. 13, (Lwów, 1888), no. 5178 (June 13, 1463).

64 Ibid.: "Et in inscripcione secunda et libro tempore domini Slawsky invenimus, quia adhuc nullum lucrum ipsis filiis fuit adjudicatum, sed causa ad dom. Capitaneum suspensa fuit."

also be taken by one of the litigants as a favorable chance to raise a request for sending the case to be judged by another court.⁶⁵

Another record, dated in the Przemyśl land register as June 25, 1505, demonstrates how much pressure the litigants must have sometimes exerted on the judges in order to obtain the needed advice of higher dignitaries.⁶⁶ Simultaneously the case shows that judges were able to abuse the practice of interrogation and pursue their own goals in the disputes by manipulating the procedure of interrogation. The text covers one of the last phases in the dispute between the plaintiff Jan Vyrzba of Grodna and Jadwiga Cholowska, the daughter of Budzywoj of Wovčyščovyči. By the time of the events described the case had been already postponed by the judge for the interrogation of the palatine. The record relates that Jan Vyrzba attended the court session in the hope of obtaining both the palatine's clarification and the judge's final sentence. However, his hopes were in vain. The judge admitted that he had not interrogated the palatine yet. The notary wrote into the register the following dialogue between Vyrzba and the judge on this occasion. The words with which Vyrzba addressed the judge imply that he did not believe the judge. It seems that he was inclined to think that the interrogation had in fact taken place: "I know that you did interrogate the sir palatine." However, the judge denied this fact. The judge justified his delay in interrogating in these words:

Because of some errors in his writing the sir palatine badly informed me, therefore, it would be better for me to deliberate more on this issue and request the case to be considered again by the palatine in order to avoid the wrong judgment.

Following the judge's response, Vyrzba claimed the assistance of the bailiff and summoned the judge to a higher court (*movit iudicem*). Accusing a judge of an unjust sentence was a widely utilized legal rule regulating the practice of appeal in fifteenth-century court proceedings. This meant that the judge was forced to expurgate himself before another, often superior, judicial institution. It opened automatically the possibility for a litigant to move his case up to the superior judicial institution.

The practice of prolonging interrogation was seen as *dilatio iustitiae* and in this regard represented a serious abuse of the law. Postponing cases for further interrogations came to be viewed as a symbol of the negligence, inefficacy, and corruption of the courts. This point was strongly emphasized by Andrzej Frycz Modrzewski. In his *De Republica emendanda* Frycz Modrzewski voiced a contemporary opinion contending that the people who had suffered wrongs considered the prorogation of cases as the most odious custom. Instead those men who were blamed for wrongdoing benefited from the constant postponement of cases, making use of them in order to avoid punishment.⁶⁷ According to Frycz Modrzewski, judges must be charged with

65 Ibid., vol. 18, (Lwów, 1903), no. 4054 (April 5, 1502): "Iudex respondit non interrogavi alias *nye vypythalem*. Woyzechowsky pars citata postulavit dominum Iudicem, dum interrogacio non exivit date michi domine iudex ad dominum regem et non faciastis vobis difficultatem in isto..."

66 Ibid., no. 3421.

67 Andrzej Frycz Modrzewski, "Liber de Legibus," cap. XIII, 191: "prorogationes dierum in nostris iudiciis receptae odiosissimae sunt hominibus qui patiuntur iniuriam, iis vero qui intulerunt optatissimae."

their part of the responsibility for this state of justice. The author said that judges who disregarded simple cases as difficult were deserving of much reprimand. Not caring to examine such cases and deliver justice, they postponed hearings for other dates. This mode of conduct was castigated by Frycz Modrzewski as abuse of the law, appropriate not for true judges, but for men who sought to corrupt the courts and turn this situation to their profit.⁶⁸ Another negative aspect of the practice of delaying judgments was revealed by Jan Ostrorog in his *Monumentum*. Ostrorog observed that as the mass of delays of cases increased, it was usually the representatives of aristocracy, who, due to their influence and power, got their cases adjudicated first. The poor and middle sort nobility were often left without settlement of their disputes.⁶⁹

It is not surprising, therefore, that some local legislative initiatives approved by the king were undertaken to regulate this practice. For example, the legal customs of Cracow land, written down and confirmed by King Alexander in 1506, specified that if something dubious was raised in judging a case the judge could postpone the case for interrogation for no longer than until the time of the third hearing of the case.⁷⁰ The general period of time given to the judge for making the case expedient by interrogation was set by custom as seventeen weeks. Custom also forbade disputing parties to be present at the meeting where the interrogation was to be held.

However, these interpretations of the spread of interrogation did not exhaust all the possible ways in which meanings of the *ad interrogandum* procedure could be explained. It can be suggested that there were other reasons governing the decisions judges made to ignore the prescribed norms, to delay judgment, and to appeal for further counsel. The use of taking counsel in legal practice revealed the judges' constant worries about their empowerment to promulgate the verdict. This uncertainty about the legitimacy of their judgment, which led to cases being postponed, emerged with particular clarity from such court statements as *Et pro sententia diffinitiva receperunt ad interrogandum, utrum sunt potentes eandem causam vadii adiudicare*.⁷¹ In their pursuit of legitimacy and better justice, judges could first adjudicate the case to one of the litigants and, nevertheless, then turn for further counsel to institutions or men of higher position. Such instructions, received, for instance, from the royal court or land's judicial assembly, would be used to deliver a judgment as the decisive sentence.⁷²

68 Ibid., cap. XVI.15, 203: "magno digni sunt odio isti, qui rerum quamlibet leuium causa difficiles se in adeundo praebeant, causas exacte cognoscere not curant iusticiamque in diem ulteriorem reiiciunt. Non est hoc agere personam iudiciis, sed eius, qui sibi rebusque suis consulat et ad suum emolumentum omnia conferat."

69 Jan Ostrorog, *Monumentum*, 49, no. XXXI., "De admittendis personis ad iudicium."

70 *VL*, vol. 1, 149.1: "Item cum iudex accipiet ad interrogandum aliquam dubietatem alias rem, ulterius protrahere non potest nisi ad tertios terminos, sed in tertijs terminis interrogationem dicere teneatur et iudex castren. in sedecim septimanis debet expedire interrogationem, pro eo potest iudex moneri, si non expedierit interrogationem tempore medio ad interrogandum habito et praeterito; cum autem fit interrogatio partes nec interrogationi interesse nec eam audire debeant."

71 *AGZ*, vol. 13, no. 3717 (November 8, 1448).

72 Ibid., no. 3717.

The spread of *ad interrogandum* clauses was also closely linked with the idea of collective judgment.⁷³ The administration of justice was seen as a common right, even an obligation of all members of the local noble community. Legal knowledge and the right to interpret law did not represent a domain monopolized by a group of professional lawyers, but was rather dispersed among all those who belonged to the noble estate. In this regard, dispute settlement was often much more susceptible to what can be called, following Fritz Kern, a common legal sense of community, whose basic principals tended to strengthen the idea of equity and justice, rather than legal facts and norms of statute law.⁷⁴

The idea of the collective judgment was also revealed in connection with the frequently emphasized paucity of men present at the court session. A small number of nobles attending a court session was seen as excuse enough for postponing the case for instruction. In one record the court assessors clearly stated that since there were only a few of them present at the court session they did not want to deliver the sentence, but instead suspended the case until the arrival of the captain as well as, in hopes of better attendance by nobles: *Tunc nos apparebat esse paucos et diffinire noluimus et suspendimus ad dominum Capitaneum, quousque plures fient nobiles.*⁷⁵ A similar line of reasoning can be found in many other records as well: *Ideo nos recipimus ad interrogandum ad diem crastinam ad pluralitatem dominorum eandem causam,*⁷⁶ *prorogamus a feria proxime ventura per unam septimanam, quia tunc pluralitas aderit dominorum magnatorum.*⁷⁷ The same pattern is visible in records in which the litigants themselves claimed the right to send the case to the consideration *ad plures dominos.*⁷⁸

While judging a case the body of assessors was supposed to be as representative as possible. This meant not only the quantity but also the quality of the people who participated as court assessors in the adjudication process. In their quest for legitimacy and better justice (*meliora justitia*), as is revealed behind some of *ad interrogandum* clauses, the judges and assessors sought to provide, first of all, the participation of powerful men, whose opinion about a case could be indispensable for preventing a possible accusation of an unjust judgment.⁷⁹ Sometimes even very powerful men, gathered in court to participate in its proceedings, regarded it as better to postpone the case in view of the absence of some of their fellows. This was, for example, the case of a hearing in the Halyč land court held on October 18, 1462, attended by the highest

73 About the idea of collective judgment as central for the understanding of the medieval legal process and norms of procedure, consider Susan Reynolds, "Rationality and Collective Judgment," 8–9; William I. Miller, *Bloodtaking and Peacemaking: Feud, Law, and Society in Saga Iceland* (Chicago: The University of Chicago Press, 1990), 251.

74 Fritz Kern, "Law and Constitution in the Middle Ages," *Kingship and Law in the Middle Ages* (New York and Evanston: Harper Torchbooks, 1970), 156–158.

75 *AGZ*, vol. 11, no. 25 (February 15, 1424).

76 *Ibid.*, no. 2498 (November 27, 1447).

77 *Ibid.*, no. 2500 (November 28, 1447).

78 *Ibid.*, vol. 12, no. 1525 (January 15, 1445): "dominus Iohannes Castellanus Haliciensis querelam proponerat contra dominum Clementem Byeletzsky pro homine, qui Clemens clamabat se ad plures dominos." For other evidence of postponing cases *ad plures dominos*, see *Ibid.*, no. 3879 (August 25, 1460); 4229 (October 19, 1440).

79 On the role prescribed to the powerful to represent the law of the community in the Medieval West see: S. Reynolds, "Rationality and Collective Judgment," 6.

representatives of the local elite — the Halyč and L'viv castellans and the Halyč land judge. Despite their high status, those dignitaries expressed no wish to judge the case themselves (*soli discernere nolentes*), but postponed the adjudication to the Palatinate's diet, where the arrival of other members of local elite, including the catholic Archbishop of L'viv and the Rus' palatine and captain, was expected.⁸⁰

For judges and disputants of the late medieval Rus' palatinate to speak about justice meant to speak first of all about collective judgment and overall community consent. Therefore, the prorogation of a case for further counsel indicates the hope of winning the time to seek terms of judgment on which all judges and assessors would be in concord. When, in 1446, for example, the judges and assessors of the L'viv castle court held seriously differing opinions in judging the dispute between Michael Muzilo and Christopher of Saint Romulo the decision was passed “not to hasten with delivering the judgment, but to aspire to gain equality for both parties,” postponing the case for the next judicial assembly of the land.⁸¹ Litigants too were known to appeal to this principle. In one case, for example, the litigant addressed the judge not to quicken with the decision in his case, because it might result in an unfair judgment. Instead he proposed to defer the case for the consideration of the “righteous lord” captain.⁸² This principle postulating that final verdicts do not require haste is strikingly reminiscent of the words of Fredrick Maitland about one of the major principles of medieval law: “Law must be slow in order it may be fair.”⁸³

The insistence on legitimacy and collective judgment is also visible in attempts to justify the recourse *ad interrogandum* by the need to provide the parties with better justice, or as one record put it, *pro meliori iusticia*.⁸⁴ The best justice was one whose foundations were grounded on the consent and advice of all the members of community. This idea is clearly articulated in a legal text postponing a case for further deliberation:

if all lords are not able to come and discuss the mentioned parties, then the captain should give the parties a further hearing with the participation of other lords in order to prevent the occurrence of any injury to both litigants.⁸⁵

80 AGZ, vol. 12, no. 4172: “Que premissa exaudientes et soli discernere nolentes, hanc rem dedimus ad rev. Archiepiscopum et mfcum. Palatinum et Capitaneum terre Russie generalem ad convencionem que in proximo celebrari debet Leopoli...”

81 Ibid., vol. 14, no. 1804 (October 20, 1446): “Et domini omnes prefati conductantes invicem, nolentes in hac causam precipitare, sed unicuique parti equitatem facere.” For some other examples showing the lack of common consent as a cause for prorogation of a case for counsel see: Ibid., no. 2114 (September 4, 1448): “Et domini non potentes concordare sentenciare hoc factum, receperunt ad crastinam diem s. Michaelis, dom. Palatinum ad interrogandum.”

82 Ibid., vol. 15, no. 2961 (February 7, 1500): “domine Iudex, nolite fieri tam promptus ad decernendum istam causam, quia videtur michi, quod est iniuria parti mee, sed digneris differre ad dom. Captm. Et quicquid videbitur Sue Dominacioni tanquam domino iusto in eadem causa, Sua Dominacio decernet. Iudicium.”

83 Frederick Pollock and Frederick W. Maitland, *The History of English Law before the Time of Edward I*, 2nd ed. with a new introduction by S. F. C. Milsom, vol. 2 (Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1968), 591.

84 AGZ, vol. 12, no. 4233.

85 Ibid., vol. 14, no. 552 (December 5, 1442): “Si autem omnes domini non convenient vel non discucient

The principle underlying the delivery of judgment in the passage just quoted is the need to take further counsel “in order to prevent the occurrence of any injury to either litigant” clearly shows that not the law, but equity, that is the idea of “giving everyone something,” was the dominant moral value operating behind the dispute settlement in late medieval Galicia. To realize how deeply the language of equity penetrated the ideology of the dispute settlement it is enough to mention that some cases of notorious violence were settled in accordance with the principles of equity. In 1424 judges and assessors presiding over a session of the Sanok castle court deferred the case for deliberation with the remark *ut mutua inter ipsos possit fieri iustificacio*.⁸⁶ This was done in spite of serious charges of brigandage and wounding the plaintiff advanced against the defendant. Another telling detail highlighting the importance of the principle of equity in the settlement of this dispute was that the case was not simply postponed, but the parties were actually forced to start a private reconciliation.⁸⁷

To judge by other evidence this case was by no means exceptional. Room for private arbitration was open for settling even very complex cases of violence which involved different pleas brought by several victims of a wrongdoing. In fact, evidence shows that judges were able to utilize various procedural options combining judicial and extra-judicial means as judging such cases. This mode of delivering judgment can be found, for example in the dispute settlement between Stanislas Mitolynski, Jan Marszalek and peasants of Hrybovyči on one side, and Mykyta of Dubliany on the other side.⁸⁸ The case against Mykyta of Dubliany was brought to the L'viv castle court in 1440 on charges of violent raiding and wounding. The beginning of the case was marked by a formal verdict pronounced against one of the plaintiffs. His plea was declared null because he neglected to present oath-helpers to support his charges of violence against the defendant. As for the rest of the pleas brought by other plaintiffs, the judges deferred final judgment. They justified the postponement by the need to inquire into the book of statutes and search there for the paragraph of law relevant for considering the essence of the allegations brought by the plaintiffs. In the meantime, however, the litigation changed its track and the parties settled the dispute by means of private arbitration.

The prorogation of the case *ad interrogandum* was, therefore, seen as a means of avoiding *injuria* in delivering judgment and reflected the overall quest for *meliora justitia*. These principles underlying the spread of *ad interrogandum* clauses made the practice of consultation and prorogation close in meaning to private arbitration and peacemaking. In this regard it worth noting that there is a striking similarity between the wide use of *ad interrogandum* and *ad concordandum* procedures in the practice of fifteenth-century Galician courts. Both procedures could be seen as two complementary sides of the application of the same legal concept, aimed at promoting the ideology of good justice and communal agreement.

partes predictas, extunc ipsis Capitaneis dabit terminum ulteriorem cum ceteris dominis taliter, quod utique nulla parcium fiat iniuria.”

86 Ibid., vol. 11, no. 45 (May 13, 1424).

87 Ibid., no. 59 (June 10, 1424).

88 See, Ibid., vol. 14, no. 9, 11, 13, 19, 35, 53.

The process of public interrogation about doubtful cases presumably took a form of asking questions and receiving answers — procedures with essentially an oral character in late medieval Galicia.⁸⁹ Law-making implicitly involved in the procedure of interrogation was thus rooted in the oral mode of communication. This suggests that the meanings and interpretation of legal norms in the courts were elicited as a result of the public debate held in the courtroom. This made the presentation of the disputed norm too contingent on the oral, performative context of case hearings.⁹⁰ Therefore, the process of judgment and dispute settlement was less governed by impersonal written legal provisions. What was understood in fifteenth-century Galicia as the law was neither a systematic code of law, nor a body of written, abstract and unchanging legal provisions. In view of the spread of the practice of interrogation, the law and law-making appears as a process of constant oral communication and negotiation about the meaning and substance of legal norms.

This complex dialectic between statute law and local legal practice that considerably restricted and re-negotiated the uses of statute legal norms in the process of dispute settlement in the fifteenth-century Rus' palatinate remind us of the importance of the so-called "processual approach" in studying communal conflicts and disputes in traditional societies. Anthropologists working within a processual approach (Sally Falk Moore, Simon Roberts and John Comaroff) insisted on understanding social order not as body of abstract rules and norms to which social actors must comply in their daily life behavior, but as a corollary of subjective interpretations and understandings of these norms by people involved in the process of interaction. As a result, a central conceptual premise of the processual approach is an emphasis on the behavior, individual choices, and strategies of disputants, rather than on the rules, norms and institutions that framed the process of dispute. What was usually neglected by previous scholarship, scholars like S. Roberts and J. Comaroff have argued, was a certain degree of ambiguity in norms, and the possibility of manipulating and misunderstanding them in the context of a dispute. Perhaps nobody grasped the essence of this new approach better than Max Gluckman. In a famous statement he said that it is important to understand not only the rules of the disputing game, but "how the game was played."⁹¹

89 On the oral character of the procedure of interrogation about the law in the Middle Ages, see Hanna Vollrath, "Rechtstexte in der oralen Rechtskultur des früheren Mittelalters," in Michel Borgolte ed., *Mittelalterforschung nach der Wende 1989* (München: R. Oldenbourg, 1995), esp. 339.

90 On this aspect of the interrelation of the oral and textual in the context of the medieval disputes, see especially Patrick Geary, "Oblivion between Orality and Textuality," *Medieval Concepts of the Past. Ritual, Memory, Historiography*, eds. Gerd Althoff, Johannes Fried, and Patrick J. Geary (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), 111–122.

91 The processual approach has been theorized and developed in such works as Simon Roberts, *Order and Dispute: An Introduction to Legal Anthropology* (Oxford: Calrendon, 1979); John L. Comaroff and Simon Robert, *Rules and Processes: The Cultural Logic of Dispute in an African Context* (Chicago: University of Chicago Press, 1981); Simon Roberts, "The Study of Dispute: Anthropological Perspective," John Bossy ed., *Dispute and Settlement: Law and Human relations in the West* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983), 1–24. On the theoretical contribution of Max Gluckman to the development of a processual paradigm, see recent comments by Chris Wickham, *Courts and Conflict in Twelfth-Century Tuscany* (Oxford and New York: Oxford University Press, 2003), 303–4. For a general historians' appreciation of a processual approach in historical studies of medieval and early modern dispute, consult Thomas Kuehn, "Introduction," *Law, Family and Women. Toward a Legal Anthropology of Renaissance Italy* (Chicago

In closing, it seems possible to suggest that the judges and litigants possessed some knowledge of the Statutes of Casimir the Great and other statutes, but still found it frequently more appropriate to delay judgment and take the counsel of some superior authority. Considering these circumstances, it would perhaps be more reasonable to speak not only about poor knowledge of law, but also about the place and meaning which were ascribed to the codified, written law in administering justice in a local context. The case in question seems to suggest that uses of statute norms were contingent upon the context of local knowledge of law, legal customs and rules accepted for court proceedings. It further suggests that the choice between the norms of local and statute law was a process of constant negotiation and power play among all the major actors involved in dispute settlement. It also shows that the ability to assess the relevance of norms from each of these normative systems and their applicability to the case judgment was not so dependent upon purely legal considerations, but was also related to the wider context of the politics of disputing and dominant values of the noble community.⁹²

The practice of taking counsel thus represented a major channel for the constant reproduction of local legal knowledge, and was only partly influenced by statute law. The application of statute law and local customs in the disputing process appears to be a process of incessant negotiation about the norms and meaning of the law. In the process of permanent recourse to interrogation a local noble corporation constituted itself as a sort of “interpretative community”, a community of common law. This aspect of noble justice served to enhance the ideology of intra-estate solidarity and cohesiveness, particularly important for a society torn by endless conflicts and enmity.

Institut of Ukrainian Studies
National Academy of Sciences of Ukraine

and London: University of Chicago Press, 1991), 2–3, 11; Chris Wickham, *Courts and Conflict*, esp. 5, 303–12; Chris Wickham, “Conclusion,” Peter Coss ed., *The Moral World of the Law* (Cambridge, 2000), esp. 247; Warren Brown and Piotr Górecki, “What Conflict Means: The Making of Medieval Conflict Studies in the United States, 1970–2000,” Warren C. Brown and Piotr Górecki eds., *Conflict in Medieval Europe*, 6–10.

92 For comparison, consider the valuable observations by János M. Bak on the complex interplay between norms of statute law and customs in the process of dispute settlement in medieval Hungary. See: János M. Bak, “Introduction,” *Custom and Law in Central Europe*, ed. Martyn Rady (Cambridge, 2003), 8–9.

Ігор Сkochиляс

Аспрокастрон-Білгород — кафедра Галицької митрополії у XIV ст.

Маркування території

На позначення територій на південь від історичної Галичини (що простягалися між гірським масивом Східних Карпат і басейнами Пруту й Дністра) руські літописи початково використовували термін «Пониззя», який одночасно охоплював і регіон Західного й Східного Поділля. Пізніше, у другій половині XIV — першій половині XV ст., візантійські, молдавські та руські джерела одночасно вживають інші стереотипні назви — «Русо-Влахія», «Мавро-Влахія» і «Молдо-Славія» («Молдославия», «Россовлахия», Ῥωσοβλαχία, «Русо-влахия»)¹. Грецько-візантійський термін Ῥωσοβλαχία, що традиційно використовувався патріаршою канцелярією, окреслював не тільки і не стільки багатотнічний характер населення регіону, як юрисдикційну підлеглість місцевих структур православної церкви². Тому не випадковою є «помилка» грецького канцеляриста, який, реєструючи в 1370 р. лист (піттакій) польського короля Казимира Великого (1333-1370) до патріарха Філофея, за традицією титулував Казимира «королем Влахії» (Πιττάκιον τοῦ κράλη τῆς Βλαχίας)³. Без сумніву, цей запис відображає тогочасні уявлення у Візантії про Русо-Влахію як територію, на яку поширювалася влада володарів Галицької Русі (їх тепер «заступав» польський король), а також як канонічну територію Галицької єпархії (митрополії). Хоча термін «Русо-Влахія» контекстуально коректний насамперед для XIV ст., він

1 *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana collecta*, ed. F. Miklosich, I. Müller, vol. 2: *Acta Patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCII e codicibus manu scriptis bibliothecae palatinae Vindobonensis* (Vindobonae, 1862), 241–245, 494–495; E. Hurmuzaki, *Dokumente privitoare la istoria românilor*, vol. 14, pars 1 (București, 1915), 19–20. Див. також: Голубинский Е. Е. *Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валаиской*. М., 1871, 331; Григорович В. И. Что значит Россовлахия в греческих документах? *Труды третьего археологического съезда в России*. Т. 2. К., 1878, 49–50; Однороженко О. Родова геральдика Русо-Влахії (Молдавського господарства) кінця XIV–XVI ст. Харків, 2008, 4; I. Czamańska, *Moldavia i Woloszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku*. (Poznań, 199), 22; V. Spinei, *Moldova în secolele XI–XIV* (București, 1982), 42; R. Theodorescu, *Bizanț, Balcani, Occident la începuturile culturii medievale româneștii (secolele X–XIV)* (București, 1974), 213.

2 Див. міркування з цього приводу: I. Czamańska, *Moldavia i Woloszczyzna*, 22.

3 *РИБ*: 6, 125–126 (видавці документа виправили, на їхню думку, неправильне означення «влахійського» (щодо короля Казимира) на «ляського»).

видається найбільш прийнятним саме для окреслення всього еклезіального простору Карпато-Дністровського межиріччя, що в різний період тією чи іншою мірою юрисдикційно залежав від Галицької кафедри⁴.

Водночас у цей самий період (1360 р.) угорські джерела називають Русо-Влахію «країною нашою молдавською», хоча самі представники Анжуйської династії у своїй титулатурі даний топонім не використовують. Однак, не іменуючись у документах монархами Молдавії, своє панування над нею вони підкреслювали титулом «короля Галичини, Володимерії, Куманії та Болгарії» (*rex Gallicie, Lodomerie, Cumanie et Bulgarie, que sciliter regna sunt ab antiquo eidem regno incorporata*)⁵. Хоча Галицько-Волинська держава тоді вже припинила своє існування, Казимир Великий перебрав на себе титул «короля Русі». Припускають, що у цьому випадку під «Галичиною» розумілася північно-західна частина Карпато-Дністровських земель — первісне ядро Молдавської держави⁶. Отже, територія Русо-Влахії в другій половині XIV ст. (принаймні Угорщиною) ідентифікувалася з частиною Галичини.

За спостереженнями молдавського дослідника Миколи Руссева, інший термін на позначення теренів майбутнього Молдавського князівства — «Чорна Влахія» (або «Північна Влахія», тобто еквівалент візантійської назви «Мавровлахія») — вжито уже в описі перським істориком Рашидом ад-діном (1247–1318) походу монгольського полководця Бучека в Угорщину 1241 р. «Країна волохів і руських» фігурує також у повідомленні єгипетських учених-енциклопедистів Рукн ад-діна Бейбарса (1245–1325) та ан-Нувайрі (1279–1332) про напад воєначальників Чингізидів — Тунгуза й Таза — на землі «билад авлак-ва-р-рус»⁷. Натомість термін «Молдавська земля» (Молдавія, *Terra Moldaviae*), що походить від назви р. Молдова, згадується в історичних джерелах під 1360 р. Паралельно з цим у тогочасних джерелах виступають й інші топоніми — «Богданія» та «Мала Волощина» (*Valachia Minor*). Із утворенням придунайських князівств, у Короні Польській, а також в українських землях, котрі входили до її складу, на позначення Молдавської держави в XV–XVIII ст. усталилася офіційна назва — «Волощина» (*Wołochy*), тоді як Волоське господарство (Угро-Влахію) тут називали «Мультианією» (*Multany*), спотворюючи румунську самоназву — «Мунтенія»⁸.

4 Певною мірою цей термін є «технічним», адже він не фіксується джерельно для періоду XII–XIII ст., не є самоназвою досліджуваної території та використовувався одночасно з іншими, «конкурентними» означеннями. Водночас з практичних міркувань термін «Русо-Влахія» найкраще підходить для маркування досліджуваного географічного простору.

5 I. Czamańska, *Moldawia i Wołoszczyzna*, 309–314.

6 Городенко А. Галицько-волошские связи в XIII–XIV веках. *Русин*. 2005, № 2 (2), 88–89.

7 Руссев Н. Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии. *Русин*. 2005, № 2(2), 93–95.

8 *История Румынии*. И. Болован, И.-А. Поп (координаторы) и др. М., 2006, 240. Становлення Волощини (Угро-Влахії) як незалежної держави в перші два десятиліття XIV ст. пов'язують з історичним регіоном Кімпулунг, напівлегендарною особою воєводи Басараба та його перемогою 1330 р. над угорським королем Карлом Робертом, що завершила затяжне збройне протистояння з Анжуйською династією. Наступник Басараба — воєвода Миколай-Олександр (1351/52–1364) — перепідпорядкував Волоську церкву (раніше канонічно підлягала Тирновській кафедрі) Константинопольському патріархату, перевівши митрополита Якинфа з Вічини (тут, у Добруджі,

Історіографія проблеми

Загалом більшість українських дослідників дотримуються думки про тісну пов'язаність (а частина з них — і політичну підлеглість) земель Карпато-Дністровського межиріччя у XII–XIV ст. із Київською Руссю, та, зокрема, із Галицько-Волинським князівством. Водночас низка дотичних до цієї тематики наукових проблем є предметом гострої історіографічної дискусії.

Польська дослідниця Ілона Чаманська в своїй ґрунтовній монографії з'ясувала низку дискусійних сюжетів початкового періоду історії наддунайських волоських князівств. Вона підтримує гіпотезу про тісний взаємозв'язок «значної частини території, на якій виникла Молдавська держава», із Галицькою Руссю⁹. Частина румунських істориків (серед них Віктор Спінеї та Разван Теодореску) також визнає культурне та, з певними застереженнями, політичне домінування Галицької Русі на території пізнішого Молдавського воеводства¹⁰. Проте більшість румунських науковців, треба визнати, фактично ігнорують або ж рішуче заперечують слов'янсько-галицький слід в історії Молдавії¹¹. В історіографії у самостійні дослідницькі сюжети виокремилися теми про адміністративно-територіальний статус і розвиток міст, розташованих у Нижньому Подунав'ї¹², генезу в Русо-Влахії єрархічних структур місцевої молдавської церкви і масштаби територіальної «експансії» у регіоні Галицької єпархії (митрополії). Ці теми віддавна привертають увагу молдавських, польських, російських, румунських та українських учених.

Автор першої в російській науці монографії з історії Молдавської церкви — псковський єпископ Арсеній (Стадницький) — дотримувався гіпотези про наявність «своїх єпископів із місцевих жителів» ще до утворення незалежної

православне єпископство було відоме з 1264 р.) в Арджеш. У травні 1359 р. патріарх Калліст і великий синод підтвердили заснування Угро-Влахійської митрополії (*Історія Румунши*, 175–179, 224; I. Czamańska, *Moldavia i Wołoszczyzna*, 194–199).

9 I. Czamańska, *Moldavia i Wołoszczyzna*, 21–23.

10 Зокрема, на культурну присутність Галицької Русі в регіоні вказують: V. Spinei, *Moldova în secolele XI–XIV* (București, 1982); R. Theodorescu, *Bizanț, Balcani, Occident*, 55–59. Див. також узагальнюючу працю: *Історія Румунши*, 242.

11 Однією з останніх праць цього плану є стаття Штефана Пурікі: Ș. Purici, “Cu privire la concepția istorică despre dominația Haliciului asupra teritoriului din nordul Moldavei în sec. XII–XIV,” *Revista de istorie a Moldovei*. (1992, 4 (12)), 3–12.

12 З найважливіших праць і джерельних публікацій, присвячених історії регіону, заслуговують на увагу: Архимандрит Антонин. Древние акты константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю. *Записки Одесского общества истории и древностей*. Т. 6. Одесса, 1867, 445–473; Бырня П. П. *Сельские поселения Молдавии XV–XVII вв.* Кишинев, 1969; Його ж. *Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV — начало XVI в.)*. Кишинев, 1984; *История Приднестровской Молдавской республики*. Тирасполь, 2000; *Молдавия в эпоху феодализма*. Т. 1. М., 1961; Паламарчук С. В. *Забывтая земля: историческая область Бессарабия*. Одесса, 2008; Його ж. О связях земель районов устьев Дуная и Днестра с Константинопольским патриархатом. *Древнее Причерноморье: Сборник статей, посвященных 85-летию со дня рождения профессора П. О. Карышковского*. Одесса, 2006, 162–166; Полевой Л. Л. *Очерки исторической географии Молдавии. XIII–XV вв.* Кишинев, 1979; Руссов Н. Д. *На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII–XIV ст.* Кишинев, 1999; Його ж. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов. *Stratum plus*. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест. 1999, № 5, 379–407; Його ж. *Молдавия во второй половине XIII — первой трети XVI вв.*: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. СПб., 2000.

держави на території Русо-Влахії¹³. Він стверджував, що в 70-х рр. XIV ст. організовані православні громади в Молдавії канонічно підлягали Охриду, а хіротонії галицьким митрополитом Антонієм (датовані дослідником 1371 (1373) та 1376 рр.) молдавських єпископів Йосифа для престолу Білгорода й Мелетія на «іншу кафедру» мали «випадковий» і «винятковий» характер¹⁴. Обравши задекларовану тезу як відправний пункт своїх роздумів, Арсеній (Стадницький), теоретично допускаючи юрисдикційну залежність православних у Молдавії від Галицької кафедри, виправдовував необхідність їхнього відокремлення «з області галицького митрополита» потребою «запобігти впливам латинства»¹⁵. Інший церковний історик — Євген Голубинський — навпаки, наполягав на тісних інституційних зв'язках і підлеглості православних Карпато-Дністровського межиріччя Галицькій єпархії у період, що передував відкриттю Сочавської (Сучавської) митрополії¹⁶. Датою заснування Молдавської кафедри Голубинський вважав 1393–1394 рр., а «до того Молдавія послуговувалася священниками, яких отримувала з Галичини»¹⁷.

Посилаючись на зміст молдавських грамот XV ст.¹⁸, які, на його думку, чітко артикулювали успадкування Сочавською церквою галицьких традицій, дослідник з Кишинєва Анатолій Городенко також визнавав, що «вся територія Молдови, аж до Білгорода-Дністровського», підлягала Галицькій митрополії¹⁹. Сучасний історик з Чернівців Михайло Чучко також звертає увагу на ту обставину, що «на перших порах характер впливу православної церкви на етнокультурні процеси в Молдові визначався її підпорядкованістю Галицькій митрополії». Він припускає, що залежні від Галича православні осередки на території пізнішої Молдавії підпорядковувалися релігійному центру в Радівцях, де зі середини XIV ст. функціонувала збудована воеводою Богданом I Миколаївська церква у місцевому монастирі («обителі Богдана») — усипальниці перших молдавських господарів²⁰.

13 Зокрема, псковський владика перекопував, що на «національному зібранні», скликаному після перемоги Драгоша над угорцями й поляками, були також «єпископи й попи», а це нібито свідчило про існування «своїх» кадрів духовенства та «своїєї» церковної організації, не пов'язаної з Охридом, Царгородом чи Галичем (Арсеній (Стадницький). *Исследования и монографии по истории Молдавской Церкви*. СПб., 1904, 10–12).

14 На думку Стадницького, такі дії митрополита Антонія були відповіддю православних на посилення католицької пропаганди у регіоні, який «найбільш співчутливо поставився до важкого становища Молдавії», проте сам Царгород сприйняв їх насторожено. Водночас дослідник стверджував, що у разі підпорядкування Молдавської церкви Антонієві тут могли запанувати латинські впливи, оскільки території Галицької митрополії в той час уже перебували під владою католицьких монархів Угорщини й Польщі. Загалом автор розглядає єпископські свячення молдавських ієрархів, здійснені Антонієм, як компромісне рішення господаря (зادля уникнення залежності держави від Сербії, під контроль якої тоді потрапила Охридська кафедра), а також як вияв незалежності (автокефалії) Молдавської церкви (Арсеній (Стадницький). *Исследования и монографии*, 13–16).

15 Арсеній (Стадницький). *Исследования и монографии*, 17–18.

16 Голубинский Е. Е. *Краткий очерк истории*, 372.

17 Голубинский Е. Е. *Краткий очерк истории*, 372.

18 *Fontes historiae Daco-Romanae (Izvoarele istoriei României)*, vol. 4 (București, 1982), 272.

19 Городенко А. Галицко-волошские связи, 90.

20 Чучко М. «И възят Бога на помощь»: соціально-релігійний чинник в житті православного населення північних волостей Молдавського воеводства та австрійської Буковини (епоха

Найбільш дискусійним питанням залишається церковна й політична приналежність Аспрокастро́на (Білгорода), особливо у відносно добре задокументованому XIV ст. Частина дослідників (зокрема, грецьких і румунських) намагається довести давність заснування православної кафедри Аспрокастро́ну, зазвичай посилаючись на реєстр єпископій у рукописі XII ст., який датують епохою імператора Олексія I Комнина (1081–1118)²¹. На підставі цього візантійського диптиху, де справді фігурує топонім «Маврокастр або Нова Русь», вони відносять відкриття єпархії на берегах Дністровського лиману бл. 1060–1064 рр., некритично ототожнюючи Маврокастро́н з Аспрокастро́ном²². Між тим згаданий у реєстрі Царгородського патріархату часів Олексія I Комнина Маврокастро́н, тобто «Чорне Місто», не може бути Аспрокастро́ном, тобто Білим Містом (сучасним Білгородом-Дністровським). Річ у тім, що в добу Середньовіччя у нижній течії Дністра, існували розташовані навпроти один одного два міста (відповідно на лівому й правому березі річки) — Чорний город (Черн) і Білий Город (Білгород)²³. Обидва поселення фігурують у списку руських міст митрополита Кипріяна кінця XIV ст. як «Бельгород» і «Черн»²⁴, а в грецькомовних джерелах значаться як Маврокастро́н і Аспрокастро́н, що є калькою їх слов'янських назв. Поселення під назвою Чорна (Черн, Czarna) локалізується на історичних картах XVII–XVIII ст. навпроти турецького Аккерману, на лівому березі Дністра. Тому якщо в другій половині XI ст. й була заснована єпископія Константинопольського патріархату на берегах Дністровського лиману, то її престол знаходився не в Білгороді, а в руському Черні, який церковні грецькі джерела називають «Новою Руссю» і який у патріаршій канцелярії на грецький лад окреслювали як Маврокастр.

Більш зважений підхід до проблеми Аспрокастро́ну демонструють нові публікації, що з'явилися в румунській історіографії протягом останнього десятиліття. Вони значно пошквалили дискусію щодо статусу Білгорода на Дністрі в добу Середньовіччя. Найбільший внесок у вивчення проблеми зробив Штефан Анд-

лізнього середньовіччя та нового часу). Чернівці, 2008. С. 69, 128. Водночас теза науковця про те, що в Радівцях та інших містах у часи існування Галицької митрополії вже діяли свої «православні ієрархи», є лише логічною побудовою, адже до 1387 р. місцевого єпископату в Молдавії, найімовірніше, не було.

21 Різні аспекти культурного, релігійного, соціального життя та політичного статусу Білгорода й Кілії див.: N. Bănescu, "Maurocastrum — Mo(n)castro — Cetatea Albă," *Academia Romane, Memoriile secțiunii istorice*. (1939, 22), 165–178; G. I. Brătianu, *Recherches sur Vicinia et Cetatea Albă*. (București, 1935); J. Bromberg, "Toponymical and Historical Miscellanies on Medieval Dobruđa, Bessarabia and Moldo-Wallachia," *Byzantion* (1938, 13), 9–71; R. Browning, "Asprokastron," *The Oxford Dictionary of Byzantium*, ed. A. Kazhdan, vol. 1 (New York; Oxford, 1991), 212; E. Honigmann, "Studies in Slavic Church History," *Byzantion* (1944–1945, 17), 159–161; G. Pistarino, *Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzó (1360–61)* (Bordighera, 1971), 24, 52, 59; Παπαγεωργίου Αγγελική. Ασπρόκαστρο. *Εγκυκλοπαίδεια Μείζονος Ελληνισμού, Εύξεινος Πόντος* (<http://www.ehw.gr/l.aspx?id=10684>; 28 квітня 2009 р.).

22 Παπαγεωργίου Αγγελική. Ασπρόκαστρο. *Εγκυκλοπαίδεια Μείζονος Ελληνισμού, Εύξεινος Πόντος*.

23 На цю обставину звернули увагу: J. Bromberg, "Toponymical and Historical Miscellanies on Medieval Dobruđa, Bessarabia and Moldo-Wallachia," 50–68. I. Ševčenko, "The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gohicus," *Dumbarton Oaks Papers* (1971, 25), 115–188.

24 Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних». *Исторические записки*. М., 1952, т. 40, 238; Его же. *Русское летописание*. М., 1979, 94, 99.

реску, низка критичних статей якого²⁵ викликала жваву дискусію²⁶. Незважаючи на довгий перелік праць, дотичних до цієї проблематики, й досі актуальним залишається критичний і водночас реалістичний погляд Михайла Грушевського на територіальний спір в історіографії за «землі Русі на Подунав'ї»:

В залежність від Галичини вони прийшли правдоподібно самі собою, як res nullius в княжих відносинах, наслідком територіальної близькості й колонізаційних зв'язків з галицьким Понизям. [...] Колонізація сюди йшла з Галичини, але залежності сеї не можна переоцінювати — хто міг пильнувати сеї залежності в далекім, слабо залюдненім краю, на половецькім пограниччю?²⁷

Для з'ясування проблеми приналежності (не приналежності) територій Русо-Влахії до Галицької єпархії у добу Середньовіччя необхідно взяти до уваги: 1) канонічний статус православної кафедри Аспрокастроу (Білгорода на Дністрі); 2) політику Константинопольського патріархату в другій половині XIV ст. щодо Балкан, Волощини і Молдавії; 3) події, пов'язані з хіротонією перших молдавських єпископів та фундації Сучавської митрополії; 4) роль галицького митрополита Антонія у заснуванні Молдавської церкви.

Політичний статус Аспрокастроу

З кінця XIII ст. джерела фіксують у Білгороді перші торгові факторії генуезців (1290 р.), які підтримували тісні економічні зв'язки з генуезькими поселеннями у Криму, й передусім Кафою²⁸. Протягом наступного століття обидва головні міста регіону — Білгород (його турецька назва — Аккерман) у гирлі Дністра та Кілія в гирлі Дунаю — перебували під золотоординським пануванням, і лише в третій чверті XIV ст. татарські хани їх остаточно покинули (за даними румунського історика Н. Йорги, Кілія була захоплена волоським господарем Басарабом І ще в 1324–1328 рр.²⁹). У перші десятиліття XIV ст. над Кілією та Білгородом на деякий час міг встановити свій контроль деспот Добруджі. Початок адміністративного контролю Генуї над Білгородом датується серединою XIV ст., коли генуезці, після запеклої боротьби з Венеціанською республікою,

25 Ș. Andreescu, "Mitropolia de Halici și episcopia de Asprokastron. Câteva observații. (La métropole de Halici et l'évêché d'Asprokastron. Quelques observations)," *Național și universal în istoria românilor. Profesorului Șerban Papacostea* (București, 1998), 125–136; Ș. Andreescu, "The Metropolitanate of Halicz and the Bishopric of Asprokastron. A Few Considerations," *Études byzantines et post-byzantines*, vol. 4 (Iași, 2001), 141–151.

26 Див. критичну рецензію на публікації Андрееску румунського дослідника Щербана Папакостеа ("Studies and Materials of Medium History," *Studii și Materiale de Istorie Medie* (2000, 18), 251–252) та відповідь на неї автора: "Studies and Materials of Medium History," *Studii și Materiale de Istorie Medie* (2001, 19), 315–320 (особливо с. 315–319, де безпосередньо розглядається проблема залежності Білгородської єпархії від Галича).

27 Грушевський М. *Історія України-Русі: В 11 т., 12 кн.* Репр. вид. Т. 2. К., 1992, 523–524.

28 Παλαγεωργίου Αγγελική. Ασπρόκαστρο. *Εγκυκλοπαίδεια Μείζονος Ελληνισμού, Εύξεινος Πόντος.* (<http://www.ehw.gr/l.aspx?id=10684>; 28 квітня 2009 р.).

29 Див. сучасне перевидання монографії цього відомого румунського дослідника: N. Iorga, *Studii istorice asupra Chilieii si Cetatii Albe* (București, 1990).

перетворили місто на один з ключових центрів міжнародної торгівлі (передусім хлібом) в басейні Чорного моря. Своє торгове представництво в місті відкрили у 1437 р. також венеціанці. «Життя св. Іоана Нового», покровителя Молдавської церкви, який загинув від рук татар бл. 1330 р., серед торгового населення Білгорода виокремлює вірменів, італійців, грецькомовних євреїв, купців з Візантії, Трапезунду³⁰.

З кінця XIV ст. місто та навколишня округа (якою управляв володар «Костяволошанин») деякий час зберігали певну автономію, поступово інтегруючись у структури Молдавського князівства (до початку XV ст.)³¹. За однією з версій, Аспрокастрон (Білгород на Дністрі) міг потрапити під контроль Молдавії ще раніше, близько 1375-1380 рр. Господар Стефан Великий у 1457 р., як припускають, навіть зробив його столицею своєї держави. Водночас візантійські впливи тут зберігалися й надалі, про що свідчить карбування в Білгороді монет з грецьким написом «Аспрокастрон». У 1439 р. у місті зупинявся візантійський імператор Іоан VIII Палеолог, який зі своїм почтом повертався в Константинополь з Ферраро-Флорентійського собору. У 1420 р. турки вперше здійснили спробу опанувати Білгородом та Кілією, але за підтримки Литви й Польщі цей напад було успішно відбито. Улітку 1484 р. округи Кілія та Білгород, після нетривалої облоги, Османська імперія таки включила до своєї провінції Румелія, а Білгород, після його оволодіння 5 серпня 1484 р., турки перейменували на Аккерман³².

Заснування Білгородської єпархії та еклезіальна приналежність регіону

Калейдоскоп політичних подій, соціальних зрушень, культурних впливів та географії економічних зв'язків не обов'язково мусить свідчити про подібну ж калейдоскопічну зміну еклезіального статусу місцевих структур східної церкви. Незважаючи на це, дослідники, висуваючи свої гіпотези щодо юрисдикційної приналежності православної громади Білгорода, зазвичай

30 Див. детальніше: Руссев Н. Д. Житие Иоанна Нового: легенды и историческая действительность. *Аккерманские древности*. Вып. 1. Белгород-Днестровский, 1997, 127–162; F. Grigorescu, *Stantul Ioan cel nou de la Suceava în viața credincioșilor* (Suceava, 2003).

31 Протягом другої половини XIV — початку XV ст. на межиріччя Дністра й Дунаю (пізніше Добруджу) претендували Візантія, Волощина, Молдавія, Польсько-Литовська держава, генуезькі міста, Угорщина та турки, тому молдавська територіальна юрисдикція у цьому регіоні мала амбівалентний характер і докладно в джерелах не простежується. Кілія перейшла у володіння молдавського воєводи Олександра в 1426 або 1427 рр., та вже 1448 р. один з його наступників передав місто угорському правителю (у 1465 р. воно знову відійшло до Молдавії) (Паламарчук С. В. *Забута земля: историческая область Бессарабия*. Одесса, 2008, 79–91). Покликаючись на найдавніші відомості про Кілію з 1318–1322 рр., які виразно вказують на пов'язаність міста із Візантією, автор згаданої монографії категорично стверджує, що в церковному відношенні цей регіон щонайменше з другої половини XIV ст. (разом з Угро-Волощиною, Молдавією та деспотатом Добротича) підлягав Царгородському патріархату (Паламарчук С. В. *Забута земля: историческая область Бессарабия*, 91–118).

32 I. Szamańska, *Moldavia i Wołoszczyzna*, 77–78, 149–150; Παλαγεωργίου Αγγελική. *Ασπρόκαστρο. Εγκυκλοπαίδεια Μείζονος Ελληνισμού, Εύξεινος Πόντος* (<http://www.ehw.gr/1.aspx?id=10684>; 28 квітня 2009 р.).

прив'язували її до політичного статусу міста. Водночас в останні десятиліття низка молдавських, румунських та українських науковців намагаються довести, що в другій половині XIII–XIV ст. Білгород підтримував тісні інституційні зв'язки з Київською митрополією та, зокрема, Галицькою кафедрою, не пов'язуючи це безпосередньо з проблемою політичного статусу міста. Що стосується сусідньої Кілії, то її науковці, як правило, відносять до структур Константинопольського патріархату, аже місто певний період перебувало під безпосереднім управлінням Візантії. У своїх висновках історики опираються на один з візантійських реєстрів 1318–1323 рр., де Кілія згадується серед міст, що підлягали патріаршому престолу³³. Разом з Кілією, до юрисдикції Константинополя (однак лише в окремі періоди) дехто з дослідників зараховує й Аспрокастрон. Досвід руських земель, які в XIV–XV ст. потрапили у залежність від неправославних володарів Великого князівства Литовського та Корони Польської, й історія східної церкви на Балканах та у наддунайських волоських князівствах, так само засвідчує, що далеко не завжди поява нового сюзерена «зобов'язувала» місцеві структури східної церкви до зміни юрисдикції. Аби з'ясувати, чи діяло це правило щодо Аспрокастроу, розглянемо свідчення візантійських і руських джерел, які безпосередньо чи опосередковано вказують на його церковну приналежність, а також проливають світло на обставини й час відкриття Білгородської єпископії.

У найдавнішому переліку єпископій Малої Русі кафедра Аспрокастроу (Білгорода) не згадується. Так само вона відсутня у реєстрі суфраганій Київської митрополії (зокрема в списку семи владитв Малої Русі), укладеному в перше десятиліття правління Михаїла VIII Палеолога (1259/61–1282)³⁴. Отже, Білгородська єпископія була фундована вже після утворення Галицької митрополії близько 1302/03 р. Уперше Аспрокастрон з'являється у візантійських реєстрах єпископій за правління імператора Андроніка II Палеолога (1282–1328) та патріарха Афанасія³⁵. У цих *Notitia episcopatum* Аспрокастрон фігурує серед суфраганій Малої Русі під № 156, після Смоленської єпископії. Що цікаво, укладач грецького реєстру ототожнює місто саме з Білгородом на Дністрі: τὸ Ἀσπρόκαστρον εἰς τὸ στόμιον τοῦ Ἐλισσοῦ ποταμοῦ («Білгород у гирлі річки Елісса»). Водночас візантійський диптих у реєстрі суфраганій Київської митрополії поміщає й інший Білгород — поблизу Києва. Ця давня руська єпархія була заснована ще згодом у 988 р. Однак після монголо-татарської навали на Південну Русь у 1240–1241 рр. Білгородська єпископія припинила своє існування, будучи разом

33 Полевой Л. Л. *Очерки исторической географии Молдавии*, 65–66.

34 J. Fijałek, "Średniowieczne biskupstwa Kościoła wschodniego na Rusi i Litwie. Na podstawie źródeł greckich," *Kwartalnik Historyczny* (10, 1896), 487–488; H. Gelzer, "Beiträge zur russischen Kirchengeschichte aus griechischen Quellen," *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, Bd. 13 (253) (Gotha, 1892), 246–248.

35 На присутність Білгородської єпархії «з перервами» в диптихах Царгородського патріархату протягом XIV ст. звернув увагу Іоан Мейєндорф: J. Meyendorff, *Byzantium and the Rise of Russia. A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century* (Cambridge, 1981), 78. Див. також публікацію запису про Аспрокастрон у румунському виданні: *Fontes Historiae Daco-Romanae*, vol. 4 (București, 1982), 271.

з Юрійвською єпархією приєднана до митрополичої архієпархії³⁶. У грецькому поліптиху Білгородська єпархія (під назвою «Білгород Великий») вміщена разом з єпископіями Північно-Східної та Південної Русі, що перебували поза політичними впливами Галицько-Волинського князівства: τὸ Ἀσπρόκαστρον τὸ Μέγα πλησίον τοῦ Κυέβου³⁷.

З огляду на тотожність назв, київський Білгород (у реєстрі єпископій Константинопольського патріархату 1170-х рр. Athen. 1371 він фігурує під своєю руською назвою — Πελοῦράδων³⁸) дослідники іноді плутають з дністровським Аспрокастроном. Тим самим вони свідомо чи мимохіть «задавнюють» єпархіяльний статус дністровського Білгорода та, водночас, продовжують період існування Білгородської кафедри поблизу Києва. Однак одночасна фіксація актами Константинопольського патріархату двох єпархій з однаковою назвою у складі Київській митрополії та з чіткою топографічною прив'язкою (до Києва, в одному випадку, та Дністровського лиману, в іншому) фактично виключає імовірність помилкового запису або ж ототожнення Аспрокастроу (дністровського) з Білгородом (київським).³⁹

Таким чином, візантійські реєстри виразно вказують на появу в Малій Русі (тобто на території, політично залежній від Русі та литовських князів) нової православної кафедри Аспрокастроу. Вона була відкрита після заснування Галицької митрополії, однак не пізніше 1328 р., коли помер візантійський імператор Андронік II Палеолог, за правління якого й було укладено 17 нотицію, де вперше згадується престол Аспрокастроу. Найвірогідніше, відкриття нової православної єпископії відбулося у традиційний для руської церкви спосіб — шляхом виокремлення частини Галицької єпархії. Відкриття у першій чверті XIV ст. Біл-

36 Голубинский Е. *История Русской Церкви*. Т. 4. М., 1998, 31; A. Poppe, "Biskupstwa na Rusi, 988–1300," *States, Societies, Cultures East and West. Essays in Honor of Jaroslav Pelenski*, ed. J. Duzinkiewicz (New York, 2004), 825–861; A. Poppe, "The Christianization and Ecclesiastical Structure of Kyivan Rus' to 1300," *Harvard Ukrainian Studies* (21, no 3–4, 1997), 341; A. Poppe, "L'organisation diocésaine de la Russie aux IXe–XIIe siècle," *Byzantion* (40, 1970), 169, 172–174.

37 *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*. Texte critique, introduction et notes J. Darrouzès (Paris, 1981), 403 (notitia 17, Appendix 2). Див. також давнішу публікацію: H. Gelzer, "Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum, ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte," *Abhandlungen der philosophisch-philologischen Classe der königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften* (21, München, 1901), 632. Спираючись на грецькі реєстри єпископій часів Андроніка II Палеолога, польський дослідник Ян Фіялек датував появу православної кафедри в Білгороді-Дністровському «близько 1300 р.», не аргументуючи, однак, своє припущення (J. Fijałek, "Średniowieczne biskupstwa Kościoła wschodniego na Rusi i Litwie. Na podstawie źródeł greckich," 494).

38 *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*, 367 (notitia 13).

39 Тому історіографічним курйозом слід визнати спроби частини грецьких і румунських істориків «задавнити» родовід кафедри Аспрокастроу. Спираючись на згадку в *Notitiae episcopatum z 1080 p.* на 72-му місці «митрополії Маврокастроу» *Nea Rosica (Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae, 124–125, 344, 350, 382)*, вони датують відкриття єпископії Аспрокастроу 80-ми рр. XI ст. Насправді ж у цьому диптиху термін «Маврокастроу» означає грецьку назву Чернігова, православна кафедра якого була піднесена до гідності митрополії між 1059 і 1071 рр. (A. Poppe, "Biskupstwa na Rusi, 988–1300," 825–861; A. Poppe, "The Christianization and Ecclesiastical Structure of Kyivan Rus' to 1300," 351; A. Poppe, "L'organisation diocésaine de la Russie aux IXe–XIIe siècle," 180–181).

городської єпископії та її наступне входження до складу Галицької митрополії навряд чи відбулося без згоди чи навіть безпосередньої участі Романовичів, які таким чином намагалися тісніше пов'язати цей регіон із своїми володіннями.

Існування кафедри Аспрокастроу протягом наступних ста років після її відкриття засвідчує низка руських і візантійських джерел. У першій половині XIV ст. один з білгородських єпископів — Кирило — згадується у «Записках митрополита Феогноста» як учасник хіротонії смоленського владика Євфимія (1345 р.)⁴⁰. Кирило також фігурує в одному з літописних зводів під 1347 р.⁴¹ Іншим відомим єрархом Аспрокастроу був Йосиф Мушат (помер бл. 1415, син господаря Петра Мушата й доньки польського короля Владислава Ягайла), послушник монастиря в Нямці та майбутній предстоятель Молдавської церкви. На кафедрі Білгорода його висвятив галицький митрополит Антоній близько 1387 р., й лише після цього молдавський господар самостійно перевів владуку Йосифа на Сочавський (Сучавський) престол⁴².

Білгородська («Белогороцкая») єпископія також присутня в списку єпископій Київської митрополії кінця 80-х — початку 90-х рр. XIV ст. («А се єпископы, елици суть въ мире семь в Руси»). Поміщений у Типографський літопис, цей реєстр серед інших руських єпархій на 5-му місці подає і Білгородську кафедру⁴³. В іншому переліку єпископій Руської церкви з Патріаршого (Никонівського) літопису («Исторія, сирѣчь повѣстникъ, о єпископіахъ елици подлежатъ и послушни суть митрополиту Кіевскому и всея Русіи») кафедра Білгорода згадується (у різних його списках) на 17–18 місці⁴⁴. Наявність у цьому каталозі на останньому місці

40 РИБ: 6, 431–434 (Приложения; док. № 7). Інші публікації документа: Васильевский В. Записи о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в Ватиканском греческом сборнике. *Журнал министерства народного просвещения*. 1888, № 225 (Февраль), 451; Г[оловацкий] Я. *Новооткрытый источник для церковной истории Галицкой Руси XIV столетия*. Львов, 1889, VIII; W. Regel, *Analecta byzantino-russica* (Petropoli, 1891), XXXII–XXXVIII, 52–56.

41 Див.: Г[оловацкий] Я. *Новооткрытый источник*, XIX; *История иерархии Русской Православной Церкви*. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). М., 2006, 47. Михайло Грушевський, якому були відомі записи митрополичої канцелярії Феогноста, заперечував існування Білгородської єпархії у середині XIV ст., вважаючи, що вона не має нічого спільного з кафедрою Аспрокастроу (Акерману): «Уважати сього білгородського єпископа 1345 р. єпископом молдавським, з Акермана, як то роблять за єпископом білгородським 1401 р. [...], неможливо, та й гіпотеза про молдавську кафедру в Білгороді — Акермані [...], взагалі дуже непевна» (Грушевський М. *Історія України-Русі*. Т. 3. К., 1993, 279).

42 *История Румынии*, 242; Чучко М. «И вьзят Бога на помощь», 69–70. Див. також: Голубинский Е. Е. *Краткий очерк истории*, 374; Ş. Gogovei, *Întemeirea Moldovei: Probleme controversate* (Iaşi, 1997), 185–189; M. Păcurariu, *Istoria Bisericii Ortodoxe Române*, vol. 2 (Bucureşti, 1991), 277. Із номінацією на престол Аспрокастроу єпископа Йосифа частина дослідників пов'язує появу в Молдавії (та, згодом, у Волощині) Арадського списку Волинської Кормчої 1286 р. Напевне, цей список потрапив у Сочавську митрополію із Галицької єпархії за часів господаря Стефана Великого, тобто у XV ст., а пізніше був переданий до Арадської єпархії Волоського князівства. Арадська Кормча була створена «волохом», який володів слов'янською мовою. Орфографія тексту середньоболгарська, з численними огрихами й русизмами та маргіналіями волоською мовою (Шапов Я. Н. *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв.* М., 1978, 212–213, 246, 271; I. Iufu, “Manuscritele slave in bibliotecile din Transilvania și Banat,” *Romanoslavica* (Bucureşti, 1963, vol. 8), 452–453, 464–466).

43 ПСРЛ 24: 233.

44 ПСРЛ 9: XXI.

Пермського владитства, існування якого документується з 1383 р.⁴⁵, а також датування XV ст. самого реєстру, вказують на те, що Білгородська єпархія справді функціонувала принаймні в останній чверті XIV — на початку XV ст.⁴⁶.

Можна обережно припустити, що нова Білгородська єпархія протягом XIV ст. охоплювала Пруто-Дністровське межиріччя, а також, імовірно, нижню течію Серету й Бирладу. Південною границею єпархії було узбережжя Чорного моря (від Дністровського лиману до гирла Дунаю) та рр. Дунай і Серет. Натомість на півночі її територія, припускаємо, обмежувалася поселеннями, які на початку XV ст. увійшли до складу утвореної тоді Романської єпархії Молдавської церкви⁴⁷. Опосередковано на саме таку конфігурацію границь Білгородської єпископії вказують, по-перше, тривала відсутність у південній частині Молдавського князівства єрархічних структур Сочавської митрополії, а по-друге, заснування тут наприкінці XVI ст. (у 1597/98 р.) нової молдавської єпархії — Гушської (Хушської)⁴⁸, що в певному сенсі можна розглядати як успадкування нею канонічної території кафедри Аспрокастроу, а також заповнення адміністративно-територіального вакууму, котрий утворився тут після ліквідації Білгородської єпархії, згодом невдовзі після захоплення османами в 1484 р. фортеці Аспрокастроу.

Хіротонія перших молдавських владик

З датуванням й канонічною приналежністю кафедри Аспрокастроу безпосередньо пов'язана досі гостро дискутована проблема генези автокефальної Молдавської церкви. Маю на увазі такі, на жаль, «націоналізовані» історіографіями Центральної та Східної Європи сюжети, як мотиви й «авторство» хіротонії перших молдавських єрархів, роль Константинопольського патріархату та галицького митрополита Антонія у цих подіях, територіальні межі єпархій Сочавської митрополії та співвідношення болгарських, грецьких, руських (галицьких, київських і московських) та угорських впливів у культурному (й зокрема релігійному) житті волохів-молдаван часів пізнього Середньовіччя та в ранньо-модерний період.

45 Блажейовський Д. *Єрархія Київської Церкви (861–1996)*. Львів, 1996, 53, 133.

46 *ПСРЛ*9: XXIII (щоправда, самі упорядники літопису пов'язували цю кафедру не з дністровським Аспрокастроном, а з Білгородом поблизу Києва, помістивши в списку руських єрархів імена відомих на той час білгородсько-київських єпископів домонгольського періоду — Никита (зг. 1072 р.), Лука (зг. 1088, 1089 рр.), Феодор (зг. 1147, 1148 рр.), Денис (?), Іоан (?), та Кириней (?)). Див. також: Блажейовський Д. *Єрархія Київської Церкви*, 67, 92–94 (до білгородсько-київських владик автор помилково зараховує і згаданого під 1345 р. єрарха Аспрокастроу Кирила).

47 Полевой Л. Л. *Очерки исторической географии Молдавии*, 67–68; R. Theodorescu, *Bizant, Balcani, Occident*, 213–218.

48 Арсений (Стадницкий). *Исследования и монографии*, 31–34; Голубинский Е. Е. *Краткий очерк истории*, 375–376; Чучко М. «*И възят Бога на помощь*», 86–88. Частина дослідників, посилаючись на факт поховання господаря Богдана у церкві в Радівцях 1365 р., допускають можливість існування вже у цей час Молдавської митрополії в Радівцях (рум. Rădăuți). (Див., наприклад: J. Demel, *Historia Rumunii. Wyd. 2-ie, popr. i uzupeln.* (Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1986), 99.

Одну з ключових ролей у подіях, що передували появі на території Молдавського князівства Сочавської митрополії, відіграв Константинопольський патріархат. У XIV ст. вселенська церква наполегливо намагалася встановити свій контроль (безпосередньо чи опосередковано) над місцевими православними юрисдикціями. Цьому сприяла й нова доктрина греків про першість у Пентархії та претензії на «представництво Христа на землі». Інший вектор політики Константинополя був спрямований на створення антитурецького союзу з православних держав — Болгарії, Візантії та Сербії, на чолі з вселенським патріархом, а також запобігання «параду автокефалій» локальних східних церков на Балканах. Одним з практичних наслідків цієї політики був перехід Болгарської церкви 1393 р. у безпосередню залежність від Константинополя, а також позбавлення греками сербського патріарха його титулу⁴⁹. Прискіпливу увагу Царгород намагався приділяти й наддунайським князівствам — Волощині та Молдавії. Як засвідчили наступні події, встановлення візантійцями контролю над місцевими православними громадами виявилось їхнім найбільшим місійним успіхом у XIV ст.

У 1359 р., на прохання воєводи Олександра Басараба, Волоська (Мультанська) церква була виведена з-під підпорядкування Тирнова та приєднана до Константинополя. Подібні механізми патріархат планував застосувати і щодо Молдавії, північні землі якої принаймні протягом більшої половини XIV ст., без сумніву, канонічно підлягали Галичу. Заходи щодо створення «своїх» єрархічних структур у Молдавії розпочалися вже за господаря Петра I Мушата (1375–1391). Поява тут легітимної (тобто визнаної Константинополем) автокефальної церкви мала б укріпити політичний статус держави. Головні надії воєвода, як засвідчують акти патріархату, покладав на співпрацю початково з київським митрополитом Кипріаном, а згодом і з галицьким митрополитом Антонієм. До цього його підштовхувало визнання Візантією статусу церкви Русо-Влахії як територій, що підлягають юрисдикції Київської митрополії або ж Галицької єпархії (митрополії), а отже — право одного з цих архиєреїв хіротонізувати єпископів для своєї канонічної території.

Відокремлення молдавських парафій від Галицького престолу сталося у 1387–1391 рр., — найвірогідніше, осінню 1387 р. або ж на початку 1388 р. Важливою обставиною, яка допомагає зрозуміти генезу Молдавської церкви та механізми її виходу з-під юрисдикції Галицької кафедри, була участь київського митрополита Кипріана у складенні молдавським господарем Петром I Мушатом у Львові (згідно з анонімною молдавською хронікою XVII ст., ця подія сталася 14 вересня 1387 р., на Воздвиження Чесного Хреста) ленної присяги польському королю Владиславу II Ягайлові (1386–1434) та королеві Ядвізі (1384–1399)⁵⁰.

49 Шевченко І. *Україна між Сходом і Заходом. Нариси з історії культури до початку XVIII століття*. Львів, 2001, 75–80. Див. також: F. Tinnefeld, "Byzantinisch-Russische Kirchenpolitik im 14. Jahrhundert," *Byzantinische Zeitschrift* (1974, 67, № 2), 359–384.

50 Підданство Молдавії уможливили такі фактори, як швидке захоплення польськими військами у лютому 1387 р. території Галицької Русі (за винятком Галича) та смерть угорського короля Людовика Анжуйського (1370–1382). Польща, домігшись від Молдавії васальної залежності, здобула на певний час контроль над чорноморським узбережжям та забезпечила торговельні

Петро Мушат, який незадовго до цього перейшов з латинства назад у православ'я, склав клятву вірності за східним обрядом, «цілюючи власними устами хрест у руках київського митрополита Кипріяна» (*iuxta ritum et consuetudinem orientalis Ecclesiae lignum vitae in manibus domini Cypriani, Metropolitani Kyoviensis ore proprio osculantis*)⁵¹. Очевидно, під час цих урочистостей молдавський господар і домігся від Кипріяна принципової згоди на заснування у своїй країні православних єрархічних структур (та аж ніяк не митрополії, як часом стверджується)⁵². Натомість питання про те, представники якої з локальних церков та кого саме святитимуть на молдавських єрархів, на зустрічі у Львові, як виглядає, не було узгоджене⁵³. Шляхом укладення ленної присяги православної волохи, таким чином, легітимізували свої культурні-релігійні контакти із руською церквою у Короні Польській, над якою вони тривалий час (особливо у XV–XVI ст.) неформально здійснювали ктиторську опіку. Водночас питання про те, чому саме київський митрополит Кипріан, а не галицький Антоній, брав участь у львівських подіях 1387 р., та чому Кипріяна було усунуто від участі в поставленні Йосифа молдавським єпископом, потребує подальшого опрацювання.

Таким чином, невдовзі після складення молдавським господарем ленної присяги польському королеві у Львові в середині вересня 1387 р., була здійснена хіротонія першого владики Йосифа. Подія відбулася, вірогідно, з ініціативи Петра I Мушата. Саме на прохання цього господаря святителем Йосифа виступив галицький митрополит Антоній, який поставив його на Білгородський престол на тій підставі, що в той період Білгород уважався вакантною єпархією «Малої Русі», тобто юрисдикційно підлягав Галицькій митрополії. Одночасно галицький митрополит рукоположив для Молдавії ще одного єпископа — Мелетія (помер після 1395 р.), — як припускають, на кафедрі Радівців⁵⁴. На ключову роль галицького митрополита Антонія (1370–1390/91) у хіротонії пер-

шляхи, що через землі Молдавського князівства зв'язували Львів з чорноморськими портами (насамперед з Білгородом-на-Дністрі) та дельтою Дунаю. Не меншою мірою цими торговельними контактами була зацікавлена й Молдавія, адже вони давали змогу отримувати величезні, як на її масштаби, доходи. Водночас родина господаря, молдавські бояри й купці одержала митні пільги та доступ до розподілу земельних маєностей у Руському воеводстві й на Поділлі.

51 Цит. за публікацією присяги: Уляницький В. А. Матеріали для історії взаємних отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв. *Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете*. Кн. 3. М., 1887, 1–2 (док. № 1). Перестовий опис: E. Rykaczewski, *Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum, scripturarum et monumentorum quaecunq;ue in Archivo Regni in arce Cracoviensi continentur* (Paris, 1862), 132. Пергаментний акт ленної присяги, укладений для польської сторони латинською мовою, зберігається в: Archiwum Głównie Akt Dawnych w Warszawie. Dokumenta pergaminowe, № 5334, k. 1. Див. також: M. Costăchescu, *Documentele moldavenești înainte de Ștefan cel Mare*, vol. 2 (Iași, 1933), 601–602; E. Hurmuzaki, *Dokumente privitoare la istoria românilor*, vol. 1, p. 2 (București, 1890), 295–296 (Tabl. IV; репродукція документа).

52 *История Румынии*, 242; J. Demel, *Historia Rumunii*, 115.

53 I. Szamańska, *Moldavia i Wołoszczyzna*, 54–55, 68–69, 112.

54 Арсеній (Стадницький). *Исследования и монографии*, 24–25; *История Румынии*, 224, 242; Чучко М. «И възят Бога на помощь», 69–71. Див. також: Голубинский Е. Е. *Краткий очерк истории*, 374; A. I. Goța, *Studii de istorie medievală* (Iași, 1998), 185–186; Ș. Gorovei, *Întemeierea Moldovei*, 176, 185–189; M. Păcurariu, *Istoria Bisericii*, vol. 2, 277.

ших молдавських єрархів насамперед вказує постанова патріаршого синоду від 26 липня 1401 р. Дані, наведені у цьому джерелі, є унікальними. Розслідуючи справу законності свячень Йосифа Мушата, надіслані тоді патріархом грецькі екзархи звернули увагу на особу Антонія Галицького як законного святителя молдавського владики. Принциповим для нашої теми є один із фрагментів послання патріарха: «Якщо завдяки цьому розслідуванню з'ясується, що єпископа [Йосифа] було на постійно рукоположено в Галичі для Молдавії, то наші вище згадані посланці йому [Йосифові] нададуть право здійснювати свої єпископські функції без жодних обмежень». Прибувши до Русо-Влахії, екзарх Єремія справді з'ясував, що Йосифа «було послано до митрополита Галича, який отримав від [константинопольського] синоду владу ординувати єпископів для Малої Русі, частиною якої є Аспрокастрон. Таким чином, після цього він [Йосиф] прибув до них [жителів Молдо-Влахії] на стало [законно], а не внаслідок узурпації, як про це [раніше] мовилося»⁵⁵. Підтверджує поставлення Йосифа галицьким митрополитом і лист синоду до молдавського воєводи Олександра, також датований липнем 1401 р. У ньому виразно сказано про те, що «єпископ Йосиф зі знатного роду був рукоположений до Молдо-Влахії покійним митрополитом Антонієм з Галича». Водночас документ повідомляє, що після хіротонії у Галичі Йосиф не обійняв свій канонічний престол Аспрокастро́на, «бо йому перешкодили [в цьому]»⁵⁶. Свячення, здійснені галицьким митрополитом Антонієм — підданим Польського королівства — цілком уписуються в тогочасну модель відносин сюзеренітету між Сочавою та Краковом⁵⁷.

Політика Константинопольського патріархату щодо Молдавської церкви та відкриття Сочавської митрополії

Поява у Молдавському князівстві «своєї» православної єрархії була затьмарена конфліктом зі Вселенською церквою. Патріарх Антоній IV (1388–1390, 1391–1397) відмовився визнати хіротонію місцевих владик, відправивши 1391 р. у Русо-Влахію двох своїх екзархів (одним з них був грек митрополит Феодосій). Головним завданням константинопольської місії було з'ясування легітимності єпископських свячень Йосифа як законного пастиря Молдо-Влахії (чи «дійсно митрополит Галича Антоній хіротонізував цього Йосифа»⁵⁸). Для цього емісари

55 Наводимо його за коментарем відомого французького візантиніста Жана Даррузеса: «S'ils découvrent grâce à cette enquête que l'évêque a été ordonné régulièrement à Galitza pour la Moldovalachie, nos envoyés susdits lui donneront la faculté d'exercer les fonctions épiscopales sans aucune restriction» [...]. Il avait été envoyé au métropolitain de Galitza, qui avait reçu du synode le pouvoir d'ordonner des évêques pour les évêchés de Petite Russie dont faisait partie Asprokastron. C'est en vertu de cette ordination qu'il était venu régulièrement chez eux et non par usurpation, comme on l'avait dit» (J. Darrouzès, *Les registes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 448 (док. № 3226)).

56 *Acta et diplomata graeca*, vol. 2, 530–532; перестовий опис: J. Darrouzès, *Les registes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 450–451 (док. № 3227).

57 Див. коментарі Жана Даррузеса в: J. Darrouzès, *Les registes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 449, 451 (док. № 3226–3227).

58 J. Darrouzès, *Les registes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 450–451 (док. № 3227).

мали скликати, за згодою господаря, «бояр і клир». Однак посланці патріарха не зуміли тут закріпитися і були вигнані з країни. Подібна доля спіткала й двох інших візантійських єрархів. Прагненням Константинополя здобути безпосередній контроль над Русо-Влахією зумовлено призначення патріархом Антонієм IV у Молдавію (Maugroblachia) близько 1391/92 р. свого екзарха, митрополита мітиленського Єремії⁵⁹. Він і мав стати «канонічним» главою Молдавської церкви (замість опального Йосифа). Під час свого перебування в Русо-Влахії Єремія встиг виклясти двох місцевих єпископів (очевидно, це були Йосиф і Мелетій)⁶⁰, що призвело до подальшого загострення конфлікту. Царгородський патріарх наклав церковне відлучення на все населення Молдавії⁶¹, а у відповідь господар Роман I (1391–1394) прогнав грецького екзарха зі своїх володінь. Хоча, як зауважив Є. Голубинський, у разі прийняття Єремії Русо-Влахія могла звільнитися з-під опіки Галицької кафедри⁶². Незважаючи на це, Царгородський синод зберіг за своїм ставлеником Єремією титул «митрополита Мавровлахії» (μητροπολίτης Μαυροβλαχίας), одночасно надавши йому в серпні 1394 р. в адміністрацію Тирновську церкву⁶³. Невдачею завершилися й наступні місії грецьких єрархів у вересні 1395 р. і січні 1397 р. — відповідно Єремії Мітиленського та Михаїла, митрополита вифлеємського⁶⁴.

Лише після цих поразок Візантія вдалася до дипломатичних кроків, аби владнати затяжний конфлікт. Ознаки примирення виявляв і господар Стефан I Мушат (1394–1399). Він направив до Константинополя посольство на чолі з протопопом Петром (πρωτοπλάς κύρ Πέτρος), якого патріарх у травні 1395 р. номінував своїм екзархом до «святої митрополії Росо-Влахійської» (ἁγιωτάτης μητροπόλεως Μαυροβλαχίας (Ρωσοβλαχίας)⁶⁵. Розпочалися тривалі й затяжні переговори з новим, схильним до компромісу патріархом Матвієм I (1397–1410). Вони мали на меті подолати церковне двовладдя у Молдавії, на митрополичий

59 J. Darrouzès, *Les regestes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 185–186 (док. № 2900). Див. також: Голубинський Е. Е. *Краткий очерк истории*, 374.

60 Патріарші листи, датовані травнем 1395 р. та кінцем 1396 р., з підтвердженням відлучення, накладеного на «псевдоєпископів» Йосифа та Єремію й усіх мешканців Русо-Влахії, наводить: J. Darrouzès, *Les regestes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 262–264, 295–296 (док. № 2995–2996, 3032).

61 J. Darrouzès, *Les regestes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 228–231 (док. № 2954–2956).

62 Голубинський Е. Е. *Краткий очерк истории*, 374.

63 В актах патріархату 1393–1394 рр., до свого поставлення на Тирновську кафедру, Єремія зазначений як легітимний «митрополит молдовлахійський» (*Acta et diplomata graeca*, vol. 2, 223; J. Darrouzès, *Les regestes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 240–241 (док. № 2969; мандат Константинопольського патріархату)). Див. коментар Генріха Гельцера, який не наважився на підставі цих згадок датувати фундацію «митрополії Мавровлахії (Росовлахії)» (H. Gelzer, “Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum, ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte,” *Abhandlungen der philosophisch-philologischen Classe der königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften*, Bd. 21 (München, 1901), 611).

64 Див. мандат Константинопольського патріархату від вересня 1395 р. митрополитові Мітилені на місію до Волощини й Мавро-Влахії: *Acta et diplomata graeca*, vol. 2, 256–257; регестовий опис: J. Darrouzès, *Les regestes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 276–277 (док. № 3011). Описувані події коментують: Арсеній (Стадницький). *Исследования и монографии*, 20; Чучко М. «И взят Бога на помощь», 70; А. I. Gonița, *Studii de istorie*, 185; Ș. Gogoroi, *Intemeirea Moldovei*, 175–184.

65 *Acta et diplomata graeca*, vol. 2, 241–243; регестовий опис: J. Darrouzès, *Les regestes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 258–260 (док. № 2992–2993).

престол котрої претендували «канонічний» грецький владика Єремія та «реальний» молдавський єрарх Йосиф⁶⁶. У підсумку новий господар Олександр Добрий (1400–1432) у 1401 р. таки добився від патріарха зняття анафеми з двох молдавських єпископів, усунув з Сочавського престолу Єремію та відновив у правах Йосифа⁶⁷. Водночас у Молдавію прибула місія на чолі з Григорієм (Цамблаком), яка привезла зі собою грамоту патріарха від 26 липня 1401 р., адресовану «молдовлахійському воєводі» Олександрові Доброму (μείρας Βοεβόδας πάσης Μολδοβλαχίας)⁶⁸. У ній йшлося про визнання канонічності свячень Йосифа (той не відгукнувся на вимогу патріарха прибути до Царгорода), здійснених галицьким митрополитом Антонієм. Таким чином, саме у 1401 р. вселенський патріарх підвищив Йосифа до гідності митрополита⁶⁹. Патріарх погодився на ці зміни, зваживши на загрозу турецького штурму Константинополя, внутрішню ситуацію в самій Молдавії, а також плани греків сформувати православну християнську лігу на Дунаї для протистояння османам.

Липнева постанова патріаршого синоду 1401 р. засвідчує прагнення Константинополя покінчити із невизначеним статусом Молдавської церкви та хаосом, що панував в її управлінні. Надісланий у Сочаву екзарх мав справедливо розслідувати справу, максимально прислухаючись до прохань «народу і бояр воєводи Олександра», котрі насамперед домагалися зняття з їхнього пастиря Йосифа неблагословення:

Отож нещодавно звернулися згаданий великий воєвода [Олександр] і всі його бояри, клирики, єромонахи та монахи — і листовно, і через зазначених посланців — і благали нашу всечесність і божественний та священний синод помилувати згаданого кир Йосифа, щоб священнодіяв і освячував їх і щоб їхній велелюдний народ не залишався надовго без єпископа: адже й кир Єремія нині не має змоги на синоді виступати й відповідати проти кир Йосифа, бо отримав від Христової церкви призначення і його було відіслано чинити церковні [діла] до Тирнова. Згадані посланці також повідомляли, що той єпископ кир Йосиф не прийшов до них невідомо звідкіля, як дехто каже, а будучи місцевим і співплемінником одвіку тамтешнього люду, був посланий усіма до митрополита галицького [Антонія], уповноваженого через синод хіротонізувати владик на єпископства Малої Русі,

66 Див. відповідь патріарха молдавському воєводі Стефанові Мушату, надіслану в травні 1395 р. у Русо-Влахію (Ρωσοβλαχία, Rossoblachia): *Acta et diplomata graeca*, vol. 2, 243–245; перестовий опис: J. Darrouzès, *Les registes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 260–262 (док. № 2994).

67 *Acta et diplomata graeca*, vol. 2, 528–532; перестовий коментований опис: J. Darrouzès, *Les registes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 431–433 (док. № 3209). Як припускає Ілона Чаманська, молдавський господар Олександр тоді звернувся за посередництвом до Цамблака, племінника тогочасного київського митрополита Кипріяна (I. Czamańska, *Moldawia i Wołoszczyzna*, 84).

68 Патріарший лист до voivode Alexandre de Moldovalachie, датований липнем 1401 р.: *Acta et diplomata graeca*, vol. 2, 528–530; реєстр відповідного рішення синоду Великої церкви від 26 липня 1401 р. прокоментовано: J. Darrouzès, *Les registes des actes*, vol. 1, fasc. 6, 447–451 (док. № 3226–3227). Див. також: Голубинский Е. Е. *Краткий очерк истории*, 376–377, 382 (автор помилково ототожнює кафедру Аспрокастроу із «бесарабським містом Більці»).

69 Пізніше титул глави місцевої православної церкви окреслювався як «митрополит сучавський і всієї землі Молдавської», «митрополит сучавський», «архiepіскоп і митрополит сучавський» (*История Румынии*, 224, 242).

серед яких був і Аспрокастрон. Отож він і хіротонізував його на законного єпископа для них, і той від початку прийшов до них, а не перейшов до їхньої церкви невідомо звідки, як подејкували⁷⁰.

«Парад хіротоній» бл. 1387/1388 рр. та наступне втручання Константинополя у процес становлення Молдавської церкви не дає підстав твердити, ніби саме наприкінці 80-х рр. XIV ст. було відкрито й Сочавську митрополію. Очевидно, протягом декількох наступних років, до смерті в 1390/91 р. галицького митрополита Антонія, обидва молдавські ієрархи юрисдикційно підлягали Галицькому престолу, а опісля — безпосередньо Константинопольському патріархату. Водночас більшість румунських істориків, заперечуючи або ж наголошуючи на «випадковості» участі галицького митрополита в поставленні владики Йосифа, наполягають на тому, що православна митрополія у Молдавії була відкрита ще до святительського акту Антонія чи невдовзі після цього. Між тим такі провідні візантиністи, як Жан Даррузес, коментуючи опубліковані регестові описи актів Константинопольського патріархату, зауважують, що відомі на сьогодні грецькі джерела не підтверджують існування до кінця XIV ст. у Молдавії самостійної митрополії. Тому її заснування саме в 1386 р. (на чому, зокрема, наполягав Лоран) є малоймовірною. Ця хронологія базується на датуванні «Ектезиса Ніла» — царгородського реєстру єпископій, укладеного за патріаршества Ніла (1379/80–1388), в якому вписана також митрополія Мавро-Влахії (Молдо-Влахії)⁷¹. Євгеній Голубинський також уважав нотатку в Кодиновому переліку єпископій Константинопольського патріархату про Молдо-Влахійську митрополію «пізнішою допискою»⁷². Й справді, про її заснування за часів патріарха Ніла не згадує відоме патріарше послання до господаря Олександра з 1401 р. У цьому листі Йосиф двічі названий єпископом, а не митрополитом, оскільки в той час ще живим був законний (з погляду патріархії) митрополит Молдо-Влахії Єремія, який перебував у Тирново. Але навіть після оголошення Константинополем відлучення Йосифа за ним було збережено сан єпископа Аспрокастро́на як ієрарха, підпорядкованого митрополитові Галича. Саме таке титулування Йосифа вперше виявляємо у відомому листі патріарха до воєводи Олександра.

70 ἀρτίως οὖν ἀνέφερον καὶ ὁ ῥηθεῖς μέγας Βοεβόδας, πάντες τε οἱ ἀρχοντες αὐτοῦ καὶ οἱ κληρικοὶ, ἱερομόναχοί τε καὶ μοναχοὶ καὶ διὰ τῶν ῥηθέντων ἀποκρισιαρίων ὑτῶν, καὶ ἐπεὶ νῦν καὶ ὁ κύριος Ἱερεμίας ἀδυνάτως ἔχει συνοδικῶς ἀπαντήσαι καὶ ἀντικριθῆναι τῷ κύριῳ Ἰωσήφ, λαβὼν προμήθειαν ἀπὸ τῆς ἐκκλησίας Χριστοῦ καὶ εἰς τὸν Τρίνωβον ἀποσταλεὶς ἐπὶ τῷ διενεργεῖν ἐκείσε τὰ ἐκκλησιαστικὰ, ἀνέφερον δὲ καὶ οἱ ῥηθέντες ἀποκρισιαριοὶ, ὅτι ὁ ἐπίσκοπος οὗτος κύριος Ἰωσήφ οὐκ ἄλλοθεν ἤλθεν εἰς αὐτοὺς, ὡς ἀνέφερόν τινες, ὅτε ὁ Ἱερεμίας ἐχειροτονήθη, ὡς εἰρηται, ἀλλ' ἐκείθεν ἂν τοπικὸς καὶ συγγενὴς τῶν τοῦ τόπου αὐθέντων, ἐστάλη ὑπὸ πάντων εἰς τὸν μητροπολίτην Γαλιτζίης, ἐνδοσιν λαβόντα συνοδικῶς χειροτονεῖν ἐπισκόπους εἰς τὰς τῆς Μικρᾶς Ῥωσίας ἐπισκοπὰς, ἧν ἦν καὶ τὸ Ασπρόκαστρον, καὶ ἐχειροτονήθη ὑπ' ἐκείνου γνήσιος ἐπίσκοπος εἰς αὐτοὺς, καὶ ἤλθεν ἀρχῆθεν εἰς αὐτοὺς, οὐκ ἄλλοθεν ἐπιβὰς τῆς αὐτῶν ἐκκλησίας, ὡς ἐλαλήθη (*Acta et diplomata graeca*, vol. 2, 529).

71 *Notitiae episcopatum*, 418 (notitia 20, № 39 у списку καὶ ἐν τῇ Μαυροβλαχίᾳ ἕτερος); коментар: *Notitiae episcopatum*, 192–193. Див. також: Н. Gelzer, “Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum,” 611–613.

72 Голубинский Е. Е. *Краткий очерк истории*, 375–376.

Таким чином, грецькі джерела вказують на те, що канонічне заснування Сочавської митрополії відбулося 1401 р. До новоутвореної церковної провінції увійшли Сочавська архієпархія та єпархії в Романі й Радоуцах (Радівцях). Такий склад кафедр Молдавської церкви фігурує в поліптихах митрополії Константинопольського патріархату середини XV ст.: 'Ο Μολδοβλαχίας ἤτοι Μπουδανίας ἔχει ταύτας: τοῦ 'Ρανδεούτζου καὶ τοῦ 'Ρωμάνου («[Митрополія] Молдовлахії або Богданії має єпископії Рандеуца і Романа»)⁷³. Пізніше, наприкінці XVI ст. (у 1597/98 р.), була заснована ще одна молдавська єпархія — Гушська (Хушська)⁷⁴. Саме тоді Молдавія отримала власну автокефальну православну церкву зі столицею в Сочаві (1677 р. перенесена до Ясс), яка на три з половиною століття стала однією з численних церковних провінцій Константинопольського патріархату (78-ма, згідно з поліптихом (Τάξις) середини XV ст. (οβ ὁ Μουντοβλαχίας)⁷⁵). З цього часу, як вважають дослідники, «митрополія в Сучаві розпочала свою нормальну діяльність»⁷⁶, одночасно й надалі підтримуючи на рівні духовенства й місцевого боярства тісні культурні й духовні зв'язки з Галичем і Києвом.

Львівське відділення
Інституту української археографії та джерелознавства
ім. М. С. Грушевського НАН України

73 Н. Gelzer, "Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum, ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte," 636.

74 Арсеній (Стадницький). *Исследования и монографии*, 31–34; Голубинский Е. Е. *Краткий очерк истории*, 375–376; Чучко М. «И взят Бога на помощь», 86–88. Частина дослідників, посилаючись на факт поховання господаря Богдана у церкві в Радівцях 1365 р., допускають можливість існування вже у цей час Молдавської митрополії в Радівцях (рум. Rădăuți). (Див., наприклад: J. Demel, *Historia Rumunii*, 99).

75 У XV ст. Сучавська митрополія ще фігурує в поліптихах Константинопольського патріархату як церква Мавровлахії: καὶ ἐν τῇ Μαυροβλαχίᾳ ἕτερος (Н. Gelzer, "Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum, ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte," 629, 632). Євгеній Голубинський відкриття Сучавської митрополії відносить до 1401–1402 рр. (Голубинский Е. Е. *Краткий очерк истории*, 376). Припущення авторів однієї з останніх синтезів з історії Румунії (*История Румынии*, 224, 242) про те, що митрополічий титул Йосифа фігурує в актах Константинопольського патріархату вже у 1387 р., документально не підтверджується.

76 Czamańska I. *Moldavia i Wołoszczyzna*, 84.

Михайло Ієвлев, Аркадій Козловський

Забудова центральної частини «міста Ярослава» поблизу Софійського собору в XI ст.

У ході археологічних розкопок давнього Києва, проведених протягом останніх років поблизу Софійського собору, було виявлено і досліджено значну кількість виробничих та житлових об'єктів кінця X - першої половини XI ст. Найбільш цікаві результати принесли розкопки на Рильському провулку, які дозволили уточнити історичну топографію цієї частини давнього Києва, а також простежити характер його забудови і планування в першій половині XI ст. (Рис. 1).

Дослідженнями по Рильському провулку № 1, 3, 4, 6, які проводилися наприкінці XX — початку XXI ст., було виявлено два яри, які існували в давньоруський час і розходились звідси в різних напрямках, а пізніше були засипані. Внаслідок проведених досліджень було встановлено існування постійного джерела в яру, який знаходився із західної сторони сучасного провулка Рильського.

Існуюча гідрографічна мережа Києва густа і різноманітна, кількість відомих нині древніх річок та струмків на його території обраховується десятками. Їх наявність у Києві в першу чергу пояснюється рельєфом міста, а саме великою кількістю ярів та балок. Саме з них бере початок більшість річок і струмків. Треба зазначити що в X — XIII ст. на території Києва існувала значно більша кількість ярів та балок, особливо в його центральній частині, яка займала найбільш підвищену ділянку. Від самого початку існування міста ці яри та балки, особливо ті, які мали постійні джерела води, використовувалися його мешканцями для різноманітних потреб. Протягом існування міста значна їх частина поступово була засипана та перестала існувати. Під час археологічних досліджень було відкрито деякі із зниклих ярів та невеликих балок в центральній частині Києва. Одним із прикладів є відкриття двох, раніше невідомих ярів в районі Софійської площі.

Розташування цих ярів з західної та східної сторін Рильського провулка і обумовило розміщення жител, господарчих об'єктів і планування забудови в цілому цієї частини давнього Києва. Краще був досліджений яр, який проходив безпосередньо з північного боку Софійського собору, ширина його дослідженої частини сягала від 37 до 70 м. За винятком верхньої частини, південний схил яру був пологим через наявність на ньому терас, на яких були розташовані численні господарчі споруди. На північному схилі тераси відсутні, тому він залишився стрімким. Його досліджена глибина у верхів'ях сягає 3–5 м, а нижче глибина

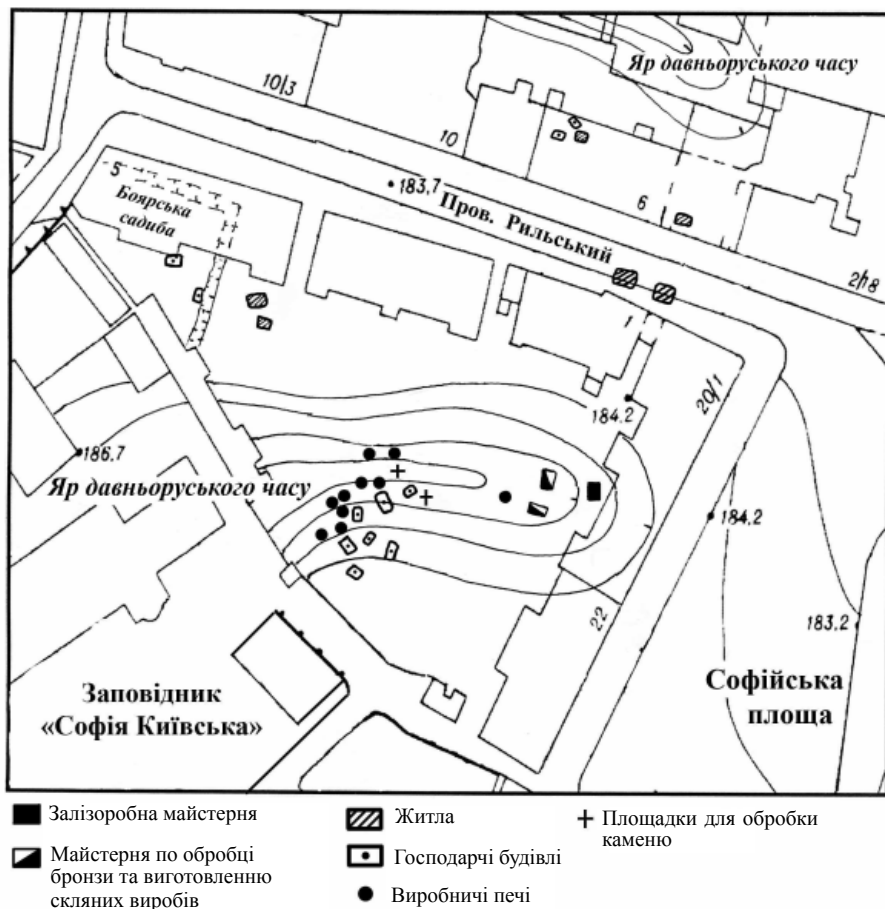

Рис. 1. План розташування об'єктів XI ст. в районі Рильського провулку.

складає понад 8 м від сучасної поверхні. За межами дослідженої ділянки яр продовжувався на південний захід і виходив до долини річки Либідь.

У верхів'ї яру, яке знаходилось на місці будинків на розі Рильського провулку № 1 та вул. Володимирської № 20 і 22, було відкрито декілька давніх різноманітних будівель та печей виробничого призначення (Рис.1). Дослідженнями встановлено, що на початку XI ст. ця частина яру використовувалася як виробнича зона. Найбільш активно яр почав використовуватися в якості зони виробничого призначення з початком будівництва Софійського собору. Про це свідчать численні знахідки залишків від обробки заліза, бронзи, скляного та гончарного виробництв, обпалу вапна. Культурний шар давньоруського часу фіксувався з глибини 1–1,2 м. Він насичений фрагментами різноманітної кераміки, плінфи, брущатки, полив'яної плитки для долівки жовтого та зеленого кольорів, шматками шиферу і кварциту, частина з яких була оброблена, зокрема один виявле-

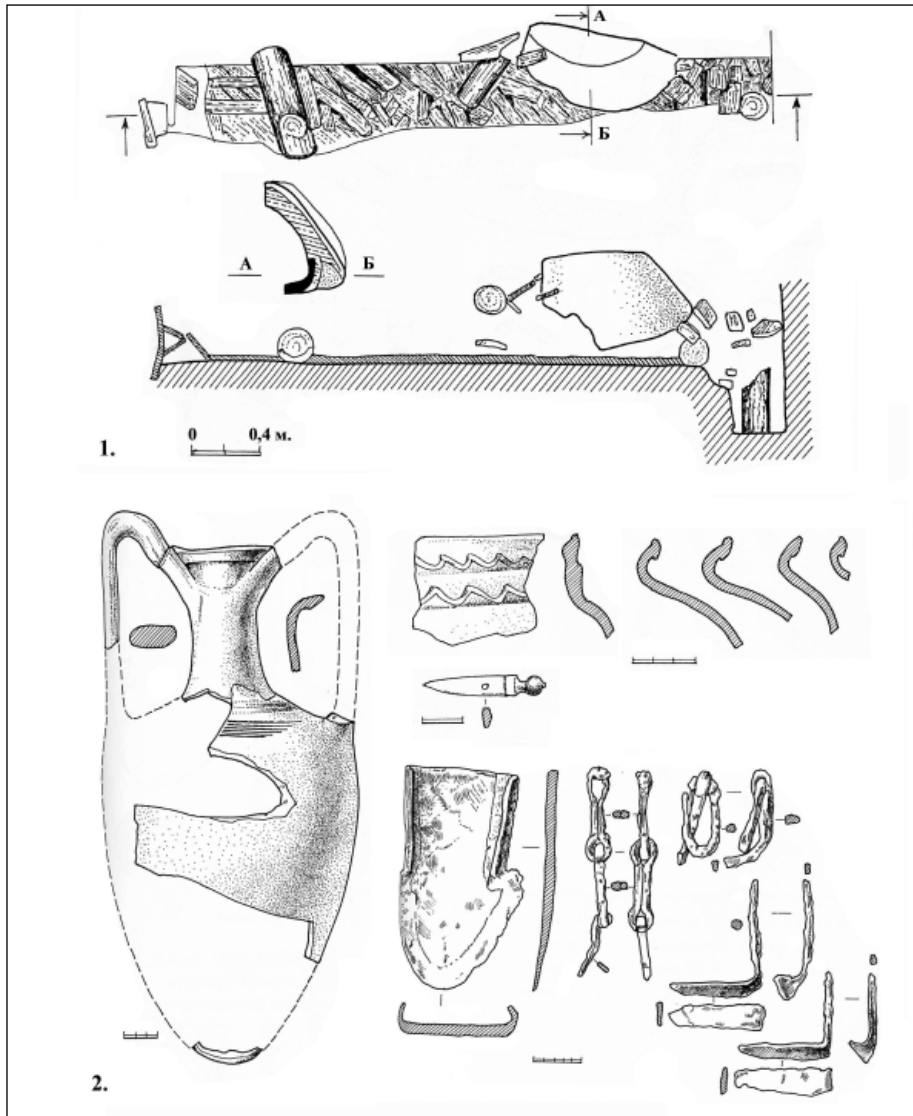

Рис. 2. 1— План та розріз житла з траншеї навпроти пров. Рильського, 1;
2 — керамічні та металеві вироби, знайдені в житлі та поряд з ним.

ний шиферний фрагмент був прикрашений рослинним орнаментом. На глибині від 1,6 до 2,8 м було знайдено багато фрагментів скляних браслетів та численні уламки давньоруського скляного посуду (вінця, стінки, круглі та гострі денця кубків). На глибині до 5–5,5 м на цій ділянці яру було зафіксовано багато шматків печини, яка в деяких місцях становила майже суцільний досить потужний прошарок. Це може свідчити про існування на цьому місці декількох печей для

виробництва скла. На користь цього свідчить велика кількість знайденого бракованого скла блакитного, синього та зрідка зеленого кольору, а також скляних шлаків. Варто відзначити, що подібні рештки скляного виробництва зустрічалися майже на усіх рівнях давньоруського шару.

З глибини 3,6–3,9 м у верхній частині яру почали зустрічатися залізні криці та шлаки, зі збільшенням глибини насиченість ними культурного шару поступово зростала, і на глибині 4,6 м вони утворили суцільний прошарок, який ішов до материка, розташованого на глибині 5 м. На цій дослідженій ділянці було зібрано понад 44 кг залізних криць, вони займали площу близько 16 м². Окрім залізних криць, тут було знайдено численні великі шматки дуже обпаленої печини, що дає можливість припускати розташування поблизу одного або декількох горнів для видобутку заліза. Наявність даного матеріалу в такій значній кількості може вказувати на існування тут майстерні з виробництва заліза та виготовлення різноманітних виробів з нього, адже відомо, що в цей час залізобне виробництво було вже досить поширене на території давнього Києва¹.

Поряд із майстернею з виробництва заліза на глибині від 4,1 м до 4,6 м були зафіксовані численні залишки дрібних бронзових шлаків, поряд з якими знаходилися фрагменти склоробних шлаків, уламки тиглів (на деяких містилася застигла скляна маса), шматки ошлакованої плінфи, велика кількість фрагментів полив'яної кераміки. Знайдена полив'яна кераміка мала жовтий, зелений, коричневий, коричнево-червоний та синій колір. В цілому домінували різноманітні відтінки жовтого та зеленого. Дуже цікавим фактом є те, що на багатьох фрагментах кераміки полива фіксувалася на їх розломах. Ці знахідки є незаперечним доказом місцевого виробництва полив'яної кераміки. Тут, як і в районі знаходження залізних шлаків і криць, були зафіксовані великі шматки печини, найбільші з котрих мали розміри 7 x 5,5 x 5 см.

Таким чином, можна зробити висновок, що в цьому місці була розташована залізобробна майстерня, неподалік від якої знаходилася майстерня з виробництва бронзових виробів, скла та поливи для покриття кераміки. На жаль, самі майстерні практично не збереглися. Можна тільки припускати, що вони являли собою декілька горнів, над якими було споруджено навіси. Знайдений керамічний матеріал дозволяє датувати комплекс початком XI ст. (Рис. 3).

До цих майстерень, за складом отриманих при їх дослідженні знахідок, можна віднести декілька будівель господарчого призначення, котрі розташовувалися на схилах яру. Одна з цих будівель (№ 1) знаходилася на початку південної частини яру на глибині 2,1 м. Її залишки займали площу близько 10 м² і являли собою суцільний прошарок попелу, горілого дерева і вугілля потужністю понад 10 см, насичений великою кількістю фрагментів кераміки XI ст.

Залишки ще однієї наземної будівлі (№ 2) були зафіксовані на глибині 4,2 м в 16 м на захід від попередньої будівлі. Від неї збереглася незначна частина розмірами 2,7 x 1,6 м. Товщина деревного тліну складала 18–20 см. В шарі за-

1 Тоцька І.Ф., Єрко О.Ф. До історії північної галереї Софії Київської. *Археологічні дослідження стародавнього Києва*. К., 1976, 119–130.

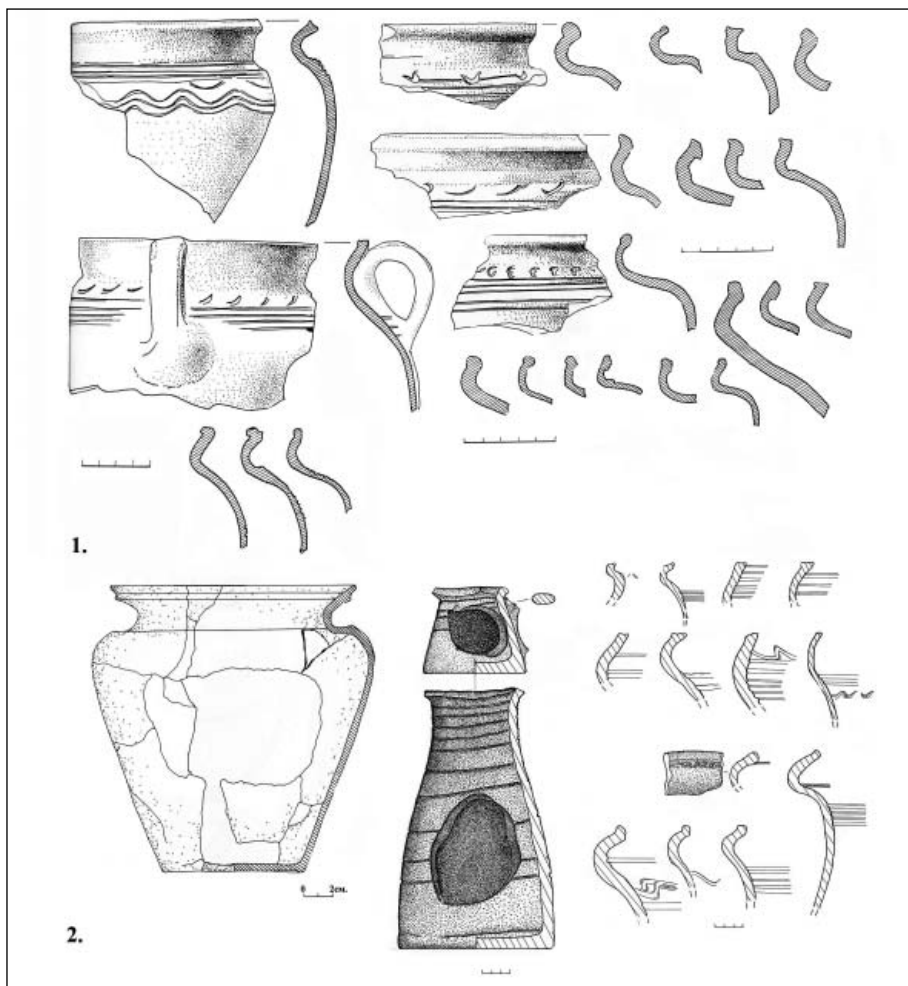

Рис. 3. 1 — Кераміка з ділянки по вул. Володимирській, 20–22;
2 — кераміка з ділянки по пров. Рильського, 4–6.

повнення будівлі знаходилися фрагменти горщиків XI ст., амфор, плиток від підлоги завтовшки 1,2–1,5 см із залишками зеленої поливи, шматки вапняково-цем'яного розчину.

В 6 м на південь на схилі яру на глибині 3,5 м було досліджено рештки ще однієї будівлі (№ 3). Від неї на площі 14,4 м² частково збереглася обмазка підлоги з білої глини, змішаної з материковим суглинком, товщиною 10–12 см. Серед речового матеріалу виділяються фрагмент скляної посудини, прикрашеної орнаментом, бронзовий бубонець, два фрагменти посудин, вкритих зеленою та жовтою поливою (на одному поливою вкритий навіть розлом, як і на фрагментах, знайдених у майстерні), уламки плінфи. Окремо треба відзначити великий

фрагмент смальти вишневого кольору в заповненні будівлі та кубик смальти золотавого кольору під підлогою. За речовим матеріалом, будівлю можна датувати XI ст. Вірогідно, це була наземна споруда господарчого призначення.

На цьому ж місці нижче підлоги на глибині 3,6–3,7 м був зафіксований шар, насичений залишками деревного тліну, в якому були знайдені великі шматки вугілля, а також залишки дерев'яної дошки довжиною 0,8 м і завширшки 7–8 см. Тому можна зробити висновок, що на цьому місці раніше існувала будівля, вірогідно, також господарчого призначення, яка загинула внаслідок пожежі. На її місці була зведена нова будівля (№ 3), очевидно, аналогічного призначення. За речовим матеріалом, який складався з нечисленних фрагментів горщиків, амфор, корчаг, вона датується XI ст.

Треба відзначити непогану збереженість фрагментів дерева, які зустрічалися у досліджених будівлях, що загалом непритаманне для об'єктів давньоруського часу верхнього міста. Це могло бути зумовленим вологим ґрунтом низини яру. Тому можна припускати, що наприкінці X — в XII ст. у верхів'ях цього яру існувало постійне джерело, на користь чого додатково свідчить наявність майстерень, адже без води їх функціонування було б практично неможливим.

Будівля №4 була виявлена на глибині 1,3 м від сучасної поверхні. Від неї збереглася частина котловану глибиною 0,8 м. Поряд знаходилася господарча яма завглибшки 1,3 м та діаметром близько 1 м, в якій була знайдена плитка смальти зеленого кольору розміром 8,3 x 6,5 x 1,2 см.

Будівля №5 була виявлена на глибині 3,1 м. Від неї залишився заглиблений в материк на 0,8 м котлован трапецієподібної форми, ймовірно, льох наземної споруди господарчого призначення. В заповненні льоху було виявлено фрагменти побутової кераміки XI ст., голосників, денце і вінце скляного кубка, шматок скляного шлаку, прясло з овруцького сланцю.

Будівля № 6 у плані мала прямокутну форму і розміри 0,98 x 0,62 м, була заглиблена у материк на глибину 0,2–0,3 м. В її заповненні знаходилися фрагменти кераміки XI ст., частина з яких була вкрита жовто-зеленою, світло-зеленою та коричневою поливою, та уламки плиток для підлоги, вкритих світло-зеленою поливою. Залишки господарчої ями від будівлі № 6 були досліджені на глибині 2,2 м.

Найкраще збереженим об'єктом в цій частині яру була піч № 1 для випалу вапна, яка знаходилася на глибині 3,6 м від сучасної поверхні і заглиблювалася у материк на 1,25 м. Від печі збереглося 9 рядів кладки в одну цеглину з південного боку. Цегла мала розміри 36 x 15 x 5,5–6 см. Піч кругла в плані, її внутрішній діаметр сягав 2,5 м. Дно печі було вкрито шаром обпаленого вапна завтовшки 4–6 см. Піч була збудована на схилі яру, устя орієнтовано на схід. За ними розташовувався топочний канал довжиною 0,7 м і завширшки 0,4 м. Він знаходився на 0,8 м вище дна топочної камери і був заглиблений у материк на 0,4 м. Його стінки були викладені плінфою у два ряди. Від викладки збереглося 5 рядків з південного боку. Вхід до топочного каналу закривала великоформатна плінфа завширшки 42 см, товщиною 5,8 см, збережена довжина складала 54,5 см. Подібного типу плінфа була знайдена при дослідженні підлоги Софійського со-

бору². Перед топочним каналом був розташований майданчик для завантаження вапна, що мав підпрямокутну форму і розміри 2,3 x 2 м. Вірогідно, над ним знаходився навіс, від якого було зафіксовано стовпову яму діаметром до 36 см, заглиблену у материк на 14 см. По всій площі майданчик був вкритий шаром затверділого вапна завтовшки 3–5,5 см. Час спорудження печі, за наявним керамічним матеріалом, можна віднести до XI ст.³

На відстані 0,6 м від печі № 1 на глибині 4,1 м була виявлена піч № 2. Вона була повністю врізана у материкову стінку яру, жодних слідів конструкції стін не фіксувалося. Діаметр печі дорівнював 1,5 м, висота її череня збереглася на 0,5 м. Імовірно, над піччю існував навіс, на користь чого свідчить стовпова яма діаметром 25 см, розташована в 0,5 м на схід від печі. За даними стратиграфії, час припинення існування печі можна віднести до першої половини XI ст., часу спорудження печі № 1.

При спорудженні печей №1 та №2 було знищено більш ранню піч №3. Вона, як і піч № 2, була врізана в материк схилу і була зафіксована на глибині 4,4 м. Діаметр череня печі складав до 1,5 м.

Ще одна піч № 4 першої половини XI ст. була виявлена на глибині 4,8 м. Вона також була врізана в материковий схил яру, діаметр її череня становив близько 1,5 м.

Залишки печі № 5 було знайдено нижче печі № 4, на схилі яру на глибині 4,8 м. За своїми конструктивними характеристиками, вона була подібна до печей № 2, 3 і 4.

Піч № 6 виявили на глибині 4,9 м, майже на дні яру, на північ від печі № 5, від неї зберігся тільки черінь пропечений на 5–7 см.

Поряд із піччю № 6 із західного боку на глибині 5,1 м, знаходилася невелика піч № 7 виробничого призначення. Діаметр печі становив близько 0,4 м, її стінки збереглися на висоту до 0,3 м і мали товщину 15–21 см.

За наявним речовим комплексом, який складався із фрагментів скляного шлаку, бракованого скла, фрагментів скляного посуду, кераміки, печі №5, 6 і 7 датуються першою половиною XI ст. Виходячи з місця розташування, конструктивних особливостей, часу існування, однотипності печей №2, 3, 4, 5, 6 і 7 можна висунути припущення, що вони мали однакове виробниче призначення для виготовлення різноманитних виробів зі скла та поливної кераміки.

Ще одну піч №8 виробничого призначення на глибині 5,2 м було відкрито на північному схилі яру. Її діаметр дорівнював близько 1,2 м, від неї збереглися обпалені стінки висотою 26 см товщиною понад 6 см, товщина череня складала 3,5 см. Нижче по яру на глибині 5,3–5,6 м було зафіксовано рештки ще двох виробничих печей №9 і № 10. За наявним матеріалом, час їх існування можливо віднести до XI ст.

2 Тоцька І.Ф., Срко О.Ф. До історії північної галереї Софії Київської, 119–130.

3 Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Клімовський С.І. Дослідження «Граду Ярослава» стародавнього Києва. Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. К., 2001, 166, 167.

Таким чином, можна зробити висновок, що в цій частині яру протягом першої половини XI ст. по обох його схилах існувало десять печей виробничого призначення. Судячи з археологічного матеріалу, досліджені печі слугували для виготовлення вапна, скла, полив'яної плитки та посуду. Очевидно, час існування цих печей був досить нетривалим, тому вони будувалися одна за одною майже на тому самому місці. Різниця між ними полягає в місці та глибині їх розташування на схилі яру.

Окрім виробничих печей, на дні і по схилах яру було досліджено декілька господарчих споруд, пов'язаних з виробництвом, про що свідчать зафіксовані в них матеріали. На глибині 4,6 м на південному схилі яру, в 1,7 м на схід від печі № 2, було досліджено будівлю № 7 господарчого призначення. Будівля була частково пошкоджена підвалом XX ст., її збережена частина мала площу 6,6 м², була заглиблена в материк на 1,1 м і мала розміри 2,2 x 3 м. Вона мала стовпову конструкцію, про що свідчать три стовпові ями, дві з яких знаходилися в південних кутах. З південного боку будівлі було зафіксовано вхід у вигляді викладки з колотої плінфи на відстані 1,2 м від північно-західного кута будівлі.

В заповненні будівлі знаходилася невелика кількість залишків склоробного виробництва — браковане скло, фрагменти стінок поливної кераміки, вкритої з обох боків бордовою і зеленою поливою, фрагменти простої кераміки XI ст., скляні шлаки. Серед знахідок виділяється мідна підвіска у формі «ящірки» із зображенням міфічного птаха та кругла зелена скляна намистина. Відповідно до виявлених матеріалів, ця будівля датується першою половиною XI ст.

Ще одна будівля господарчого призначення № 8 знаходилася в двох метрах на північ від будівлі № 7 на глибині 4,9 м. Вона мала підквадратну форму зі стінками довжиною до 2 м та була заглиблена в материк на 0,3 м. Біля кутів південної стінки будівлі було зафіксовано дві стовпових ями діаметром близько 30 см, ще одна стовпова яма діаметром до 20 см знаходилася безпосередньо перед північною стінкою. Вірогідно, будівля була накрита односхилим дахом, який спирався на три стовпи і мав нахил на північ. Питання про наявність стін в цій будівлі залишається нез'ясованим. Можна лише висунути припущення, що вони були споруджені з очерету або хмизу та обмазані глиною. За керамічним матеріалом, ця будівля датується XI ст. У її заповненні були також присутні браковане скло та скляні шлаки.

У трьох метрах на схід від будівлі № 7 на глибині 4,9 м було відкрито ділянку розмірами 1 x 2 м, орієнтовану за віссю північ-південь. Вона являла собою шар тесаних брил кварциту, граніту, колотої плінфи з включеннями бракованого скла, мала товщину 3–4,5 см і залягала безпосередньо на материку на глибині 5,3 м. Також було знайдено шматок шлаку значних розмірів, фрагменти полив'яної кераміки, тиглів, площок з видовженими ручками, котрі могли використовуватися як лячки. З півдня до цього шару на глибині 5 м прилягав шар з дрібних відщепів овруцького сланцю, який займав площу близько 1 м² і мав товщину 7–10 см, а також містив браковане скло, скляні шлаки. Нижче залягав прошарок вапнякового розчину потужністю 10–20 см, що містив вугілля, фрагменти колотої плінфи, шматки овруцького сланцю. Поряд було виявлено велике скупчення

кубиків смальти червоного і зеленого кольору, значну кількість браку від виробництва смальти. Ще одне скупчення дрібних відщепів овруцького сланцю, що мало діаметр біля 2 м і товщину близько 20 см, було відкрите на глибині 5,1 м біля залишків невеликої печі № 7.

Таким чином на дні дослідженого яру на відстані біля 5,5 м одна від одної було зафіксовано дві ділянки, де проводилася обробка овруцького сланцю, кварциту, граніту, а також, можливо, проводилася різка скла для одержання смальти. Подібні ділянки, де здійснювалася обробка каміння, в Києві були відкриті в районі будівництва Десятинної церкви⁴.

Подальше дослідження яру показало, що нижче за його руслом на глибинах від 6 до 8 м, знаходилися вісім господарчих ям різного заглиблення і розмірів. Час їх існування датується XI — XII ст.

Найбільша з відкритих господарчих ям була виявлена на глибині 6,2 м і мала розміри 3,2 x 2,2 м та глибину 1,2 м. В її заповненні знаходилися фрагменти амфор, кераміки з жовтою та зеленою поливою, браковане зелене скло, смальта зеленого кольору, дрібні шматки залізних та скляних шлаків.

Досить цікавою є заповнення невеликої господарчої ями, відкритої на глибині 7,8 м. Вона мала розміри 0,75 x 0,6 м і глибину 0,5–0,7 м та була суцільно заповнена дрібними фрагментами голосників. Ця знахідка свідчить про те, що серед виробничих об'єктів на території яру, можливо, знаходилася і майстерня з виготовлення голосників.

Цікаво, що у заповненні всіх будівель і господарчих ям практично відсутні кістки тварин. Цей факт може бути свідченням того, що на дослідженій території яру знаходилися тільки виробничі комплекси і пов'язані з ними господарчі будівлі.

Окрім будівель господарчого призначення, виробничих печей, господарчих ям, в досліджений нижній частині яру було зафіксовано декілька відкритих вогнищ, призначення яких невизначене.

На питання де мешкали робітники, які працювали в цих майстернях, можливо, дають відповідь археологічні дослідження, проведені у 1998 р. по Рильському провулку, який проходив з північного боку яру. Тут було відкрито декілька житлових комплексів XI ст. Розміщення їх з південного боку яру є малоімовірним, адже саме з цього боку яру проводилися роботи з будівництва Софійського монастиря.

Під час спостережень за прокладенням теплотраси були виявлені дві давньоруські будівлі та три господарчі ями, датовані XI ст. Від першої будівлі вдалося зафіксувати два підкліти, розділених між собою перетинкою висотою біля 0,8 м. Перший котлован був завширшки 3 м і мав глибину 1–1,25 м, другий мав ширину 2 м таку саму глибину. Можна припустити, що це була житлова будівля (з шириною котловану 3 м) і прибудована до неї господарча споруда (з шириною котловану 2 м). За наявним матеріалом, ця будівля датується XI ст.

Наступна житлова споруда, досліджена напроти будинку № 1 по Рильському провулку, мала зруйновану піч. Вона являла собою будівлю каркасно-стовпо-

4 Кілієвич С.Р. До питання про будівельну справу в Києві в X ст. *Археологія Києва*. К., 1979, 11–18.

вої конструкції. Долівка споруди становила добре утрамбований материковий суглинок, зверху якого знаходився завал обгорілого дерева від стелі першого поверху та перекриття другого поверху. Стеля першого поверху мала глиняну обмазку, про що свідчить знахідка колотих дощечок невеликих розмірів, які простежувалися майже по всій відкритій площі долівки, під якими в деяких місцях фіксувався прошарок обпаленої глини. Зверху на залишках покриття стелі знаходилися рештки трьох обгорілих колод діаметром 18–20 см, орієнтованих за віссю південь–північ, що, очевидно, становили частину перекриття другого поверху будівлі. Окрім колод, від перекриття другого поверху збереглися обгорілі дошки завширшки 0,2 м. У північно-західному куті підкліту житла збереглася частина каркасної печі заввишки 0,7 м, діаметр якої складав 1,15 м (Рис. 2).

Знахідки з котловану житла представлені фрагментами глиняних горщиків XI–XII ст., амфор, залізними платівками різноманітної форми, цвяхами та скобами. Окремо треба відзначити знахідки розвалу амфори, бронзовий «мечик» від застібки книги довжиною 2,9 см, шматки скляного шлаку. Судячи з конструкції та наявного матеріалу, ця будівля належала нерядовому мешканцеві міста. Треба також зазначити, що в культурному шарі XI ст. поблизу відкритих об'єктів цього часу, як і у культурному шарі в верхів'ях яру, були знайдені вироби із заліза, такі як наральник, вудила, скобелі для обробки дерева, кінська збруя (Рис. 2).

Обмеженість отриманого матеріалу не дає можливості впевнено стверджувати, що відкриті житла на початку Рильського провулку відносилися до однієї садиби, проте дозволяє висунути таке припущення. Виходячи з того, що ця гада садиба розташовувалася безпосередньо поблизу верхів'їв яру і залишків майстерні з обробки заліза, а також з урахуванням знахідок залізних виробів на її території, можна припустити, що саме в ній мешкав майстер чи господар цієї майстерні.

Ще один комплекс XI ст. було досліджено на протилежному боці Рильського провулку за будинком № 4. Під час досліджень тут було виявлено залишки житла, господарчої будівлі, господарчої ями, та ровика від паркану. За отриманими матеріалами, можна зробити висновок, що житло мало зрубну конструкцію. Простежений прошарок горілого дерева та вуглинок в культурному шарі XI ст. та заповнення котловану житла свідчать про те, що ці об'єкти загинули внаслідок пожежі. На їх місці в XII — початку XIII ст. будуються два нових житла та декілька господарчих ям, що свідчить про збільшення щільності забудови цієї частини давнього Києва в даний період. На основі отриманих даних, можна зробити припущення, що відкритий комплекс XI ст. був частиною невеликої садиби (Рис. 3).

Дослідження, проведені по Рильському провулку № 6 показали, що в давньоруських шарах домінують матеріали XI ст. (Рис. 3). Серед них представлені фрагменти кераміки, скляні браслети, стінки скляних келихів, скляні намистини, кубики смальти. Окремо треба відмітити знахідки керамічної плитки для підлоги розмірами 10,5 x 10,5 x 1,5 см та трьох великих фрагментів плиток, дві з котрих були вкриті зеленою та жовтою поливою, а третя - поліхромним орнаментальним розписом і мала товщину 1,5–2 см. Знахідки з металу представлені ліроподібною книжковою застібкою, кулікоподібним бубонцем та фрагментом стінки мідного

казана з отворами для клепок. На цій дослідженій ділянці знаходилося одне житло, дві господарчих будівлі, вірогідно, зрубної конструкції (оскільки стовпові ями в них відсутні) та дві господарчі ями XI ст. Про господарче призначення відкритих будівель свідчать їх невеликі розміри та відсутність в них печей. Серед знахідок із заповнення котлованів цих будівель, окрім фрагментів кераміки XI ст., треба відзначити фрагменти декоративних плиток для підлоги товщиною біля 1,5 см, частина з яких була вкрита жовтою, зеленою, та коричневою поливою.

Ще одне виявлене житло зрубної конструкції було в значній мірі пошкоджене будівлею XX ст. Збережена частина цього житла мала розміри 2,7 x 2 м, в ній знаходилася господарча яма розмірами 2 x 1,5 м і глибиною від підлоги 2,1 м. В її заповненні було виявлено велику кількість печини, горілого дерева, фрагментів кераміки та стилос. В котловані житла також знайдено велику плитку смальти. Відкриті будівлі та господарчі ями, судячи з їх досить компактного розташування, були частиною садиби XI ст.

На Рильському провулку № 5 була досліджена частина садиби, яка була укріплена ровом та валом і містила залишки ювелірного виробництва (Рис.4). Перед оборонними спорудами садиби у 8 м на схід знаходилося житло каркасно-стовпової конструкції, орієнтоване стінами за сторонами світу. Воно розташовувалося на 15–20 м на північ від схилу яру, мало підквадратну форму зі стінами довжиною 4,3–4,4 м. У заповненні котловану знаходилася кераміка XI — початку XII ст., зокрема фрагмент зеленого полив'яного блюда. Поряд в 5 м на південь знаходилася господарча будівля цього ж часу розмірами 2,6 x 1,6 м, заглиблена в материк на 0,25 м. Відкрита східна частина садиби розташовувалася на північній стороні дослідженого яру. Вона мала досить міцну систему захисту, яка складалася з частоколу перед ровом, рову завширшки 6 м і глибиною 2–2,5 м, валу висотою 2–2,5 м та розташованим на ньому частоколом заввишки 3–3,5 м, який був укріплений земляною підсипкою потужністю до 2,5 м шириною до 3,5 м. На цій підсипці в 0,5 м від частоколу знаходилася будівля прямокутної форми довжиною (вздовж частоколу) 3 м і шириною до 2 м, заглиблена у материк на 2,2 м. У заповненні цієї будівлі було знайдено фрагменти горщиків та амфор XI ст., тиглів діаметром до 6 см зі слідами плавленої бронзи, два фрагменти товстостінної посудини з білого скла із зеленим відтінком, фрагмент зеленого імпортного тонкостінного кубка. Судячи з виявлених горілих дерев'яних конструкцій та шматків печини, ця будівля загинула внаслідок пожежі. За своїми розмірами вона більш схожа на будівлі господарчого призначення.

Ще один об'єкт XI ст. був відкритий в межах дослідженої частини садиби у 6 м від рову. Ця будівля разом з господарчою ямою поряд складали єдиний комплекс. Від цієї будівлі збереглася тільки її південна частина, в заповненні якої знаходилося багато фрагментів оплавленої бронзи, частина товстостінного келиха з бірюзового скла, бронзова шпилька, ливарна форма, виготовлена з астрагала. Заповнення господарчої ями аналогічне матеріалу будівлі, до якої вона відноситься. Серед знахідок треба відмітити бронзову ливарну форму для лиття хрестів, на зовнішньому боці якої простежується відбиток матерії. Ці знахідки свідчать про можливе існування ювелірного виробництва на території відкритої

садиби. Найбільш цікавою знахідкою в її культурному шарі є свинцева печатка, яка належала сину Ярослава Мудрого Ізяславу (Дмитру) Ярославичу⁵ (Рис.4).

Таким чином, відкрита садиба розташовувалася біля давнього яру, примика-

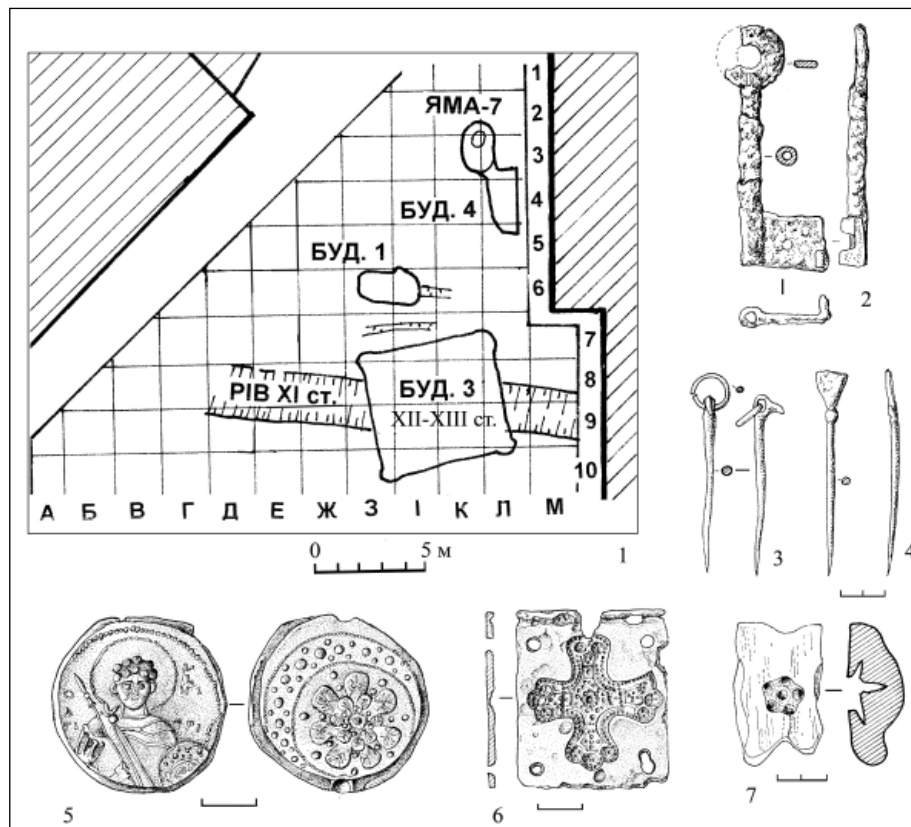

Рис. 4. 1 — План розташування «боярської садиби» XI ст.; 2 — залізний ключ;
3 — бронзова шпилька; 4 — бронзове писало; 5 — свинцева висла печатка великого київського князя Ізяслава Ярославовича; 6 — бронзова формочка; 7 — кістяна формочка

ючи до його північного схилу, який, вірогідно, також використовувався в системі її оборони. Згідно з даними археологічного нагляду 1998 р., проведеного під час прокладки теплотраси вздовж всього Рильського провулку, садиба не доходила до його проїзної частини. Отже можна припустити, що в ході досліджень було відкрито північно-східний кут садиби. Будівля з господарчою ямою, вірогідно, також знаходилася неподалік від її оборонних споруд. Розташування досліджених будівель по Рильському провулку свідчить про те, що на його місці ще в XI ст. існувала вулиця, хоча вона проходила дещо північніше.

5 Мовчан І.І., Козловський А.О., Ієвлев М.М. Локальні оборонні споруди Верхнього Києва X–XI ст. Наукові записки з української історії. Випуск 16. Переяслав-Хмельницький, 2005, 105–115.

Виходячи з отриманих результатів археологічних досліджень цього району давнього Києва, можна зробити ряд висновків. Наприкінці X ст. ця територія не входила до складу «міста Володимира». У верхів'ях відкритого давнього яру, в якому існувало постійне джерело води, імовірно, знаходилися залізообробна майстерня та майстерні з виготовлення виробів з міді та бронзи. На початку XI ст. поблизу цих майстерень виникає цілий виробничий комплекс з виготовлення різноманітних будівельних матеріалів, зокрема голосників, поливної плитки для підлоги, вапна. Він складався з численних печей та різноманітних господарчих будівель (Рис. 1). Поряд з поливною плиткою також виготовлялася різноманітна поливна кераміка та смальта. Тут також вироблялися будівельні та архітектурні деталі з каменю. Про це свідчать знахідки не лише ділянок, засипаних уламками шиферу, кварциту та граніту, а також знахідки оброблених фрагментів шиферних плит. Один з цих фрагментів мав правильну прямокутну форму і розміри 20 x 15 x 5 см, а також добре обтесані грані. Ще на одному із фрагментів був вирізаний рослинний орнамент.

Виникнення цього виробничого комплексу, безумовно, має відношення до масштабних будівельних робіт кінця X — початку XI ст., пов'язаних із спорудженням численних кам'яних культових та світських будівель давнього Києва⁶. Досліджений виробничий комплекс, без сумніву, також можна пов'язати з початком будівництва Софійського собору. В 1979 р. на території Софійського собору, з його північного боку, були відкрито залишки декількох печей для виробництва скла⁷. Окрім шлаків та решток бракованого скла було знайдено декілька цілих і фрагментованих фрит⁸. Дані склоробні печі, імовірно, були продовженням виробничих майстерень дослідженого яру і становили єдиний комплекс.

Залишки будівельних матеріалів, представлені уламками кварциту, шиферу, граніту, фрагментами плінфи та смальти також були знайдені при розкопках в будинку митрополита, що знаходиться на південь від Софійського собору. Серед уламків шиферу був знайдений фрагмент плити з рослинним різним орнаментом, подібним до знайденого в культурному шарі дослідженого яру.

Подібного типу комплекси, пов'язані з будівництвом, були відкриті при дослідженні території поблизу Десятинної церкви⁹ та Успенського собору¹⁰. Проведення цих будівельних робіт за участю візантійських майстрів сприяло розвитку будівельної справи і особливо скляного виробництва не лише в Києві, а й на території всієї Київської Русі¹¹.

Інститут археології НАН України

6 Килиевич С.Р. *Детинец Киева IX–XIII веков*. К., 1982.

7 Тоцкая И. Ф. Производственные комплексы на подворье Софии Киевской. *АНУ*. 1978–1979. К., 1980.

8 Щапова Ю.Л. *Византийское стекло. Почерки истории*. М., 2004.

9 Килиевич С.Р. *Детинец Киева IX–XIII веков*.

10 Богусевич В.А. Мастерские XI ст. по изготовлению стекла и смальты в Киеве. *КСИА АН УССР*. 1954. № 3.

11 Щапова Ю.Л. *Стекло Киевской Руси*. М., 1972.

ДИСКУСІЇ

Петр Толочко

Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная

В последние годы заметно оживились исследования по исторической топографии раннего Киева. Развернувшаяся на страницах журнала *Ruthenica* дискуссия показала, что новое поколение киевоведов испытывает определенную неудовлетворенность многими, казалось бы, хрестоматийными положениями в этой области. Речь идет о местонахождении древнейшего городского средоточия и его датировке, об атрибуции объектов, ранее признававшихся языческими капищами, исторической топографии центральной части Киева времени княжения Ольги, интерпретации срубной постройки под Десятинной церковью, времени сооружения и характере укреплений «города Владимира», местонахождении Боричевого узвоза и др.

Разумеется, это естественный процесс научного познания, когда новое поколение исследователей пересматривает или уточняет выводы своих предшественников. Другое дело, насколько эти новации обоснованы источниками. При знакомстве с публикациями по этой теме далеко не всегда возникает ощущение их крайней необходимости, вызванной обретением неопровержимых аргументов. Иногда, о чем речь пойдет ниже, это воскрешение давних точек зрения, не получивших в последующем научного признания, чаще же авторские предположения, основанные скорее на исследовательской интуиции, чем на системе твердых фактов. Имеют место, к сожалению, и откровенно эпатажные утверждения, вообще ни на чем не основанные.

1. Древнейшее городское средоточие

Анализ историко-топографической динамики раннего Киева начнем с выяснения местонахождения древнейшего городского (или протогородского) ядра. В свое время, основываясь на тщательном учете археологических находок VI–VIII вв., автор этих строк пришел к выводу, что средоточием начального Киева была Замковая гора, а также северо-западный отрог горы Старокиевской.¹ В целом это положение не претерпело в новых исследованиях существенной корректировки, если не считать того, что некоторые молодые

¹ Толочко П.П. *Исторична топографія стародавнього Києва*. К., 1970, 42–53, 66.

авторы сжились с ним, как со своим.² Что касается точных датировок, то здесь, видимо, с одинаковым правом и впредь будут существовать разные мнения. В большей мере это относится ко времени сооружения древнейших укреплений на Старокиевской горе, которое определяется исследователями по-разному. М.К. Каргер полагал, что их появление следует относить к VIII–IX вв. Свою дату он обосновал находками лепной керамики этого времени, обнаруженной в заполнении древнейшего рва. Находилась она, как отмечали в своих дневниках Ф.Н. Молчановский и В.К. Гончаров, на самом дне,³ что действительно может служить хронологическим маркером времени начального этапа функционирования рва. Другое дело насколько М.К. Каргеру удалось точно продатировать эту лепную керамику, тем более, что он не исключал отнесение ее и «к более раннему времени».⁴

Многолетние археологические раскопки, осуществленные на Старокиевской горе С.Р. Килиевич и автором этих строк, обнаружили остатки, по меньшей мере, трех жилищ, в которых выявлена лепная керамика пражского типа VI в. и волынцевско-роменского — VII–VIII вв.⁵ Еще одно жилище VI–VII вв. выявлено раскопками 1937 г. у древнего капища, которое перекрывало его значительную часть. В 1939 г. в усадьбе Киевского исторического музея, почти у самого края Старокиевской горы удалось раскопать жилище, которое его исследователь, по составу находок, датировал VIII–IX вв.⁶

Исходя из результатов раскопок, а также из того, что керамика VI–VII вв. неоднократно обнаруживалась также и на Замковой горе, я считал возможным отнести к этому времени и сооружение первого киевского укрепления. В пользу такой датировки свидетельствуют также находки на Старокиевской и Замковой горах византийских монет конца V–VI вв., фибулы с красной выемчатой эмалью V–VI вв., зооморфных и антропоморфных фибул VI–VII вв., литых браслетов с утолщенными концами VII в., браслетов с расширяющимися пустотелыми концами VII–VIII вв.⁷

Исходя из того, что вещи третьей четверти I тыс. н.э. находились не только на территории древнейшего городища, но и вне его, в том числе и в районе Софийского собора, ул. Малой Житомирской, других местах, я высказал предположение о том, что в это время была заселена также и южная околица Старокиевской горы.⁸ Убедительных археологических подтверждений оно не получило до сих пор, но какие-то следы жизни здесь, все же, выявить удалось. Керамика третьей четверти I тыс. н.э. обнаружена, в частности, раскопками экспедиции Я.Е. Бо-

2 Козюба В.К. «Місто Володимира» у Києві: історична реальність чи історіографічний міф? *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради*. Т.1. Коростень, 2008, 257.

3 Мовчанівський Т.М. Щоденник розкопок 1936 г. *Научный архив Института археологии НАН Украины*, 43, 51–56.; Гончаров В.К. Щоденник розкопок. *Там же*, 84–89.

4 Каргер М.К. *Древний Киев*. Т.1. М.; Л., 1958, 103.

5 Толочко П.П. *Древний Киев*. К., 1983, 25–28.

6 Каргер М.К. *Древний Киев*, 105.

7 Толочко П.П. *Древний Киев*, 25–28.

8 Толочко П.П. *Історична топографія*, 54.

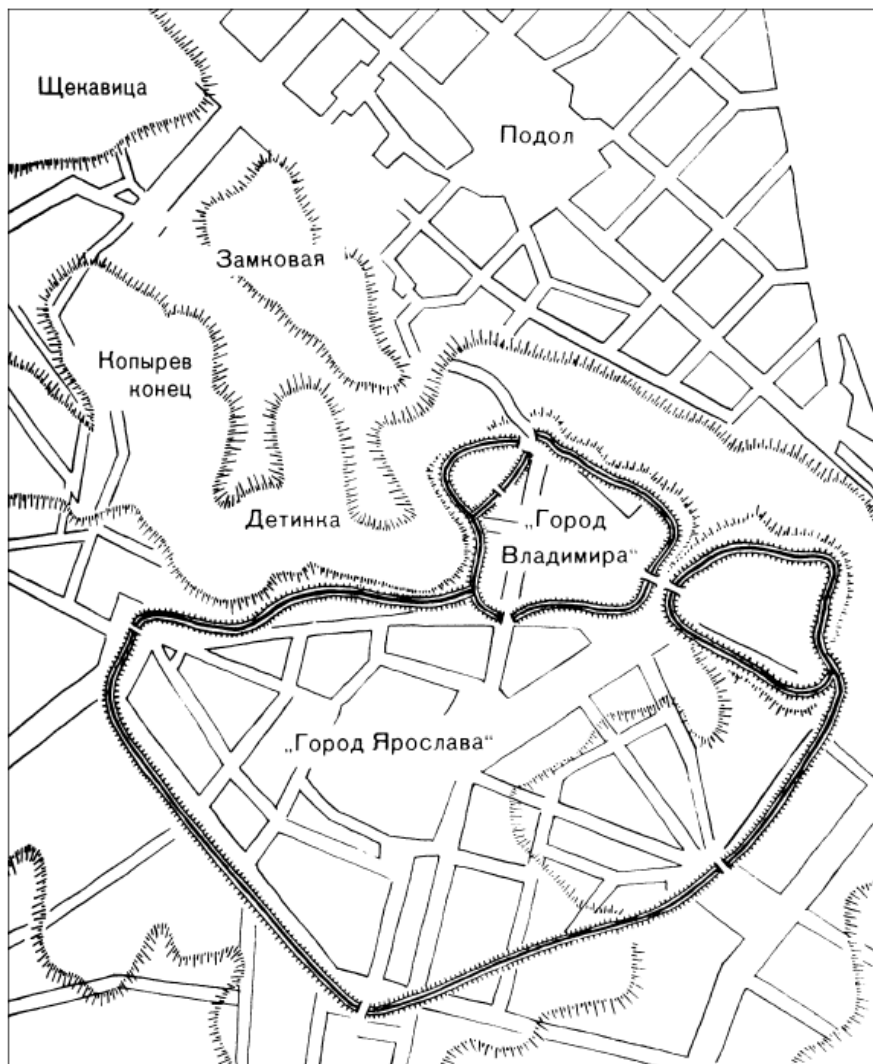

Рис. 1. План укреплений Верхнего Киева VI—XI вв.

ровского в юго-восточной части «города Владимира».⁹ Во время раскопок Десятинной церкви в 2006–2009 гг. были обнаружены остатки жилища VIII в.*

В новых исследованиях авторы предпочли датировку древнейших укреплений, предложенную М.К. Каргером, правда, несколько сузив ее до середины —

9 Боровський Я.Е., Калюк О.П. Дослідження київського дитинця. *Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989 рр.* К., 1993, 3–42.

* Раскопки экспедиции под руководством Г. Ю. Ивакина.

второй половины VIII в.¹⁰ Каких-либо новых данных, подтверждающих эту дату, нет. Исследования рва у Десятинной церкви, осуществленные в 2005–2008 гг., не выявили находок, которые бы поддержали такой вывод. По существу, и не могли выявить, поскольку любые находки в заполнении рва могут указывать лишь на относительную хронологию его жизни. Не случайно исследователи, вместе проводившие в течение ряда лет раскопки, не сошлись даже в вопросе о времени прекращения его функционирования. А.В. Комар считает, что укрепления прекратили существование уже вначале IX в.,¹¹ а В.К. Козюба относит это событие ко времени Святослава.¹² Ни тот, ни другой не привели в пользу своих предположений сколько-нибудь убедительных археологических свидетельств.

Нельзя признать удачной и попытку разобраться в характере древнейших укреплений. Как утверждает А.В. Комар,

ни одна из работавших на городище экспедиций не обнаружила следов древнейшего вала потому, что его и не было — по краю рва с внутренней стороны стояла дерево-земляная стена, укрепленная глиняным откосом, частью рухнувшая в ров.¹³

Здесь согласиться можно только с тем, что присутствие деревянных конструкций в заполнении рва это не следы каких-то немислимых его ремонтов, как кажется В.К. Козюбе и его петербургским коллегам, а рухнувшая в него (или намеренно сброшенная) стена, находившаяся на валу¹⁴. Что он был, не требуется никаких специальных доказательств. Достаточно только задуматься над тем, куда устроители укреплений дели землю, вынутую при отрывке рва. Во все времена и у всех народов она служила для насыпи вала, который собственно и являлся главным оборонительным сооружением. Чем глубже и шире был ров, тем выше и мощнее вал. Несомненно, так было и в данном случае. А не обнаружили его исследователи по очень простой причине. Насыпь вала

10 Козюба В.К. «Місто Володимира», 257. Научная общественность ещё не успела осмыслить на основании каких материалов получена дата середина — вторая половина VIII в., как В.К. Козюба порадовал новой. В интервью газете «Сегодня» от 1.12.2009 г. он сообщил читателям, что первые укрепления на Старокиевской горе появились только в X в., во время правления Игоря и Ольги. После этого открытия, будто бы, даже «встал вопрос о пересмотре топографии Киева языческого периода». Что можно сказать на это? Только то, что прежде чем приниматься за непосильную для себя задачу пересмотра исторической топографии языческого Киева, ему следовало бы пересмотреть собственное разномыслие, разобраться в том, что из сказанного им основано на археологических данных, а что является плодом воображения.

11 Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева. *Ruthenica IV* (2005), 124 и сл.

12 Козюба В.К. «Місто Володимира», 263–264.

13 Комар А. К дискуссии, 125.

14 Комар А. К дискуссии, 134–135. Выявленные новыми раскопками незначительные следы деревянных конструкций в средней части откоса первичного рва с городской стороны невозможно интерпретировать как срубное его укрепление. Во-первых, лесовые стенки рва не нуждались ни в каком специальном укреплении, чего и не знает европейская средневековая фортификация. А, во-вторых, небольшие размеры предполагаемого сруба (менее 1 м по ширине), а также отсутствие угловых замков с подгородной стороны делают эту конструкцию совершенно бессмысленной в инженерном отношении. Она не только не могла ничего укрепить, но сама нуждалась бы в укреплении. К тому же, как явствует из обмерного чертежа разреза, эта конструкция не простиралась на всю высоту рва, будучи перекрыта слоями засыпки.

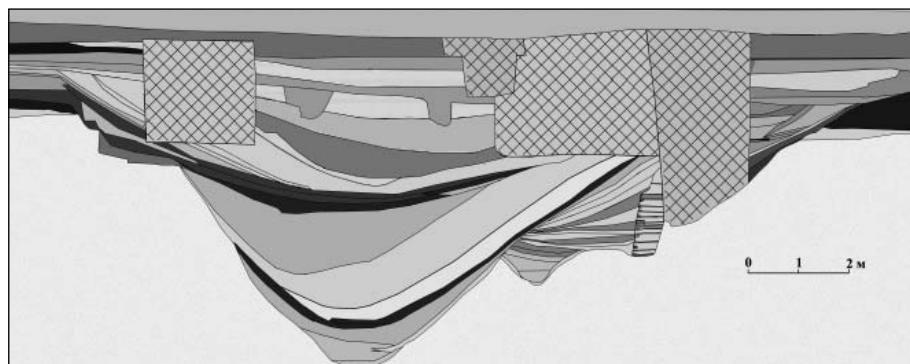

Рис. 2. Разрез рва древнейшего городища. 2009 г.

Рис. 3. Разрез рва древнейшего городища. 2009 г.

вернули в ров во время планировки древних укреплений. Иначе, чем можно было его заполнить?

Что касается наблюдения Д.В. Милеева 1912 г. о наличии «на внешнем гребне рва следов кольев, забитых в землю на расстоянии 15 см один от другого», то оно не столько порождает сомнения в наличии вала, сколько укрепляет в этом. Колья эти служили конструкцией для насыпки вала, как впоследствии эту функцию выполняли деревянные клетки. Иначе невозможно было обеспечить его крутизну и предохранить внешний скат от сползания в ров.

По существу, дискуссия на эту тему кажется излишней и в свете предположений самого А.В. Комара. Ведь дерево-земляная стена, шедшая по внутренней стороне рва, о которой говорит молодой исследователь, это и есть тот самый вал, которого он не может обнаружить.

За пределами научного знания оказались и наблюдения о перерывах в заселенности древнейшего киевского ядра, которые, согласно А.В. Комару, приходятся на конец VII — нач. VIII, а также на первую треть IX — вторую половину

IX вв. Их совершенно нечем доказать. Сделать это было бы крайне сложно даже и в том случае, если бы поселения на Старокиевской и Замковой горах сохранили четкую культурную стратиграфию. Но ведь ее же нет. Активная жизнедеятельность в древнерусское и последующее время практически уничтожила древнейшие культурные слои. Только небольшие их островки сохранились до наших дней. Утверждение названного автора, что сооруженные или обновленные в волынцевское время укрепления на Старокиевской горе «гибнут в первой трети IX в. в результате штурма», и вовсе невозможно комментировать из-за их очевидной надуманности. Ни в письменных, ни в археологических материалах они не находят подтверждения.

Если исходить из наличествующих археологических артефактов, а не из умозрительных авторских «сценариев развития города», то придется признать историческую непрерывность развития жизни на Замковой и Старокиевской горах от VI–VII вв. до летописного Киева. Новый этап исследований не привнес качественно иных источников, которые бы дали основание кардинальному пересмотру хронологии древностей начального киевского ядра. Не оказалось продуктивным и переосмысление уже известных источников.

Сказанное в полной мере относится и к новейшей интерпретации каменного сооружения, открытого В.В. Хвойкой в пределах древнейших укреплений в 1908 г. Для В.К. Козюбы отождествление его с языческим капищем кажется не убедительным: «Никаких весомых аргументов в пользу такой атрибуции нет, кроме ссылок на длинный перечень исследователей, которые а priori приняли эту точку зрения».¹⁵ А.В. Комар, не оспаривая назначение этого сооружения, ставит под сомнение его хронологию. Ему не кажется верной мысль М.К. Каргера о том, что капище возможно датировать VIII в., а поэтому предлагает относить время его возведения только к X в.¹⁶ Некоторых исследователей наличие каменного капища в пределах древнейших укреплений привело к мысли о сакральном характере городка, который являлся, будто бы, исключительно местом исполнения языческих обрядов.¹⁷

Удивительно, но при высказывании новых взглядов авторы часто не проявляют не только историографической корректности, но и элементарного уважения к источникам. Конечно же, в пользу сакрального характера каменного сооружения свидетельствует не только «длинный перечень» сторонников такого отождествления. На эту мысль В.В. Хвойку и других ученых натолкнуло обнаружение рядом с каменным сооружением, с западной его стороны, так называемого жертвенного столба, состоявшего из чередующихся слоев сильно обожженной

15 Козюба В.К. «Місто Володимира», 257.

16 Каргер М.К. *Древний Киев*, 111; Комар А. К дискуссии, 129.

17 Катышев Д.М. Начальный этап истории Киева (IX–X вв.). *Вестник Челябинского государственного университета*. Серия 1. История. 2005, № 2 (18), 8–13. Правда, мысль эта не новая, но высказанная еще в 70-е годы XX ст. М.Х. Алешковским (Алешковский М.Х. *Повесть временных лет*. М., 1971, 126).

Рис.4 . Языческое капище на Старокиевской горе. Рисунки В. В. Хвойки.

глины с прослойками золы и угля, а также нахождение вокруг него большого количества костей и черепов животных, главным образом, домашних.¹⁸

Не убедительным выглядит и утверждение о городище-святилище. Даже если бы на его территории не были обнаружены реальные следы заселенности VI–VIII вв., в пользу этого свидетельствовали бы остатки мощных укреплений, совершенно немислимых и не нужных, если бы на всем двухгектарном плато Старокиевской горы функционировал только один языческий храм.

В свою очередь, В.К. Козюба аргументирует отрицание сакрального характера каменного сооружения тем, что оно находится среди поселенческой застройки, тогда как капище, якобы, непременно должно было быть вне населенного пункта.¹⁹ Такая точка зрения в литературе действительно высказывалась, но никто так и не смог определить, во-первых, непременную закономерность этой экстерриториальности, а, во-вторых, какой удаленностью от поселенческой структуры она должна определяться.

2. «Град» Кия и Боричев узвоз

Теоретически вопрос о том, возможно ли отождествлять укрепленное поселение на Старокиевской горе с летописным «градом Кия» не вызывает больших затруднений. Такой вывод вытекает из анализа летописного известия об основании тремя братьями Киева. Изначально, как пишет летописец,

сѣдаше Кии на горѣ гдѣже ныне оувозъ Боричевъ . а Щекъ сѣдаше на горѣ . гдѣже ныне зоветса Щековица . а Хоривъ на третѣи горѣ . ѿ негоже прозваса Хоревица²⁰

18 Хвойка В.В. *Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена*. К., 1913, 66.

19 Козюба В.К. «Місто Володимира», 270.

20 *ПСРЛ* 1: 9.

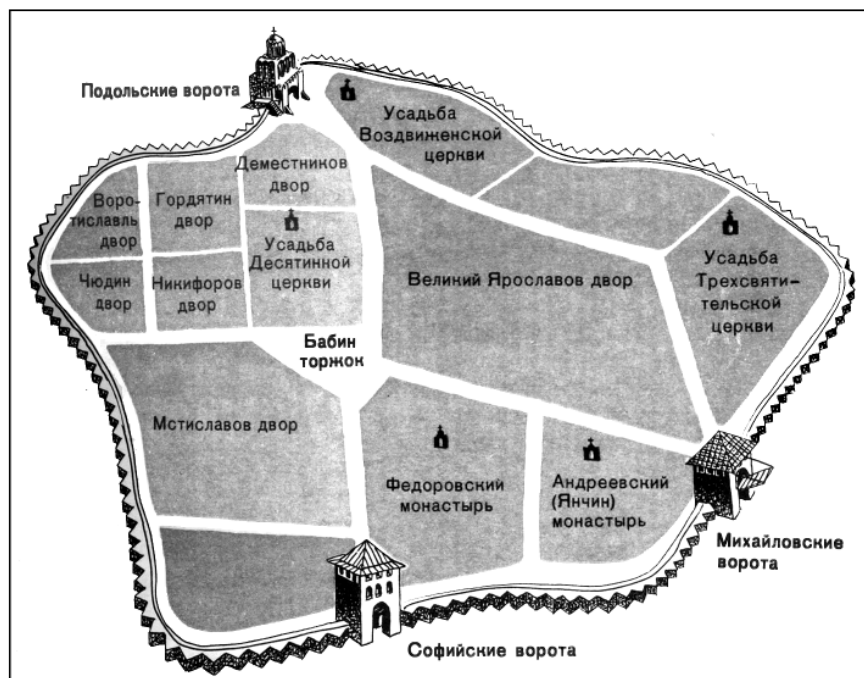

Рис. 5. Социальная топография «города Владимира» X—XIII вв.

Учитывая, что древнейшее предгородское поселение находилось на Замковой горе, представлявшей собой естественную крепость, предположение Б.А. Рыбакова о нахождении на ней первоначального «городка Кия» не может вызвать сколько-нибудь обоснованных возражений.²¹ Однако, это вовсе не значит, что первый киевский князь не имел отношения к «городку» на Старокиевской горе. Из буквального содержания летописного предания следует, что после того как братья поселились на отдельных горах, они построили общий «град» и назвали его в честь старшего брата Киевом: «и створиша градъ во има брата своего старѣишаго . и нарекоша има ему Кисвь»²².

Разумеется, это не свидетельство очевидца, но предание, и мы не обязаны относиться к нему, как к документу. Но «град» на Старокиевской горе действительно обнаружен и это позволяет видеть в этом предании вполне конкретные исторические реалии. Как и в известии статьи 862 г., рассказывающей об овладении Киевом Аскольда и Дира: «и пойдоста по Днѣпру . и идуче мимо и оузрѣста на горѣ градо»²³. На вопрос, чей он, Аскольд и Дир получили ответ, что это городок Кия, построенный тремя братьями.

21 Рыбаков Б.А. Город Кия. *Вопросы истории*. 1980, №5, 42–45.

22 *ПСРЛ* 1: 9.

23 *ПСРЛ* 1: 20.

Рассуждения о том, какой городок увидели с Днепра, плывшие по нему Аскольд и Дир, не имеют принципиального значения. С Днепра одинаково хорошо просматривались обе горы: Замковая и Старокиевская. Важным здесь представляется только то, где находилась в это раннее время княжеская резиденция. Традиционное мнение, высказывавшееся многими исследователями о том, что древнейший Киев-град располагался на Старокиевской или западной части Андреевской горы, в последнее время подверглось пересмотру. Развивая, давно высказанную мысль, что древнейшим средоточием киевской жизни была Замковая гора, В.Н. Зоценко пришел к выводу, что именно на ней и была «княжеская резиденция Игоря — Ольги — Святослава и его сыновей».²⁴

Какие-либо археологические источники на этот счет отсутствуют, а поэтому В.Н. Зоценко в доказательство своего предположения привлек летописные свидетельства. Привлек, надо сказать, не очень корректно, а осмыслил и вовсе неверно. Пространная статья 945 г. не дает и малейших оснований располагать княжеские постройки этого времени на Замковой горе. Если не фантазировать, а держаться свидетельства летописца, то окажется, что «город Киев», княжеский двор в городе и двор теремной вне города четко маркируются Боричевым узвозом, Десятинной церковью и двором деместника. Имеющееся уточнение, что на территории древнейшего града во времена летописца располагались дворы четырех киевских бояр, также не отсылает нас к Замковой горе. И напрасно В.Н. Зоценко так много внимания уделил анализу этого сюжета. В свое время мной была предпринята попытка увязать находки киевских кладов с летописными боярскими дворами, из которой следует, что на Старокиевской горе предполагать такие дворы возможно, тогда как на Замковой — нет.²⁵

Длительное время исследователи исторической топографии полагали, что открытые В.В. Хвойкой фундаменты каменной постройки над усадьбой № 38 по Андреевскому спуску и есть остатки летописного терема княгини Ольги. Того, который располагался «внѣ города», т.е. за пределами укреплений. Новые исследователи поставили под сомнение и этот вывод. Главным аргументом здесь является неизвестно на чем основанное убеждение, что каменное строительство в Киеве началось только во времена Владимира, а также и то, что т.н. «восточный» (северо-восточный) дворец не согласован планировочно с Десятинной церковью, а посему появился уже после завершения ее строительства.

24 Зоценко В. Скандинавские древности и топография Киева. *Ruthenica* II (2003), 33–35. А.В. Комар, поддержавший В.Н. Зоценко в его локализации княжеского двора на Замковой горе, пустился в отвлеченные рассуждения, что ранний княжеский двор напоминал большую укрепленную усадьбу с большим деревянным теремом, амбарами, погребями и полуземлянками челяди, казармами для дружины (см.: Комар А. К дискуссии, 131). С этим можно было бы и согласиться, если бы эти рассуждения хоть в малой степени опирались на реальные археологические данные. Странная логика получается у названных авторов. Для размещения древнейшего княжеского городка на Старокиевской горе нужны фактологические доказательства, а на Замковой — достаточно формулы: «Я так думаю». Кстати, площадь Замковой горы равняется не 20 га, как утверждал В.Н. Зоценко, а меньше 10 га. И над уровнем Днепра она возвышается не на 100 м, а в лучшем случае, на 60–70 м. Эти уточнения не влияют на правильность (или неправильность) его выводов, но свидетельствуют о недостаточной внимательности к точности фактов.

25 Толочко П.П. *Древний Киев*, 197–198.

Оба аргумента не имеют сколько-нибудь убедительных оснований. При повторном вскрытии фундаментов Ф.Н. Молчановским экспертная комиссия, в которую входил и историк архитектуры И.В. Моргилевский, действительно определила время возведения этого дворца концом X или началом XI в. Правда, никаких доказательств этого предположения она не привела. К тому же отметила еще одно любопытное обстоятельство, почему-то ускользающее из внимания последующих исследователей: рядом с монументальной кладкой выявлены и другие строительные остатки, включающие камни красного кварцита, которые не были архитектурно связаны с основной постройкой.²⁶ Как видим, Ф.Н. Молчановским были обнаружены остатки возможно двух каменных сооружений, не обязательно одновременных.

Судя по хорошо исследованным ныне фундаментам Десятинной церкви и описанию таковых «восточного» дворца, они действительно близки между собой. Но эта констатация вовсе недостаточна для того, чтобы утверждать, будто строительство дворца непременно следовало за возведением Десятинной церкви. Могло быть и наоборот. На основании сравнительных сопоставлений материала и характера кладки определить точную хронологию просто невозможно.

Что касается несовпадающей планировки «восточного» дворца с ориентацией Десятинной церкви, то этот аргумент, если им вообще корректно оперировать, скорее в пользу более ранней его даты, чем поздней. При одновременном возведении архитектурного комплекса «города Владимира», как и последовательном, где первым зданием была Десятинная церковь, его строители непременно должны были учитывать осевые координаты этой главной постройки, что и подтверждается планировкой т.н. «западного» дворца. И конечно, несовпадение планов «восточного» и «южного» дворцов с Десятинной церковью несерьезно объяснять особенностями рельефа.

Как известно, временем предшествующим строительству Десятинной церкви С.П. Вельмин датировал «южный» (юго-восточный) дворец. Одним из аргументов этому был и тот, что здание расположено под углом к Десятинной церкви и всего лишь на расстоянии 5 м от нее. Кроме того, согласно его наблюдению, дворец ко времени завершения строительства Десятинной церкви был разобран, а над засыпанными фундаментными рвами находилась вымостка из сырцового кирпича, которым была выложена вся спланированная околоцерковная площадь.²⁷ М.К. Каргер подверг сомнению наличие сырцовой вымостки, но лишь на том основании, что о ней ничего не сказано в отчете Д.В. Милеева. Еще одним доводом для С.П. Вельмина служило и то, что ширина фундамента дворца значительно превышала ширину фундамента Десятинной церкви.

Возвращаясь к свидетельствам летописной статьи 945 г., следует сказать, что их историческая достоверность нашла подтверждение и в раскопках 1970–

26 Научный архив Института археологии НАН Украины 1938 г., № 331.

27 Вельмин С.П. Раскопки Археологической комиссии в Киеве в усадьбе Десятинной церкви летом 1911 г. *Университетские известия*. К., 1914, октябрь (Отчет о деятельности Историко-Этнографического кружка при Университете св. Владимира за 1911–1912 учебный год), 5–6.

1972 г. Ими были выявлены в самом центре древнейшего городища остатки еще одной монументальной постройки. Ее фундамент состоял из валунов, рваного песчаника, шиферных плит, уложенных на глиняном растворе. В отдельных местах находилась кладка из квадратной и очень тонкой плинфы, также положенной на глиняном растворе. По характеру кладки и плановой структуре, что показали раскопки В.А. Харламова, это сооружение отличалось от известных ранее дворцовых построек, что позволяет относить его к более раннему времени.²⁸

Не исключено, что исследованные в центре древнейшего городища каменные фундаменты принадлежат тому дворцу Ольги, который был в городе: «а дворь княжь баше в городѣ». Отсутствие летописного уточнения о характере княжеского дворца на этом дворе не является основанием для отрицания его каменной архитектуры. К тому же, он мог быть и деревянным на каменном основании, о чем автору уже приходилось писать.

О том, из какого терема (деревянного или каменного) наблюдала Ольга за шествием древлянских послов в летописи вообще ничего не говорится. И миниатюра *Кенигсбергской летописи* здесь ничем помочь не может, как это казалось В.Н. Зоценку. Фахверковая постройка, изображенная на ней, не отражает ни одного из типов киевской жилой архитектуры X в. и определенно позаимствована копиистом из близкой ему западноевропейской действительности XV вв.

В заключение данного сюжета хотелось бы призвать своих молодых коллег к более корректному использованию письменных источников. В последних нельзя вычитывать то, чего в них нет. Если сказано, к примеру, что теремной двор Ольги с каменным дворцом находился за святою Богородицей над горою, и место это уточнено двором регента Десятинной церкви, то именно это и следует анализировать. Если приводится свидетельство о князем дворе в городе, то надо не отсылаться к Замковой горе, где никаких княжеских построек не обнаружено, как и древнейших укреплений, а обратиться к реальным остаткам постройки в центре древнего городища и хотя бы задаться вопросом, а не о ней ли говорил летописец?

Для выяснения местонахождения административного средоточия раннего Киева определяющее значение имеет летописная связь его с Боричевым узвозом. Во всех упоминаниях эта древнейшая киевская улица служит как бы уточняющим ориентиром. В 945 г. древлянское посольство «присташа подь Боричевымь в лодьи», чтобы затем проследовать на Ольжин двор. В 988 г. по Боричевому узвозу влекли с горы к Днепру статую бога Перуна. В 1185 г. по Боричевому

28 Толочко П.П. *Древний Киев*. К., 1976, 28; Боровский Я.Е. Светские постройки. *Новое в археологии Киева*. К., 1981, 175–180. Недавно это вывод подвергся кардинальному пересмотру в кандидатской диссертации Санкт-Петербургского исследователя Д.Д. Елшина, полагающего, что постройка в центре древнейшего городища была возведена не ранее конца XI в. (Елшин Д.Д. *Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2008, 19.). Приведенные им аргументы, основанные на «анализе материалов археологических раскопок», совершенно недостаточны, чтобы опровергнуть выводы В.А. Харламова, Г.Н. Логвина, Н.В. Холостенка, осуществлявших эти раскопки и наблюдавших выявленные части построек не по фотографиям и чертежам, а, что называется, воочию.

узвозу, как говорится в *Слове о полку Игоревом*, ехал князь Игорь Святославич к подольской церкви святой Богородицы Пирогощи. Еще определеннее местонахождение древнейшего киевского «града» фиксирует статья недатированной части *Повести временных лет*, рассказывающая об основании Киева: «сѣдѣше Кии на горѣ гдѣже ныне оувозъ Боричевъ».²⁹

Конечно, это нынешний (и давний) Андреевский узвоз. Предпринимавшиеся неоднократно, в том числе и в последнее время, попытки расположить Боричев узвоз в отрыве от древнейшего городского ядра, совершенно некорректны. Это в полной мере относится и к версии С. Т. Голубева, поддержанной ныне пространными рассуждениями А. В. Комара, о том что узвоз этот находился в районе Михайловского Золотоверхого монастыря.³⁰ Версия эта в принципе недоказуема. Уже хотя бы потому, что Михайловская гора не была заселена вплоть до начала XI в., а следовательно никакой нужды в узвозе на Подол в это раннее время здесь не могло быть даже и теоретически. Более того, его не было там и в последующие века древнерусской истории.

Ссылки на первые планы города, в частности на аксонометрию Ушакова 1695 г., некорректны. На них в районе Михайловского монастыря нет никакого узвоза. Нарисована калитка, ведущая на склоны горы, примерно по трассе нынешнего фуникулера.³¹ Крутизна рельефа не позволяла проложить здесь дорогу к Днепру не только в древнерусское или позднесредневековое время, но и позже. В то время как древнейший узвоз по линии нынешнего Андреевского спуска функционировал (документированно) по крайней мере с самого начала XVII в.³² Это отчетливо видно из той же карты Ушакова. На ней между Старокиевской и Андреевской горами, помещены Киевские ворота, от которых начинается «большая дорога с Верхнего города на Подол». В своей нижней части она обозначена как «взвоз на гору в Киевские ворота».

29 ПСРЛ 1: 9.

30 Голубев С. Т. *Спорные вопросы о древней топографии Киева*. К., 1910.; Комар А. В. «Боричев» и «Боричев узвоз» древнего Киева. *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради*. Т. 1. Коростень, 2008, 192–225.

31 В Росписи Киеву 1674 г. читаем: «От наугольной башни Меньшого города к Михайловскому монастырю две горы, и по тем горам острог деревяной, а промеж гор на острогу внизу рубленая стена... в стене калитка, ходят к реке Днепр» (Алферова Г. В., Харламов В. А. *Киев во второй половине XVII в.* К., 1982, 115).

32 Захария Копыстенский в «Палинодии» (1621 г.), локализуя место, где св. Андрей водрузил крест, указывает на гору «Вздыхальную» (ныне Андреевскую). Ее название он объясняет следующим образом: «Тая гора оттоль зовуть Вздыхальницею, ижъ высокою будучи, людей з долу идучи вздыхають, а на верхъ вшедши отдыхаютъ, почиваючи» (*Lev Krevza's Obrona iednosci cerkiewney and Zaxarija Kopystenskyj's Palinodija* [= Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: vol. 3] (Cambridge, MA, 1987), 475. Афанасий Кальнофойский в «Тератургиме» (1638 г.) описывает чудо, случившееся в 1621 г. с князем Павлом Курцевичем. Из его описания узнаем, между прочим, что главная (а, может, и единственная) дорога из Киева (т.е. Подола) в Печерский монастырь пролежала через гору «Вздыхальницу» и по ней ездили на возах (*Seventeenth Century Writings on the Kievan Caves Monastery* [= Harvard Library of Early Ukrainian Literature, vol. 4] (Cambridge, MA., 1987), 215). Расположение Воздыхальной горы (Уздыхальницы) непосредственно напротив Замковой горы удостоверяется иллюстрацией Киевского замка 1552 г. (*Архив Юго-Западной России*. Часть VII, т. 1. К., 1886, 108). Там же ее указывает и Петр Развидовский (1634 г.) в описании владений доминиканского конвента (*Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей*. К., 1874, отд. II, 103).

3. Могильник на Старокиевской горе и дом варяга

В историко-топографической структуре раннего Киева одно из существенных мест принадлежит могильнику. Начинаясь он сразу же за валом и рвом древнейшего поселения и простирался в южном и западном направлении по всей территории будущего «города Владимира».³³

Один из первых исследователей погребальных памятников Киева Я. Волошинский отмечал, что в киевской местности курганы расположены частично в самом городе, в местах, заселенных не более трех десятков лет назад, частично в его предместьях. По его подсчетам, число курганов достигало 280. Пятнадцать из них представляли собой отдельно стоящие насыпи, остальные располагались группами.³⁴ Приводя такую топографическую характеристику киевских курганов, Я. Волошинский, разумеется, не имел ввиду центральную историческую часть города, где к его времени курганы были спланированы. Однако, если бы они здесь сохранились, их топографическое расположение было бы таким же.

Определенно, они не занимали сплошь всю территорию будущего «города Владимира». Исследования показали, что погребения располагались группами. Наиболее значительные были раскрыты раскопками В.В. Хвойки, Д.В. Милеева и С.П. Вельмина, М.К. Каргера в усадьбе Десятинной церкви, раскопками С.С. Гамченко, Я.Е. Боровского в усадьбе Трубецкого (ул. Владимирская, 1–3), Я.Е. Боровского и И.И. Мовчана в юго-восточной части «города Владимира».³⁵ Отдельные погребения встречались в усадьбе Главтелеграфа, в районе ул. Рейтарской и Большой Житомирской, а также на Михайловской горе, вблизи Софии и Золотых ворот.

Результаты исследований могильных древностей систематизированы в работах Л.А. Голубевой, М.К. Каргера, С.Р. Килиевич, а также в ряде других, что избавляет автора от повторения этой аналитической работы. В целях данного исследования важно остановиться на вопросах топографии могильника в пределах «города Владимира» и его хронологии, поскольку именно они представляют наибольший интерес для выявления историко-топографической динамики этой части древнего Киева. В значительной степени эта работа уже проделана,³⁶ поэтому здесь я сосредоточу главное внимание на отдельных спорных интерпретационных положениях, которые появились, в том числе, и в последнее время.

Могильник состоял из погребений, выполненных по обряду кремации и ингумации. Судя по сведениям, попавшим в печать, соотношение трупосо-

33 Здесь нет необходимости комментировать утверждение В.Н. Зоценко о том, что могильником была занята и площадка древнейшего городища, поскольку его некорректность уже показал Ф.А. Андрощук (см.: Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. *Ruthenica* III (2004), 11).

34 Волошинский Я. Киевские курганы. *ИОЛЕАЭ*. Т. 20. *Труды Антропологического отдела*. Кн. 2. Вып. 1. М., 1876. — С. 76.

35 Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Гончар В.М., Ієвлев М.М. Звіт про археологічні дослідження на вул. Великій Житомирській, 2-А у м. Києві. *Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр.* К., 2004, 226–227.

36 Толочко П.П. *Історична топографія стародавнього Києва*, 60–72.

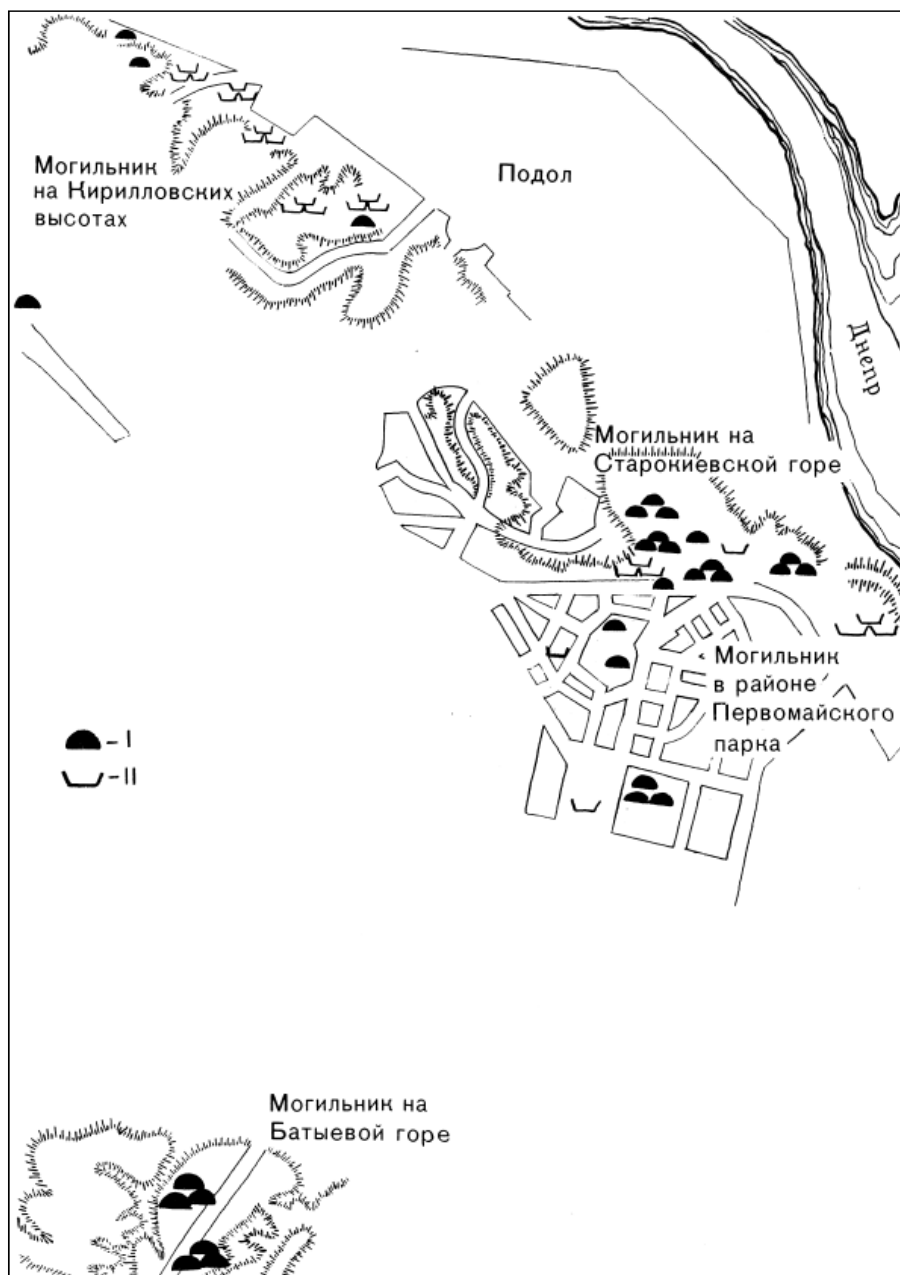

Рис. 6. Схема топографического расположения
Киевских могильников VIII—X вв.
I — погребения в курганах, II — безкурганные погребения

жений и труположений может быть выражено цифрами 1–1,5 к 10. Разумеется, это не объективная картина. Процент трупосожжений был, по-видимому, значительно большим. Просто они труднее поддаются выявлению, а поэтому и исследованы в меньшем количестве. Инвентарь этих погребений бедный: глиняные урны с сожженными костями, одиночные бронзовые украшения, фрагменты лепной посуды.³⁷

К сожалению, в настоящее время невозможно ответить на вопрос, какой была эта лепная керамика: корчакско-пражская, волынцево-роменская или лука-райковецкая? Однако, даже на основании столь незначительной информации можно сделать заключение, что трупосожжения относятся к начальному этапу существования Киева.

В ряде погребений, раскопанных в усадьбах 1–3 по ул. Владимирской, прослежен своеобразный промежуточный обряд. Костяки лежали в деревянных гробах, но были обильно посыпаны золой и углями. В 1878 г. аналогичная обрядовая особенность была обнаружена в погребении на территории Софийского подворья, что дало исследователям основание утверждать наличие определенной эволюционности в смене обрядов. Трупосожжение не сразу перешло в труположение; тело в переходный период или сжигали частично, или клали на предварительно обожженное место.³⁸ Хронологически раннюю группу труположений составляют и те из погребений, в которых находится раннегончарная и лепная керамика. По инвентарю это небогатые погребения: в них находились железные ножи, точильные бруски, кресала и кремь.

Присутствие в некрополе «города Владимира» нескольких погребальных обрядов, по-видимому, действительно характеризует хронологические этапы его функционирования.

Классифицируя погребения по социальному принципу, исследователи выделили группу богатых — дружинных захоронений. Ряд из них совершены в срубных гробницах.³⁹ Как правило, они характеризуются богатым инвентарем, среди которого предметы вооружения, различные украшения, монеты. Большинство богатых погребений выявлено в усадьбах начала ул. Владимирской, в том числе и в усадьбе Десятинной церкви, а также в юго-западной части Верхнего города. Л.А. Голубева объясняла такое расположение богатых погребений тем, что они находились по соседству с владениями Рюриковичей.⁴⁰ Мне представлялось, что группы погребений (не только богатых) соответствовали отдельным поселениям или районам раннего Киева.⁴¹ Похожую мысль недавно высказал Ф.А. Андрощук, проанализировав результаты исследований, проведенных Я.Е. Боровским в юго-восточной части «города Владимира». При этом, он поддержал

37 Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1838 г. *ЖМНП*. Ч. 21. Отд. 3. СПб., 1838, 83; *ИАК. Прибавление к выпуску 32*. СПб., 1909, 125–126.

38 Лебединцев П.Г. О святой Софии Киевской. *Труды III Археологического съезда в Киеве*. Т. 1. К., 1878, 64.

39 Голубева Л.А. Киевский некрополь. *МИА* № 11. М.-Л., 1949, 112.

40 Голубева Л.А. Топография домонгольского Киева. *КСИИМК*. М.-Л., 1946. Т. 26.

41 Толочко П.П. *Исторична топографія стародавнього Києва*, 63.

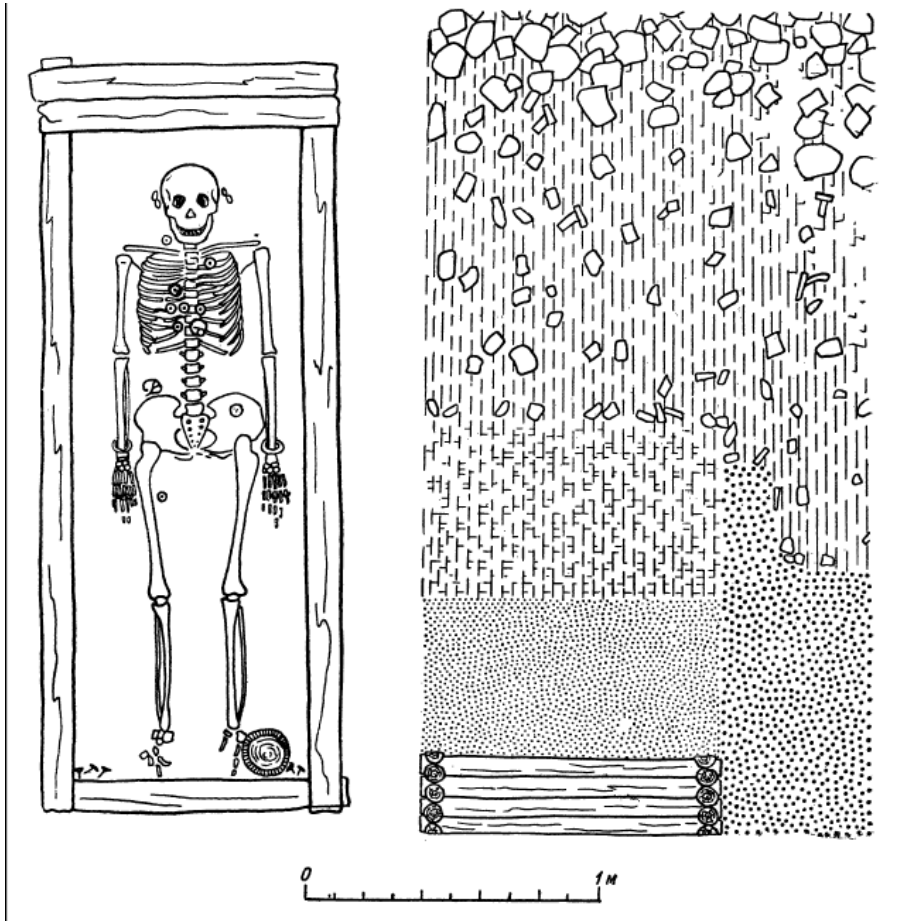

Рис. 7. План и разрез могильного сруба /погребение 123 по М. К. Каргеру.

свой вывод аналогиями из скандинавской средневековой жизни. Согласно ему, в Скандинавии само понятие старых усадеб (дворов или деревень), как правило, предполагало наличие поблизости курганов.⁴²

Одним из важнейших вопросов, имеющим определяющее значение для воссоздания реальной историко-топографической ситуации территории «города Владимира», является определение даты могильника. С.П. Вельмин датировал его концом VIII — серединой X вв.⁴³ Близкого мнения придерживался также Б.В. Фармаковский, являвшийся научным руководителем киевских раскопок.

42 Андрощук Ф. Скандинавские древности, 19.

43 Вельмин С.П. Археологические изыскания Императорской Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева. ВИБ. К., 1910. Кн. 7–8, 139 и сл.

С такой датировкой решительно не согласился М.К. Каргер. Исходя из монетных находок, он пришел к выводу, что наиболее богатые погребения относятся ко времени от середины до конца X в.⁴⁴ Автор этих строк, на основании анализа практически тех же материалов, пришел к выводу, что верхнюю дату могильника следует опустить до середины X в. Из всех погребений только одно имело монету второй половины X в., остальные содержали монеты конца IX — первой четверти X в. Такая закономерность верхних дат монет позволила предположить, что уже к середине X в. могильник на Старокиевской горе как массовый, городской, прекращает функционировать. Наиболее поздние погребения находились вблизи Десятинной церкви и принадлежали уже церковному кладбищу.⁴⁵

В 90-е годы XX в. к аналогичному выводу пришел Ф.А. Андрощук, осуществивший хронологический анализ киевского некрополя на более широкой основе, используя для этого не только монеты, но и другие хорошо датированные погребальные находки. Исходя из материалов выборки, все погребения, за исключением одного укладываются, согласно ему, во временные рамки между 900-м и 950-м годами. На этом основании исследователь пришел к выводу, что на сегодня мы имеем достаточно весомых доказательств датировать могильник, хронологически предшествующий Десятинной церкви, первой половиной X в.⁴⁶

На этом можно было бы и завершить сюжет о топографии и хронологии могильника, если бы Д.В. Милеев и С.П. Вельмин не выявили под южной апсидой сооружение, вызвавшее и вызывающее до сих пор оживленные споры. Речь идет о срубной постройке, которую исследователи интерпретировали, как подвальное помещение, и которая, с легкой руки М.К. Каргера, убежденного в том, что киевская жилая застройка состояла исключительно из полуземляночных жилищ столбовой конструкции, превратилась в погребение № 109. Это отождествление ныне поддерживается практически всеми исследователями киевских древностей, хотя убедительных аргументов в его пользу никто из них привести так и не смог.

Дело в том, что в предполагаемом погребении не было захоронения и это вынудило исследователей искать не аргументы, а объяснения, куда оно девалось. Они поражают своей изобретательностью, а иногда и экзотичностью. При этом, нередко, у одного и того же автора можно встретить различные объяснения.

Создание легенды началось с М.К. Каргера. Большие размеры сруба дали ему основание предполагать исключительную знатность погребенного и богатство сопровождающего инвентаря. Отсутствие костяка (или костяков) он объяснил тем, что строители Десятинной церкви, ограбив склеп, выбросили из него и кости.⁴⁷

Ф.А. Андрощук предложил два объяснения. Согласно первому, отсутствие погребения связано с «разрушительными действиями какой-то строительной ямы, которая зафиксирована на чертеже, но никак не прокомментирована авто-

44 Каргер М.К. *Древний Киев*, 220–230.

45 Толочко П.П. *Исторична топографія стародавнього Києва*, 64.

46 Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М. До передісторії спорудження Десятинної церкви (хронологічний аналіз поховальних комплексів). *Церква Богородиці Десятинна в Києві*. К., 1996, 43–46.

47 Каргер М.К. *Древний Киев*, 172–174.

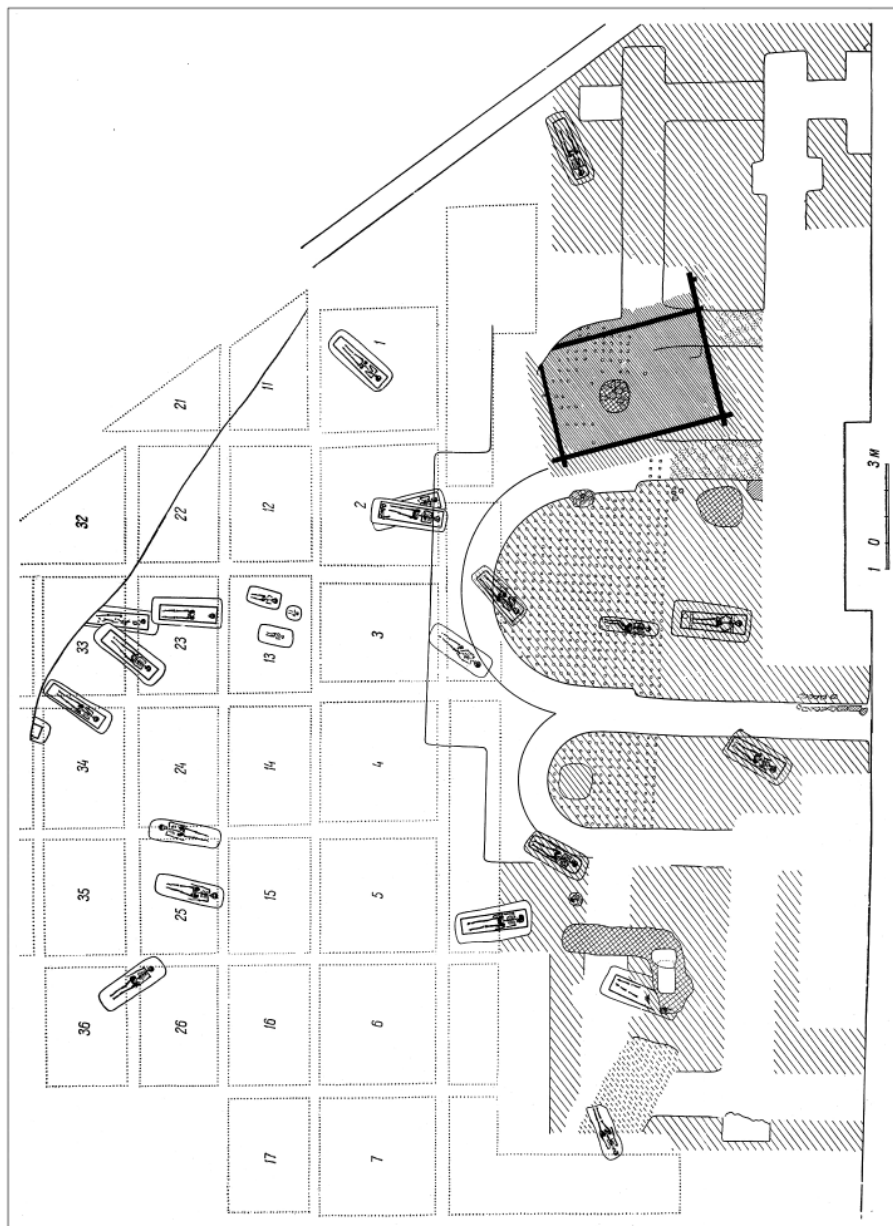

Рис. 9. Могильник VIII—X вв. в усадьбе Десятинной церкви.
Раскопки Д. В. Милеева и С. П. Вельмина.

рами раскопок».⁴⁸ Вторым объяснением он повторил предположение К.А. Михайлова, по которому погребение было вскрыто при строительстве Десятинной церкви и перезахоронено, поскольку принадлежало, будто бы, одному из родственников Владимира Святославича.⁴⁹

Но это сюжет скорее для художественного сочинения, чем для научной работы. К.А. Михайлову, Ф.А. Андрощуку и разделяющим их взгляды следовало бы озаботиться ответами на естественные, в данном случае, вопросы: кто этот загадочный Владимиров родственник, где он был перезахоронен и обнаружено ли в могильнике на Старокиевской горе хоть одно богатое захоронение со следами перезахоронения? Требуется объяснения также и то, почему такой чести удостоился только этот представитель княжеского рода, тогда как другие так и остались не перезахороненными, хотя, будто бы, также принадлежали к числу княжеских родственников. И, наконец, что помешало строителям и Владимиру сместить храм на каких-то 5–10 м, чтобы не пришлось святотатствовать или прибегать к перезахоронению?

По существу, ответ только на первый из этих вопросов уберег бы названных авторов от мучительных раздумий над всеми остальными. Ведь круг ближайших родственников Владимира известен. Это бабушка Ольга, похороненная, согласно завещанию, по христианскому обычаю (и, действительно, позднее перезахороненная, но в уже завершённой Десятинной церкви⁵⁰), отец Святослав, погибший на днепровских порогах, братья Олег и Ярополк, перезахороненные только в 1044 г. Ярославом в Десятинной церкви после осуществления обряда крещения их останков.⁵¹ Была еще Малуша, но, во-первых, мы ничего не знаем о ее судьбе, а, во-вторых, если правильно ее отождествление с некой Малфрид, упомянутой летописью, то она умерла в 1011 г., т.е. много позже сооружения Десятинной церкви. Вот и весь круг ближайших родственников Владимира. И ни один из них не может рассматриваться как претендент на виртуальную могилу под южной апсидой Десятинной церкви. Рассуждения К.А. Михайлова о многочисленных родственниках Игоря и Святослава, снабженные ссылкой на Е.В. Пчелова, а не на летопись, не могут быть приняты в качестве аргумента.

В нескольких публикациях к вопросу интерпретации сруба под южной апсидой Десятинной церкви обращался В.К. Козюба. В целом, он пришел к выводу, что отождествление сруба с жилой, хозяйственной или гражданской постройкой шаткое и не может служить серьезным аргументом в пользу жилой застройки за пределами древнего городища в дохристианское время. В другой работе его фор-

48 Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М. До передісторії, 44.

49 Андрощук Ф. Скандинавские древности, 18; Михайлов К.А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная. *Российская археология*. 2004, № 1, 35–45.

50 *Память и похвала Владимиру Иакова Мниха*, считающаяся достаточно ранним произведением, утверждает, что в Десятинной церкви для мощей Ольги была устроена специальная гробница: «лежить бо блжнное и чстное тѣло блжєныа кїгїнїѣ Улгы, гробъ камень малъ въ цркви стѣа Бѣа» (Бугославский С. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. *ИОРЯС* за 1924 г., т. 29, Л., 1925, 147).

51 «выгребоша . в . княза Ярополка и Ульга . сѣна Сѣослава . и крѣтиша кости єю . и положиша та въ цркви стѣа Бѣа» (*ПСРЛ* 1: 155).

мулировка более дипломатична. Проанализировав дневники Д.В. Милеева, где, собственно, находятся одни только глазомерные чертежи, В.К. Козюба пришел к выводу, что видеть в срубе погребальный комплекс (его-то как раз и нет) значительно больше оснований, чем связывать его с жилищно-хозяйственным сооружением. При этом заметил, что в пользу непогребального характера сооружения могут свидетельствовать большие его размеры, а также отсутствие погребения.⁵²

Следует сказать, что ни дневники Д.В. Милеева, ни новые раскопки 2005–2008 гг., не пополнили источниковую базу настолько, что бы она позволила не предполагать, а утверждать версию о погребальном характере сруба под Десятинной церковью. Разве что скорректировали его размеры. Они оказались несколько меньшими, чем значились в опубликованном отчете Д.В. Милеева, не 5,5 x 5,5, а 4,8 x 4,2 м*. Но, что характерно, не изменили общего плана постройки. Она, как хорошо видно из чертежа Д.В. Милеева, опубликованного М.К. Каргером, очень уж напоминает сруб пятистенок. Западная его стена примерно на полтора метра выходит за пределы южной основной камеры и имеет четко выраженные следы врубки продольной стены второй камеры. Ничего подобного в камерных киевских погребениях мы больше не встречаем. Как, собственно, и таких огромных погребальных камер. Даже и после корректировки размеров общая площадь только основной камеры равняется около 20 м². Если к этому прибавить почти 8 м² второй камеры, то сооружение это намного превысит размеры даже наиболее крупных камерных погребений.⁵³

Еще одной конструктивной особенностью данного сруба, отличающего его от камерных срубных погребений, был длинный (от 0,17 до 0,25 м) вынос венцов. Как можно заключить из публикаций, все шесть раскопанных на Старокиевской горе погребальных срубов были рублены не «в обло», но «в лапу».

Против рассуждений об ограблении погребения или его перезахоронении свидетельствует отчет Д.В. Милеева. Позволю себе еще раз напомнить его содержание. Сооружение представляло собой сруб из сосновых, сильно истлевших бревен, рубленных «в обло». Сруб в плане квадратный (5,5 x 5,5 м).⁵⁴ Глубина заложения нижнего венца сруба от уровня современной (раскопкам) поверхности 3,1 м; фундаменты Десятинной церкви заложены на глубину 2,6 м. Следовательно, разница между нижним венцом сруба и подошвой фундамента церкви равнялась 0,5 м. Во время выемки земли для заложения фундамента под южную апсиду, согласно исследователю, нижние бревна со-

52 Козюба В.К. Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908–1914 рр. (за матеріалами щоденників Д.В. Милєєва). *Ruthenica IV* (2005), 190.

* Разумеется, никакой уверенности в точности данной коррекции быть не может. Она основана на интерпретации дневниковых крок Д.В. Милеева, которые вряд ли обладают большей точностью, чем его же обмерный чертеж. Нельзя здесь полагаться и на результаты новых раскопок, уже третьих со времен Д.В. Милеева. Четвертые и вовсе не обнаружат этого археологического объекта.

53 Согласно исследованию Л.А. Голубевой, срубные камерные гробницы в Киевском некрополе имели размеры от 1 x 2,5 до 2,6 x 2,8 м (см.: Голубева Л.А. Киевский некрополь. *МИА*, № 11. Т. 1. М., Л., 1949, 112–113).

54 Судя по всему, Д.В. Милеев определял размеры сруба по длине западной стенки, продолжающейся в южном направлении примерно на 1,5 м от южной.

оружия, как и культурный слой чернозема, что лежал между ними, не были срыты.⁵⁵ Принимая во внимание высокую археологическую квалификацию Д.В. Милеева, что неоднократно подчеркивал М.К. Каргер и другие исследователи, такое его наблюдение исключает версии об ограблении или намеренном перезахоронении костей.

В.К. Козюба полагает, что в действительности заполнение камеры равнялось не 0,5, а 0,25 метра. Но это уточнение не может служить аргументом к пересмотру главного вывода Д.В. Милеева. Находок в этом слое было немного: обломки толстостенных черепков с кварцем, бронзовый литой наконечник ремня, бронзовая литая накладка на ремень. Согласно сообщению С.П. Вельмина, в заполнении сооружения удалось обнаружить также две арабские монеты.⁵⁶ Раскопками 2006 г. была выявлена у северо-западной стенки еще и половина диргема. Изучение ее Г.А. Козубовским позволило определить лишь относительную его дату: IX — первая половина X в.

Как полагает В.К. Козюба, новые исследования нераскопанной Д.В. Милеевым части заполнения не позволяют утверждать, что оно не было потревожено строителями Десятинной церкви.⁵⁷ Однако четких стратиграфических аргументов в пользу такого утверждения он не привел.

Соглашаясь с версиями ограбления погребения или его перезахоронения, исследователи обязаны объяснить, откуда взялось это заполнение. При невероятной тщательности грабителей, не оставивших даже маленькой косточки погребенного (или погребенных), равно как и при перезахоронении, в постройке не должно было остаться заполнения. Если оно не «родное», а появилось в результате засыпки камеры после «изъятия» погребенного строителями Десятинной церкви, как полагает К.А. Михайлов, тогда, содержащиеся в нем находки вообще непригодны для определения характера сооружения.⁵⁸

После Д.В. Милеева и С.П. Вельмина гражданский характер сруба под Десятинной церковью утверждали К. Щероцкий, Л.А. Голубева, автор этих строк, С.Р. Килиевич. К. Щероцкий, Д.В. Айналов и некоторые другие исследователи склонны были видеть в нем даже остатки дома варяга-христианина.⁵⁹ В своей книге по исторической топографии Киева я назвал это предположение хотя и смелым, но не лишенным оснований.⁶⁰ Очевидно, что я исходил из летописного известия 983 г., повествующего о жертвоприношении языческим богам сына некоего варяга-христианина. Проживал этот варяг, как свидетельствует летопись,

55 *ОАК* за 1908 г. СПб., 1912, 153.

56 *ОАК* за 1908 г., 153.

57 Козюба В.К. «Місто Володимира», 253.

58 Михайлов К.А. Киевский языческий некрополь, 38.

59 Как известно, Д.В. Айналов полагал даже, будто фраза митрополита Илариона о том, что Владимир создал Десятинную церковь «на правоверной основе» имеет ввиду именно это обстоятельство: храм оказался сооружен на месте мученичества первых христиан (Айналов Д.В. К вопросу о строительной деятельности св. Владимира. *Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира*. Пг., 1917, 23–25).

60 Толочко П.П. *Исторична топографія стародавнього Києва*, 59.

там, где затем была построена Десятинная церковь: «баше Варагъ единъ. и бѣ дворъ его идеже естъ цркъ стѣа Бѣа . юже сдѣла Володимерь».⁶¹

В новое время это отождествление вызывает снисходительные замечания, хотя оно намного корректнее, чем предположение о том, что этот сруб является захоронением родственника Владимира. Разумеется, никакой гарантии, что перед нами непременно остатки усадьбы варяга-христианина нет. Но это вовсе не означает, что это сомнение дает нам основание вообще абстрагироваться от летописного известия и размещать эту усадьбу где угодно, но только не там, где указал летописец. При этом еще и журить его за незнание исторической топографии раннего Киева, как это имеет место в работе А.В. Комара. Согласно ему, именно слабые познания летописца отразились на локализации под 983 г. двора варягов-христиан на месте Десятинной церкви.⁶²

Такие снисходительные «похлопывания по плечу» летописцев, которые позволяют себе молодые исследователи киевских древностей, были бы оправданы, если бы им открылись какие-то новые свидетельства, уточняющие или изменяющие уже известные. Но поскольку их нет, необходимо с большей ответственностью относиться к летописи. В данном случае, к ее историко-топографическим уточнениям. В самом деле, топографические указания летописца (описывавшего минувшее состояние города и местоположение исчезнувших сооружений в нем точными указаниями на сооружения, существующие в его время) относятся едва ли не к единственным несомненно достоверным сведениям за вторую половину X в. Исследователям, отрицающим достоверность какого-либо одного подобного известия, необходимо продемонстрировать вымышленность или ненадежность всего комплекса однотипных указаний. И сделать это текстологически. Но в таком случае ценность письменных свидетельств для реконструкции исторической топографии Киева X в. будет равняться нулю. А древнейшую топографию города пришлось бы восстанавливать исключительно на основании археологических свидетельств — чистота метода, пока не продемонстрированная никем из рассматриваемых авторов.

Как не продемонстрированы умение и навыки чтения летописных источников. Археологи, изредка и по необходимости заглядывающие в летопись, избирательно отбирают свидетельства и на удачу определяют их надежность. Признаком же источниковедческой изощренности считается произвольное сомнение в достоверности сообщения или его фрагмента при подчас наивно-реалистическом прочтении понравившихся или «удобных» известий. В летописном свидетельстве нельзя брать только то, что нравится. К примеру, если возникают сомнения в местонахождении дома варяга, тогда логично должно возникнуть сомнения и в историчности этого персонажа, а также всей традиции о том, что Десятинную церковь построили на крови мучеников. Ведь сведения эти сообщены в одном тексте и одним летописцем. И вовсе не исключено, что еще тем, который писал летопись Десятинной церкви в конце X — нач. XI вв. Но даже, если это имело

61 ПСРЛ 1: 82.

62 Комар А. К дискуссии, 131.

место и позднее, в основании рассказа о варяге-христианине несомненно реальное киевское предание, возникшее по свежим следам события и поодерживаемое авторитетом клира Десятинной церкви. Какое-то время оно жило своей «устной» жизнью и было хорошо известно киевлянам.⁶³

Ф.А. Андрощук, назвав предположение о принадлежности срубной постройки под Десятинной церковью погребению какого-то знатного родственника князя Владимира перспективным, подкрепил его вероятностью примерами Дировой могилы «за святою Ориною» и постройкой церкви св. Николы на месте могилы Аскольда.⁶⁴ Некоторый параллелизм здесь действительно просматривается, но, скорее всего, не в том, в чем он видится исследователю. Во всех трех случаях храмы поставлены не столько на месте известных языческих захоронений, сколько на месте убийства или погребения первых киевских христиан. Если о церквях св. Ирины и св. Николая можно говорить лишь предположительно, поскольку в летописи не отмечено христианство князей Аскольда и Дира, то в том, что Десятинная церковь была поставлена на крови первых христиан, никаких сомнений быть не может. Летописец однозначно причислил варягов, отца и сына, к святым мученикам и праведникам: «акоже попраст^а си штѣника . при- смше вѣнень^ч нб^снъи съ стми мчнкѣи и првднкѣи».⁶⁵

4. «Город Владимира»

Наиболее прочным историко-топографическим звеном раннего Киева до недавнего времени считался так называемый город Владимира. Предложенная в 1950 г. А.М. Тихоновичем и М.М. Ткаченко реконструкция линий его укреплений была принята всеми исследователями и не подвергалась сомнению.⁶⁶ Согласно ей, вал «города Владимира» проходил по кромке Старокиевской и Андреевской гор до оврага в районе верхней станции фуникулера, отсюда поворачивал на юго-запад, доходил до начала ул. Большой Житомирской и вдоль ее правой стороны продолжался до начала Гончарного оврага, где поворачивал в сторону древнейшего городища. Основой для такой реконструкции послужили позднейшие планы Киева, в том числе и план Ушакова 1695 г. Тщательное изучение этого плана, предпринятое Г.В. Алферовой и В.А. Харламовым, показало корректность предложенной ранее реконструкции.⁶⁷

По существу, строители нового города при насыпке валов очень хорошо использовали особенности рельефа Старокиевского плато. Они были проложены

63 О связи сказания с летописанием Десятинной церкви писал еще А.Н.Насонов (Насонов А.Н. *История русского летописания XI–XVIII вв. Очерки и исследования*. М., 1969, 23–26).

64 Андрощук Ф. Скандинавские древности, 19.

65 *ПСРЛ* I: 83. О том, что текст — древний, по крайней мере, древнее окончательного составления *Повести временных лет*, свидетельствует мотив отсутствия апостольской проповеди на Руси («се бо не суть апсли оучили . ни пррци прорекли»; «тѣлом апсли не суть не были»). Позднее в легенде об апостоле Андрее, эта «оплошность» раннего летописца была «исправлена».

66 Тихонович О.М., Ткаченко М.М. Древний Київ-град. Спроба відтворення плану Верхнього Києва XI–XII ст. *Архітектурні пам'ятки*. К., 1950, 40–44

67 Алферова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII в.*, 35

с напольной стороны между несколькими оврагами: Гончарным, что доходил до угла нынешних ул. Владимирской и Большой Житомирской, Крещатицким, достигавшим практически начала ул. Большой Житомирской, и Михайловским, врезавшимся в плато в районе ст. фуникулера. Не случайно, именно в местах между этими оврагами и были обустроены въездные ворота: Софийские и Михайловские. Еще одни ворота — Киевские — находились между отрогами Старокиевской и Андреевской гор. Свое литературное название «город Владимира» получил потому, что, как резонно предполагали исследователи, своим появлением обязан строительной деятельности Владимира Святославича.

В последнее время обозначилась тенденция пересмотреть и этот устоявшийся вывод. Практически одновременно были высказаны два разные предположения. Первое принадлежит С.И. Климовскому и сводится к тому, что «город Владимира» был построен во время княжения Ярополка.⁶⁸ Второе, — В.К. Козюбе, который отводит роль строителя новой крепости Святославу Игоревичу. Названный исследователь поторопился дать и свое название — «град Святослава».⁶⁹

На чем основаны эти предположения? Практически, ни на чем. Для опровержения традиционной точки зрения В.К. Козюба привлек летописные свидетельства. Точнее их отсутствие. Полагая, что такое неординарное событие, как строительство нового города, непременно должно было попасть на страницы летописи Владимира Святославича, и не находя подобного известия, исследователь пришел к выводу, что оно случилось еще до его вокняжения.

Удивительно, что отсутствие аналогичного свидетельства по отношению к Святославу его нисколько не озадачивает. Как и то, что данный князь вообще не замечен в какой-либо строительной деятельности. Более неудачного претендента на роль строителя Киева трудно и придумать. Он был воином и полководцем. За восемь лет своего княжения осуществил не менее пяти дальних военных походов: на вятичей (дважды), на хазар, на дунайских болгар (дважды). Когда ему было заниматься строительством города? Прохладное его отношение к Киеву вызывало даже недовольство киевлян: «ты кнаже чюжеа земли ищещи и блюдеши . а своєа са шхабивъ».⁷⁰

Чем пытаться разрушать традицию, лучше задуматься над ее исторической основой. И тогда окажется, что Владимир Святославич, как никто другой до него, отличился на поприще строительства городов, крепостей и храмов. Традиция именно с ним связывала интенсивную строительную деятельность («нача ставити городы по Деснѣ . и по Востри . и по Трубешеви . и по Сулѣ . и по Стугнѣ»⁷¹) вокруг Киева. В том же направлении, как кажется, должны указывать и общенсторические соображения: принятие новой религии, женитьба на византийской принцессе и новый статус Владимира как христианского владетеля с необходимостью влекли за собой радикальную перестройку городского про-

68 Климовский С. Грады Кия и Владимира: тип и время постройки укреплений. *Старожитності Верхнього Придністров'я*. К., 2008, 55–56.

69 Козюба В.К. «Місто Володимира», 255, 263–264.

70 *ПСРЛ* 1: 67.

71 *ПСРЛ* 1: 121.

странства.⁷² В рамках X в. невозможно представить иного момента, с которым вероятно было бы связать сооружение нового города.

Сказанное выше не дает и малейших оснований не только для пересмотра традиционного представления о том, что именно Владимир построил новый город в Киеве, но даже и для сомнения. Исходя из этого, нет смысла полемизировать с совершенно нереалистичной реконструкцией плана крепости, будто бы, возведенной Святославом, которую предложил В.А. Козюба.⁷³ Следует только отметить, что ее искусственность вполне прочитывается и на авторском рисунке, где трасса валов никак не согласована с рельефом местности. И конечно, никакой корректности в использовании термина «град Святослава», на чем настаивает В.К.Козюба, нет и быть не может. И не следует в дальнейшем повторять это поспешно высказанное определение.

То же самое можно сказать и о выводе, что валы «города Владимира» были насыпаны только с напольной стороны, а по кромке горы их и вовсе не было. Сохранившиеся практически до нашего времени отдельные участки насыпей В.К. Козюба отнес к XVII в. Вместо валов, по его мнению, здесь в древнерусское время находились укрепления в виде «столпя», неправильно отождествленные им со стеной из кольев, или «тына», которые, правда, тоже не выявлены археологически.⁷⁴ Как видим, отсутствие следов одних укреплений не мешает предполагать их наличие, а отсутствие следов других — таким основанием является.

В действительности, вал «города Владимира» был возведен по всему периметру. Можно рассуждать, что по краю горы он был менее мощный, чем с напольной стороны, но отрицать его наличие невозможно. Он был необходим и для сооружения деревянной стены. Однако, вряд ли мы должны предполагать наличие двух разных типов укреплений в системе одной крепости. Тем более столичной.

В XVII в. эта часть Киевской крепости, именуемая Меньшим городом, была обвалована по всему периметру. Причем, как свидетельствуют Расписные списки 1673 и 1674 гг., валы этого времени представляли собой подсыпку уже существовавших. В нескольких местах они названы старыми.⁷⁵ Определение «старые» относится, скорее всего, к валам насыпанным в 1654 г. сразу же после присоединения Украины к России. Но и в это время они лишь повторяли конфигурацию еще более старых. Об этом позволяет говорить то, что, согласно докладом в Москву, вся трехчастная крепость Верхнего Киева была обустроена всего за два месяца — с конца января и по конец марта.⁷⁶

72 Simon Franklin and Jonathan Shepard, *The Emergence of Rus. 750–1200* (London and New York: Longman, 1996), 164; Frank Kämpfer, “Von heidnischer Bildwelt zur christlichen Kunst. Die Bedeutung von Anna Porphyrogeneta für die Initialzündung der altrussischen Kultur,” *Millenium Russiae Christianae*, ed. Gerhard Birkfellner (Köln: Bohlau Verlag, 1993), 109–136.

73 Козюба В.К. «Місто Володимира», 260.

74 Козюба В.К. «Місто Володимира», 248. «Столпие» — производное от «столп», т.е. башня. Об этом исследователь мог бы узнать из специальной статьи, посвященной этому летописному термину: Кучера М. До питання про конструкцію стіни-столпії давньоруського літопису. *Київська старовина*. 1972, №1, 60–62.

75 Алферова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII в.*, 100–101.

76 Алферова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII в.*, 10.

О существовании Киевских валов княжеских времен свидетельствовали путешественники XVI — нач. XVII вв. Один из них Эрих Лясота, записал в своем дневнике следующее:

Киев с древних времен был знаменитой столицей отдельного княжества. Был очень укреплен на значительном пространстве и украшен великолепными церквями и зданиями, общественным и частными, как можно судить об этом по древним развалинам, ровно и по валу, охватывающему город и простирающемуся, говорят, на 9 миль в окружности.⁷⁷

Аналогичные сведения сообщил и Р. Гейденштейн, отметивший, что «город Киев находится не в старых стенах, а ниже, у Днепра».⁷⁸ Из приведенных наблюдений явствует, что древний вал охватывал город, и длину его вычисляли по окружности, а не по напольной дуге.

Из всех сомнений, которые вызывает у новых исследователей «город Владимира» (речь идет о крепости), наиболее обоснованным представляется отношение каменных остатков к Софийским воротам X в. Вывод этот был сделан на основании археологических наблюдений В. Стефановича и И.М. Самойловского. Раскопанные ими фрагменты двух пилонов шириной 2,3 м в средней части и 3,5 м, по краям, при общей длине 10 м и такой же ширине, состояли из древнерусских строительных материалов, поверх которых находилась кладка XVII в., скрепленная раствором серого цвета с известковыми включениями.⁷⁹ Г.В. Алферова и В.А. Харламов полагают, что в XVII в. от давно разрушенных ворот оставались одни фундаменты, на которых и были возведены каменные Софийские ворота.⁸⁰

Такое объяснение могло бы быть корректным, если бы в документах 1687 г. не было сказано, что новые ворота заменили собой старую ветхую Софийскую башню, а также, что «для утверждения подошвы выкопан ров глубиною два аршина ... в трехаршинную сажень, и те рвы набучены диким большим камнем и мелким щебенем».⁸¹ Разумеется, все это вызывает обоснованные сомнения. И, тем не менее, окончательную ясность в этот вопрос могут внести только новые археологические исследования фундаментов.

В свое время мной была высказана мысль, что необходимость возведения новых укреплений во время княжения Владимира Святославича была вызвана ростом центральной части Киева, которая к тому времени уже перешагнула тесные границы древнейшего городка. Сначала, как я полагал, застраивались свободные от курганов площади, а уже при Владимире были спланированы и

77 *Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей*. К., 1874. Отд. 2, 16.

78 *Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей*, 23–24.

79 Стефанович В. З археологічних розкопок 1913 р. в Києві. *Наукові записки Інституту історії матеріальної культури*. Кн. 5–6. К., 1935, 189–190; Самойловський І.М. Миська брама Х ст. у Києві. *Археологія*. Т. 19. К., 1965, 183–188.

80 Алферова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII в.*, 34–36.

81 Алферова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII в.*, 34.

курганы.⁸² Даже если бы не было письменных и археологических свидетельств на этот счет, подобную мысль можно было бы высказать исходя из практических соображений. Ведь невозможно себе представить, чтобы Владимиру пришла мысль окружать мощными укреплениями десятигектарное необжитое плато. Подтверждением такого предположения стали раскопки Я.Е. Боровского в юго-восточной части территории «города Владимира», где обнаружены следы двух ранних усадеб, располагавшихся рядом с курганными захоронениями. Ф.А. Андрощук, обративший на это наше внимание, о чем речь шла выше, показал, что такое соседство домов живых и мертвых являлось обычным для скандинавской средневековой действительности. Видимо, подобная ситуация имела место и в других частях Верхнего города. Исследования Георгиевской церкви в «городе Ярослава», показали, что ее фундаменты разрезали достаточно заметный культурный слой X в.

Нет сомнения, что споры относительно исторической топографии Киева второй половины X в. вызываются, в значительной мере, тем, что у нас еще нет инструментария для точного датирования археологических артефактов. Сегодня мы уверенно относим к X в. керамику с хорошо профилированными манжетовидными венчиками, но еще в 60-е годы XX в. автор этих строк не находил понимания в этом со стороны старших коллег, привыкших датировать ее XI в. А ведь не исключено, что она появилась и еще раньше.

Не все так хорошо и с архитектурной датировкой. Нет сомнения, что не будь летописного свидетельства о строительстве Десятинной церкви, историки архитектуры не смогли бы определить ее время даже и с точностью до 50-ти лет. Правда, иногда им и летописные известия, что называется, «не указ». Так, как это произошло с определением времени «восточного» дворца. На основании архитектурных аналогий они утверждают, что появился он только во время строительной деятельности Владимира.

А как же тогда быть с летописными свидетельствами? Если бы речь шла только об упоминании двора теремного «внѣ града» (где «бѣ бо теремъ каменъ»), содержащемся в летописной статье 945 г., можно было бы отнести его к позднейшей интерполяции. Но ведь об этом теремном дворе говорится и в других статьях. В частности, 980 г.: «Володимеръ же то слышавъ . вшедь въ дворъ теремныи штенъ».⁸³ Содержащееся в продолжении рассказа разъяснение, что об этом летописец уже сказал ранее («ш немже преже сказахомъ»), позволяет предполагать, что имелся в виду тот самый «дворъ княжь» Ольги, у которого был каменный терем. «Отень» здесь не обязательно построенный Святославом, но фамильный. Еще раз о теремном дворе говорится в рассказе о сооружении Владимиром нового языческого храма с идолами шести богов: Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. Уточнение, что кумиры были поставлены «на холму внѣ двора теремнаго», позволяет предполагать их относительную близость.

82 Толочко П.П. *Исторична топографія стародавнього Києва*, 59.

83 *ПСРЛ* 1: 78.

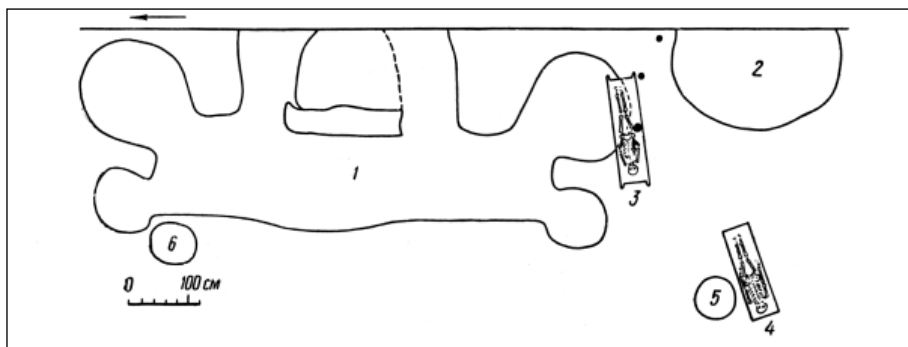

Рис. 10. План языческого капища по ул. Владимирской, 3. Раскопки Я. Е. Боровского и П. П. Толочко. 1975 г. Условные обозначения: 1 — фундаментные рвы; 2 — зольник; 3, 4 — погребения; 5, 6 — зольные ямы.

Рис. 11. Основание языческого капища. Юго-западная часть.

Следовательно, независимо от того, как датированы строительные остатки к северо-востоку от Десятинной церкви историками архитектуры, есть все основания именно здесь располагать княжескую резиденцию времен Ольги-Святослава и начального этапа правления Владимира.

За пределами древнейшего града находился и новый языческий храм Киева. Из свидетельства летописи следует, что в 988 г. на его месте была поставлена церковь св. Василия. Если признать, что ее более поздней преемницей была церковь св. Василия на Ярославом дворе, тогда капище мы должны располагать в районе левого крыла современного здания Министерства иностранных дел Украины. Нельзя, правда, исключать, что Васильевская церковь была поставлена не на месте капища, а лишь на том самом холме: «и постави цркъвь стаго Василья на холмѣ . идеже стояше кумирь Перунъ . и прочии».⁸⁴ В таком случае, взаиморасположение этих объектов, может определяться лишь относительной их близостью. Что, разумеется, не является основанием для расположения капища на месте Андреевской церкви, как это казалось автору *Синописа* и некоторым нынешним киевоведом.

В 1975 г. под домом № 3 по ул. Владимирской были обнаружены остатки какого-то загадочного сооружения. В плане оно представляло удлиненный прямоугольник шириной 1,75 м, вытянутый по оси север-юг на 7 м. Южная и северная его оконечности переходили в округленные симметричные выступы, по два с каждой стороны. Еще два таких выступы находились с восточной стороны. Заполнение фундаментных рвов этой необычной постройки состояло из крупных камней, битой тонкостенной плинфы, обломков шифера, фракций известкового раствора с примесью бледно-розовой цемяночной массы.⁸⁵

Публикуя результаты раскопок мы (с Я.Е. Боровским) высказали предположение, что перед нами остатки языческого капища, быть может того самого, которое поставил Владимир Святославич. На это нас вдохновила не только необычная конфигурация постройки с шестью ее выступами, но также и то, что рядом с ней находился большой зольник. Размещался он в чашеобразном углублении диаметром около 3 м и сохранился на высоту более 1 м. Состоял из чередующихся слоев угля и пепла, а также обожженной глины, чем напоминал так называемый столб у капища, что в древнейшем киевском граде. Недалеко от фундамента и зольника находились небольшие круглые ямы, заполненные пеплом и углями, а также керамика X в. и большое количество костей быков. Аналогичные углубления, а также кострища встречались здесь и при раскопках конца XIX — нач. XX вв.⁸⁶

Д.Д. Елшин, с присущей молодости категоричностью, полагает, что такая атрибуция не выдерживает критики. Чьей критики, он не уточнил. Но поскольку

84 ПСРЛ 1: 118.

85 Датируются исключительно X в. Их хронологическая стерильность исключает предположение о том, что происходят они от разрушенной в 1240 г. Десятинной церкви. В таком случае в заполнении непременно должны были находиться и более поздние материалы. Больше оснований видеть в нем строительные отходы из ранних каменных дворцов.

86 Толочко П.П., Боровский Я.С. Язичницьке капище в «городі» Володимира. *Археологія Києва*. К., 1979, 3–10

его собственной нет, надо полагать, имела ввиду критика его киевских молодых коллег. Она действительно имеется. Ее авторы — Ф.А. Андрощук и А.В. Комар проявили солидарность только в отрицании первичной интерпретации. Что касается их собственной, то она различна. Первый исследователь полагает, что перед нами «скорее всего остатки древнейшей неизвестной нам церкви». ⁸⁷ Согласно второму, это было какое-то «деревянное сооружение (возможно, часовня) не ранее второй половины XIII в., при постройке которого были использованы руины разрушенной Десятинной церкви». ⁸⁸

Как удалось названным авторам увидеть в этой необычной по плану постройке церковное сооружение, одному Богу известно. Никаких объяснений этому они не приводят. Как не приводят ему и аналогий. А.В. Комар не счел нужным оговорить и то, каким образом деревянная часовня могла быть возведена из материалов разрушенной Десятинной церкви.

Ничего не дает для атрибуции сооружения и стратиграфическое наблюдение, согласно которому юго-восточный выступ был перерезан погребением X в. Ф.А. Андрощук отнес его к христианскому времени, аргументом чего послужила ему ориентация — запад-восток. Но единственный вывод, который можно сделать на основании этого стратиграфического наблюдения, это тот, что сооружение старше погребения. ⁸⁹

Поразительно, но не успели, как говорится, просохнуть чернила на интерпретации А.В. Комара, как он порадовал нас новой. Правда, при этом, не отказался и от прежней. На этот раз увидел в сооружении по ул. Владимирской, 3 не деревянную часовню второй половины XIII века, но ворота XI века, которые вели на Великий Ярославов двор. ⁹⁰ И снова никаких аргументов и аналогий. Ввиду очевидной абсурдности этого предположения комментировать его нет необходимости. Можно только заметить молодому коллеге, что столь легкомысленная суэта не совместима с серьезной наукой.

Из сказанного следует, что новые интерпретации загадочного сооружения на ул. Владимирской, 3 несколько не лучше той, что предложена авторами раскопок. Если у нас (с Я.Е. Боровским) недостаточно убедительных аргументов, то в новых исследователей они вообще отсутствуют. Конечно, их неудачи не являются гарантией истинности прежнего вывода. Но для его опровержения, а тем более доказательства альтернативного взгляда одних сомнений не достаточно.

До последнего времени не было разночтений и относительно того, чем вызвано строительство «города Владимира». Со времен первых исследователей исторической топографии древнего Киева ни у кого не возникало сомнений, что заселение и укрепление новых районов города свидетельствовало о его росте и

87 Андрощук Ф. Скандинавские древности, 30–31.

88 Комар А. К дискуссии, 131.

89 А.В. Комар решил поправить исследователей и в этом, предположив, что не погребение перерезало фундаментный ров, но последний перекрыл погребение. Но это уточнение, во-первых, совершенно не корректное, а, во-вторых, ничего не дает для атрибуции сооружения.

90 Комар А.В. «Боричев» и «Боричев узвоз» древнего Киева, 219.

расширении. Д.Д. Елшину эта естественная мысль показалась слишком простой. Согласно ему,

размещение в Верхнем городе комплекса монументальных сооружений было не расширением княжеского двора, а сознательным актом создания нового градостроительного центра. Важным моментом представляется размещение нового города на значимом месте. Религиозно-административный центр был поставлен на месте могил погребенных родственников дружины или самого князя.⁹¹

Что касается «сознательного акта», то мысль эта не является откровением. Разумеется, строительство «города Владимира» было сознательным актом. Но таким было и строительство древнейшего града. Как и любое другое строительство когда-либо проводившееся в Киеве. А вот утверждение о намеренном размещении города на могилах предков действительно оригинальное. Прежде всего потому, что если это и в правду были могилы родственников князя, к тому же недавно погребенных, то Владимир проявил к ним кощунственное неуважение. И, следовательно не считал это место значимым. А еще потому, что оно предполагает наличие у Владимира выбора: мог разместить новый городской центр в другом месте, но остановился на этом. Но такового у него не было. Его город явился естественным продолжением более раннего, как «город Ярослава» будет продолжением «города Владимира», который также «сознательно» возведут на могилах предков не оттого, что Ярослав был озабочен выбором «значимого места», а потому, что иного у него тоже не было.

Заключение

Из всего сказанного выше видно, что новые исследования не смогли обосновать иную концепцию историко-топографического развития раннего Киева. По существу, не скорректировали сколько-нибудь убедительно и уже существующую. Скорее затуманили ее своими разноречивыми предположениями, не основывающимися на археологических и письменных источниках. Последние служили исследователям не основой, а лишь поводом для изложения их умозрительных «сценариев» развития города, что свидетельствует о серьезных методических изъянах предложенных реконструкций.

Показательным в этом отношении может быть вывод В.Н. Зоценко о том, что административно-военный центр Киева вплоть до княжения Владимира Святославича находился на Замковой горе. Без насилия над источниками обосновать его невозможно. Даже и в том случае, если признать, что обнаруженные в 1897 году остатки кирпичного сооружения возле кладбищенской церкви на Замковой горе принадлежали не церкви, как думал Н.И. Петров, а одному из теремных дворов Ольги, как казалось П.А. Лашкареву.

91 Елшин Д.Д. Комплекс монументальных сооружений, 20.

Но ведь был же еще теремной двор, который летописец определенно разместил рядом с Десятинной церковью. Здесь обнаружены и исследованы остатки, по-видимому, двух каменных построек, дворцовый характер которых не вызывает сомнения. Отчего же их не считать княжескими? И как можно утверждать, что Ольга устроила смертный прием древлянским послам во дворе на Замоквой горе, если в летописи речь идет о Старокиевской? «Шльга же повелѣ ископати яму . велику и глубокоу . на дворѣ теремьстѣмъ . внѣ града . и заоутра Волга сѣдаши в теремѣ . посла по гости».⁹² Никаких разночтений здесь быть не может. Ольга принимала послов в том самом дворе, местоположение которого летописец определил словами: «и бѣ внѣ гра^а дворъ друугии . идѣже е^с дворъ Демест^нковъ . за стѣю Бѣю надъ горою дворъ теремны^и бѣ бо ту теремъ камень».⁹³

Утверждение В.Н. Зоценко, о том, что на Старокиевской горе отсутствуют четкие следы какой-либо жилой застройки ранее самого конца X в., а территорию «древнейшего городища» занимали курганные насыпи и вовсе неловко комментировать.

Ничего, кроме грустного удивления, не может вызвать и еще одно откровение исследователя о том, что на южной оконечности Замоквой горы были обнаружены остатки «упомянутого выше дворца конца X в., служившего ориентиром для местонахождения ямы с заживо погребенными древлянами». Но, во-первых, этот гипотетический «дворец» обнаружен не в южной, а в северо-западной части горы, что немногим выше утверждал и сам В.Н. Зоценко. А, во-вторых, совершенно непонятно, как дворец конца X в. может служить ориентиром для местонахождения ямы 945 г. Тем более, что на указанном исследователем месте не выявлено ни того, ни другого.

Аналогичной методической нетребовательностью к использованию источников, характеризуются работы и других авторов, посвященные исторической топографии раннего Киева. В том числе и те, в которых предложена новая атрибуция сооружения, раскопанного по ул. Владимирской, 3 и отождествленного авторами раскопок с языческим капищем. В критическом отношении к такой интерпретации, разумеется, ничего неестественного нет. Весь вопрос в том, имеет ли оно обоснование. Выводы Ф.А. Андрощука и А.В. Комара о том, что это не капище, а церковное сооружение, или второй вывод А.В. Комара, что это ворота Великого Ярославого двора, как минимум, должны были опираться на аналогии. Авторам следовало бы показать, где им удалось обнаружить христианские храмы (или крепостные ворота) со столь причудливо разветвленным архитектурным планом. Без этого их альтернативные интерпретации, да и сами сомнения в правильности предыдущей, не могут вызывать доверия. Это не совсем наука.

И еще одно замечание, одинаково относящееся ко всем авторам, упомянутым в этой работе. Заключается оно в том, что не следует априори относиться с недоверием к другому мнению, в том числе и высказанному далекими предшес-

92 ПСРЛ 1: 56.

93 ПСРЛ 1: 55.

твенниками, только на том основании, что оно чужое. Необходимо попытаться понять на чем оно основано. И, разумеется, нельзя исходить из того, что предшественники менее ответственно относились к исторической интерпретации археологических находок.

Если бы В.К. Козюба и другие исследователи, подвергающие сомнению, в частности, атрибуцию В.В. Хвойкой каменного сооружения в пределах древнейших укреплений, как капища, внимательно вникли во весь археологический контекст этой находки, вряд ли бы появились утверждения, что она (атрибуция) ни на чем не основана. Свое несогласие им бы пришлось мотивировать тем, что, к примеру, столб у капища, состоявший из чередующихся слоев золы и обожженной глины, не был жертвенным кострищем, а большое скопление костей крупных животных возле капища, не является свидетельством осуществлявшихся здесь жертвоприношений. А главное, они не обошлись бы без аргументов в пользу своей интерпретации. К сожалению, ничего подобного в их исследованиях нет.

В полной мере это относится и к вдохновляющему некоторых молодых киевоведов глумливому утверждению В.Я. Петрухина, что выявленное В.В. Хвойкой сооружение, не что иное, как «куча строительного мусора» от Десятинной церкви. Это уже и совсем не наука.

В целом, из-за небрежного обращения с источниками, многие размышления новых исследователей исторической топографии раннего Киева оказались лишеными надежной фактологической основы, а следовательно и научной корректности.

ЗАМІТКИ

Вадим Хоробрий у Никонівському літописі

Сучасне ім'я Вадим своєю популярністю завдячує унікальній розповіді про подію IX століття — повстання «Вадима Хороброго» проти Рюрика і вбивство останнім Вадима. Ця оповідь з'являється у літописному зводі 20–30-х років XVI ст.¹ — Никонівському літописі (далі — НЛ). Під 864 роком там міститься таке повідомлення:

Того же лета оскорбишася Новгородцы глаголюще яко быти намъ рабомъ и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лета уби Рюрикъ Вадима Храброго и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ съветниковъ его².

Першим, хто спробував зрозуміти туманну згадку про Вадима і ввести її до історичного контексту, був В.М. Татищев, який, проте, цей контекст сам і вигідав. Історик, нібито переказуючи літопис Іоакима, чіткіше розсталає смислово зв'язку частин повідомлення порівняно з версією НЛ, робить повстання новгородців наслідком вбивства Вадима. Він робить Вадима князем, про що НЛ мовчить; більше того, Татищев (у вигляді Іоакима) припускає, що Вадим був онуком Гостомисла. Це історіографічне тло вплинуло на подальшу оцінку сюжету в історіографії як загалом достовірного і на саме сприйняття «унікальних повідомлень».

Написання імені у Татищева різняться: з чотирьох випадків — два рази Вадим, два рази Водим. Не виключено, це відбиває сумніви історика щодо пояснення значення (і етимології) імені. Дивним чином цей фонетичний різнобій знайшов відголос у С.М. Соловйова, який здійснив критичний розгляд «Вадимового повідомлення»³. Вчений припускав неособовий характер імені, що могло походити від нібито діалектизму «водим» і означало: «коновод», «передовий», «провідник». Соловйов одним з перших спробував науково пояснити «традицію» про Вадима «історичним контекстом» (зокрема, порівнюючи з подальшими конфліктами новгородців з князем і/чи варягами⁴).

Довгий час інтерес істориків привертала не постать Вадима, а «факт» повстання і боротьби словен проти варягів. В.В. Мавродін одним з перших спробував реконструювати соціально-політичні процеси на півночі, базуючись на повідомленні про Вадима, якому цілком довіряв⁵. При цьому на текст НЛ вчений дивився як на безпристрасний компендіум достовірних повідомлень. Такий підхід розділяв і І.Я. Фроянов, спеціально розбираючи сюжет про Вадима; він навіть намагався реконструювати соціальний статус цього персонажа, виходячи з його прізвища — Хоробрий⁶. Історія Вадима також надихала археологів на пояснення окремих знахідок і цілих комплексів та побудову «найбільш адекватних історичних реконструкцій». Так, Г.С. Лебедев використав «факт» про «сло-

венську опозицію до Рюрика на чолі з Вадимом Хоробрим» у своїй історико-археологічній реконструкції історії «Верхньої Русі» IX ст.⁷

Повідомлення про Вадима є однією з багатьох «унікальних звісток» НЛ. Щодо них в історіографії близько двохсот років існує дві протилежні позиції: одна стверджує, що «унікальні повідомлення» відображають давнє незбережене джерело, друга — що вони є вимислом. Ті, хто вірив в «унікальні повідомлення» висували аргументи такого роду: 1) оскільки у XVI ст. не могли знати деталей подій IX ст. (напр., голод у Києві 867 року), то ці відомості є автентичними; 2) оскільки не виключена можливість розвитку подій саме так, немає підстав для відкидання «унікальних повідомлень»; 3) видимої системи у цих повідомленнях не існує, тобто їхнє імовірне конструювання неумотивоване⁸.

Одним з перших представників «невіруючих» в «унікальні повідомлення» був М.М. Карамзін⁹. Останньою ж найповнішою критикою «унікальних повідомлень» є відповідний підрозділ у праці Б.М. Клосса¹⁰. Вчений спеціально розібрав питання про всі ранні «унікальні звістки» НЛ. Його висновки можна звести до наступних положень: 1. укладач вільно поводився з джерелами (що видно на прикладах, коли вони відомі), плував імена, свідомо переосмислював назви та події (найколоритніше — перетворення жінки Малфріди у богатиря Малвреда); 2. відсутність погляду на «унікальні повідомлення» як на єдине явище і спроби розподілити їх на більш та менш правдиві; 3. індивідуальне тлумачення їх за окремими критеріями. Це стало фактичним визнанням відсутності явних загальних тенденцій появи унікальних відомостей і призвело до трактування частини з них як автентичних витягів з незбереженого найдавнішого літописання.

Але чи справді не існує тенденції, яка б стояла за всіма «унікальними повідомленнями»?

На відміну від ранньосередньовічного аннала, який вбачав цілісність історії у безперервності нумерованих років хронологічної сітки,¹¹ НЛ заклопотаний створенням безперервної «подієвої» компоненти, намагається гармонізувати виклад, оповідаючи про однотипні ситуації подібними мовними конструкціями і наративними моделями. «Унікальні повідомлення» НЛ переважно заповнюють найбільші подієві лакуни, що припадають на княжіння Рюрика IX ст. і останні 15 років життя Володимира.

Чи не найважливішою рисою літопису є наявність наскрізних ідей/мотивів і тематичних блоків повідомлень¹². При чому саме в цих ранніх записах тематичні блоки ніби відкривались «початковою подією» в своєму роді, першим прецедентом¹³. Іншим прийомом укладача НЛ було населення давньоруської історії новими персонажами.

Одна з наскрізних тем НЛ — конфлікти між «людьми» (частіше — новгородцями) і князями-Рюриковичами. Ці тематичні сюжети оформлюються в подібний спосіб, за допомогою сталого набору висловів і зводяться до кількох схем. Переважна більшість «новгородських» сюжетів акцентує саме цю їх особливість. Неодноразово повторюється, що чинити віча, крамолити на когось, є *обычаем* новгородців. Як зазначалося, кожний тематичний блок має якийсь початковий сюжет серед ранніх записів, що відкриває відповідну тему. Для теми відносин «людей» і Рюриковичів таким «початковим гріхом» є повстання/крамола Вадима. У слова

новгородців укладач зводу вклав своє знання про те, що буде далі — новгородці будуть терпіти насилля від роду Рюрика. Крім цього макроконтексту, звістка вписана у мікроконтекст повідомлень за IX ст. З самого запису про закликання варягів підкреслена «молва велія» серед північних племен і «звериний обычай», якого боялися варяги¹⁴. Так узасаднюється звичай «молвити и крамолу творити».

Для позначення подібних дій новгородців автор уживав набір синонімічних понять і спільну граматичну форму: «клеветати на» [когось], «молвити на», «кличь на», «сетовати на», «створити вече на», «роптати на», «вставати на». Було й ще одне поняття, яке проте вживане один раз — «*вадити* на»¹⁵. Воно вжито при описанні київського повстання 1068 р. «и начяша люди его [Изяслава — В.А.] вадити на воеводу Коснячка»¹⁶. Це слово на позначення повстання серед літописних текстів зустрічається тільки в НЛ і наводить на підозру про спорідненість з іменем Вадима. Слово «вадити» у давньоруському лексиконі нелегко піддається точному тлумаченню. Але загальний сенс ясний: чинити крамолу і наклеп¹⁷. Воно цілком вкладається у синонімічний ряд автора НЛ.

Повідомлення про Вадима виявляє багато мовних і структурних подібностей до опису пізніших діянь новгородців. Так, мотив *оскорблення* трапляється не раз в подібних контекстах — коли новгородці *страдали* від князів. Наприклад, під 1180 р. після репресій, вчинених Всеволодом Юрійовичем «новгородци же о сем опечалишася и оскорбишася»¹⁸. Страдання від князів також згадується неодноразово у схожих висловах, наприклад, під 1216 р. (слова Мстислава Мстиславича): «Слышахъ убо *насилие* отъ князей въ васъ и того ради пришелъ есьмъ къ вамъ *скорбья* и тужа о вотчине своей»¹⁹. Так само, у подібних до статей 864 і 867 рр. висловах в НЛ часто згадуються різноманітні репресії проти новгородців та вигнання їх (або втечі). Така перспектива пояснює як слова про *избиение* Рюриком крамольників у 864 р., так і введення повідомлення про втечу «новгородцких мужей» у 867 р. від Рюрика до Києва.

Видається дуже імовірним, що повідомлення про Вадима сконструйовано в рамках тематичного блоку «крамол новгородців» як «початкова подія». В цьому контексті збіг поняття *вадити* з іменем Вадима виглядає не випадковим. Укладач НЛ мав смак до мовної гри: досить іронічно звучить згадка про богатира «Малвред а сильного». Саме до вигаданих або «підредагованих» образів автор НЛ часто прикладав стандартні епітети «хоробрий»/«сильний» (наприклад, Малвред, Андрих Добрянков під 1004 р., Дем'ян Куденевич під 1148 р. чи Александр Попович під 1223 р.)²⁰. З цієї точки зору, він міг уважатися авторові «вождем крамоли», уособленням «звичаю» повставати.

Втім, Вадим насправді існував. Але він не був новгородцем, не був язичником і не жив у IX столітті. Він був християнином, персіянином і загинув мученицькою смертю у 376 році. Пам'ять цього святого вшановується 9 (за н.ст. — 22) квітня. Мені не відомі спеціальні дослідження щодо цього дивовижного збігу імен. Навпаки, традиційно вважається, що Вадим — питоме слов'янське ім'я. Так, Макс Фасмер виводить його (слідом за Соболевським) від скороченого варіанту імені «Вадимир», яке нібито спиралося на основу *вадити*²¹. Між тим, здається, це слов'янське ім'я «кабінетне» і ніде реально не зафіксоване. Не важ-

ко помітити, що настійлива «автентизація» імені як питомо слов'янського спирається на думку про реальність слов'янського Вадима IX ст.

Чи є збіг імен випадковим, і чи існує залежність літописного Вадима від мученика IV ст.? У Великих Четіях-Мінеях митрополита Макарія під 8 і 9 квітня містяться два проложних житія св. Вадима: коротке (під 9 квітня, у двох варіантах, просте читання і читання зі «стихом»)²² і пространне (під 8 квітня)²³. Пространне є більш повним і безпосередньо походить від грецького оригіналу з Синаксаря. НЛ і Четії-Мінеї вийшли з одного інтелектуального кола при митрополиті московському (різниця приблизно у п'ятнадцять-двадцять років), в укладанні обох текстів митрополити — Макарій та Даніїл — брали безпосередню участь. Хоча останні дослідження доводять, що Четії-Мінеї не використовувались в подальшому при складанні історичних текстів, зокрема, Степенної книги²⁴, все ж немає підстав думати, що укладач НЛ не міг знати житія св. Вадима.

Годі було б очікувати прямих текстуальних збігів між житієм²⁵ і літописом. Але головна сюжетна колізія: правитель убиває людину на ім'я *Вадим*, могла подати ідею персонажа «Вадима Хороброго» для літописця. Ім'я Вадим немає слов'янської основи і запозичене із житія²⁶. Запозичити ім'я для автора літопису було тим легше, що в початковій частині фігурує персонаж із структурно подібним іменем — Радим — що могло етимологізуватися літописцем подібним чином (від *радими*).²⁷

Вадим Новгородський — безумовно фіктивний персонаж ранньої руської історії. Він не був задуманий укладачем НЛ князем і, тим більше, онуком Гостомисла. Таку кар'єру він зробив у науковій традиції.

- 1 Про сам літопис в контексті історіографічної діяльності доби див.: Клосс Б.М. *Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков*. М., 1980.
- 2 ПСРЛ 9: Тут і далі максимально спрощуємо давній правопис.
- 3 Соловьёв С.М. *Сочинения в восемнадцати книгах. Книга 1. История России с древнейших времён*. Тома 1–2. М., 1998, 97–98, 281.
- 4 Соловьёв С.М. *Сочинения*, 281.
- 5 Мавродин В.В. *Образование Древнерусского государства*. Л., 1945, 212. Як впливає з його тексту, довіра обумовлювалась тим, що «факт» повстання Вадима добре вписувався у запропоновану реконструкцію.
- 6 Це прізвисько стало для вченого доказом княжого статусу Вадима — пор. Святослав Хоробрий, Мстислав Хоробрий тощо (Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов. *Вопросы истории*. 1991, № 6). Питання ж про характер імені навіть не обговорюється.
- 7 Лебедев Г.С. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Л., 1985 (розділ 3, глава 3).
- 8 Серед цієї групи дослідників можна назвати таких: М.І. Сухомлинов; К.Н. Бестужев-Рюмін; І.П. Хрущов (*О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетия*. Киев, 1878, 95–96 — тут же про позиції Сухомлинова і Бестужева-Рюміна); С.М. Соловьёв (*Сочинения*, 281); В.Й. Ключевський (*Сочинения в восьми томах*. Т.1 *Курс русской истории*, часть 1. М., 1956, 93–94); Б.О. Рибаків (*Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи*. М., 1963, 160, 173); М.Ю. Брайчевський (*Летопис Аскольда*. К., 2001, 54–55).
- 9 Карамзин Н.М. *История государства Российского*. Т. I. СПб., 1818 (гл. 4): «Хотя новейшие летописцы говорят, что славяне скоро вознегодвали на рабство и какой-то Вадим, именуемый Храбрым, пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новгороде — **случай вероятный: люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалья могли пожелать властителей, но могли и раскаться, ежели варяги, единосельцы и друзья Рюриковы, утесняли их — однако ж сие известие, не будучи основано на древних сказаниях Нестора, кажется одною догадкою и вымыслом**».
- 10 Клосс Б.М. *Никоновский свод*, 186–189.

- 11 Heiden White, *The Content of Form. Narrative Discourse and Historical Representation* (Baltimore and London, 2005), 3–25. Подібні ідеї висловлював і І.П. Єр'омін. Див.: Єр'омін І.П. «Повесть временных лет» как памятник литературы. *Литература Древней Руси*. М.; Л., 1966, 72–73.
- 12 Під «блоками» розуміємо подібні повідомлення на спільну тему, які з завидною регулярністю вносяться по всьому тексту і мають уніфіковане мовне оформлення.
- 13 Тема походів на Камських болгар розпочата Кием; «богатирські сюжети» коріняться у записах про часи Володимира. До речі, не виключений вплив на автора НЛ билинного циклу — даються ознаки паралелі між «богатирськими повідомленнями» і билинами російської півночі.
- 14 *ПСРЛ* 9: 8–9.
- 15 *ПСРЛ* 9: 95.
- 16 В ПВЛ на цьому місці — «говорити».
- 17 Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 1. СПб., 1893, 223–224; Макс Фасмер. *Этимологический словарь русского языка* // www.vasmer.narod.ru/p083.htm
- 18 *ПСРЛ* 10: 7.
- 19 *ПСРЛ* 10: 61.
- 20 *ПСРЛ* 9: 68; *ПСРЛ* 10: 72–74.
- 21 www.vasmer.narod.ru/p083.htm
- 22 *Великие Минеи Четви, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Издание императорской археографической комиссии. Апрель*. Тетрадь первая Дни 1–8. М., 1910; Тетрадь вторая. Дни 8–21. М., 1912, арк. 113а–113б, 114а.
- 23 *Великие Минеи Четви*, арк. 110а–110г.
- 24 Усачев А.С. Из истории древнерусской книжности времени митрополита Макария: Великие Минеи Четви и Степенная книга. *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2007, № 4, 42–43. Але тут розглядаються життя руських святих, при чому переважно князів. Дослідити ж всі імовірні мікрозапозичення зі всього комплексу текстів Четвій-Міней та їхні приховані впливи майже неможливо.
- 25 Загальна канва життя така. У часи перського царя Саворія був у Персії християнин Вадим. Роздавши бідним все своє майно, пішов у подвизання, створив монастир і зібрав сімох учнів. Цар схопив його і разом з учнями кинув до в'язниці. Також був схоплений інший християнин Нірса (у варіанті короткого життя він постає слугою Вадима). Він зрадив віру і задля власного спасіння поклонився вогню. Цар вирішив його перевірити і наказав привести Вадима та повелів Нірсі вбити святого. Нірсі важко було піти на це, йому не вдалося одразу вбити Вадима і він добивав його кількома ударами меча. Вадим, мужньо переносячи муки, в останніх словах звинуватив Нірсу у відступництві від Бога. Після загибелі святого Нірса покінчив самогубством. Після смерті Саворія учнів Вадима теж стратили.
- 26 Сучасна популярність цього імені є наслідком інтелігентського зацікавлення історією і має суто літературні джерела, які сягають «Вадима Новгородського» Якова Княжніна, «Вадима» Василя Жуковського та «Последнего сына вольности» Михайла Лермонтова.
- 27 Радим, як відомо, прийшов «від Ляхів», що робить розуміння його імені як похідного від радити майже неунікненним для автора XVI ст., який міг щось знати про державний устрій Речі Посполитої.

Вадим Арістов

«Великая Скуфь»

Термин «Великая Скуфь» дважды встречается на страницах древнерусских летописей. В этногеографическом введении *Повести временных лет*, в частности говорится:

иже баху в мирѣ Полане· и Деревлане· и Сѣверь и Радимичь· и Ватичи· и Хрвате· Дулѣби живаху по Бугу гдѣ ныне Вельнанае· а Оулучи Тиверьци· сѣдаху бо по Днѣстру· присѣдаху къ Дунаеви бѣ множество ихъ· сѣдаху бо по Днѣстру· или до мора· и суть гради ихъ· и до сего дне· да то са зваху ѿ Грекъ· Великаа Скуфь¹

Сообщая под 907 г. о грандиозном походе Олега на Византию, летописец отмечает, что созданное им военное формирование составляли

множество Варяг. И Словенъ. И Чюдь. И Словене. И Кривичи. И Мерю и Деревляны. и Радимичи. И Поланы. И Сѣверо. И Ватичи. И Хорваты. И Доульбы. И Тиверци. таже суть толковины. си вси звахуться ѿ Грекъ Великаа Скоуф.²

Исследователи обращали внимание на несоответствие этих списков. Д.С. Лихачев, например, отмечая, что в первом случае перечислены только уличи и тиверцы, а во втором довольно длинный список племен в конце которого *дулебы и тиверцы* предположил, что слова «си вси» относятся только к этим последним³. По мнению В.Я. Петрухина, *русь* в этом списке «закамуфлирована» под объединением варягов и словен (а повторение имени *словене* в составе новгородской конфедерации неслучайно) и, стало быть, противопоставлена тем словенам новгородским и другим племенам, которые не входили в состав дружины князя. Кажется очевидным, что *русь*, как княжеская дружина, сформированная в Новгороде, противопоставляется в первую очередь недавно покоренным славянским племенам юга, которых (или часть которых) греки звали Великая Скуфь — Великая Скифия⁴. Подобной точки зрения придерживается также В.Н. Русинов, который усматривает в этом летописном выражении «расхожую византийскую традицию» именовать «скифами» племена, населявшие восточнославянские земли. По его мнению, рассматриваемый термин следует понимать как «многочисленная скифь», «многочисленный скифский народ», а не как географическое название «Великая Скифия». Поэтому его стоит соотносить не только с уличами и тиверцами, а со всеми восточнославянскими племенами, упомянутыми в летописи, «начиная даже не со слов *«И живяху в мире поляне...»*, а с находящихся выше слов *«Поляном же живущим особе, яко же рекохом, сущим от рода словеньска...»*. При этом автору представляется затруднительным ответить на вопрос, «откуда древнерусскому автору стало известно о том, что какое-то обитавшее в Восточной Европе население греки могли определять выражением, которое он передал по-древнерусски как «великая скифь»⁵.

В литературе бытует мнение согласно которому словосочетание «Великая Скифия» является оригинальным термином, введенным в научный оборот Геродотом. Однако, определение «Великая» в Геродотовой «Истории» и других источниках, современных ей, не встречается. Геродот оперирует термином «исконная» Скифия⁶. У античных авторов провинция «Скифия» фиксируется в Иллирике, во Фракии — «Нижняя Скифия», а на территории современной Добруджи — «Малая Скифия»⁷. В популярной на Руси *Хронике* Георгия Амартола «Скоуфия», как и Иллирия и Фракия, упомянуты в числе стран, доставшихся библейному Иафету⁸. Составитель *Повести временных лет*, используя описание Амартолом полуночных и западных стран в «Афетовом колене» также упоминает Скифию, помещая «Словѣн» вслед за упоминанием Иллирии⁹. Византийские авторы, как показал Г.Г. Литаврин, многозначным термином «скифы» обозна-

чали практически все народы, появившиеся у дунайских границ из Северного Причерноморья: гуннов, хазар, венгров, аваров, болгар, русов, печенегов, узов, половцев и татаро-монголов¹⁰. Этот термин употреблялся наряду с теми собственными именованиями, которые имелись у византийцев для каждого из этих народов. Например, Константин Багрянородный, поучая своего сына как умело отклонять неуместные домогательства и наглые притязания варваров послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов среди иных народов «северных и скифских» числит хазар, турок (венгров) и росов¹¹. Вместе с тем, византийский император вполне различал собственно *Русь*, подвластные ей восточнославянские племена и Скифию. Венценостный автор упоминает, в частности, «вервианов (древлян), севериев (северян), друговитов (дреговичей), кривичей, и прочих славян, которые являются пактиотами росов». Скифию, или страну скифов он помещает на юг от Дуная. Повествуя о мятеже, затеянном в Скифии во время царствования Константина Великого он сообщает о том, что против мяжников выступили союзные ему войска херсонитов, которые «достигли реки Истра и, переправившись через нее, сразились с повстанцами и победили их»¹².

В поисках ответа на вопрос, откуда позаимствовал древнерусский летописец сведения о наименовании греками обитателей Восточной Европы книжным термином «Великая Скуфь» воспользуемся подсказкой Д.С. Лихачева. Вслед за А. Соловьевым, хотя и не ссылаясь на его работу¹³, исследователь отметил в своем комментарии к соответствующему тексту *Повести временных лет*¹⁴ употребление термина «Великая Скуфь» в 53-й главе Изборника Святослава 1073 г., где это название представлено в следующем контексте:

оуанкифъ акы у чрымьнь есть обрѣтаеть же ся въ оутрѣнии варьвари сюрисциѣ. Скоуфию же нарицають ветьсии страну ту всю сѣверьскоу иже соуть Готфи и Давьние: да тоу оубо въутрь въ поустыни Великыя Скоуфия: есть дѣбрь зѣло глубока и челоуѣкомъ невѣходьна¹⁵.

Приведенное место — перевод из греческой статьи «Слова» Епифания Кипрского «О 12 камнях, которые были на логии святителейы надеты» Возможно отсюда и почерпнул древнерусский книжник термин *Великая Скоуфь*, стремясь подчеркнуть воинственность, объединенных под властью Олега восточнославянских племен, лишенных организованных форм государственной жизни и прозябающих в языческом невежестве.

Следует отметить, что «Великая Скифия» упоминается также в своде королевских саг «Круг Земной» Снорри Стурлусона. В памятниках скандинавского героического эпоса названия «Скифия» (лат. *Scythia*, исл. *Skytia*) и «Швеция» (исл. *Svírjód*) в силу их созвучность отождествлялись¹⁶. Поэтому в русском переводе в данном словосочетании вместо первого последовательно употребляется второе. Например, сага об Инглингах, определяя в «круге Земном» место обитание прародителей скандинавов, повествует: «К северу от Черного моря расположена Великая, или Холодная Швеция. Некоторые считают, что Великая

Швеция не меньше Великой Страны Сарацин, а некоторые равняют ее с Великой Страной Черных Людей»¹⁷.

Географическое введение Снорри, как показала Е.А. Мельникова, восходит к западноевропейской христианской хорографии и перекликается с древнеисландскими географическими сочинениями¹⁸. Снорри видит начало истории своего народа в обретении новой родины, именуемой «Великая Свитьод». Этот топоним прямо отождествляемый в географических трактатах со Скифией¹⁹, исследователи локализируют на юге Восточной Европы к северу от Черного моря. Однако, искусственный характер рассматриваемого топонима²⁰, сформировавшегося под влиянием западноевропейской хорографии²¹ позволяет усомниться в возможном его заимствовании византийской, а следом за ней и древнерусской книжностью.

1 ПСРЛ 1: 12 — 13.

2 ПСРЛ 1: 29.

3 Лихачев Д.С. Комментарии. *Повесть временных лет*. Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 3-е. СПб., 2007, 393–394.

4 Петрухин В.Я. *Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков*. Смоленск, М., 1995, 137.

5 Русинов В.Н. «Великая Скиф» и «Пургасова Русь» древнерусских летописей. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История*. 2006, вып. 2 (6), 83.

6 Геродот. *История в девяти книгах*. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Л., 1972, Кн. IV, 212.

7 Блаватская Т.В. Греки и скифы в Западном Причерноморье. *ВДИ*, 1948. № 1, 209. Бибиков М.В., Грацианская Л.И. Комментарий к главе 53. Константин Багрянородный. *Об управлении империей (Текст, перевод, Комментарий)*. Изд. второе, исправленное. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991, 453.

8 Истрин В.М. *Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь*. Том I: Текст. Пг., 1920 [Репринтное воспроизведение: *Die Chronik des Georgios Hamartolos* (München, 1972), 59].

9 ПСРЛ 1: 3. ПСРЛ 2: 3.

10 Литаврин Г.Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках. *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев (методология и историография)*. М., 1976, 211.

11 Константин Багрянородный. *Об управлении империей (Текст, перевод, комментарий)*, 54–55.

12 Константин Багрянородный. *Об управлении империей (Текст, перевод, Комментарий)*, 50–51, 252–253.

13 Соловьев А. Великая, Малая и Белая Русь. *Вопросы истории*, 1947, № 7, 25.

14 См. Лихачев Д.С. Комментарии. *Повесть временных лет*. Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева, 393.

15 *Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание*. М., 1983. Л. 153.

16 Стеблин-Каменский М.И. Примечания: Снорри Стурлусон. *Круг Земной*. Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980, 633.

17 Снорри Стурлусон. *Круг Земной*, 11.

18 Мельникова Е.А. *Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V — XIV века*. М., 1998, 51–67.

19 Мельникова Е.А. *Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий*. М., 1986, 86, 88; 94, 96, 142, 146.

20 Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей XI — XIII вв. *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1988–1989 гг.* М., 1991, 116. Джаксон Т.Н. *Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.)*. М., 1993, 58.

21 Мельникова Е.А. *Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий*, 217.

«Зверь юнь»

В своей книге «Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.» А.Л. Топорков опубликовал заговор, записанный на полях *Псалтыри* XV в.¹ Подробный и разносторонний анализ текста этой записи занял достойное место в книге. Тем не менее, некоторые вопросы остались нерешенными. Это касается и словосочетания *зверь юнь*, действительно, сложного для интерпретации ввиду отсутствия аналогий. «Ни в каких других текстах, — пишет автор, — оно нам не встретилось». Приведем его в контексте:

се азъ звѣрь юнь
 шчи мои звѣи
 а гроза моя цѣва
 влѣдѣтеса мене крѣтъане
 аки шци волка

А.Л. Топорков весьма детально проанализировал этот текст и сделал полезные наблюдения. Так, он обратил внимание на книжный характер начала заговора. Далее, автор предполагает, «что номинация «зверь юнь» связана с древне-русским «юнецъ», «унецъ» (бык, телец)», хотя последующая характеристика зверя «такому пониманию не вполне соответствует».² Его характерные черты вызывают у автора «ассоциацию со львом, хотя в принципе «царевой грозой» может быть наделен не только лев, но и другие звери». Сомнения автора приводят его к мысли о том, что «в принципе под «юным зверем» в тексте может подразумеваться и волк». А.Л. Топорков пытается расширить ассоциативный ряд с тем, чтобы идентифицировать «зверя юна», привлекая библейские тексты. Он пронизательно замечает, что «этот зверь сочетает царское величие и сатанинское начало, несет в себе угрозу и возбуждает страх». Но основным препятствием к его отождествлению все же остается его обозначение «зверь юнь».³

Поэтому начнем сначала, т.е. с формальной стороны. Начало анализируемого текста, т.е. его инициальная формула имеет специфический характер. «В ней, — отмечает А.Л.Топорков, — не говорится ни «раб» ни «раб Божий», в результате чего текст не привязан к конкретному исполнителю».⁴ Если же при этом учесть исключительно книжное словосочетание «се азъ», то можно предположить заимствование фразы из какого-то текста, где образ зверя, скорее всего, не являлся метафорой. В нем подчеркивается звериная природа (*чи мои звѣи*), но без идентификации с конкретным представителем фауны. Угрозу, причем угрозу высшего уровня («цареву»), он представляет по конфессиональному признаку — для христиан. Это позволяет нам предположительно видеть в качестве источника исследуемой формулы какой-то эсхатологический текст. А.Л. Топорков не исключал такой возможности, обращаясь, правда, вскользь, к апокалиптическим пророчествам Даниила, Иезекиля, св. Иоанна Богослова и к их толкованиям, в частности, св. Ипполита Римского.

Юнын / ѹнын в древнерусской лексике имеет строго определенное значение — юный, молодой: Остромирово Евангелие — «егда бѣ юнь»; Даниил Заточник — «юнь возрастъ имѣю»; *Сборник Святослава* 1076 г. — «мужъ унь въздрастьмъ»; *Поучение* Владимира Мономаха — «унь бѣ и старѣхся». ⁵ Нигде и ни при каких обстоятельствах за рамки этого значения термин не выходит. Слово сочетание *зверь юнь*, где *юнь* означало бы «молодой», по смыслу выглядит достаточно рискованно. ⁶ Почему, думаем, ни до, ни после исследуемого случая оно не зафиксировано.

Важно учитывать и явно книжный характер заговора. Ведь если составитель его пользовался конкретным текстом, то вполне естественна гипотеза об ошибке, обусловленной состоянием источника, либо его исправлением. В качестве рабочей гипотезы предположим, что исходным словосочетанием было *зверь инь*.

Термин *инь* имеет достаточно специфическое значение. В основном, он носит характер неопределенности — «какой-то», «некий»: *Житие* Феодосия Печерского (XII в.) — «и се же паки инь боляринь»; *Пролог* (XIII в.) — «приде же инь цесарь»; чудеса св. Николая по сб. XIV в. — «нѣкто же инь бояринь»; *Сказание о Макарии Римлянинѣ* (нач. XV в.) — «преде инь глас с нѣбесе». И только в одном случае термин используется в значении «другой», «иной»: *Кормчая* 1284 г. — «во инь манастырь». ⁷ Кстати, обращает на себя внимание, что термин *инь* известен по текстам XIII — нач. XV вв. Эту закономерность подтверждает применение еще устойчивой лексемы с его использованием «миръ инь» в значении «мир иной, потусторонний»: сборник XIV в. — «како прѣступимъ въ онъ миръ»; поучения Федора Студита (XIV в.) — «во инь миръ ... пренесостеся»; Григория Богослова 16 слов (XIV в.) — «миръ же *другий* намъ»; сборник житий и слов XIV–XV вв. — «*иная* жизнь и *други* миръ». ⁸

Итак, определения в форме *инь* в письменных источниках раньше XII в. мы не встречаем, о чем, кстати, красноречиво свидетельствует анализ лексического состава *Повести временных лет*. ⁹ Он синонимичен определению *другий* и взаимозаменяем с ним в устойчивых словосочетаниях, например, с «миръ».

У св. Ипполита есть одно произведение апокалиптического характера, которое в переводе конца XIX в. получило название «Слово о Христе и антихристе». ¹⁰ Его древнерусский перевод известен в списке XII в., где оно озаглавлено как *Слово о Христосѣ и о антихристе*. ¹¹ Его составитель цитирует текст пророчества Даниила о явлении четырех зверей — предвестников прихода антихриста. Явление третьего зверя описывается следующим образом: **Видѣхъ. и се звѣрь другыи. акы рысь. [...] Бѣ слѣдъ яго видѣхъ.** ¹² В данном случае *другыи* не является числительным, т.к. *звѣрь въторыи* был назван выше, нельзя предполагать и значение «дружественный», «следующий за первым», «другой». ¹³ Оставшиеся значения, — «иной, отличающийся», «некий», как мы видели, легко взаимозаменяемы с термином *инь*, что для текстов духовного содержания в XIII–XV вв. становится нормой. Такую вероятность подтверждает и новый церковно-славянский перевод текста св. Ипполита с греческого, выполненный в 1897 г. В нем этот отрывок выглядит следующим образом: «Видѣхъ, и се звѣрь *инь* акы рысь [...] Созади сего видѣхъ». ¹⁴

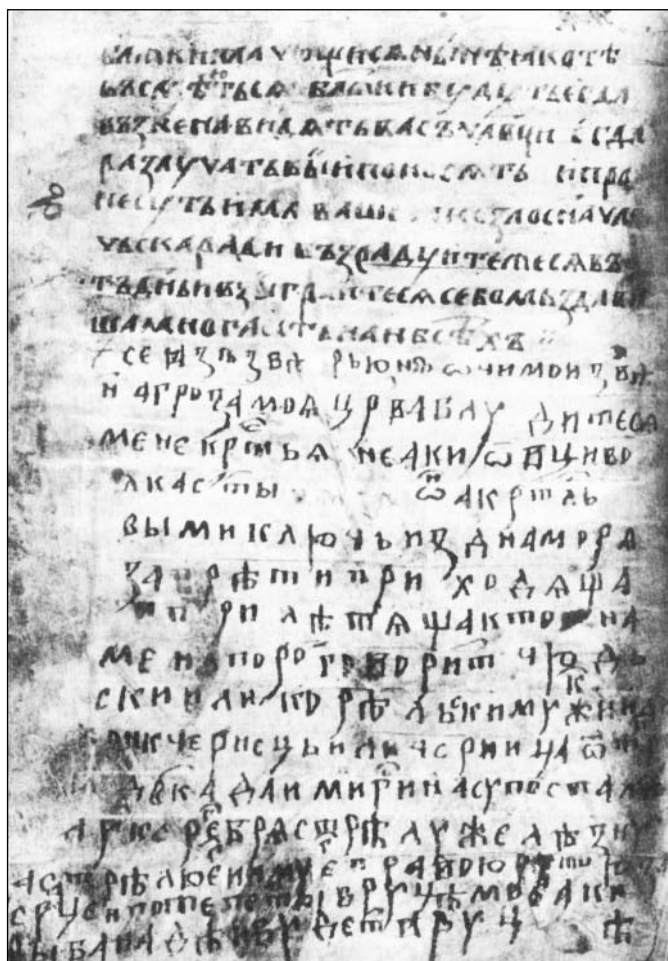

Рис. 1.

Однако в тексте заговора речь именно о «третьем звере» идти не может, так как ссылка на *очи ... звери* не может к нему относиться. Пророк Даниил подчеркивает, что он не видел глаз «третьего зверя», так как к этому не располагал ракурс — *въ слѣдѣ его видлахъ*. Не описывает он глаз и «первого» и «второго» зверя. Зато у четвертого он отмечает — *и се акы очи члвччестк*.¹⁵ Эта фраза почти буквально совпадает со второй строкой заговорного текста, если принять во внимание, что частица «се» относится и к ней: «*се ... очи мои звери*». Замена *члвччестк* на «зверь» становится логичной, учитывая обратную направленность процесса, — оборотничества, — т.е. приобретение человеком характеристик «зверя», а не наоборот. Таким образом, речь в заговорном тексте идет не о конкретном «звере», а о его собирательном образе, приближенном к образу антихриста. В этом случае термин *инъ* в значении «некий» становится обязательным.

Не все так просто и с третьей строкой заговора — *се [...]* гроза моѡ цѣва. Сопоставление с устойчивой лексемой заговорных текстов XVIII–XIX вв., — «гроза царская», — на которую ссылается А.Л. Топорков,¹⁶ свидетельствует о ее устойчивости, но ничего не говорит о происхождении. Источник ее можно усмотреть в том же тексте св. Ипполита:

десаѡть цѣвъ соуѡть. иже не соуѡть цѣвство приаѡи. нѣ власть акы цѣвѣ въ ѡдинѣ часть. приноуѡть съ звѣрьма. Ти ѡдинѣма оумѣма воуѡуѡть. и силоу и власть ихъ звѣрьма предаѡать.¹⁷

В тексте идет речь о передаче «зверю» силы и власти десяти царей, а точнее, о приобретении апокалиптическим «зверем» их «силы и власти». Аналогичная ситуация в апокалиптическом плане под 1238 г. описывается в *Синодальном* списке НПЛ — «отѡя господь у насѡ *силу* а недоумѣние и *грозу* и страхъ и трепеть *вложи в насѡ*».¹⁸ Об этом же в *Толковой Палее* 1406 г. — «*анѡих(с) тѣ възложитъ грозу ...* на всакого члѣва».¹⁹ Таким образом, отождествляя себя со «зверем» Апокалипсиса, автор заговора присваивает себе и его качества, — «грозу». С ее помощью он собирается отнимать высшие атрибуты в системе феодальных ценностей — «силу и власть» десяти царей, т.е. в некоем гипертрофированном виде. «Гроза» может передаваться («вложи», «возложи»), что очень важно для атрибутов заговорной культуры. Ее неиссякаемость и происхождение как раз и подчеркивает эпитет «царева».

Такое предположение подтверждает и подпись под изображением «страшного зверя» на бересте XIII в., на которую А.Л. Топорков справедливо обратил внимание, — «Я звере».²⁰ Т.е. в это время уже самостоятельно функционировал образ «зверя», близкий апокалиптическому. По мере удаления от первоисточника он терял формальную связь с ним. Поэтому превращение фразы *се звѣрь дроуѡги* в формулу заговора *се азъ звѣрь инѣ* не выглядит невозможным. Дальнейшая трансформация этой формулы в «я звере» или «се язъ, зверь юнѣ» на фоне давно известного книжного «лютого зверя»²¹ («звѣрь лють») на протяжении XIII–XVI вв. представляется логичной. В результате чего сложился фразеологизм «зверь юнѣ», — «творчества переписчика»²² или порчи оригинальной записи, — не существенно. Показательно, что продолжения он не имел. Это также подтверждает наше предположение о том, что его происхождение обусловлено отходом от текста первоисточника.

1 Топорков А.Л. *Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.* М., 2005, 46–48.

2 Сближение, несомненно, подсказано соседним расположением словарных статей «юныи» и «юнецъ» в словаре И.И. Срезневского.

3 Топорков А.Л. *Заговоры*, 50–52, 98.

4 Топорков А.Л. *Заговоры*, 50.

5 Срезневский И.И. *Материалы для Словаря древнерусского языка*. Т. 3. СПб., 1903, 1232–1233, 1628.

6 Топорков А.Л. *Заговоры*, 100.

7 *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 4. М., 1991, 162–164.

8 *Словарь древнерусского языка*. Т. 4, 541.

9 См.: Творогов О.В. *Лексический состав «Повести временных лет»*. К., 1984. Ср. показательную замену *итѣроу* въдовицу (Архангельское евангелие 1092 г.) на *иноу* въдовицу в Мстиславовом

- (нач. XII в.) и Евсевиевом (1283 г.) евангелиях (см.: *Апракос Мстислава Великого*. Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983, 111в; *Архангельское евангелие 1092 года. Исследования, древнерусский текст, словоуказатели*. М., 1997, 70; *Євсевієве євангеліє 1283 року*. Під ред. В.В. Німчука. К., 2000, 59).
- 10 *Творения святого Ипполита, епископа римского, в русском переводе*. Вып. II. Казань. 1899, 9–46.
 - 11 *Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в.* Изд. К.И. Невоструев. М., 1868. Ч. II, 1–111.
 - 12 *Слово об антихристе*, 31–32.
 - 13 Это же очевидно и из описания рогов «четвертого зверя»: и десять рогъ ємоу вѣлаше. Сѣмьотрихъ въ розѣхъ ємоу и се рогъ дрюгын малъ. вѣсхожааше посредѣ ихъ. (*Слово об антихристе*, 32).
 - 14 *Творения*. Вып. II, 19.
 - 15 *Слово об антихристе*, 32.
 - 16 Топорков А.Л. *Заговоры*, 53.
 - 17 *Слово об антихристе*, 54.
 - 18 *ПСРЛ* 3: 75.
 - 19 *Словарь древнерусского языка (XI–XII в.)*. М., 1989. Т. 2, 392.
 - 20 Топорков А.Л. *Заговоры*, 51.
 - 21 Св. Ефремъ Сиринь. Слово на Пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристово. *Творения*. Т. 2. 1993, 257.
 - 22 Можно предположить, что в нашем «исходном тексте» *инь* было написано с ижицей (ѳнѣ), которую последующие писцы в зависимости от обстоятельств могли понимать и как оу (ѳнѣ) и как ю (юнѣ) (о функции ижицы и ее субститутах в славянских текстах см. обстоятельно: Александр Б. Страхов. Об орнаментальных принципах организации строки в древнерусских текстах как основе графико-орфографического варьирования. *Paleoslavica* (IX, 2001), 5–71; Александр Б. Страхов. О древнерусской строке, московской «ижице» и греческой «гамме». *Paleoslavica* (XIV, 2006), 320–326). Вероятность указанного написания *инь* подтверждается и формой *владитѣся* в том же тексте. Благодарю А.Б. Страхова за консультацию.

Вадим Ставиский

975 г. Случай на охоте (варианты прочтения сюжета)¹

Несчастный случай на охоте — вдали от людских глаз — всегда подозрителен. В этом смысле летописная статья 975 г., казалось бы, подобных загадок лишена. В ней прямо говорится об умышленном убийстве:

Ловь дѣюще Свѣналдичю . именемъ Лють . ишед^а бо ис Киева гна по звѣри в лѣсѣ . и оузрѣ и Шлегъ . и ре^в кто се естъ . и рѣша єму Свѣналдичъ . и заѣхавъ уби и . бѣ бо ловы дѣа Шлегъ . и ш то[мъ] бы^в м[еж]ю ими ненависть . Ярополку на Шльга . и молваше всегда . Ярополку Свѣналдъ . поиди на брать свои . и прими волость его . хотя ѿмьстити снѹ своему².

В то же время рассказ оставляет впечатление некой эпической упрощенности³. Прежде всего, удивляет, как убийство сына воеводы (хотя и весьма близкого к княжескому дому) могло стать поводом для братоубийственной войны самих князей — Ярополка и Олега. Другими словами, как охота переросла в войну?

Отвечая на этот вопрос, очевидно, будет уместно коснуться смыслового объема понятия *охота* с точки зрения людей средневековья. Тем более, этого

требует «эпичность» рассказа 975 г., поскольку, по авторитетному заключению Б.Н. Путилова, эпический сюжет, как правило, не ограничивается рамками прямого повествования, а предполагает наличие подтекста⁴. В качестве примера ученый приводил былинное изображение охоты Михайла Потыка, которое «есть не что иное, как метафора сватовства»⁵.

В свою очередь, подтвердим, что славянский фольклор явственно демонстрирует единство мотивов *охоты, брака и вокняжения (приобретения власти над территорией)*⁶. Например, в колядках ловы выступают как аллегория сватовства, добывания невесты⁷.

Лингвисты, будучи хорошо знакомы с совпадением мотивов *гонимы зверя и сватовства*, предлагают интересную этимологию слова *жена* — «та, за которой гонятся»⁸. *Женщина*, как и *животное*, понималась хтонично, соотносилась с нижним ярусом мира⁹. Эта общность образов *животного и женщины* в их приуроченности к *земле* — результат последовательно появившихся в первобытности представлений: сначала населенная территория ассоциировалась с животным-тотемом, а в дальнейшем, с возникновением дуально-родовой организации, к отождествлению территории-рода с тотемом добавилась ее ассоциация с женщиной, матерью¹⁰. Позднее, как в раннеисторической практике, так и в фольклоре, приходящий со стороны претендент на престол, приобретая власть, закреплял ее браком с дочерью или женой побежденного им предшественника, поскольку эта женщина символически сливалась с «территорией страны»¹¹.

В свое время мы предложили обоснование ритуальной природы охоты князей, главным образом, в связи с былинной о Волхе Всеславьевиче¹². Очевидно, охота, как один из княжеских *трудо*в (согласно Мономаху), подтверждала власть князя, его связь с территорией, была своеобразным намеком на «брак» с самой Землей¹³. Так более конкретно можно охарактеризовать смысл «ритуальности» охоты правителя, которую предположил в своей книге Ю.М. Кобищанов, включив ее при этом в единый комплекс полюдя¹⁴.

По нашему мнению, наиболее полно триединство мотивов *охоты-брака-вокняжения* может быть прочитано в подтексте *Сказания о построении града Ярославля XVIII в.*, взявшего за основу какие-то местные предания. Здесь рассказывается о двух посещениях Ярославом Мудрым, находившимся тогда на ростовском княжении, селища Медвежий угол. Во время второго из них князь победил выпущенного на него из клетки лютого зверя (очевидно, медведя), заложил церковь св. Ильи и основал град своего имени¹⁵. Очевидно, здесь угадывается известный этнографии охотничьих народов «медвежий праздник», представлявший собой чествование родом своих зятей, которым и предоставлялось почетное право убить специально выращенного медведя¹⁶. Посвящение князем церкви св. Илье, напоминающее о сыне Ярослава Илье от неизвестной жены, может отвечать княжеской традиции основания церкви в честь патрона новорожденного сына на месте, связанном с матерью¹⁷. Закладкой Ярославля, очевидно, завершался комплекс *брак-охота-установление власти*.

Несмотря на первоначальную целостность мотива *охоты-брака-вокняжения*, в легендах об основании городов или об их завоевании обычно на первый план выходят только отдельные пары его составляющих. Так, цикл исторических преданий об основании Вильнюса князем Гедимином связывает с удобными охотничьими угодьями зарождение городов Трок и Вильны (Вильнюса). Последнему предшествовало убийство князем тура, а также его вещий сон о железном волке, в котором ворожбит увидел образ будущей княжеской столицы¹⁸. Аналогично, с убийства на охоте тура берет начало легендарная история Молдавской земли¹⁹. В отношении Киева вспоминаются летописные фрагменты, в которых первые князья-поляне показаны звероловами, что своеобразно подчеркивает их легитимность²⁰. Применение же к столице матримониального мотива читается в *Слове о полку Игореве*. Фраза «врже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу» признается метафорой овладения Киевом (1068 г.)²¹. В то же время, как Всеславу в поэме, так и его былинному аналогу Волху Всеславьевичу, присущи ярко выраженные охотничье-оборотнические черты.

Если летописный сюжет о гибели Люта Свенельдича имеет эпическое происхождение, то «столкновение на охоте» могло изображать не узко-территориальный спор, а символизировать принципиальную проблему борьбы за власть между киевским и древлянским князьями, поскольку «охота» (как «брак» с самой Землей) была одним из символов легитимности княжеской власти. В то же время, не исключено, что, согласно одной из народных трактовок, смертельный поединок двух охотников мог разгореться всего лишь из-за сватовства к одной и той же девушке. Но этим интерес рассказа о Люте не исчерпывается.

Примерно в 30 км к северу от Киева, за Вышгородом, по трассе Киев-Минск находится населенный пункт, давший название известному плацдарму Великой Отечественной войны — с. *Лютеж*²². К северу, в непосредственном соседстве с ним, расположено небольшое село *Туровча*²³. Оба — на берегу Киевского водохранилища, несколько ниже устья Ирпеня — известны автору с детства. Название *Туровча* вполне может указывать на породу зверя, которого преследовал Лют²⁴. Проверая идею о связи Лютежа с Лютом на «новизну», мы убедились, что, как и во всем, что связано с этим персонажем, претендовать на оригинальность, практически невозможно. Оказывается, гипотеза о связи Лютежа (и Туровчи) с сыном Свенельда, позже забытая, была известна уже Лаврентию Похилевичу²⁵.

О возможной приуроченности Лютежа к древнерусскому времени, хотя и без уточнения дат, говорят материалы археологической разведки А.И. Тереножкина в 1960 г., перед затоплением водами Киевской ГЭС. Около Лютежа, в урочище Довгаль, были найдены остатки селища времен древней Руси²⁶ (ныне скрыто водами моря). Автор сетовал, что проведение археологических разведок на этой местности было затруднено недостатком естественных обнажений, к тому же

берег между селами Лютежем и Вышгородом оказался малодоступен, так как он почти сплошь занят постройками, садами и огородами²⁷. Наличие в Лютеже древнерусской керамики подтвердила и разведка 1969 г.²⁸. В с. Туровча, согласно нашим разведкам в 1980-х гг. вдоль берега моря, аналогичный материал отсутствует. В связи с этим можно предположить, что с. Туровча, упоминаемое в середине XVII в., переняло название урочища (*Туровище* у Л. Похилевича), где некогда обитала популяция туров²⁹.

Интересно, что между Лютежем и Туровчей, на месте, ныне затопленном водохранилищем, находился одиночный курган, давший название урочищу. В урочище *Курган* в 1960 г. была найдена скифского типа уздечная бляшка³⁰. Старожилы вспоминали археологов, исследовавших «курган», хотя в публикациях о масштабных раскопках ничего не говорится. Поэтому о точном возрасте памятника судить сложно. Не ассоциировался ли курган с местом погребения убитого неподалеку Люта? Нужно учитывать, что именно существование т.н. «больших курганов» (как, например, Аскольдовой, Дировой или Олеговой могил в Киеве) давало толчок и обеспечивало длительное существование традиции о смерти или убийстве похороненных в них персонажей.

Информацию об охоте Люта исследователи трактуют по-разному. Так, Е.А. Мельникова склоняется к мысли о том, что сын воеводы своей охотой нарушил социальный порядок, поскольку, согласно *ПВЛ*, охота была сугубо княжеским занятием³¹. Б.А. Звиздецкий, не допуская умышленного нарушения Лютом феодальной этикета, считал, что его ловы проходили на спорных, вольных землях между реками Тетеревом и Ирпенем, на которые могли претендовать и Олег, и Ярополк³². Возможно, более точная привязка места этого столкновения к Лютежу позволит посмотреть на «роковую охоту» в несколько ином ракурсе.

Общеизвестно, что финансовую основу благополучия правителей Руси X в. обеспечивал сбыт полюдья, порядок поступления которого в Киев описал Константин Багрянородный. Неизменность этого порядка, скорее всего, предполагал и Святослав, который, отправляясь в дунайский поход (под 970 г.), посадил Ярополка в Киеве, Владимира в Новгороде, а Олега «в деревъхъ»³³. Однако, после его неожиданной гибели, древлянский и новгородский князья, очевидно, не приняв старшинства нового киевского князя, отказали ему в поставке дани. Вместе с тем, сосредоточение всего древлянского полюдья в руках Олега, думаем, также требовало своего сбыта, а значит — свободного доступа к днепровской магистрали³⁴. Лютеж, находящийся ниже впадения в Днепр Ирпеня, мог блокировать сплав древлянского полюдья. Но, в меньшей степени этому препятствовали бы Вышгород и Киев. Поэтому нейтрализация Олегом Лютежа, попытка которой могла произойти в 975 г., имела бы смысл только в том случае, если бы, как минимум, преследовала цель освободить древлянскому князю путь к овладению Вышгородом³⁵. В действительности мы не знаем, насколько далеко последствия нападения на Люта были просчитаны Олегом. Но, в свое время, В.П. Петров предположил, что, дублируя стратегическое положение столицы полян Киева, Вышгород когда-то был крупным

древлянским центром³⁶. Поэтому, не исключено, что столкновение под Лютежем указывает на планы Олега вернуть древлянский (?) Вышгород, дабы выдвигать Ярополку свои условия.

И еще одно, необходимое, на наш взгляд, замечание. Спустя два столетия после убийства Олегом Люта, Давыд Ростиславич, мирно охотясь недалеко от своей вышгородской резиденции, подвергся нападению со стороны другого охотника, Святослава Всеволодовича (под 1180 г.)³⁷. Спонтанное решение «имать» врага повлекло за собой цепь событий, закончившуюся вокняжением черниговского князя в Киеве.

Сходство двух летописных эпизодов несомненно. Что же касается их различия, то оно, прежде всего, в том, насколько по-разному мы их воспринимаем. Реальность второй охоты — вне подозрений, тогда как для изображения первой мы вполне допускаем аллегоричность, даже несмотря на возможность ее точной локализации.

Очевидно, предвзятость в нашем восприятии летописных данных о X веке обусловлена не только их фрагментарностью, но и тем, что первые исторические сведения попадают на страницы хроник непосредственно из устных источников, сохраняя в себе следы эпоса, мифа. При этом легенды о «великанах сумрака», «богатырях» во многом отражают само мировоззрение последних. В частности, «охота» была для них больше, чем просто потехой, а именно — одним из средств институализации власти. «Убийство соперника на охоте» приобретало смысл «доказательства персональной власти» — будь то реальностью или всего лишь метафорой устного сказания.

- 1 Автор выражает благодарность за консультации Л.И. Францевичу и Е.П. Кабанцу.
- 2 *ПСРЛ* 1: 74. Единственное упоминание о Люте породило весьма обширную историографию, в частности, на тему его родословной. См., напр.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. *История русского летописания*. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1, 234–257; Лихачев Д.С. «Устные летописи» в составе «Повести временных лет». *Исторические записки*. Т. 14. М., 1945; Рыбаков Б.А. *Древняя Русь. Сказания, былины, летописи*. М., 1963, 55–58, 194–196; Поппэ А. Родословная Мстиши Свенельдича. *Летописи и хроники*. 1973. М., 1974, 53–54.
- 3 По мнению А.А. Шахматова, источником сообщения об охоте Люта могло быть сказание или песня (Шахматов А.А. Разыскания, 250).
- 4 Путилов Б.Н. Об эпическом подтексте (На материале былин и юнацких песен). *Славянский фольклор*. М., 1972, 4.
- 5 Путилов Б.Н. Об эпическом подтексте, 12.
- 6 Писаренко Ю.Г. Перший шлюб Ярослава Мудрого. *Освіта і культура XI ст. Діяльність Ярослава Мудрого і сучасність. Матеріали конференції*. К., 1996, 33.
- 7 «Далеко чути, що Степасенько їде, / Ой лісом їде, на кунюньку стріляє»; «Оце вам, браття, куна в дереві, / А мені, браття, дівка в теремі» (*Золотослов. Поетичний космос Давньої Русі*. Упор. та переклади М. Москаленка. К., 1988, № 486, с. 257; № 373, с. 216). В процессе сватовства на вопрос: «— Кто такие и зачем стучитесь?» — дружки отвечают: «Идем от князя новобрачного до княгини первобрачной, прося здоровье спросить. — У нас нет невесты, обернулась лисицей, убежала в чистое поле, — не знаем, где взять...» (цит. по: Еремина В.И. *Ритуал и фольклор*. Л., 1991, 138).
- 8 Левинтон Г.А. Из лингвистических комментариев к славянскому обрядовому тексту. *Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста*. М., 1977, 339. Когда же цель «князя-охотника» достигнута, после первой близости

- молодых (т.н. коморы) гости поют: «Ведуть тура з ложа, / За ним мати Божа. Чи тур, чи туриця, / Чи хороша молодиця» (*Українські сороміцькі пісні*. Упор. М.М. Красилюва. Харків, 2003, № 235, с. 82). Своєобразно оцінюється і то, наскільки дівушка оказалась честной: «Годувала мати бобра, шо у неї дочка добра. Годувала мати тура, шо у неї дочка курва» (с. Тепеница, Олевського р-на, Житомирської обл.) (Несен І.І. *Весільний ритуал Центрального Полісся: традиційна структура та релігійні форми (середина ХІХ — ХХ ст.)*. К., 2005, 180).
- 9 В русской свадебной песне: «...В кипарисне деревце было три угодище: / Первое угодище — тройи пчелы ярые, / Другое угодище — звончатые гусельцы, / Третье -то угодище — душа красна девица» (Цит. по: Виноградова Л.Н. *Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования*. М., 1982, 104). В других вариантах этих песен с нижним ярусом связывается брачное ложе или отмечается, что там «горностаий гнездо свивал» (Иванов В.В., Топоров В.Н. *Исследования в области славянских древностей*. М., 1974, 23). Змей на шерсти, у корней мирового древа — характерная ипостась Противника Громовержца (Иванов В.В., Топоров В.Н. *Исследования*, 31).
 - 10 Семенов Ю.И. *Как возникло человечество*. М., 1966, 513.
 - 11 Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Л., 1986, 335. Примерами могут служить сватовство Мала Древланского к Ольге, женитьба Владимира на Рогнеде, а в случае бескровного престолонаследия — Пшемисла на Либуше (Толочко О.П. До питання про сакральні чинники становлення князівської влади на Русі у ІХ–Х ст. *Археологія*. 1990, № 1, 61–62).
 - 12 Писаренко Ю.Г. Князівські лови в традиційній свідомості давньоруського суспільства. *УЖ*. 1993, № 7–8, 44–52; Писаренко Ю.Г. *Велес-Волос в язичницькому світогляді Давньої Русі*. К., 1997, 98–105.
 - 13 Мягкая критика этой идеи принадлежит В.М. Рычке (Котляр М.Ф., Ричка В.М. *Княжий двір Південної Русі Х–ХІІІ ст.* К., 2008, 174).
 - 14 Кобищанов Ю.М. *Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций*. М., 1995, 216, 242, 254–264.
 - 15 Лебедев А. *Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле*. Ярославль, 1877, 6–11; Писаренко Ю.Г. До питання про першу сім'ю Ярослава Мудрого. *Археологія*. 1995, № 1, 51–61; Писаренко Ю.Г. Неизвестная страница жизни Ярослава Мудрого. *Ярославская старина*. Вып. 4. Ярославль, 1997, 16–23.
 - 16 Петров В. Опыт стадийного анализа «охотничьих игрищ» (К постановке вопроса). *Советская этнография*. 1934, № 6, 141–144.
 - 17 Комарович В.Л. Култ роды и земли в княжеской среде XI–XIII вв. *ТОДРЛ*. Т. 16. М., Л., 1960, 103–104.
 - 18 *ПСРЛ* 17: 261. В связи с «железным волком», как символом города, нельзя не вспомнить о римской волчице (Топоров В.Н. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф. *Балто-славянские этноязыковые контакты*. М., 1980, 40–50 и сл.).
 - 19 *Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв.* М., 1976, 57–58 и сл.
 - 20 Писаренко Ю.Г. Першопчатки Києва: наукові уявлення та народна традиція. *Київська старовина*. 2002, № 2, 46; Мельникова Е.А. Легенда о Кие: о структуре и характере летописного текста. *А се его сребро*. *Збірник праць на пошану М.Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя*. К., 2002, 16.
 - 21 Рыбаков Б.А. *Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве»*. М., 1991, 40–41.
 - 22 Интересно, что населенный пункт с названием *Лютеж* встречается также в 56 км к северо-востоку от Любеча, что может указывать на роль семьи Свенельда по сбору дани с радимичей.
 - 23 Еще в начале 1970-х гг., в связи с размыванием берега водами моря в районе села, большинство его жителей переселилось в с. Новые Петровцы. Очевидно, Туровча рассматривается как, своего рода, окраина Лютежа. Во всяком случае, на новых топографических картах Киевской обл. этот населенный пункт не указан.
 - 24 Парность топонимов *Лютеж* (от *лють* — «волк») и *Туровча* напоминает соседство *Турья гора* — *город-железный волк*, Вильнюс литовской легенды.
 - 25 Похилевич Л. *Уезды Киевский и Радомысльский. Статистические и исторические заметки о всех населенных местностях в этих уездах и с подробными картами их*. К., 1887, 13: «Лютеж с. [...] Получило название, по мнению некоторых, еще в древности по имени Люта сына Свенельдова, убитого на этом месте Олегом князем Древланским во время охоты. [...] Немного выше села по ручью есть урочище, называемое *Туровище* с признаками давнего жилища, состоящими в насыпях и горбах. Название его жители объясняют пребыванием Турок или Татар; но кажется справедливее будет производить его от зверя (*vos primigenius*), исчезнувшего в наших странах около XVI в., на которого любили охотиться и из-за которого, может быть, вели

- войны наши древние князья. А что здесь существовала деревушка еще в 1654 году под именем *Туровча*, имевшая тогда 5 дворов, на это есть письменные доказательства». Ср.: Похилевич Л. *Сказания о населенных местностях Киевской губернии*. К., 1864, 9–10.
- 26 Тереножкин А.И. Археологические обследования в зоне Киевской ГЭС в 1960 г. *Краткие сообщения Института археологии АН УССР*. Вып. 12. К., 1962, 6.
- 27 Тереножкин А.И. Археологические обследования, 3.
- 28 Кравченко Н.М., Бугай А.С., Магомедов Б.В. Розвідки на Київщині. *Археологічні дослідження на Україні в 1969 р.* Вип. 4. К., 1972, 347.
- 29 До затопления водами моря, прилежавшая к селу с юга пойма Днепра, представляла собой удобные для пастбищ заливные дуга. Ныне занимаемый остатками села берег выглядит как понижение между высоким берегом в районе Лютежа и аналогичной возвышенностью от Туровчи в сторону устья Ирпеня. Очевидно, эта относительная низина была удобна для выхода туров из леса на просторное днепровское пастбище; Подробнее о туре см.: Мавродин В.В. «Тур», «плотый зверь» и «пардус» древнерусских источников. *Исследования по отечественному источниковедению*. М., Л., 1964, 483–485.
- 30 Тереножкин А.И. Археологические обследования, 6. Высказывалось предположение о принадлежности этого кургана к эпохе бронзы, поскольку в 300–400 м к юго-западу были обнаружены остатки культурного слоя эпохи поздней бронзы (Бидзиля В.И., Пачкова С.П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. *Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье*. Л., 1969, 53).
- 31 Мельникова Е.А. Легенда о Кие, 16.
- 32 Звіздецький Б.А. Про кордони Древлянської землі. *Археологія*. 1989, № 4, 51.
- 33 *ПСРЛ* 1: 69.
- 34 Конкретное указание о том, что древляне пользовались днепровским путем, содержит рассказ летописи об их посольстве к Ольге (*ПСРЛ* 1: 55).
- 35 В этом смысле интересна и стратегическая роль, которую играл Лютеж во времена Л. Похилевича (2-я пол. XIX в.). Он находился на т. н. военном тракте к Чернобылю, шедшем вдоль береговой линии от Киева, через Вышгород и Петровцы. По мнению автора, в числе прочих ведущих из Киева дорог, этот путь существовал уже в древнейшее время (Похилевич Л. *Везды Киевский и Радомысльский*, 13, 15).
- 36 Петров В.П. Исторична топографія Києва (Першопочатки міста). *Історичні джерела та їх використання*. Вип. 1. К., 1964, 121–123.
- 37 *ПСРЛ* 2: 614–615.

Юрий Писаренко

«Изломи копье свое»

Традиционно считается, что основным боевым оружием древнерусских дружинников, а тем более князей, являлся обоюдоострый меч. Его частые упоминания в письменных источниках, кажется, не оставляют сомнений в правильности такого представления. И, тем не менее, в военных сражениях первенство было не за мечом, но за копьем. Не случайно при их описании, летописцы особо подчеркивали роль именно этого оружия. В определенном смысле оно являлось символом военного противоборства. Обычный факт ломания копий во время боя превратился в письменных источниках, по существу, в литературный образ.

В 1149 г. молодой князь Андрей Юрьевич (впоследствии Боголюбский) под стенами Луцка «въѣха переже всихъ въ противнѣа . и дружина его по немъ ѣхаша . изломи Андрѣи копие свое . въ супротивнѣ своемъ»¹. Практически аналогично описано участие того же князя и в битве 1151 г. на Руте, где сошлись в противоборстве дружины великого киевского князя Изяслава Мстиславича и

Юрия Долгорукого: «Андрѣи же Дюргевичъ възма копье и ѣха на передь . и съѣхаса переже всихъ . и изломи копье свое»². Изломал копье в этой битве и Изяслав Мстиславич, который также первым вступил в бой с киевской стороны: «и тако пере^а всими полкы . въѣха Изаславъ шдинъ в полкы ратны^к . и копье свое изломи»³.

Еще одно похожее сообщение находится в статье 1184 г. Лаврентьевской летописи, рассказывающей о начале боя русских дружинников, водимых Всеволодом Большое Гнездо, под стенами Великого города булгар. Здесь первым на штурм позиций неприятеля поскакал внук Юрия Долгорукого Изяслав Глебович: «доспѣвъ с дружиною . возма копье потъче къ плоту . кдѣ баху пѣши вышли из города . твердь оучинивше плотомъ . он же въгнавъ за плоть к воротомъ городнымъ . изломи копье»⁴. Битва на Калке также началась с того, что Данило Романович выехал перед своими полками с копьем и устремился на татар: «Даниль же въѣха на передь . и Семьюнь . Шлюевичъ . и Василко Гавриловичъ . поткоша . в полкы Тотарьскыа»⁵. В битве 1240 г. со шведами Александр Невский храбро сражался впереди дружины и даже, как отметил летописец, «самому королевѣ възложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ»⁶.

Приведенные свидетельства обретают свой истинный смысл, если мы обратимся к одному из ранних известий о князе с копьем. Речь идет о походе княгини Ольги на древлян, описанном в статье 946 г.

В лѣто . ꙗꙗ . ѹ . ѿд . ѿ . Шльга съ снѣомъ Стославомъ . събра вои многи и храбры . и иде на Деревьскую землю . и изыдоша Древляне противу . и снемъшемаса шбѣма полкома накупъ . суну копьемъ Стославъ на Деревляны . и копье летѣвъ сквози оуши коневѣ . и оударѣ в ноги коневѣ⁷.

Из данного сообщения определенно явствует, что бросок копья князем в сторону неприятеля означал начало боя: «и ре^а Свенгелдъ . и Асмудъ . князь оуже почаль . потагнемъ дружино по князи»⁸.

В данном случае, из-за малолетства участие князя с копьем в битве было символическим, во всех других — неприменным личным рыцарским примером. Поэтому летописцы так настойчиво подчеркивали, что князь вступил в бой с копьем «переже всихъ» или «передь всими полки».

Несомненно, копия являлись наиболее массовым видом оружия. Ими были вооружены не только конные, но и пешие воины, так называемые «пешцы». Видимо, пешцы прежде всего. Есть основания утверждать, что именно на копейников возлагалась задача решения исхода боя. В статье 1249 г. *Ипатьевской* летописи, в рассказе о сражении Ростислава Михайловича и союзных ему венгров и поляков с дружинами Даниила Галицкого, говорится, что ломавшиеся копия с обеих сторон напоминали громовые раскаты.

копьем же изломившимса . тако ѿ грома трѣсновление бы^е . и ѿ шбоихъ же мнози падше . с конии оумроша . инии оуазвени быша . ѿ крѣпости оударения копѣиног⁹

О треске копий говорится также в *Слове о полку Игоревем*: «Летят стрелы каленые, гримлять сабли о шеломы, трещать копыя харалужныя»¹⁰. В сражении за Киев в декабре 1240 г., особенно при его штурме татарами, так же было изломано немало копий. Когда киевляне взойшли на избитые вражескими пороками стены города, то увидели «ломъ копѣины . и щитомъ скѣпаніе»¹¹.

В 1251 г., во время военного похода Данила Галицкого на ятвягов, последние не отважились вступить в решающее сражение и ушли «во свояси». Летописец объясняет это тем, что ятвяги увидели перед собой огромное пешее войско, вооруженное щитами, шлемами и копиями: «щитѣ же ихъ ѿко зара бѣ . шоломъ же ихъ ѿко слнцю восходащоу . копиемъ же ихъ дръжащимъ в роука^к . ѿко трѣсти мнози». Ятвяги, судя по всему, не имели аналогичного вооружения. Союзники Данила, названные летописцем пружами, будто бы, обратились к ним с вопросом: «можете ли древо . по^адръжати древо соуличами . и на сию рать деръзноути»¹². Ответом ятвягов было их спешное отступление.

Из статьи 1172 г., рассказывающей о военных столкновениях пряславских дружин, водимых князьями Глебом и Михалком Юрьевичами, с половцами, следует, что именно копьё являлось единицей счета своих и вражеских сил. «бы^е же оу поганы^к . а . [900] копии а в Руси . ч . [90] копии», — заметил летописец. О том, что в схватке сошлись прежде всего копейники, свидетельствует то, что в князя Михалка вонзились три копыя: «Михалка княза оударіша ратнии . двѣма копы . въ стегно а третью . в руку»¹³.

При знакомстве с сюжетами, повествующими о ранениях и гибели князей, обращает на себя внимание, что орудием этих несчастий, чаще всего, являлось копьё. Князь Борис Владимирович был убит в 1015 г. двумя копиями. Изяславъ Ярославович погиб в 1078 г. от удара копыя. Князь Михалко Юрьевич получил ранения в 1169 г. от ударов трех копий. Один из наиболее храбрых князей Руси Владимир Глебович в битве под стенами Переяславля в 1186 г. был ранен также тремя копиями: «шдва изоташа княза боденого . трети копы»¹⁴. От ударов копыя дважды чуть не погиб князь Андрей Юрьевич. Примечательно, что под стенами Луцка на него было обрушено также три копыя, два из них убили коня, а третье угодило в луку седла: «И гнаста по не^м [преследователи — П.Т.], тать бо бѣ двѣма копыема конь подъ ни^м . а третью въ передни лукъ в сѣделныи»¹⁵. Изяслав Мстиславич в битве на Руте 1151 г. был сбит с коня копьём: «и бодоша и с того летѣ с коня»¹⁶.

Трудно сказать, во всех ли случаях князья получали ранения, в том числе и смертельные, от копий, однако летописцы говорят только об этом. Создается впечатление, что они, тем самым как бы намеренно героизируют своих князей. Не исключено, что по неписанным нормам рыцарской этики, именно смерть или ранение от копыя считались достойными князя-воина. Это свидетельствовало о том, что он всегда находился впереди своей дружины, первым устремлялся на противника и первым принимал на себя его удар. Тем самым он наследовал пример далекого пращура Святослава, который перед боем обращался к своей дружине со следующим призывом: «но станемъ крѣпко . азъ же предъ вами поиду»¹⁷.

В заключение — небольшое текстологическое наблюдение, связанное с упоминанием копий, как реплика к дискуссии о характере и возникновении *Галицко-*

Волынской летописи. Речь идет об уже отмечавшейся мной текстуальной зависимости галицко-волынских летописцев от своих более ранних киевских коллег¹⁸.

Статья 1111 г. *ПВЛ*: «и трѣсну аки громъ . сразившима челома».

Статья 1151 г. *Ипат.*: «и съѣхаса переже всихъ . и изломи копье свое».

Статья 1249 г. *ГВл.*: «сразиса с полкомъ . Ростиславлимъ . крѣпко копьем же изломившимса . тако ѿ грома трѣсновение бы^с»¹⁹.

Как видим, западноруский летописец объединил две более ранние фразы (одну из *ПВЛ*, другую из *Киевской летописи*) в одну, что, несомненно, указывает на то, что, во-первых, он работал с тем составом летописей, который нам известен по *Ипатьевскому списку*, а, во-вторых, дописывал свой труд к уже сложившемуся летописному сборнику.

1 *ПСРЛ* 2: 390.

2 *ПСРЛ* 2: 437.

3 *ПСРЛ* 2: 438.

4 *ПСРЛ* 1: 58

5 *ПСРЛ* 2: 743.

6 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, 293.

7 *ПСРЛ* 2: 46.

8 Там же.

9 *ПСРЛ* 2: 803.

10 Лихачев Д.С. *Слово о полку Игореве*. М., 1975, 64

11 *ПСРЛ* 2: 785.

12 *ПСРЛ* 2: 813.

13 *ПСРЛ* 2: 813.

14 *ПСРЛ* 1: 399.

15 *ПСРЛ* 1: 324—325.

16 *ПСРЛ* 2: 438.

17 *ПСРЛ* 1: 70.

18 Толочко П.П. Наследие киевских книжников в Волынской летописи. *Киев и Русь. Избранные труды*. К. 20008, 269—273.

19 *ПСРЛ* 2: 803

Петр Толочко

Печерські пророки

З-поміж багатьох яскравих персонажів *Кієво-Печерського патерика*, життєписи яких ілюструють незвичайну святість Печерського монастиря і його подвижників, даром пророцтва наділяються лише деякі із них. Такою здатністю володів, зокрема, Григорій чудотворець. Приймавши монастирський постриг за ігуменства св. Феодосія, ревними молитвами здобув неабияку силу противитися витівкам бісів. На підісланих ними злодіїв він, наприклад, своїм словом наслав кількадечний сон. Покаявшись, ті, «не възратишася на перваа дѣла своя, но пришедше в Печерський манастырь, вдалася на роботу братии»¹. Самому ж Григорію довелося загинути від рук дружинників князя Ростислава Всеволодовича, який завітав до монастиря, «молитвы ради и благословения, бѣ бо идый противу ратным Половцем съ братом своим Владимером».

Озброєні вершники перестріли Григорія, який йшов до Дніпра й стали насміхатися над ним:

Видѣвше же отроци его старца сего, начаша ругатися ему, метающе словеса срамнаа. Разумѣв же мних всѣх при смерти суца, и нача глаголати: «О чада, егда бѣ требѣ умиление имѣти и многы молитвы искати от всѣх, тогда же вы паче злое творите, яже Богови неугодна суть. Но плачитесь своя погыбели и кайтесе своих съгршений, да поне отраду примете въ страшный день, уже бо вы постиже судъ, яко вси вы в водѣ умрете и съ князем вашим». Князь же, страха божья не имѣа, ни на сердци собѣ положи сего преподобнаго словесъ, мнивъ его пустошь глаголюща, яже пророчествоваше о нем, и рече: «мнѣ ли повѣдаеши съмерть от воды, умѣющу бродити посрѣди ея?». И тогда разгнѣвася князь, повелѣ съязати ему руцѣ и нозѣ и камень на выи его обѣсити, и въврещи въ воду. И тако потоплень бысть².

26 травня 1093 р. під час воєнних маневрів поблизу Треполя Ростислав на очах Володимира Мономаха «оутопе» в Стугні. Зауважуючи, що «ся злоба» сталася у день вознесіння Господнього, літописець співчутливо повідомляє:

Ростислава же искавшее вбрѣтоша в рѣцѣ и вземше принесоша и Киеву. Плакаса по немъ мати ѹго и вси людѣе пожалишася по немъ повелику оуности ѹго ради и собрашася епископи и попове и черноризци: пѣсни вбчычныа пѣвше положиша и оу церкви святаѹ Софѣи оу ѡтца своего³.

Натомість, іншою є тональність оповіді *Кисво-Печерського патерика*, де трагічна загибель Ростислава постає закономірним наслідком його гріховної лютої:

Ростиславъ же, не пщевав вины о грѣсѣ и не идее въ монастырь от ярости. И не въсхотѣ благословения, и удалися от него; възлюби клятву, и прииде ему. Владимир же прииде въ монастырь молитвы ради. И бывшим имъ у Треполя и полкома снемъшимася, Ии побѣгоша князи наши от лица противных. Владимиръ же прѣха рѣку, молитвъ ради святаѹх и благословения, Ростиславъ же утопе съ всѣми своими вои, по словеси блаженаго Григориа: «им же бе, рече, судом судите — судитесь вам, в ню же мѣру мѣрите — възмѣритесь вам» (Мат. VII, 2). Разумѣйте, опасно обидяшии, причю, реченную Господем въ святѣмъ еуаггелии, судию немилостиваго и вдовицю обидимую, къ нему же прихождаше часто и стужаше ему, глаголющи: «мъсти мене от суперника моего» (Лук. XVIII, 3). Глаголю бо вам, яко сътворитъ Господь въскорѣ мечь рабом своим, тѣй бо рече: «мнѣ мечь — и аз отмѣщу» (Рим. XII, 19). Глаголетъ Господь: „не приобидѣте единого от сих малых, яко аггели их всегда видятъ лице отца моего, иже естъ на небесѣх» (Мат. XVIII, 10). Яко праведенъ Господь и правду възлюби, и права видѣ лице его. Еже бо человекъ всѣтъ, то и пожнетъ. Сицева гордым отмъщения, им же Господь противитъ, смиренным же дасть благодать (Притч. III, 34). Тому слава съ Отцем и съ святаѹм Духом нынѣ и присно и въ вѣкы вѣком. Аминь⁴.

Увінчаний квітчастим розсипом біблійних цитат наведений текст є політично нейтральним, дидактичним за своїм характером попередженням про грядуще покарання.

Подібний мотив містить у собі новела *Києво-Печерського патерика* про насельників Варяжської печери Федора та Василя. Якось, знеможений скромною монастирською їжею, Федір став тужити за своїм багатством, що він роздав ідуци до монастиря. Василь як міг розрадив брата і укріпив того у вірі. Та коли Василя було послано жнивувати диявол «обрѣтъ своего зломудриа, преобразився в того брата подобие», знову почав спокушати Федора. Явившись йому у вісні, він вказав ченцю де копати у печері і той викопав там чимало золота і срібла:

И се видѣ въ снѣ бѣса, светла же и украшеннаа, аки ангела, являюща тому сокровища в печерѣ, - и се многажды видѣ Феодор. Днем же многымъ минувшим, пришед на показанное мѣсто и нача копати, обрѣте сукровище, злата же и сребра множество и съсуди многоцѣннии⁵.

Диявол, прибравши на себе образ Василя, став намовляти Федора до втечі з монастиря з тими скарбами. Та тут нагодився справжній Василь і викрив підступні бісівські витівки. Федір знову закопав свої скарби і геть забув про них. Та диявол був невгамонний у своїх лихих намірах. Випробувавши увесь свій диявольський арсенал він таки викував лихо на ченців. Приймавши образ Василя, він обмовив Федора перед боярами князя Мстислава Святополчича, заявивши, що той ховає скарби і збирається з ними тікати. Князь поласився на ті скарби і став домагати від ченців, щоб вони їх видали по-доброму. Коли ж ті заявили, що ніяких скарбів не мають, звелів їх взяти на муки і сам, будучи на підпитку («шюмень бывъ от вина»), з власної руки застрелив Василя із лука. Василь, «изем стрѣлу от утробы своя и верже къ князю, и рече: «сею стрѣлою самъ уязвлен будеши. Еже и събыдється по проречению его»⁶. У червні 1099 р. Мстислав загинув під час облоги Володимира на Волині⁷. Літописець не повідомляє про обставини трагічної смерті князя. Натомість *Києво-печерський патерик* свідчить про те, що Мстислав був застрелений стрілою на заборолі Володимира й, помираючи, буцім-то визнав, що це на нього впала кара за вбивство Василя:

Не по мнозѣх же дньех самъ Мьстиславъ застрелѣнъ бысть въ Володимери на забралехъ, по прорѣченію Василиеву, бияся съ Давыдомъ Игоревичем. И тогда познавъ стрѣлу свою, ею же застрели Василя, и рече: «Се умираю днесъ преподобных ради Василя и Феодора». Да събудеться реченное Господемъ: «всякъ, възимаа ножъ, и ножемъ умираеть», понеже беззаконно убивъ, и сам беззаконно убиен бысть⁸.

Обидва пророцтва не були вимислом⁹, що, за спостереженнями П. Дінцельбахера,

подкрепляет отношение ко всем текстам этого рода как к чисто литературному феномену, а к их возникновению — как продиктованному сугубо практическими, например, политико-идеологическими или дидактическими целями.

Специфика такого типа литературных произведений лежит в универсальном использовании аллегорического языка. Поскольку большинство визионеров/пророчателей были благочестивыми христианами, то и возникающие в их сознании образы имели своим источником текст Библии и иных религиозных сочинений, а при их артикуляции использовались предоставляемые клерикальным дискурсом формальные приемы⁴.

Витворюючи ідеальний образ християнських подвижників, воїнів Христових, середньовічні книжники свідомо наділяли їх провідницькими рисами, що були пов'язані із семіотичними системами християнських тлумачень через низку легко розпізнаваних біблійних цитат. Сан печерського монаха настільки сповнений святощів, що надає йому таку здатність до пророцтв.

- 1 Абрамович Д. Кисво-Печерський патерик (Вступ.Текст. Примітки). К., 1991 [Репринтне відтворення 1931 р.], 134 — 135.
- 2 Абрамович Д. *Кисво-Печерський патерик*, 137.
- 3 *ПСРЛ* 1: 221.
- 4 Абрамович Д. *Кисво-Печерський патерик*, 138.
- 5 Абрамович Д. *Кисво-Печерський патерик*, 163.
- 6 Там само, 170.
- 7 *ПСРЛ* 2: 248.
- 8 Абрамович Д. *Кисво-Печерський патерик*, 170 — 171.
- 9 Порівн.: Вилкул Т. Полезный утопленник. *Родина* 1999. № 4, 42–44
- 10 Динцельбахер П. Видения. *Словарь средневековой культуры* / Под. ред. А.Я. Гуревича. М., 2003, 67.

Володимир Ричка

Догадка о происхождении «ранней» даты основания Софийского собора в Киеве

Дискуссия относительно даты основания Софийского собора в Киеве — одна из наиболее длительных в нашей науке. Она породила внушительную по объему литературу, исчерпывающе охватившую все возможные резоны в пользу каждой из точек зрения и истощившую их круг до полного оскудения. В данной заметке нет возможности даже бегло обозреть соображения, выдвигавшиеся предыдущими исследователями.¹ Поэтому сосредоточимся на одном, но главном аспекте темы — источниковедческом.

Как известно, спор порожден двумя сообщениями о закладке Софийского собора: в *Повести временных лет* и в *Новгородской первой летописи*. Отражающая киевское летописание ПВЛ датирует основание Софийского собора 6545/1037 г.:

Въ лѣѣ . ѡ҃҃҃ . . . ѡ҃҃҃ . мѣ . Заложѣ І҃рославъ . городъ великѣи Кѣѣвъ . оу негоже града врата суть златаа заложѣ же и цр҃квь . ст҃ѣна Софѣѣ . премудрость Бѣю митрополью²

В рамках ПВЛ, сообщение не вызывает никаких сомнений: Софийский собор входил в комплекс нового города, сооруженного Ярославом на месте битвы с печенегами, состоявшейся (согласно рассказу в предыдущей статье летописи) «на поле вне града»:

и сосупишася на мѣстѣ . идѣже єсть нынѣ . стаѣа Софѣя митрополья Роускаа . бѣ бо тогда поле внѣ града³

Статья, разумеется, не современна событию и была внесена в летопись уже после завершения строительства собора, что нисколько не умаляет источниковедческой ценности сообщения.

Напротив, НПЛ датирует закладку Софийского собора 6525 г.:

Въ лѣто 6525. Ярославъ иде къ Берестію. И заложена бысть святая Софія Кыевъ⁴

Если бы в НПЛ это была единственная дата закладки собора, можно было бы смело противопоставлять ее дате ПВЛ и утверждать ее бóльшую древность. Но в НПЛ имеется и другое сообщение о закладке Софии, и при том ясно, что эта запись представляет собой сокращение соответствующего известия ПВЛ:

Въ лѣто 6545. Заложі Ярославъ город Кыевъ, и церковь святѣя Софія⁵

Наличие двух дат в НПЛ, одна из которых непосредственно заимствована из ПВЛ, а происхождение второй неясно, должно указывать, что проблема здесь не фактическая (например, знание о предыдущей Софии, упомянутой Титмаром Мерзебургским), но текстологическая: «ранняя» дата возникла в результате текстуального или хронологического сбоя, произошедшего в процессе сложения НПЛ или ее источника.

Собственно, именно так подходил к делу А.А. Шахматов. Исследователь обратил внимание, что в *Софийской первой* и *Новгородской четвертой* летописях (в конечном итоге, восходящих к одному источнику с НПЛ) сообщение под 6525/1017 г. читается в иной редакции, которую исследователь счел безусловно более первоначальной:

Въ лѣто 6525. Придоша Печенѣзи къ Киеву и сѣкошася у Киева, и едва къ вечеру одолѣ Ярославъ Печенѣгы, и отбѣгоша посрамлени. И заложі Ярославъ градъ великыи Кыевъ и златая врата постави и церковь святую Софію заложі⁶

Если таков действительно был исходный вариант записи, то, разумеется, проблема двух дат исчезает: нет сомнений, что в С1 представлен сокращенный вариант сообщения ПВЛ. Окончательный вывод Шахматова был следующий:

Таким образом оказывается, что и в своде 1448 г., и в Синод. списке, одинаково под 6525 годом помещаются известия, на самом деле относящиеся к другим годам: действительно, нападение печенегов на Киев и поражение их Ярославом

относится к 6544 году (ср. Повесть. вр. лет), закладка св. Софии и города Киева к 6545 (ср. Пов. вр. л.), наконец, поход Ярослава к Берестью относится к 6530 (ср. Пов. вр. л.). Все попытки наших историков оправдать 6525 (1017) год [...] наталкиваются на непреодолимые затруднения.⁷

Шахматов полагал, что ошибка произошла в реконструируемом им новгородском «своде 1167», а сценарий накопления недоразумений видел таким:

Как же попали эти известия в свод 1167 года под один 6525 (1017) год? Думаю, что эти известия перенесены в свод 1167 года из свода XI века, наличием же трех известий без ближайших хронологических определений в своде XI века стоит в связи с отмеченным уже выше обстоятельством: Новгородский свод XI века основывался на Древнейшем Киевском своде; можно думать, что составитель свода XI века сокращал свой киевский оригинал, начиная с княжения Ярослава; и сокращая его, он привел подряд три приведенные нами выше известия. Составитель свода 1167 года, недоумевая, куда их отнести, и не сумев отождествить их с соответствующими известиями Повести вр. лет, поместил все три известия под один год. Происшедший из свода 1167 года свод Германа Вояты, откуда Синодальный список, разделил скопившиеся под 6525 годом известия, выпустил второе из них — о нападении печенегов на Киев.⁸

Построение Шахматова подверглось критике за излишнюю сложность.⁹ Но трудно сомневаться в том, что путь разрешения загадки лежит именно в текстологии летописания, независимо от того, удачным ли оказался именно тот маршрут, который наметил сам исследователь.

Известие о закладке Ярославом Софийского собора содержится в обоих изводах НПЛ: и в Синодальном списке, и в списках т. н. младшего извода. Таким образом, оно происходит из общего обоим изводам текста, который новейшие исследователи определяют как «официальный экземпляр» новгородской владычной летописи. Эта последняя, как полагают, предславляла собой рукопись, возникшую после 1115 г. и подвергавшуюся различного рода изменениям (в том числе и физическим: изымались листы) на протяжении XII и XIII вв.¹⁰

Таким образом, «ранняя» дата основания Софии даже теоретически не может быть старше «поздней» даты ПВЛ. Соблазн отнести ее на счет «Начального свода» (якобы предшествующего ПВЛ) нужно преодолеть. Во-первых, как указывает А.А. Гиппиус, «Начальный свод» был использован в новгородской «владычной летописи» до статьи 1016 г.¹¹ Во-вторых, наличие статьи о закладке Софии под 6545 г. (тождественно с ПВЛ) свидетельствует, что если «Начальный свод» и существовал и даже был использован за пределами границы 1016 г., в нем должна была бы содержаться «поздняя» дата.

К счастью для нас, Синодальный список небызупречен в этой части и ошибки в нем случаются, и именно в сообщениях об освящении киевских церквей. Например, заимствованное из ПВЛ известие о повторном освящении Десятинной церкви в 1039 г. (В лѣтѣ . ѡсѣ . . ѿ . . мѣ . Свѣшна быѣ цркви стѣна

Бѣа. юже созда Володимерьъ шѣъ Йрославль . митрополитомъ Фешпеньтомъ .:·¹²⁾ в результате сокращения передано в том (новгородском) духе, что ее освятил Владимир Ярославич: «Въ лѣто 6547. Освящена бысть церкви святыя Богородиця Володимиромъ».¹³

Итак, «ранняя» дата закладки Софийского собора, представленная в НПЛ, есть результат какой-то ошибки. Какой именно?

Если дата закладки Софийского собора известна в большем числе вариантов, чем нам бы того хотелось, даты освящения собора по каким-то причинам летописи не сохранили. По ряду косвенных признаков определяют, что к концу 1040-х гг. София уже была освящена.¹⁴ Но когда именно?

В месяцеслове *Мстиславового Евангелия* освящение Софии указано под 4 ноября: въ тѣхъ днѣхъ сѣиинѣхъ стѣна софиѣ. иже есть въ киевѣ гра^а сѣина ефремѣмъ митрополитѣмъ.¹⁵ Освящение при митрополите Ефреме указывает на время после смерти Ярослава. Его поэтому считают повторным.¹⁶ Однако в новгородской традиции существовала и иная дата освящения Софии, отличная от указанной в *Мстиславовом Евангелии*. Так, например, древнейший список славянского *Апостола-апракос*, Псковский 1307 г. (ГИМ, Синод. № 722, тот самый со знаменитой припиской Домида), а также ряд прологов отмечают освящение Софии Киевской под 11 мая.¹⁷ Поскольку для освящения собора необходимо, чтобы это происходило в воскресенье,¹⁸ определяют, что событие состоялось в 1046 г., когда 11 мая действительно приходилось на воскресенье.¹⁹ В поисках приемлемой даты при этом исходят из даты закладки, сообщаемой ПВЛ: 1046 г. единственный приемлемый между 1037 и 1054 гг.

Но предположим, что о времени основания собора известно только, что он заложен Ярославом. В таком случае, оказывается, что 1046 г. — не единственный, когда в правление князя 11 мая приходилось на воскресенье. Поскольку одни и те же даты приходятся на тождественные дни недели в 28-летнем цикле (так называемый солнечный цикл или «круг солнца»), нетрудно определить, что совпадение произошло еще раз в 1018 г.²⁰ Следовательно, закладку собора необходимо предположить несколько ранее, отодвинув от даты освящения хотя бы на один год. Получаем — 1017 г.!

Почему новгородский летописец не отодвинул закладку Киевской Софии ранее 1017 г. (ведь очевидно, что строительство должно было бы занять более длительное время)? Здесь, вероятно, сыграло роль еще одно совпадение, довольно символическое. Между 1017 (закладка Киевской Софии) и 1045 (закладка Новгородской Софии) годами — уже знакомые нам 28 лет, «круг солнца». Закладка кафедрального собора — событие чрезвычайное. Зная общее правило приурочивать торжественные события к воскресному дню, его также следует предполагать в воскресный день. Вероятно, закладка Софийского собора в Новгороде (хотя об этом и нет определенных известий) была совершена в воскресенье. Если летописец полагал именно так, он, опять таки, путем нехитрой арифметики, определял, что предыдущее перед 6553/1045 г. (закладка Новгородской Софии) воскресенье приходилось на тот же день ка-

лендаря именно в 6525/1017 г., ровно одним «кругом солнца» ранее, символика, которая могла показаться значимой для новгородского летописца.

- 1 См. обзор мнений в: Толочко П.П. *Исторична топографія стародавнього Києва*. К., 1970, 93–104; а также литературу в: Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237)*. СПб., 1996, 38–39, где, к сожалению, даже после дополнений редактора осталась недостаточно учтена библиография украинских исследователей.
- 2 *ПСРЛ* 2: 139; *ПСРЛ* 1: 151.
- 3 *ПСРЛ* 2: 138; *ПСРЛ* 1: 151.
- 4 *ПСРЛ* 3: 180.
- 5 *ПСРЛ* 3: 180.
- 6 *ПСРЛ* 5: 88. В Н4 порядок фраз изменен: «Въ лѣто 6525. Заложы Ярослав градъ великий Киевъ и Златаа Врата постави, и церковь святыя Софѣя заложы. Придоша Печенѣзи къ Киеву и всѣкошася в Киевѣ, и одва къ вечероу побѣди Ярославъ Печенѣгы, и отбѣгоша» (*ПСРЛ* 4: 108).
- 7 Шахматов А.А. *Разыскания о древнейший русских летописных сводах* (Шахматов А.А. *Разыскания о русских летописях*. М., Жуковский, 2001), 167.
- 8 Шахматов А.А. *Разыскания о древнейший русских летописных сводах*, 168.
- 9 Назаренко А.В. *Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий*. М., 1993, 184–185.
- 10 Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись XII — XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005*. М., 2006, 123–124.
- 11 Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись XII — XIV вв. и ее авторы, 124.
- 12 *ПСРЛ* 2: 141.
- 13 *ПСРЛ* 3: 16.
- 14 Andrzej Poppe, “The Building of the Church of St Sophia in Kiev,” *Journal of Medieval History*, 7 (1981) (перездано в: Andrzej Poppe, *The Rise of Christian Russia* (London: Variorum, 1982).
- 15 *Апракос Мстислава Великого*. М., 1983, 234 (174г). 4 ноября как память освящения Софии присутствует и в прологах, см.: Лосева О.В. *Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков*. М., 2009, 179–180.
- 16 Если освящение митрополитом Ефремом происходило в воскресенье, единственным годом может быть только сентябрьский 6565. Дата красива своей симметричностью, но неясно, могло ли придаваться этому какое-либо значение. Тем не менее, нельзя не обратить внимание на поразительную «регулярность» дат, связанных с Софией: 6525–6545–6565 (с равным интервалом: 20–20–20).
- 17 См., например: Лазарев В.Н. *Мозаики Софии Киевской*. М., 1963, 55; Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии. *Византийский временник*, 28 (1968), 92–96; Аментьев К.К. Мозаики Киевской св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте. *Byzantinorossica*, 1 (1995), 80.
- 18 Аментьев К.К. Мозаики Киевской св. Софии и «Слово» митрополита Илариона, 80. Анджей Поппэ оспорил это распространенное в литературе мнение, утверждая, что освящения храмов не обязательно происходили именно по воскресеньям. В подтверждение своего мнения он привел случаи освящения Успенского собора Печерского монастыря (14 августа во вторник, в канун Успения Богородицы) и Борисо-Глебской церкви в Вышгороде (1 мая в субботу) (Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии, 93). Вполне справедливые, эти примеры не вполне применимы: указанные храмы имели конкретные посвящения и, естественно, освящения подгадывались к храмовому празднику. София не была посвящена определенному празднику и, следовательно, не было нужды в привязке к какому-то определенному дню календаря. Известие об освящении Новгородской Софии на Воздвиженье креста (14 сентября 1050 г., следовательно, во вторник) впервые появляется только в Софийской первой и Новгородской четвертой летописях (*ПСРЛ* 5: 130; *ПСРЛ* 4:117). Поскольку предшествующее новгородское летописание такой даты не содержит, можно предполагать ее позднее, XV в., происхождение в общем для двух летописей протографе. Во всяком случае это довольно поздние источники, чтобы им доверять безусловно.
- 19 Аментьев К.К. Мозаики Киевской св. Софии и «Слово» митрополита Илариона, 80. 11 мая как день освящения Софии подкупает своей очевидной связью с днем освящения Софии

Константинопольської і «днем рождения» Нового Рима (см.: Лисовой Н.Н. Под знаком Софии (к предыстории идеи Третьего Рима). *Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика*. М., 1985, 58–64; Акентьев К.К. Мозаики Киевской св. Софии и «Слово» митрополита Илариона, 80–84).

- 20 Розуміється, совпадення будуть спостерігатися і всередині сонячного циклу, але визначення всіх співпадень вимагає додаткових обчислень, в той час як 28-річний цикл дає можливість простого і безшарудного визначення *самого раннього* з можливих співпадень. Знання «круга сонця» (як і «круга луни») вимагалося для визначення дня Пасхи. Єсть неперечене свідчення, що літописці мали таке знання. Стаття 6615 г. в ПВЛ, наприклад, датується наступним чином: «В лѣтѣ . љс . х . еї . индикта . луны . д . лѣтѣ . а слѣдчаго круга . и . лѣтѣ» (*ПСРЛ* 1: 281)

Алексей Толочко

«Феодосіів монастир Печерський»

Саме так названа київська обитель в заголовку *Повісті временних літ* (далі – ПВЛ) у Іпатіївському, Хлебниківському та Радзивилівському списках. Спеціальну розвідку цьому рідкісному звороту нещодавно присвятив О.П. Толочко. Дослідник висунув ідею про пізнє походження звороту «Феодосіів монастир», яке подибується у *Київському зводі* під 1182 р.¹ Це могло б означати, що ця унікальна назва належала до індивідуального словника укладача *Київського зводу*, з'явилась не раніше 1182 р. і саме з-під руки цього літописця потрапила до заголовку ПВЛ. В свою чергу звід вийшов зі стін Видубицького монастиря.

Приймаючи основний висновок (щодо пізньої появи розгорнутого заголовку ПВЛ), звернемося до побічного питання: чи був вказаний зворот вигаданий автором *Київського зводу*, чи існував раніше, і як саме був винайдений? За словами вченого, такий зворот не міститься у жодному іншому тексті «у всій домонгольській літературі». Це не зовсім так. Вислів уперше вжито як раз у ПВЛ, у статті під 1074 р., де розповідається про смерть Феодосія, а принагідно про видатних подвижників обителі. Стаття завершується такими словами:

таци ти бѣша черноризци . Феодосѣева манастира . иже ситають и по смѣрти тако свѣтила . и молатъ ба за сдѣ сущою брагю . и за мирскую брагю . и за приносачаа въ манастирь . в немже и донѣнѣ добродѣтельное житѣе живуть вбще вси вкупѣ . в пѣнни и в млтвахъ . и послушаньи на славу Бѣ всемогущему . и Феодосѣевами млтвми сблюдаеми . ѣмуже слава аминь ·:· (Лавр, арк.. 66 зв.).

Для автора цієї та усіх інших «печерських оповідей» Початкового літопису характерне вшанування Феодосія; фактично монастир постає саме як його дітище. Тому саме його логікою могло постати це іменування монастиря. Слід відмітити, проте, що для автора «печерських оповідей» це було ситуативним зворотом, і не відображало ані його власну, ані загальнопечерську номенклатуру. У наведеному уривку титулування монастиря Феодосієвим, а не Печерським, на-

дає тексту літературної витонченості, «ритмічності» та черговий раз підкреслює зв'язок особи Феодосія та всієї обителі.

Звернемося тепер до другого випадку уживання звороту «Феодосіїв монастир» в літописі. Під 1089 р. зазначено: «[С]їна быѣ цркви Печер]скаа с̄тыа Бѣа . манастира Ѡсѡдосъева» (Лавр, арк. 69 зв., пропуск — з РА). Тут уже означення «Феодосіїв» не заміняє означення «Печерський». Цікавий нам зворот уже не є ситуативним, а радше самостійною назвою монастиря. Дане уживання звороту, напевно, є вторинним по відношенню до статті 1074 р: у оповіді про печерських ченців він з'являється випадково з логіки літературної вишуканості тексту, а тут – відривається від контексту, перетворюючись на повноцінну формулу. Можна було б дорікнути, що вислови статей 1089 р. та 1074 р. не тотожні аналогічному з заголовку ПВЛ: вони не «розгорнуті». Проте, і під 1182 р. з двох випадків уживання звороту в одному лиш ужито «повну» його форму — «*Феодосъевъ манастирь Печерський*», в іншому — така ж коротка, як і в ПВЛ — просто «*Феодосъевъ манастирь*». Тому, немає підстав не ставити усі ці вислови в один ряд.

Хто ж стояв за свідомим творенням цієї назви обителі? Який контекст і паралелі має стаття 1089 р.? Найпершим кидається в очі майже ідентичний за структурою запис 1088 р.: «Свѣена быѣ цркы с̄тго Михайла . манастира Всеволожа». «Манастирь Всеволожь» і «манастирь Феодосъевъ» — по суті, одна формула з різним наповненням, де монастирі названі за іменами людей, з діяльністю яких найбільше отожднюються.

Але придивімося до цілісного запису про Михайлівську церкву під 1088 р., що структурно подібний до запису наступного року про церкву Печерську:

Свѣена быѣ цркы с̄тго Михайла . манастира Всеволожа . митрополитомъ Ивановъ . [и епѣпы . Лоукою . Исаиємъ . Иваномъ] а игуменьство тогда держащю того манастира Лаз[ареви];

[С]їна быѣ цркви Печер]скаа с̄тыа Бѣа . манастира Ѡсѡдосъева . Іваномъ митрополитомъ . і Лукою Бѣлогородскымъ епѣпомъ . Исаиємъ Черниговскымъ епѣпомъ при блгороднѣмъ князи . Всеволодѣ . державному Русьскыа земля . и чадома юго Володимера . и Ростислава . воеводство держащю Къїевскыа тысаща Іневи . игуменьство держащю Івану .:

Відзначимо декілька моментів. Так, увесь підкреслений текст виглядає додатком до початкового короткого запису про освячення церков. Крім того, підкреслені відтинки тексту, що становлять тіло записів, є специфічними «протокольними формулами», складеними у єдиній манері. Найвірогідніше, вони належать одному літописцю, тому ж, хто вживав «формульні назви» монастирів. Вельми подібні протокольні переліки з поіменним перерахуванням високопоставлених духовних та світських осіб, крім цих повідомлень, подібуються у трьох описах перенесення мощів: Бориса і Гліба у 1072 р. і 1115 р. та Феодосія у 1091 р. Під 1072 р., як і під 1088 та 1089, згадуються й світські особи (Чудин) та вжито характерне поняття «держати»: «*бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ . а цркъвь Лазорь*». Останній — очевидно, вже знайомий нам із запису 1088 р. Лазар².

Людина, яка внесла у літопис всі ці протокольні переліки, вочевидь мала зв'язок з Видубицьким монастирем, імовірно, близько знала Лазаря та, судячи з тексту під 1089 р. та опису борисоглібського перенесення 1115 р., була лояльна до Всеволода. Єдина відома постать, що точно мала справу з укладанням літопису і відповідала б усім вказаним характеристикам — це ігумен Видубицького монастиря Сильвестр. Навздогін цьому висновку зазначимо, що структура протокольного переліку під 1089 р., його манера і граматичний лад дуже близькі до тих, що містяться у колофоні Сильвестра 1116 р.:

Игумень Силивестръ ста^ѣ Михаила . написа^х книги си Лѣтописецъ . надѣаса ѿ Ба
мл^ѣтъ приати . при князи Володимерѣ . княжашю юму Къєвѣ . а мнѣ в то время
игуменащю . оу ста^ѣ Михаїла

Зі сказаного вище впливає кілька висновків. По-перше, є підстави приписувати всі п'ять «протокольних переліків» руських достойників одному авторові, а саме Сильвестру. Разом з тим, не до кінця ясне співвідношення між його текстами у ПВЛ (в межах аналізованих повідомлень) та попередніх записів. Наприклад, якщо ми ладні атрибутувати всі «печерські оповіді» окремому літописцю, що працював до видубицького ігумена, то доведеться твердити, що перелік ієрархів під 1091 р. (а, можливо, і 1072) був досить органічно вставлений у тіло існуючої статті. Проте, цей сумнів не настільки сильний, бо ми також недостатньо знаємо манеру роботи ранніх літописців з текстами попередників і міру їх творчої обробки при інкорпорації у власний твір.

По-друге, можна припускати, що, укладаючи ПВЛ, Сильвестр скористався з вислову, досить випадково випущеного його печерським попередником, і перетворив його у власних записах на самостійну назву сусідньої обителі. Подальша доля вислову не позбавлена іронії. Укладачі *Київського зводу*, увівши дивну назву монастиря у літописну статтю 1182 р. та у заголовок ПВЛ, як з'ясувалося, не вгадали її. Вони запозичили її з тієї ж ПВЛ. Найцікавіше — вони, імовірно, не підозрювали, що ПВЛ складена їхнім колишнім ігуменом і, завваживши численні печерські повідомлення, вирішили, що мають справу з твором печерянина³. Тому вони й ввели вказівку на чорноризця «Феодосьєва манастиря Печерського» у заголовок ПВЛ, використавши безпосередньо формулу справжнього автора — видубицького чорноризця.

1 Толочко А. О заглавии «Повести временных лет». *Ruthenica* V (2006), 250–251.

2 Така ідентифікація тим більш вірогідна, що Лазар був двічі попередником Сильвестра: як видубицький ігумен та як переяславський єпископ.

3 Це, між іншим, може означати, що у київському тексті ПВЛ не було приписки Сильвестра, з якої пізніші літописці довідалися б про авторство свого ігумена.

Товары — станы — колымаги

Вынесенные в заглавие данной заметки слова в древнерусских летописях имели тождественное значение. Ими, в разное время, назывались временные лагеря, обустройстваемые рускими или их неприятелями во время военных походов.

Хронологически наиболее ранним в этом синонимическом ряду является термин *товары*. Впервые в значении «лагеря» употреблен в летописной статье 993 г., рассказывающей о военном противостоянии дружин Владимира Святославовича с печенегами под Переяславлем. После переговоров между киевским князем и печенегским ханом, завершившихся обоюдным согласием решить исход противостояния поединком богатырей, Владимир вернулся в расположение своих дружин. В летописи об этом сказано: «Володимеръ же пришедь в товары посла по товаромъ бирича глѧ нѣтуть ли такаго мужа . иже бы са галь с Печенѣжаниномъ браѣ». ¹

В аналогичном значении термин *товары* употреблялся летописцами вплоть до начала XIII в., причем, не только по отношению к руским, но и их соседям. Когда, в 1159 г. Изяслав Давидович понял, что черные клобуки готовятся ему изменить, он поскакал в расположение их войск, но увидел только брошенные и подожженные ими лагеря: «Изаславъ же врозумѣ лещь ихъ . и всѣдше на конь гна до товарищ ихъ . и види товарища гораща». ²

В большинстве случаев *товары* представляли собой своеобразные укрепленные базы, из которых наносились удары по оборонявшимся и в которые нападавшие затем возвращались. Так было, в частности, во время похода Владимира Мономаха на Глеба Всеславича в 1116 г. Подойдя к Смоленску и обнаружив, что Глеб закрылся в городе, Владимир начал подготовку к длительной его осаде. Он не только расположил перед городом свой *товар*, но принялся возводить в нем стационарные сооружения: «Володимеръ же нача ставити истьбу. оу товара своего . противу граду» ³. Увидев это, Глеб, как заметил летописец, «оужасеса срѣцмь» и немедленно согласился сдать Смоленск.

В 1151 и 1157 гг. из своих военных лагерей предпринимали атаки на Киев и Владимир-Волынский дружины Юрия Долгорукого. Киевляне «вни ис Киева в насаде^х выѣздаху битьса . а вни ис товаръ . и тако быяхутса крѣпко»; ⁴ «и заоутра же в недѣлнѣи днѣ поидоша к городу и с товары». ⁵

Что представляли собой эти *товары*, в летописи не говорится. Однако, едва ли будет ошибкой представить их в виде походных военных лагерей, состоявших из обозных телег, на которых следовали к месту сражения дружинники, их тяжелое вооружение, продукты питания и фураж, а также шатров. В пользу такого предположения свидетельствуют те сообщения, в которых речь идет о передвижении *товаров*. Василько Теремовский мотивировал невозможность остаться в Киеве для празднования именин Святополка Изяславича тем, что «оуже есмь повелѣ^ѧ товаромъ поити переди». ⁶ В 1151 г., осуществив марш-бросок от Треполя к Киеву, дружины Изяслава Мстиславича, не заходя в город, «стаста товары пере^ѧ Золотыми вороты . оу Изины». ⁷

О том, что *товары* суть не что иное, как обозы, отчетливо свидетельствует летописная статья 1152 г., в которой упоминаются кони «товарные». Учитывая, что здесь же говорится и о конях «поводных» можно утверждать, что в первом случае имелись ввиду тягловые или упряжные лошади.

К началу XIII в. термин *товары*, в значении военного лагеря, в *Галицко-Волинской летописи* уступает место двум другим — *станам* и *колымагам*. Первый из них был более распространен и привычен современникам. Он упомянут в статьях 1208, 1224, 1229, 1246, 1251, 1252, 1254 и 1259 гг. Второй употреблен только в трех случаях, при этом каждый раз сопровождается еще и объяснительным словом. Статья 1208 г. Обстреляв венгров и русских из луков, половцы «возвратишаса во колымагы свои. и рекше во станы». ⁸Статья 1251 г.: «наоутрѣа же собращаса вси Йтвязѣ. пѣщци и сноузничѣ . мнози зѣло . тако и лѣсомъ ихъ наполюгнитиса . воставше же зажьгоша колимогы своя . рекше станы». ⁹Статья 1254 г. Данило Галицкий, приказав сыну Льву пожечь окрестности немецкого города на реке Опаве, заявил, что он, тем временем, вернется в лагерь: «азъ же поидоу во колымагъ свои . рекше во станъ». ¹⁰

Необходимость объяснения слова *колымаги* вызвана тем, что для самих летописцев оно было новым. Редакторы новейшего *Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.* по каким-то соображениям не решились включить его в состав словаря. Впрочем, И.И. Срезневский среди значений слова упоминает «шатер» и *castellum*. Он же, указав на присутствие слова в переводных произведениях (среди иных, в *Хронике* Иоанна Малалы), предположил заимствование из греческого. ¹¹ Отрицая предложенную Срезневским этимологию, Макс Фасмер полагал *колимог* заимствованием из тюркского, что как будто подтверждается «постмонгольским» контекстом появления слова в *ГВл.* ¹² Татьяна Вилкул, вслед за И.Н. Срезневским, также считает термин «колымаги» заимствованным *ГВл* из *Хроники* Малалы. ¹³ Каково бы ни было происхождение слова, поскольку в древнерусском языке оно обозначало «телегу» и «шатер», а в позднейших славянских языках — «ломовую телегу», «повозку», «свадебный поезд» и также «шатер», можно думать, что и в своем родном языке оно имело такое же значение.

Следовательно, *колымаги*, объясненные летописцем как *станы*, были тем же, что и *товары* для более раннего времени.

1 ПСРЛ 2: 107.

2 ПСРЛ 2: 501.

3 ПСРЛ 2: 283.

4 ПСРЛ 2: 423.

5 ПСРЛ 2: 486.

6 ПСРЛ 2: 233.

7 ПСРЛ 2: 427.

8 ПСРЛ 2: 726.

9 ПСРЛ 2: 811.

10 ПСРЛ 2: 824.

11 Срезневский И.И. *Материалы для словаря древне-русского языка*. Т. 1. СПб., 1893, 1252–1253.

12 Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 2. М., 1986, 291.

13 Вилкул Т.Л. Галицко-Волинський літопис про постриження литовського князя Войшелка. *ВІЖ*. 2007, № 4, 26–37.

«Поморье» в Слове о полку Игореве

Одной из проблем в изучении *Слова о полку Игореве* является локализация упомянутого в нем «Поморья». В тексте оно названо в составе «земли незнаемой», к которой обращается Див — «велить послушати земли незнаемѣ, Вльзѣ, и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню». Более того, возможно, что его аксиологическое значение в контексте упоминания является очень существенным, учитывая аналог из *Пролога* 1262 г. — «Сѣ присный братъ великаго апостола Петра... проповѣдаше по всему Поморию Вифунія»¹. Знаковость упомянутого в обоих случаях «Поморья», подчеркивается нарочитой сопоставимостью действий Дива, — «велить послушати», — наделенного чертами антихриста², и апостола Петра — «проповѣдаше».

«Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» кратко сообщает, что «Поморье — местность на берегу моря»³. Его месторасположение неизвестно и по этому поводу высказывались различные мнения. Существующие версии локализации *Поморья* сводятся к двум основным. Первая — это побережье Черного или Азовского моря, населенное в какой-то части готами, — имеет один существенный недостаток: такого топонима с такой локализацией в древнерусских текстах нет. Вторая версия исходит из известной древнерусским текстам локализации народа поморов на берегу Балтийского моря. Даже по формальным признакам возможное отношение «поморья» Балтийского к ареалу, на котором происходят описываемые в *Слове* события, вызывает большие сомнения. Это мнение стало, тем не менее, преобладающим, так как «поморье» связывают с прекрасными («красными») жителями о. Готланд на Балтийском море, которые по тексту *Слова* «вспѣша на брезѣ синему морю» якобы по поводу поражения князя Игоря от половцев и прекращения торговли с Русью на морских судах — «бусах» («Се бо Готския красныя дѣвы ... поють время бусово»).

Между тем, топоним *Поморье* существовал как минимум до первой четверти XIV в., локализуясь на побережье между Сурожем и Корсунем, издавна населенном готами. Так, Прокопий Кесарийский в 560 г. сообщает:

что касается городов Боспора и Херсона, которые являются *приморскими* [здесь и далее выделено мною — В.С.] городами ... Здесь же, на этом же *побережье* есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы... Сама область Дори лежит на возвышенности⁴.

А.А. Васильев переводит это место — «страна на *морском побережье*, по имени Дори»⁵. В сер. VIII в. в разгар гонений на иконопочитателей при императоре Константине св. Стефан Новый советовал использовать в качестве убежища «северные склоны берегов Евксинского Понта, побережные его области, лежащие по направлению к Зикхийской епархии, и пространства от Боспора (Керчи), Херсона, Никопсиса по направлению к *Готии низменной*»⁶. К 1771 г.

относится сообщение о том, что над воротами Каламиты (Инкерман) имелась греческая надпись (рис. 1) следующего содержания:

Построен храм сей с благословенною крепостью, которая ныне зрится, во дни господина Алексея, владетеля города Феодоро и Поморья, и ктитора святых, славных, боговенчаных, великих царей равноапостольных Константина и Елены в месяце октябре индикта шестого, в лето 6936 (1427)⁷.

Рис. 1.

П.И. Кеппен, впервые исследовавший эту надпись, перевел слово *παρθαλασσίας* как «приморского берега»⁸. А.А. Васильев, сопоставив *Χώρα χατά τήν παρὰ λίαν...* Прокопия Кесарийского и *παρθαλασσία* надписи 1427 г., пришел к выводу, что оба термина передают одну и ту же этно-политическую реалию — «готское побережье»⁹.

Упомянутый в надписи «господин» Алексей — это, очевидно, сын Стефана Васильевича Гавраса, представителя древнего опального византийского аристократического рода, предки которого в середине XII в. под давлением Комнинов перебрались из Трапезунда в Таврику. Кстати, вытеснивший Гаврасов Мануил I Комнин неожиданно в свой титул под 1166 г. ввел характерное уточнение — «август готов»¹⁰. В 1399 г. Стефан Васильевич переехал в Москву «из вотчины из Судака, да из Кафы, да из Мангупа» и служил великому московскому князю со своим вторым сыном Григорием под фамилией Ховра. Князь Алексей претендовал на прибрежные территории, подконтрольные генуэзцам с 1380 г. по договору с татарским ханом. К 1427 г. он восстановил порт Каламиту (Инкерман), а весной 1433 г. захватил и Чембало (Балаклаву), получив все основания называться «владельцем Поморья».

Столица княжества Феодоро, которым остался править младший сын Стефана Васильевича, располагалась на территории горы Мангуп, где, в 1912 г. была найдена еще одна датированная 1425 г. надпись (рис. 2):

была построена эта башня вместе с дворцом в благословенной крепости, которая видна ныне, во дни Алексея, владыки Феодоро и Поморья¹¹

На обеих надписях — 1425 и 1427 г. — повторяются в одинаковом сочетании, слева направо — генуэзский герб, монограмма князя Алексея и герб Па-

Рис. 2.

леологов в виде двуглавого орла. Интересно, что в самой Византии с 1327 г. утвердился иной герб — с четырьмя буквами «В» (Василевс). Двуглавый орел, избранный Палеологами в качестве фамильного герба, на закате империи приобрел значение государственного. Его они унесли в изгнание; его восприняла Русь как символ преемственности «странствующего царства»; на него же, очевидно, не без оснований претендовали князья Феодоро.

В 1426 г. дочь князя Алексея была обвенчана с Давидом Комниным, nasledовавшим престол в Трапезунде. В Трапезундской хронике она названа «василиссой»¹². В 1472 г. племянница князя Алексея стала женой Стефана III Великого. Она официально именовалась «господарьней Молдавской» и «Палеологиней» и пользовалась монограммой Палеологов¹³. В этом же 1472 г. великий князь Иван III женился на Софье Палеолог, в свите которой на Русь прибыл князь Константин Гаврас. После этого Иван III начал вести переговоры о женитьбе своего сына на мангупской княжне из рода Гаврасов. Переговоры были сорваны Стефаном III, конкурировавшим с московским великим князем в борьбе за обладание наследием Палеологов.

Следовательно, можно предполагать, что надписи, в которых обозначен титул князя Алексея, — «князь Феодоро и Поморья», — носили официальный характер и означали, что правитель горной Таврики владел западным побережьем и претендовал на Южнобережье, некогда бывшее уделом Византии, обозначенное в титуле как *Поморье*. Одновременно он позиционировал себя как преемник прав византийского императорского дома Палеологов. А значит, термин Поморье, очевидно, функционировал и в эпоху Палеологов, т. е. не позднее рубежа XII–XIII вв., когда он имел не только географическое, но и политическое значение, несомненно известное автору *Слова*. В противном случае его использование в XV в. в титуле, сопровождавшемся гербом Палеологов, теряло всякий практический смысл.

Кстати, на плоскогорье Мангуп, где в XIV в. была устроена столица княжества Феодоро, с VI в. располагалась древняя столица готов. Роль готов в жизни средневекового Крыма, вероятно, была значительной, если в византийских источниках его называют Готией. Традиция эта, скорее всего, основывается на сообщении Прокопия Кесарийского о том, что «в прежние времена племена готов назывались также скифами, так как все те племена, которые занимали эти мест-

ности, назывались общим именем скифов»¹⁴. Это известие буквально повторено в *Изборнике Святослава 1073 г.*: «Скоуфию же нарицають ветьсии страну ту всю сѣверскоу иже соуть Готфи· и Давъние· да тоу оубо въутрь· въ поустыни Великыя Скоуфия· есть дѣбрь зѣло глубока и челоуѣкомъ невѣходьна»¹⁵. Кстати, с готами Прокопий прежде всего связывал все побережье от Боспора до Херсонеса. Через несколько столетий буквально то же повторил Вильгельм де Рубрук, который в 1253 г. видел на южном побережье Крыма замки, в которых «было много готов, язык которых немецкий». Посредством переезда в Крым Гаврасов в сер. XII в. Комнины приобрели титул «августа готов», что также позволяет видеть в них титульную народность крымского побережья, входившего в сферу интересов Византии. По мнению А.Н. Карсанова, как раз крымские готы и упомянуты в *Слове*, когда речь идет о «готских красных девах»¹⁶. Как мы помним, и они локализируются автором *Слова* «на брезѣ синему морю», который нет основания не сопоставить с *Поморьем*. Поэтому упоминание в *Слове Поморья* в значении крымского побережья, населенного готами, приобретает знаковый характер и отражает византийские геополитические представления VIII–XII вв., несомненно известные в Древней Руси.

Христианство среди готов распространилось с середины III в., причем, возможно, прямо из Иерусалима. В IV в. на готский язык было переведено Святое писание. С этого же времени образуется готская епископия, а с XIII в. и митрополия, подчинявшаяся непосредственно константинопольскому патриарху. Статус Готской митрополии был достаточно высок уже в то время, когда в Херсонесе-Корсуни и Сугдее-Суроже христианство еще не стало массовым. Упоминания о давнем готском языке, исчезнувшем в Европе к X в., в Крыму встречаются вплоть до XVIII в. По словам путешественника начала XV в. Иосафата Барбаро именно готский язык называли «татским», а жителей Мангупа — татами. Возможно, что в Крыму «татами» называли всех горцев вообще¹⁷.

В этой связи вызывают интерес упомянутые в *Слове* воины князя Ярослава Черниговского — «татраны». Этимология этого названия, в основном, сводится исследователями к тюркской лексике. Как альтернативная предлагалась версия его происхождения от известного в чешском языке *tatran*, «житель Татр»¹⁸. При этом интересно, что сравнительно-сопоставительный анализ остатков языка таврических готов выявляет его значительную отдаленность от собственно готского языка и его синхронность с формами ранне-ново-верхненемецких диалектов¹⁹. Поэтому можно предположить, что чешское *tatran* является составным из *tata* и *ran*, где вторая составная передает тавроготское «дождь» — *reghan*, др.-в.-нем. *regen*, англ. *rain*. Второе «е» в слове *reghan* в тавроготском слабопроизносимо, а первое «е» перешло в общегерманское «а». Предполагаем, что *tata* — это производное от формы указательного местоимения ср. рода ед. числа — готского *thata*, т.е. «это».

Еще более показательна этимология упомянутых там же в *Слове* названий «шельбиры» и «ольберы». Их общее *бир-бер* легко сводится к тавроготскому *baar*, «парень», зафиксированному в записках германского посла Бусбека, сделанных им в Константинополе в кон. XVI в. Сочетание «ол» передает тавро-

готское *ael* из тех же записей, т. е. «камень», «скала»²⁰. Вместе *aelbar* произносится как «олбер» и переводится как «парень скал». Буквенное сочетание начала первого названия, — «шел», — может с одинаковым успехом быть производным от двух тавроготских слов: «скалистый выступ» — *sulter* или «щит» — *suldan*. Склоняемся к первому, т. к. *t* между двумя звонкими согласными легко теряется и получается *sulbar* с шипящим *s*, т. е. тот же «парень скал». В таком случае этимология всех трех названий прямо или косвенно связана с горами — «татами», Татрами, скалами. И это, наверное, естественно, если учесть, что столица готов располагалась на плоскогорье Мангуп.

Крымские готы, которые по словам Прокопия Кесарийского «в военном деле превосходны»²¹, охотно принимались на службу византийскими императорами, а также составляли костяк вооруженных сил княжества Феодоро в XV в. Германский посол Авгерий Гизлер фон Бусбек записал в конце XVI в., что «народ, готы, весьма воинственен... и что они предоставляют татарскому хану, когда ему есть в том нужда, 800 легковооруженных солдат, составляющих ядро татарского войска»²². Эвлия Челеби во второй пол. XVII в. сообщал по случаю о прибытии «200 прекрасных стрелков их Татского иля»²³. Возможно поэтому отряды крымских готов мы обнаруживаем в тексте *Слова* на службе у черниговского князя.

Можно предположить, что этноним «готы», как о том свидетельствуют Прокопий Кесарийский и *Изборник 1073 г.*, заменил «скифов» в обозначении некоей территории, расположенной на северной окраине византийского мира, включавшей Крым. В таком случае, под «землей незнаемой» в *Слове* мог подразумеваться некий исторический регион, который «ветьсии», т. е. «древнии» называли «страной северьской» в составе византийской ойкумены и который, наряду с Волгой, Посульем, Сурожем и Корсунем, включал крымское *Поморье*. Его границы, возможно, совпадали с границами Зикхийской епархии, включавшей епископства Фуллов, Готов, Корсуня, Сурожа-Сугдеи, Боспора, Матрахии и Никопсии. Ведь еще в сер. IX в. епархия Готии объединяла важнейшие центры Хазарского каганата, в т. ч. епископства Хвалиское на Нижней Волге и Тиматархи-Тьмутаракани.

- 1 Поморие. *Словарь древнерусского языка (XI–IV вв.)*. Т. VII. М. 2004, 135.
- 2 Ставиский В.И. Мироззрение автора «Слова о полку Игореве» и культура его времени. *ТОДРЛ*. Т. 43. Л., 1990, 133–135.
- 3 Поморье. *Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»*. Вып. 4. Л. 1973.
- 4 Прокопий Кесарийский. О постройках. (Пер. С. П. Кондратьева). *ВДИ*. 1939. № 4, 249.
- 5 Васильев А. А. Готы в Крыму. *ИРАИМК*. 1921. Т. 1, 309.
- 6 Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового. *Труды*. Т. 2, ч. 2. СПб., 1912, 324–325.
- 7 Фадеева Т.М., Шапошников А.К. *Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник*. Симферополь, 2005, 38.
- 8 Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. *Крымский сборник*. СПб., 1837, 219.
- 9 Васильев А.А. *Готы в Крыму*. Т. 1, 311, прим. 1.
- 10 Васильев А.А. Готы в Крыму. *ИРАИМК*. 1927. Т. 1, 260.
- 11 Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа. *ИГАИМК*. 1933. Вып. 71, 34.
- 12 Кеппен П. О древностях, 221.
- 13 *Путеводитель по Св. Афонской горе и указатель ея святынь и прочих достопамятностей*. СПб., 1871, 120.

- 14 Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «Длинные стены» в Крыму. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики*. Вып. 2. Симферополь, 1991, 105–118.
- 15 *Изборник Святослава 1073 года*. Факсимильное издание. М., 1983. Л. 153.
- 16 Карсанов А.Н. «Готские девы» в «Слове о полку Игореве». *Герменевтика древнерусской литературы XI–XIV вв.* М., Вып. 5 1992, 109.
- 17 Фадеева Т.М., Шапошников А.К. *Княжество Феодоро и его князя*, 167.
- 18 Татраны. *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. Т. 5. СПб., 1995, 98–99.
- 19 Фадеева Т.М., Шапошников А. К. *Княжество Феодоро и его князя*, 236.
- 20 Фадеева Т.М., Шапошников А. К. *Княжество Феодоро и его князя*, 234, 238.
- 21 Прокопий Кесарийский. О постройках, 249.
- 22 Фадеева Т.М., Шапошников А. К. *Княжество Феодоро и его князя*, 233.
- 23 Эвлия Челеби. Книга путешествий. Симферополь, 2008, 115.

Вадим Ставиский

О судьбе Федоровского монастыря в Киеве в послемонгольское время

Федоровский монастырь в Киеве хорошо известен. По количеству упоминаний в Ипатьевской летописи (пятнадцать раз) он уступает только Печерскому и Выдубицкому монастырям, что даже несколько неожиданно. Монастырь был основан в 1129 г. Мстиславом Владимировичем (чье крестильное имя было Феодор),¹ и потому для сыновей князя оказывался «отчим».² Здесь были похоронены Изяслав, Ростислав и Владимир Мстиславичи, внуки основателя Ярослав и Ярополк Изяславичи, правнуки Мстислав Давыдович и Изяслав Ярославич.³ Вероятно, наиболее яркой страницей истории монастыря стало заточение в нем Игоря Ольговича и его убийство восставшими киевлянами в 1147 г.

Фундаменты монастыря были идентифицированы и исследованы в 1983–1986 гг.⁴ Небезосновательно полагают, что церковь св. Феодора не была разрушена во время штурма Киева монголами, и еще в 1651 г. ее руины видел и зарисовал Вестерфельд. Широко распространено также мнение, что не только церковное здание, но и монастырь как институция пережил монгольское завоевание и продолжал существовать по крайней мере до конца 1250-х гг.

Вот, например, мнение М.К. Каргера:

В последний раз Федоровский монастырь упоминается в летописи под 1259 г., в рассказе об украшении Даниилом Романовичем Галицким выстроенного им храма Иоанна Златоуста в Холме, для чего были использованы иконы, принесенные из Киева, «иже ему сестра Феодора вдова из монастыря Феодора». По-видимому, это были немногочисленные остатки бывшего богатого убранства монастыря, уцелевшие после монгольского разгрома Киева в 1240 г.»⁵

Это утверждение (в сходных выражениях постоянно присутствующее в специальной литературе) апеллирует к прямому показанию Галицко-Волынской летописи. От внимания исследователей, однако, ускользнула его очевидная

странность: мужской в домонгольское время, Феодоровский монастырь оказывается монастырем женским, коль скоро там была пострижена сестра Даниила. Существует и еще одна странность: Феодора было именем, полученным при крещении.⁶ При пострижении она должна была бы сменить имя на монашеское, но в сообщении *ГВл* упоминается под крестильным именем. Так что, строго говоря, можно даже сомневаться, была ли Феодора Романовна монахиней (или игуменьей?) одного из киевских монастырей в 1250-х гг., когда передавала брату церковные ценности.

Возможным выходом из этого затруднения могло бы стать предположение, что после монгольского штурма Киева и вероятной гибели монахов Феодоровский монастырь, действительно, был обращен в женский, где и постриглась сестра Даниила. Но Феодора, судя по всему, должна была бы уйти в монастырь задолго до монгольского нашествия. Ее судьба была изломана очень рано. В юном возрасте Роман Мстиславич выдал ее замуж за старшего из сыновей Владимира Ярославича галицкого Василька, бастарда, рожденного от попойки.⁷ Когда же благодаря интригам Романа Владимира Ярославича выгнали из Галича, он взял с собой в изгнание и сыновей. Феодору же «отняли» галичане (галчане же Романовну. Феодору ѿтнѣша ѿ Колоднѣра)⁸. Формально оставаясь замужем, Феодора, судя по всему, так и не смогла вторично вступить в брак и вполне могла под влиянием этих событий (или после смерти Василька Владимировича ок. 1199 г.⁹) постричься в монастырь. Монастырем этим, однако, не мог быть в то время еще мужской Феодоровский. Скорее всего, Феодора была монахиней в одном из женских монастырей Киева.¹⁰

Даниил Романович, как прямой потомок основателя монастыря, а в после-монгольское время и единственный, сохранял право патроната над Феодоровским монастырем и вполне мог распоряжаться его собственностью. Но действительно ли из Феодоровского монастыря он вывез ценности для своей новой столицы?

Так думать исследователей заставляет чтение Ипатьевского списка:

оукраш же иконы еже прнесе нс Къева. каменѣмь драгѣмь. н бнсерѣмъ златѣмь. н Спѣсѣ. прѣое Бѣѣ нже емоу сестра Феодора н вада нз монастыра Феодора. иконы же прнне. нзо Оуручѣго. Оустрѣтенѣ. ѿ шѣа его. днвоу подѣбны¹¹

Итак, согласно прямому чтению *Inam.*, часть икон Даниил получил из Киева от сестры Феодоры из Феодоровского монастыря, вторую же порцию — из Овруча от своего отца. Что-то не в порядке с этим сообщением: отец Даниила пол века как погиб.

Недоумения разрешаются обращением к Хлебниковскому списку, где текст гораздо внятнее:

оукраш же иконы еже прнесе нс Къева, каменѣмь драгѣмь н бнсерѣмъ н златѣмь. н Сѣбрѣ Спѣсовѣ. н Прѣѣна Бѣѣ. нже вада емоу сестра Феодора. иконоу прнесе нзо Оуручѣго Оустрѣтенѣ. шѣа днвоу подѣбны¹²

Итак, оказывается, что икону Сретенья Даниил позаимствовал из Овруча, потому что то был вклад его отца, сделанный, быть может, в момент женитьбы на дочери в то время овруцкого князя Рюрика Ростиславича (кстати, матери Феодоры). Иконы же из Киева Даниилу, действительно, передала его сестра Феодора, но вот только никакого упоминания Федоровского монастыря при этом нет. Как и подарок покойного отца из Овруча, монастырь св. Феодора появился в результате невнимательности и последующего домысливания писца *Inat*. Можно даже предположить, как именно удвоилось имя Феодоры. Переписывая фразу нже вѣда ємоу сестра ꙗ҃ѣѡрѣа, писец *Inat*. пропустил глагол вѣда и вынужден был (уже написав первую букву следующего предложения: н, нконѣи) в поисках его вернуться глазами назад к началу фразы. Пройдя ее с этого места еще раз, он (уже в спешке) мог принять ꙗ҃ѣѡрѣа за мнѣѣтра ꙗ҃ѣѡрѣа. Что это результат зрительной ошибки, подтверждается и тем, что монастырь назван фамильярно «Федора» вместо ожидаемого «святого Феодора».¹³

Таким образом, первоначальный смысл сообщения состоял в том, что Даниил воспользовался иконами сестры и отца, из Киева и из Овруча. Это симметричное построение делает упоминание монастыря св. Феодора излишним и неорганичным для фразы, в варианте *Inat*., действительно, звучащей явно тавтологично (нже ємоу сестра ꙗ҃ѣѡрѣа н вѣда нꙗ҃ монастырѣа ꙗ҃ѣѡрѣа).

Писец *Inat*. легко мог «переписать» (т. е. написать лишнее),¹⁴ поскольку уже скопировал *Киевскую летопись* и знал о выдающейся роли Федоровского монастыря в XII в. Нам нужно «читать исправляя». Автор же галицкой части *ГВл* не знал о когда-то, до монгольской катастрофы, существовавшем в Киеве Федоровском монастыре. Какова бы ни была судьба церкви св. Феодора, сообщение *ГВл* о пожаре в Холме едва ли можно привлекать для реконструкции истории монастыря в 1250-х гг.

- 1 Как то явствует из приписок к Мстиславу евангелию (кнѣзю ꙗ҃ѣѡрѣу. а мнѣрскы мѣстнславоу; кнѣзѣа нашего ꙗ҃ѣѡрѣа. [...] а мнѣрскы мѣстнслава) (*Апѣрокос Мстислава Великого*. Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983, 289).
- 2 Их хоронили, следовательно, «в отчем монастыре». Отсюда недоразумение: в археологической литературе монастырь известен как «Вотч», что воспринимается как имя собственное. Так называл монастырь М.К. Каргер: «Федоровский монастырь... до самого конца XII в. представлял собой фамильный («вотч») монастырь Мстиславичей» (*Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города*. Т. 2. Памятники зодчества X–XIII вв. М., Л., 1961, 429, 431), название закрепилось, ср.: Килиевич С.Р., Харламов В.А. Исследование храма Вотча Федоровского монастыря XII в. в Киеве. *Древние славяне и Киевская Русь*. К., 1989, 180–188.
- 3 О княжеских погребениях в Федоровском монастыре см.: Martin Dimnik, “Dynastic Burials in Kiev before 1240,” *Ruthenica VII* (2008), 80–82, 90, 92.
- 4 Килиевич С.Р., Харламов В.А. Исследование храма Вотча Федоровского монастыря XII в. в Киеве, 183–186.
- 5 Каргер М.К. *Древний Киев*. Т. 2. С. 429. См. также: Г.Ю. Ивакин. *Исторический розвиток Києва XIII – середини XVI ст.* К., 1996, 115.
- 6 Как явствует из статьи 1188 г. Ипат. (*ПСРЛ* 2: 660).
- 7 О дате этого брака см.: Dąbrowski Dariusz, *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich* (Poznań, Wrocław, 2002), 45–51.
- 8 *ПСРЛ* 2: 660.
- 9 Dąbrowski Dariusz, *Rodowód...*, 51

- 10 Здесь необходим хронологический комментарий. Интересующее нас сообщение в *Inam*. датировано 1259 г. и эту произвольную дату часто приводят в литературе. В реальности пожар Холма произошел во время похода Куремсы 1255 г. (Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. *Mitteilungen der Sevcenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg*. 1901, 3 XLI, 40). Но статья ретроспективна — она вспоминает то, что погибло в пожаре, в том числе и иконы, некогда взятые из Киева и Овруча. Строительство Холма как новой столицы происходило, вероятнее всего, в конце 1240-х гг., после возвращения Даниила из Орды. В это время Феодоре, родившейся на рубеже 1170–1180-х гг. (Dąbrowski Dariusz, *Rodowód Romanowiczów*, 48) уже было за 70 лет или около того. В таком возрасте незамужняя и бездетная женщина, скорее всего, оканчивала бы дни в монастыре.
- 11 *ПСРЛ* 2: 844.
- 12 *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostrož'kyj (Xlebnikov) and Četvertyns'kyj (Pogodin) Codices* (Cambridge, MA, 1990) [Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts, vol. 8], 357. Отмечу, кстати, неточность в издании II т. *ПСРЛ*: в вариантах не отмечено чтение wzca Хлебн.
- 13 Эти соображения не позволяют думать, будто в *Хлебн.* и сходных списках имеем дело с гаплографическим пропуском. Напротив, в *Inam*. очевидна невнимательность писца, ср. и внасерѣмъ златымъ против правильного н внасерѣ н златѣ *Хлебн.*
- 14 Подобные случаи «удвоения» в *Inam*. не редкость, см., напр.: «ѣхавъ в за Волковыескъ . и Глѣба княза . и Глѣба княза пославъ» (*ПСРЛ* 2: 847); « ты оуже не брать еси . (браѣ еси)» (*ПСРЛ* 2: 852).

Алексей Толочко

Юрий Артамонов, Алексей Гиппиус, Илья Зайцев

Из древнерусской эпитафии Константинопольской Софии*

Храм св. Софии в Константинополе, спроектированный и построенный в 532–537 гг. по распоряжению императора Юстиниана Великого, начиная с X в. становится объектом посещения выходцами из Руси, прибывающими в город с дипломатическими, торговыми и иными целями. Так, уже под 6419 (911) г. *Повесть временных лет* сообщает о том, что к русскому посольству, находившемуся в столице Византийской империи с целью заключения мирного договора, по распоряжению царя Льва VI были приставлены «мужи» для показа богатств царской казны, «церковной красоты» и наиболее ценных христианских реликвий, значительная часть из которых хранилась в храме св. Софии¹. Это свидетельство позволило Д.В. Айналову предположить, что в Константинополе существовала отлаженная системы «экскурсионного сопровождения» русских паломников².

Долгое время храм св. Софии был для русских людей первым среди православных церквей христианского Востока, и только с 1453 г., когда собор был обращен турками в мечеть, эта честь перешла к храму Гроба Господня в Иерусалиме³. Неслучайно описаниями св. Софии начинаются почти все древнерусские паломнические хождения. Подтверждение этим словам находим в одном из древнейших русских хождений, написанном новгородским архиепископом Антонием (в миру Добрыня Ядрейкович), который побывал в Константинополе в самом начале XIII в.: «Преже поклонихомся святѣи Софѣи и пресвятаго Гроба Господня двѣ досцѣ цѣловахомъ и печати гробныя и икону пресвятыя Богородицы...»⁴. Но и после завоевания Константинополя турками, когда здание св. Софии было обращено в мечеть, русские люди продолжали посещать храм. Свидетельством тому являются многочисленные славяно-русские граффити, нанесенные на мраморные стены, колонны и балюстрады собора.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

1 ПСРЛ 1: 37–38.

2 Айналов Д.В. Примечания к тексту Книги Паломник Антония Новгородца. *ЖМНП*. 1906. Июнь, 235.

3 Малето Е.И. *Антология хождений русских путешественников XII–XV века: Исследование. Тексты. Комментарии*. М., 2005, 159.

4 Малето Е.И. *Указ. соч.*, 221–234.

Обычай писать на стенах церковных зданий был широко распространен уже в Древней Руси. По всей видимости, в представлении людей Средневековья молитвенная надпись на церковной стене считалось, «как бы постоянно действующей»⁵, своего рода вечной молитвой. Есть основания полагать, что, по крайней мере, в домонгольский период истории Руси начертание надписей в церквях было делом весьма обычным и официально не запрещалось.

В отличие от большинства киевских и новгородских граффити, обычно выцарапывавшихся на фресковой штукатурке, славяно-русские надписи в св. Софии Константинопольской начертаны на мраморе. Процарапать граффито на мраморе писалом — инструментом, предназначенном для письма по бересте и воску, иглой, шилом или даже гвоздем весьма затруднительно. Между тем, четкие и глубокие линии некоторых надписей наводят на мысль, что они были выполнены инструментом, по верхней части которого наносились удары тяжелым предметом. Начертание некоторых граффито требовало продолжительной и кропотливой работы, которая могла занять немалое время.

Большую часть из обнаруженных на сегодняшний день в св. Софии надписей представляют благопожелательные надписи (по терминологии С.А. Высоцкого), начинающиеся традиционной формулой «Господи, помози рабу своему...». Этот вид надписей доминирует и среди граффити, выявленных в древних русских храмах.

История изучения эпиграфики храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле не богата публикациями, хотя и имеет многолетнюю традицию. Еще в начале XX в. часть надписей (в большинстве своем греческих) была издана в книге Антониадиса⁶. Первое обращение к славяно-русским граффити состоялось в 1954 г., когда Сирил Мэнго опубликовал в прорисовке надпись столтника митрополита Киприана Филиппа Микитинича⁷.

В 1969 г. сотрудницей Лос-Анджелесского университета Барбарой Г. ван Найс была предпринята попытка планомерной фиксации (фотографирование) разноязычных граффити собора. В результате ею было выявлено около двух тысяч надписей, среди которых оказались и славяно-русские. Спустя некоторое время по материалам ван Найс И. Калаврезу-Максайнер и Д. Оболенский опубликовали статью, посвященную надписи Якова Григорьевича, писаря митрополита Герасима (пер. пол. 1433 г.)⁸. В 1977 г. Олекса Горбач после посещения собора в небольшой заметке дал текст еще шести славяно-русских надписей (без фотографий и прорисовок)⁹.

5 Мединцева А.А. *Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X — начала XIII века*. М., 2000, 75.

6 Antoniadis E.M. *Εκφράσεις τῆς ἀγίας Σοφίας*. Vol. I-II. Lpz.-Athens, 1907–1908.

7 Mango C. A Russian Graffito in St. Sophia, *Constantinople / Slavic Word*. № 10 (1954). С. 436–438.

8 Kalavrezou-Maxeiner I., Obolensky D. A Church Slavonic Graffito in Hagia Sophia, *Constantinople. Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 5, 1 (1981), 5–10.

9 Horbatsch O. Einige slavische Pilgerinschriften in der Hagia Sophia-Kathedrale in Konstantinopel. *Die Welt der Slaven*. 1977. № 22, 86–88.

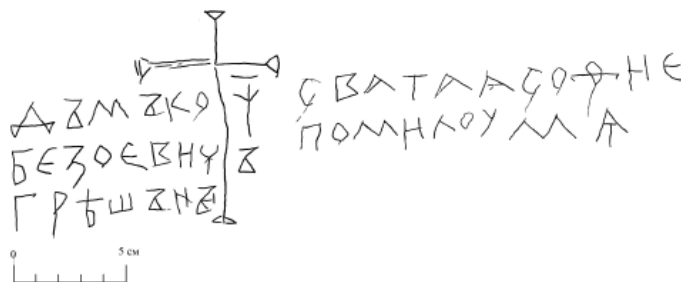
В сентябре 1996 г. собор посетил А.А. Алексеев. В результате беглого осмотра ему удалось выявить еще пять надписей. Одну из них («Стефанось роусинъ диякъ»), расположенную на юго-восточной колонне восточной части южной галереи (о ней см. ниже), А.А. Алексеев опубликовал в прорисовке, предположив, что она принадлежит Стефану Новгородцу — автору знаменитого «Странника», посетившему Царьград в 1348/1349 г.¹⁰ Кроме того, он обнаружил на стенах храма подпись художника Николая Федоровича Алферова, побывавшего в Константинополе в 1805 г.

В мае 2008 г. собор посетили украинские историки А.П. Толочко и В.М. Рычка. Итогом этого посещения стала работа, посвященная новому прочтению одной из опубликованных О. Горбачем надписей и повторной публикации надписи стольника Филиппа Микитинича¹¹.

Таким образом, из публикаций до последнего времени было известно о 13 славяно-русских надписях в Софии, три из которых были изданы в прорисовке.

В 2007 г. авторами настоящей статьи была начата планомерная работа по выявлению, фиксации и описанию славяно-русских надписей в Софии. Ее первые результаты были доложены на конференции «Восточная Европа в древности и средневековье» в апреле 2008 г.¹² В настоящий момент (на декабрь 2009 г.) зафиксировано шестьдесят два славяно-русских граффити, предварительно датированных XI–XVII вв. Ниже предлагается описание трех надписей, выявленных в ходе осмотра собора в феврале 2008 г. Первая из них издается впервые; вторая и третья публиковались ранее, но требуют повторной публикации.

1. Надпись Домки Безуевича

10 Алексеев А.А. Русские граффити царьградской Софии. *ТОДРЛ*. Т. LI. СПб., 1999, 322.

11 Толочко А.П. Два кириллических граффити Константинопольской Софии. *Ruthenica*. Т. VII., Київ, 2009, 209–214.

12 См. также: Артамонов Ю., Зайцев И. «Аще кто поидет в Константинополе». Русские люди в храме Святой Софии. *Родина*. 2008. №7, 58–62; Артамонов Ю., Зайцев И. Новые источники о паломничестве русских людей в храм Св. Софии в Константинополе — Стамбуле. *Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 20–21 октября 2008*. М., 2008, 10–15. Они же. Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле. *Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пауцто: Москва, 14–17 апреля 2009. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А.Мельникова. М., 2009, 19–29.*

На мраморной облицовочной плите стены южной галереи на расстоянии 1552 мм от пола (до основания креста) и 428 мм от стены слева читаются две надписи. Сходство в начертании букв **В**, **Є**, **И**, **М**, **О**, позволяет заключить, что они были выполнены в одно время одним лицом; иначе говоря, перед нами одна надпись, состоящая из двух частей:

ДЪМЪКО|Ѣ
БЕЗОВИЧЪ
ГРѢШЪНЫ

СВАТАА СОФІЕ
ПОМИЛОУМА

Длина строк левой части: 111 мм, 110 мм и 92 мм; правой части — 174 и 148 мм; расстояние между частями составляет 18 мм. Общая длина надписи 303 мм. Высота букв колеблется от 7 (второе *о* в слове *помилуо*) до 20 мм (*р* в слове *грѣшъны*). Обе части имеют незначительный наклон вверх. Неглубокий контур букв правой части надписи, непропорциональность в их начертании (ср. **М**, **А**), увеличенный наклон первой строки, неустойчивый интервал между буквами свидетельствуют о поспешности её выполнения.

Вписанный в левую часть надписи рисунок креста с декоративными треугольниками на концах и следами двойного контура в левой части перекладины (мачта — 94 мм, перекладина — 63 мм) отделяет последние буквы первой и второй строк, написанные с небольшим отступом. Вероятно, писавший сначала изобразил крест, предполагая разместить две части надписи симметрично относительно него, но не рассчитал расстояния и вынужден был написать последние буквы двух строк справа от мачты креста.

Последняя буква в слове *сватаа* исправлена из недописанной *а*, от которой видна часть горизонтали. Пропуск *у* в отчестве автора (*Безувичъ*, см. ниже), скорее всего — результат описки (если не отражение индивидуальной особенности произношения).

Текст со словоделением:

Дѣмъко Ѣ Безувичъ грѣшъны. Сватаа Софіе, помилуо ма.

Перевод: ‘Домко Безувич грешный писал. Святая София, помилуй меня’. Таким образом, первая часть надписи является автографической, вторая — благопожелательной.

О восточнославянском происхождении надписи говорит исправление *а* на *ма* в слове *сватаа*, а также сохранение неконечных редуцированных в сильной (*Дѣмъко*) и слабой (*Дѣмъко*, *грѣшъны*) позициях. При этом вместо *ь* оба раза написан *ъ* (*Безувичъ*, *грѣшъны*). Стяжение **-ъјь* (*грѣшъны*), невыраженность конечного *ј* (*помилуо* <*помилуѡ*>) и необозначенность интервокального *ј* (*сватаа*) имеют, скорее всего, общую графическую природу; ср. в надписи Новгородского Софийского собора № 210: *сты Михала* <*святѣцъ Михаѡла*> *прости и ѡда* <*ѡдацѣ*>¹³; в граффито из собора Рождества Богородицы Антониева монас-

13 Мединцева А. А. *Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора*. М., 1978, 152–153.

тыря: *помил-у раба Михалу*¹⁴. Не исключено, что с этой графической особенностью как-то связан и пропуск *у* в *Безо(у)евичь*. В фонетическом плане интересно написание *сват-*, отражающее отвердение губного *в*, которое, по-видимому, именно в этом корне было по диалектам проведено особенно последовательно, то есть лексикализовано. Аналогичные примеры имеются в киевских и новгородских граффити, берестяных грамотах, надписи на Суздальском змеевике¹⁵.

Имя автора — *Дъмько* (или *Дъмько*, с учетом эффекта *ъ→ь*) может быть как гипокористическим производным от *Димитрии*, так и дохристианским именем, производным от *дъмьти* ‘дуть’. Последнее кажется более вероятным, учитывая, что писец новгородской служебной минеи 1095 г. поп Домка упоминает это имя как мирское (*а мирьскы Дъмька*). Отчество автора, записанное как *Безоевичь* может быть лишь производным от дохристианского имени *Безуи* (‘не имеющий дяди [со стороны матери]’). В близкую нашей надписи эпоху это имя выступает в граффито № 102 киевского Софийского собора (*Гѣ помози рабоу своему Безоеви Иванж отроку Дьбрынича*) и, в виде производного, в берестяной грамоте из Старой Руссы № 22: *оу Безоуевее*¹⁶.

Порядок слов, при котором имя отделяется от отчества и других относящихся к нему слов глаголом *пъсаль*, обычен для эпиграфики (ср. граффито № 22 Софии Киевской: *Воинегъ Ѡль Жураговиць полоцанинь*¹⁷ и надпись № 187 Софии Новгородской: *Ст[ъ]панъ Ѡль Рожньтиць*¹⁸).

Палеография¹⁹. **А** — основного вида, петля острая с изломом, остроконечный верх, спинка сильно наклонена влево, покрытие и засечки отсутствуют (тип Ia). **Б** — петля округлая с двумя слабо выраженными изломами²⁰, горизонтальный штрих без выступа и боковой засечки (тип I). **В** — верхняя и нижняя петли приблизительно равной величины с изломами, перелом не касается мачты, выступ вверху отсутствует (тип IIб). **Г** — основного вида, небольшая боковая засечка под острым углом вниз, выступ вверху и нижняя засечка отсутствуют (тип I); **Д** — острая петля, платформа на треугольных ножках; покрытие и засечки отсутствуют (тип IVa). **Є** — вертикальное, язычок прямой без засечки, покрытие

14 Гиппиус А. А., Зализняк А. А. *Надписи-граффити в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря*. Лифшиц Л.И., Сарабьянов В.Д., Царевская Т.Ю. *Монументальная живопись великого Новгорода конца 11 — первой четверти 12 века*. М., 2004, 774–777.

15 Гиппиус А. А., Зализняк А. А. О надписях на Суздальском змеевике. *Балто-славянские исследования*. 1997. М., 1998. С. 774.

16 Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. М., 2004, 337–339. См. также исчерпывающую сводку материала по производным топонимам: Васильев В. Л. *Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)*. Великий Новгород, 2005, 192.

17 Высоцкий С.А. *Средневековые надписи Софии Киевской: По материалам граффити XI–XVII вв.* Киев, 1966, 59.

18 Медынцева А. А. *Древнерусские надписи...*, 125, 275.

19 В основу палеографического описания надписей положены принципы описания графики букв в берестяных грамотах. В скобках указан тип буквы по палеографическим таблицам, отражающим эволюцию письма на бересте. См.: Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование*. Янин В.Л., Зализняк А.А. *Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1990–1996 гг.* Т. X. М., 2000, 134–250.

20 Наличие изломов следует, по всей видимости, объяснять твердостью материала, затруднявшего написание округлой линии (ср. с ‘Б’).

отсутствует (тип II). **З** — вертикальное с развилкой, длинный навес без засечки и выступа право, хвост незначительно выступает из строки (тип IIб). **И** — основного вида (горизонтальная перекладина), засечки и пересечка на перекладине отсутствуют (тип I). **К** — основного вида, разомкнутое, нижняя и верхняя косые сходятся в одной точке, засечки отсутствуют (тип Iб). **Л** — основного вида, острая петля без покрытия, засечки отсутствуют (тип Ia). **М** — основного вида, наклонные мачты с острой петлей; покрытие, плечи, засечки отсутствуют (тип Ia). **Н** — основного вида, наклонная перемычка, засечки отсутствуют (тип Iв). **О** — основного вида, угловатое, покрытие отсутствует (тип I). **П** — основного вида, горизонтальный штрих без выступа, засечки отсутствуют (тип I). **Р** — прямая мачта незначительно выходит за пределы строки, петля средней величины с изломом углом вверх; засечка, пересечка и выступ сверху отсутствуют (тип II). **С** — основного вида, широкое, закрытое, покрытие отсутствует (тип I). **Т** — засечки отсутствуют (тип 2). **ОѢ**: 1) **Ѣ** — основного вида, головка средней величины в виде расщепления, хвост несколько загнут влево и не выходит за пределы строки; пересечка и засечки отсутствуют (тип Ia); 2) **О** и **Ѣ** — не сближены, с уменьшенным *о* (тип II). **Ѧ** — удлинённый горизонтальный штрих, засечки по острым углам вниз (тип I). **Ѧ** — округлая чаша на ножке средней длины, засечки отсутствуют (тип Ia). **Ш** — приподнятая платформа, выступы и засечки отсутствуют (тип II). **Ѧ** — наклонная мачта, петля с изломом в форме треугольника углом вниз, горизонтальный штрих без выступа вправо, засечки отсутствуют (тип IIа). **Ѧ** — наклонная мачта, петля с изломом в форме треугольника углом вниз, горизонтальный штрих без выступа вправо, средняя перемычка, правый вертикальный штрих короткий («молоточек»), засечки отсутствуют (тип Iб, 1). **Ѧ** — вертикальная мачта не выступает над строкой, петля округлая не выступает под строку, коромысло прямое, засечки отсутствуют (тип I). **Ѧ** — основного вида, острая петля, Т-образный язычок, покрытие и засечки отсутствуют (тип Ia). **Ѧ** — маленькая головка в виде расщепления, засечки отсутствуют.

В пользу архаичности надписи свидетельствуют использование диграфа **ОУ**, а также особенности начертания **Ѧ** (острая петля), **З** (короткий хвост, обращенный к началу строки), **И** (горизонтальная перекладина в центре), **Ѧ** (округлая чаша), **Ѧ** (мачта не выступает над строкой, коромысло ниже верхнего уровня строки)²¹.

Палеографические особенности надписи имеют многочисленные аналогии в письме берестяных грамот древнерусского периода. О частотности употребления соответствующих моделей начертания букв в грамотах дает представление следующая таблица²².

Из приведенной таблицы видно, что в пользу отнесения данной надписи к домонгольскому периоду свидетельствуют начертания букв **Ѧ**, **Р**, **Т**, диграфа **ОѢ** (с уменьшенным *о*), **Ш**. Однако особенности написания **Б** и **Ѧ** (округлые петли) позволят датировать граффито более ранним временем, а именно: XI —

21 Черепнин Л.В. *Русская палеография*. М., 1956, 152–159.

22 Таблицы составлены на основе матриц А.А. Зализняка (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот...*, 218–230).

			1100	1200	1300	1400														
Я	Ia	Основной вид (острые)																		
Б	I	Округлая петля	°	°)					·										
В	IIб	Перелом, не касающийся мачты)·	°	°)					
Г	I	Основной вид																		
Д	IVa	На треуг. ножках (острые)	°	·	°	°	°	°	°	°	°	°	°	°	(
Є	II	Вертикальные																		
З	IIб	Вертикальные (развилка)																·		
И	I	Основной вид																		
К	Iб	Основной вид (разомкнутые)																		
Л	Ia	Основной вид (острые)																		
М	Ia	Основной вид (острые)																		
Н	Iв	Основной вид (перемычка)	°																	
О	I	Основной вид																		
П	I	Основной вид																		
Р	II	Углом вверх							°)·	·	·	°)					
Є	I	Основной вид																		
Т	2	Без боковых засечек	·	·	(°	·	°	°)		°	°		·	°	
Ѡ	Ia	Основной вид (простые)																		
Ѡ ³	II	Уменьшенное О)°)		°					[°]		
Ѡ ⁴	I	Основной вид	[°	-	-]												[°	-]
Ѡ	Ia	Чаша/бокальчик)°	°)			
Ш	II	Платформа приподнята	°)	·	°	°	°	°	°)		°			
Ъ	IIa	Наклонная мачта																		
Ы	Iб	Средняя перемычка)°)					
Ы	I	Молоточек)°	·	°						°	
Ѣ	I	Округлая петля	°	°	°)														
Ѥ	Ia	Основной вид (острые)																		

серединой XII в. Начертания остальных букв надписи не противоречат данной оценке. С такой датировкой хорошо согласуется и состояние редуцированных. На графическом уровне сильнейшим датирующим признаком является замена ъ→ъ: почти все известные ныне берестяные грамоты, демонстрирующие данный эффект, относятся к XI — первой трети XII в.²³ Относящаяся к этому периоду надпись Домки Безуевича является, таким образом, наиболее древней из опубликованных до сих пор граффити Константинопольской Софии²⁴.

23 Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект...*, 27.

24 В ходе подготовки настоящей статьи, при изучении фотографии надписи Домки Безуевича, выше нее были обнаружены еще два древнерусских граффити, одно из которых гласит: **игорь оуаминге туто ѡ**. Надписи требуют дополнительной съемки и будут опубликованы отдельно.

2. Надпись-предостережение с упоминанием митрополита

ЖЕ КОТО ПРИДЕТЕ
 СЕМО АЖЕ НЕ МОЛИ
 ТЕСА МИТРОПОЛИ
 УАГОРЪ ЕМУ

Надпись расположена на мраморных перилах балюстрады правого арочного проёма западной галереи. Расстояние от левой колонны составляет 1065 мм, от правой колонны — 620 мм. Граффити состоит из четырех строк приблизительно равной длины (соответственно: 156, 162, 168 и 160(?) мм), которые имеют незначительный наклон вниз. Высота букв колеблется от 5 мм (в слове *молитесь*) до 12 мм (р в слове *митрополи*[т]у). Последняя строка надписи сильно затерта и читается фрагментарно.

В 1977 г. текст надписи и краткий комментарий к ней опубликовал О. Горбач. Он предложил следующее её прочтение:

[i]же кото придет
 семо аже не моли
 теса митрополи
 [... ...] г рь ему

По мнению исследователя, граффито является «памятником древней восточнославянской письменности XIII–XIV вв.», а его автором — посетивший Константинополь поломник²⁵. Иное прочтение данной надписи предложил А. А. Алексеев, правда, сделав оговорку, что она читается «без особой уверенности» и «в чтении О. Горбача... выглядит более внятно»:

же во то придет
 семо аже не моли
 теса митрополи
 аго з ему ому
 рь ему

25 Horbatsch O. Einige slavische Pilgerinschriften in der Hagia Sophia-Kathedrale in Konstantinopel, 86–87.

А. А. Алексеев отмечает, что граффито следует датировать XVI–XVII вв., «поскольку и орфография, и начертания букв не позволяют предполагать большей древности»²⁶. К сожалению, он (впрочем, как и О.Горбач) не дает перевода и не поясняет смысла надписи.

В публикации А. П. Толочко текст граффито прочитан следующим образом:

[а]же кото придетє
семо аже не моли і
теса митрополи і
ту а горд ему[т]о ак(и)? а

Перевод, по его мнению, должен выглядеть так: «Если кто придет сюда, если не покоряется митрополиту, но высокомерен к нему, то как...». А.П. Толочко отмечает, что «пятой строки надписи», которая, по мнению А.А. Алексеева, содержит «ръ ему», обнаружить не удалось. Поэтому можно говорить о том, что граффито осталось недописанным. Здесь же высказывается сомнение в справедливости датировки надписи XVI–XVII вв. и отмечается её древнерусское происхождение.

Как можно видеть, камнем преткновения в трактовке надписи является чтение ее последней строки. Предложенная А. Толочко транскрипция нуждается, на наш взгляд, в существенных коррективах. Знак, который А. Толочко трактует как *д*, не имеет ножек (предполагается, что они были плохо прочерчены). С другой стороны, вершина этой «дельтообразной» фигуры находится существенно ниже верхнего уровня строки, что отличает ее от *д* в *придете*. Наконец, левый склон треугольника продолжается вверх выше его вершины, устремляясь к верхнему уровню строки. Соединение этих трех обстоятельств позволяет признать справедливым мнение О. Горбача и трактовать эту букву не как *д*, а как *ь*. Знак после *ему*, восстанавливаемый А. Толочко как *т*, на нашей фотографии не виден. Вертикальный штрих на опубликованном эстампаже подходит более для правой мачты букв *п*, *и*, *н*. Следующие три буквы А. Толочко восстанавливает как *оак*. Но от второй буквы видны лишь два наклонных штриха, а третья имеет наклон, для *к* совершенно не подходящий. Перед нами, несомненно, зеркальное *у*. (Причина, побудившая писавшего выбрать именно этот начерк, вполне очевидна: чтобы уложить оставшийся текст в последнюю строку, автор надписи уменьшил интервал между знаками, а для этого зеркальное *у* подходило лучше обычного). Через одну позицию, где на эстампаже виднеется косой штрих (*у* Толочко — *а*), на нашей фотографии хорошо читается вертикаль какой-то буквы.

С учетом этих поправок транскрипция надписи приобретает следующий вид:

[а]жекотопрідете
семодаженемоли
тесамитрополи
туагорьему[п]оау--

26 Алексеев А.А. Указ. соч., 322.

В такой транскрипции текст допускает единственно возможное прочтение:

**[А]же кото придет се́мо, аже не молитесь митрополиту, а горь ему [ш]олу(ч)
[ш](ти).**

То же со снятием эффектов бытовой орфографии:

**Аже кѣто придетъ сѣмо, аже не молитесь митрополиту, а горе ему
полу(чити).**

Аномальное на фоне последовательной замены ь на е написание *горь* <*горе*> с обратной заменой может объясняться стремлением писавшего избежать двух е подряд; другая возможная причина — трактовка ь как разделительного знака, соответствующего [j] в образовавшемся из соединения двух словоформ фонетическом слове: [гор'јему]. В любом случае в предлагаемом прочтении текст не содержит графической ошибки, которую предполагает чтение А. Толочко *горд ему* <*гърдь ему*>. Попытка увидеть в тексте прилагательное *гордыи* (сомнительная, как мы видели, и с палеографической точки зрения) наталкивается и на синтаксическое препятствие: управление *гордыи кому-то* источниками не засвидетельствовано. Непонятно и то, каким образом *не молитесь* может означать 'не покоряется'. Наконец, повисает в воздухе оборванный конец надписи: что за сравнение вводило сомнительное *аки*, остается лишь гадать. Между тем, теснота письма в конце последней строки показывает, что текст ею и заканчивался.

В нашей трактовке текст представляет собой законченное высказывание. Надпись угрожает горем тому, кто, придя на место, где она сделана, «не молится митрополиту». Остается понять, что означает это сочетание. Вопреки А. Толочко, значений у данного глагола только два: 'просить' и 'молиться'. От храмовой эпиграфики естественно, вообще говоря, ожидать реализации второго значения, неоднократно представленного, в частности, в граффити Киевской и Новгородской Софии²⁷. Но этому как будто противоречит синтаксис нашей надписи: во всех других известных нам случаях объект в дательном падеже при глаголе *молитися* называет адресата действия; если это действие — молитва, адресатом может быть только Бог или святой, но никак не «митрополит». Однако и видеть в митрополите адресата обычной просьбы было бы странно: стоя на галереях Царьградской Софии, паломник из Руси вряд ли мог (в типическом случае, какой подразумевается структурой надписи) просить о чем-то киевского митрополита.

Выход из положения заключается, на наш взгляд, в трактовке формы *митрополиту* как представляющей собой *dativus commodi*, то есть называющей лицо, в интересах которого совершается действие. Применительно к молитве это значение по существу совпадает со значением объекта мысли: молиться

27 См. Высоцкий С. А. *Средневековые надписи Софии Киевской* (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976. № 173, 191; Медынцева А. А. *Древнерусские надписи...* № 26, 201, 223.

о человеке, за человека — значит просить у Бога добра этому человеку. Глагол *молитися*, если верно наше предположение, демонстрирует здесь управление, свойственное его синониму *просити*²⁸. Смысл надписи заключается в таком случае в следующем: придя на «это место» (т.е. под своды св. Софии), русский паломник должен молиться о своем митрополите; если же он этого не делает и просит Бога лишь о самом себе и своих близких, то получит лишь горе²⁹. В пользу такого понимания дела говорит, заметим, и употребление в главном предложении глагола *получити*: получить можно лишь то, что посылается — в данном случае в ответ на молитву (ср. формулировку *горе тебе будет*, лишённую этих «коммуникативных» коннотаций).

Все сказанное позволяет предложить для надписи следующий перевод: «Если кто придет сюда, и не молится за митрополита — получить ему горе». Таким образом, граффито может быть отнесено к жанру надписей-предостережений.

Палеография. Я — основного вида, петля острая с изломом, остроконечный верх, покрытие и засечки отсутствуют (тип Ia). Г — основного вида, небольшая боковая засечка под прямым углом вниз, выступ сверху и нижняя засечка отсутствуют (тип I). Д — острая петля, платформа на коротких ножках, смещенных к центру; покрытие и засечки отсутствуют (тип Ia). Ё — вертикальное, длинный язычок вниз без засечки, покрытие отсутствует (тип II; 4). Ж — в три взмаха, вертикальный штрих прямой, наклонные штрихи изогнуты («извитая звезда»), засечки отсутствуют (тип Ia₂). И — основного вида (горизонтальная перекладина), засечки и пересечка на перекладине отсутствуют (тип I). К — основного вида, разомкнутое, нижняя и верхняя косые сходятся в одной точке, засечки отсутствуют (тип Ib). Л — основного вида, острая петля без покрытия, засечки отсутствуют (тип Ia). М — основного вида, наклонные мачты с острой петлей; покрытие, плечи, засечки отсутствуют (тип Ia). Н — основного вида, диагональ, засечки отсутствуют (тип Ia). О — основного вида, угловатое, покрытие отсутствует (тип I). П — основного вида, горизонтальный штрих без выступа, засечки отсутствуют (тип I). Р — прямая мачта, округлая петля средней величины; засечка, пересечка и выступ сверху отсутствуют (тип Ia). С — основного вида, узкое, открытое, покрытие отсутствует (тип I). Т — основного вида, небольшие боковые засечки вниз, нижняя засечка отсутствует (тип I). Ш — основного вида, головка средней величины в виде расщепа, хвост незначительно выходит за пре-

28 Оказиональной реализации такой модели управления могло способствовать синтаксическое поведение производного *молитва*, наблюдаемое, в частности, в знаменитой записи игумена Сильвестра 1116 г. Вопреки недавно высказанным сомнениям (см.: Толочко А. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. *Ruthenica*. Т. VII. Київ, 2008, 155–156), заключительная фраза этого хрестоматийного текста — «а иже чтець книги сиа, то буди ми въ млтвахъ» — означает вне всякого сомнения то же, что и позднейшие формулировки древнерусских писцов вроде «Б(о)га рад(и) в м(о)л(и)твахъ помяните» (Столярова Л. В. *Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв.* М., 2000, 376. № 372), отличаясь от них лишь иной грамматической конструкцией, переключившейся с нашим молитеса митрополиту.

29 Образцом предполагаемой нашим граффито правильной молитвенной стратегии может служить надпись № 175 из Новгородской Софии: *Гд(и) помози архиепискпжлз отьця нашьмж* (Медынцева А. А. *Древнерусские надписи...*, 269).

делы строки; пересечка и засечки отсутствуют (тип Ia). **А** — основного вида, острая петля, Т-образный язычок, покрытие и засечки отсутствуют (тип Ia).

Датировка граффито, несмотря на отказ от нее всех предыдущих исследователей, не представляет серьезных трудностей. Бытовая орфография надписи относит ее ко времени не ранее XII в.; с другой стороны, сохранение слабого редуцированного в *кото* <кѣто> исключает датировку позже первой трети XIII в. С этим согласуются и результаты палеографического анализа. Так, в пользу датировки надписи XII — началом XIII в. свидетельствуют особенности начертания следующих букв: **Я** (острая петля), **Ж** (в три взмаха), **И** (горизонтальная перекладина в центре), **Н** (перекладина соединяет верхнюю точку левой мачты с нижней точкой правой).

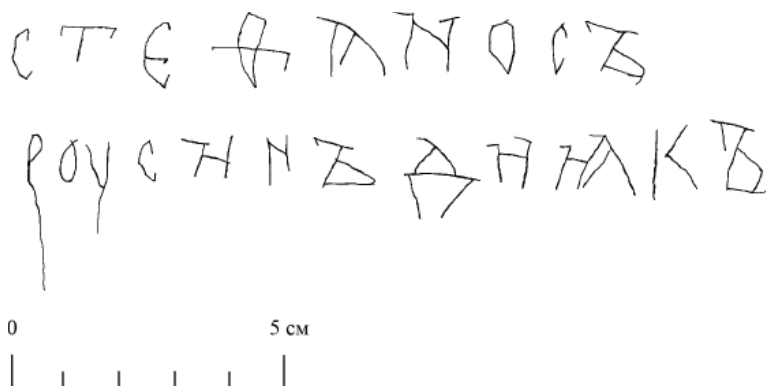
Не противоречит этой дате и палеография берестяных грамот.

			1100	1200	1300	1400
Я	Ia	Основной вид (острые)				
Г	I	Основной вид				
Д	Ia	Основной вид (острые)				
Є	II	Вертикальные				
Є	4	Язычок вниз	(о)о о о
Ж	Ia ₂	Извитая звезда	о о	о о	о)	
И	I	Основной вид				
К	Iб	Основной вид (разомкнутые)				
Л	Ia	Основной вид (острые)				
М	Ia	Основной вид (острые)				
Н	Ia	Основной вид (диагональ)				
О	I	Основной вид				
П	I	Основной вид				
Р	Ia	Округлая петля (прямая мачта))· о)	
С	I	Основной вид				
Т	I	Основной вид				
Ѹ	Ia	Основной вид (простые)				
А	Ia	Основной вид (острые)				

Как видно из таблицы, большинство моделей букв граффити встречаются в грамотах широкого хронологического диапазона — XI–XIV вв. Однако начертание буквы **Ж** («извитая звезда») указывает на то, что надпись была выполнена не позже первой половины XIII в.

Можно предположить, что надпись была сделана кем-то из митрополичьих клириков, посетившим Константинополь в связи с поставлением митрополита или по какому-то иному церковному делу. Поскольку с падением Константинополя в 1204 г. патриархия изменила местопребывание, этот визит состоялся, скорее всего, в XII в.

3. Запись дьяка Стефана

На юго-восточной колонне восточной части южной галереи на расстоянии 1480 мм от пола прочерчена надпись в две строки:

СТЕФАНЪ
РОУСИНЪ ДИЯКЪ

Длина строк — 113 мм и 137 мм. Высота букв надписи колеблется от 7 (с в слове *роусинъ*) до 13 мм (д в слове *диакъ*). Перевод граффито: «Стефан русин дьяк». Таким образом, надпись, выполненная выходцем из Руси дьяком Стефаном, является автографической.

Граффито было издано А.А. Алексеевым в прорисовке (правда, не вполне удачной). Им же было высказано мнение о том, что надпись принадлежит Стефану Новгородцу, посетившему Константинополь в 1348/49 г. и оставившему рассказ о своем путешествии. Аргументируя свою точку зрения, А.А. Алексеев ссылается на палеографические особенности и местонахождение граффито. «Надпись находится в том месте хор, — пишет он, — где было выгорожено место для патриарха, который, как известно из описания этого путешествия, принял русских паломников»³⁰. С мнением А.А. Алексеева не согласен А.П. Толочко, который отмечает, что автор граффито был человеком «невысокой грамотности», поскольку, «пытаясь грецизировать свое имя, он ошибся, написав его через фиту, а не ферт». Такой ошибки, по мнению критика, трудно ожидать от автора хождения³¹.

Действительно, серьезных оснований для атрибуции данной надписи Стефану Новгородцу у нас нет: её автор мог быть любой другой выходец из Руси, носивший то же имя. Заметим так же, что, по наблюдению М.Н. Сперанского, автор хождения «скорее всего, был мирянином, человеком благочестивым... достаточным»³². С другой стороны, едва ли правомерно говорить о «невысокой грамотности» писавшего на том основании, что свое имя он написал через фиту, а не ферт.

30 Алексеев А.А. *Указ. соч.*, 322.

31 Толочко А.П. *Указ. соч.*, 214.

32 Сперанский М.Н. *Из старинной новгородской литературы XIV века*. Л., 1934, 46.

Имя автора дано в смешанной, греко-славянской форме, с окончанием -ъ, приписанным к греческому -ος (Στέφανος). Такие гибридные написания, отражающие восприятие греческой флексии как части основы имени, хотя и не часто, встречаются в древнерусской эпиграфике; см., например: *сты-е-ноуфриось* в молитвенной надписи на фреске с изображением св. Онуфрия в южной галерее Софии Киевской³³, *рабоу своему Алеѣ(анд)росоу* в надписи XIII в. в Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора³⁴. Подобные написания следует отличать от имен с собственно греческим окончанием -ος, в изобилии представленных в иконных надписях, но встречающихся и в эпиграфике³⁵. Дьяк Стефан, стилизовав свое имя на греческий манер, вовсе не стремился писать по-гречески; вероятнее всего, греческого он не знал, но оценивать его письмо с точки зрения соответствия греческой орфографии не приходится. На Руси же графемы *φ* и *θ* в равной степени использовались для передачи фонемы /ф/³⁶. Так, например, написание имени Стефан через фиту встречаем в одном из граффито Кирилловской церкви в Киеве, датируемом «концом XIII — началом XIV в.»³⁷. Аналогичные случаи фиксируются берестяными грамотами³⁸. Есть основания полагать, что в разные периоды употребительность букв **Ф** и **ϕ** была различной. В письме на бересте использование фиты для передачи /ф/ существенно возрастает во второй половине XII в. и отмечается в 83% грамот (против 50 % в середине XII в.), в следующий период — приблизительно с 20-х годов по 90-е годы XIII в. — оно достигает своего максимума и фиксируется уже в 93% грамот. С конца XIII в. наблюдается обратный процесс: фита постепенно уступает место ферту, во второй половине XIV в. её использование отмечено в 22 % грамот, а в первой половине XV в. — только в 6% грамот³⁹. Эти наблюдения находят подтверждение в эпиграфике Софийского собора в Киеве. Так, согласно С.А. Высоцкому, написание имени София через фиту в период XII — начала XIV в. фиксируется в шести граффито (№ 121, 148, 195, 198, 216, 222); тогда как ферт — только в двух (№ 25, 203). В надписях XV–XVII вв. картина меняется: ферт встречается в пяти граффито, фита — ни разу.

Палеография. Я — петля с изломом, выгнутая спинка выступает над петлей, покрытие и засечки отсутствуют. **Д** — острая петля, правый наклонный штрих выступает над петлей, платформа с большими ножками, смещенными к центру и выступающими из строки; покрытие и засечки отсутствуют (тип Ia, 3). **Є** —

33 Высоцкий С.А. *Средневековые надписи Софии Киевской* (По материалам граффито XI–XVII вв.). Киев, 1976. № 160, 70.

34 Рождественская Т.В. Новонайденные древнерусские надписи-граффито Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора. *ТОДРЛ*. Т. LV. СПб., 2004, 538–539.

35 См., например, Артемиос, Олѣѣандрос в надписях Софийского собора в Киеве (Высоцкий С.А. *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.* Киев, 1966. № 67, 218).

36 См., например: Дороѣѣ–Доротоѣѣ, Марѣѣ–Марѣѣ, Маѣѣѣ–Маѣѣѣ, Микиѣѣѣ–Микиѣѣѣ, Тимоѣѣѣ–Тимоѣѣѣ и др. (Зализняк А.А. *Древненогородский диалект*, 734, 757–759, 807).

37 Высоцкий С.А. *Киевские граффито XI–XVII вв.* М., 1985. № 387.

38 Янин В.Л., Зализняк А.А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)* М., 1986. № 545, 553.

39 Зализняк А.А. *Древненогородский диалект*, 33.

вертикальное, закрытое, засечка на языке, покрытие отсутствует (тип II, 3). **И** — высокая переключина⁴⁰, длинные верхние засечки обращены влево (в слове «**РОУСИИЪ**» — верхняя засечка у правой мачты отсутствует), нижние засечки и пересечка на переключине отсутствуют (тип Ia; 4). **К** — основного вида, разомкнутое, нижняя и верхняя косые сходятся в одной точке, несколько уменьшенный верх, засечки отсутствуют (тип Ib; 5). **Н** — основного вида, полудиагональ, высокая переключина, длинные верхние засечки обращены влево (в слове «**РОУСИИЪ**» — отсутствуют), нижние засечки отсутствуют (тип Ib; Ia, 3). **О** — основного вида, покрытие отсутствует (тип I). **Р** — мачта не выходит за пределы строки⁴¹, округлая петля средней величины; засечка, пересечка и выступ вверху отсутствуют (тип Ib). **С** — основного вида, узкое, закрытое, покрытие отсутствует (тип I). **Т** — основного вида, короткая мачта, боковые засечки вниз, нижняя засечка отсутствует (тип I). **ОѢ**: 1) **Ѣ** — основного вида, большая головка в виде расщепа, хвост несколько выгнут и выходит за пределы строки; пересечка и засечки отсутствуют (тип Ia); 2) **О** и **Ѣ** — сближены (тип Ia). **Ѧ** — основного вида, широкое в верхней части и клинообразное в нижней, горизонтальный штрих с удлиненной правой засечкой вниз (тип I). **Ъ** — имеет двойное начертание: 1) в словах «**СТЕѦАНОСЪ**» и «**РОѢСИИЪ**» — наклонная мачта, петля с изломом углом вниз, горизонтальный штрих с выступом вправо, засечка под углом вниз (тип IIa; 3); в слове «**ДНИАКЪ**» — наклонная мачта, петля с двумя изломами, горизонтальный штрих с выступом вправо, засечка под углом вниз (тип III; 3). **ИѦ** — наклонная мачта с верхней засечкой, обращенной влево, нижняя засечка отсутствует, петля острая с изломом, верхняя засечка обращена влево (тип I).

Палеографические особенности начертания букв надписи позволяют отнести ее ко второй половине XIII — первой половине XIV в. На это, в частности, указывает высокая переключина букв **И** и **Н** — особенность, которая появляется в книжной письменности со второй половины XII в. и быстро распространяется в XIII в.⁴² Однако в эпиграфику эти изменения попадают с некоторым запаздыванием. Так, среди граффити Киевской Софии первые примеры написания букв **И** и **Н** с высокой переключиной фиксируются приблизительно со второй половины XIII в.⁴³ Однако наибольшее количество аналогий граффито Стефана обнаруживает с «Записью о смерти Кирилла и Оксинии» 1279 г. (ср.: **Д**, **Є**, **И**, **Н**, **О**, **С**, **Т**, **ИѦ**) и надписью на Васильевских воротах Софийского собора в Новгороде 1336 г. (ср.: **Ѧ**, **Д**, **И**, **Н**, **О**, **Ъ**)⁴⁴. Правда, в последней буква **ИѦ** имеет высокую переключку, тогда как в записи Стефана она прочерчена приблизительно по центру (признак

40 В слове «**РОУСИИЪ**» — переключина под наклоном к правой мачте, что, по всей видимости, следует объяснять твердостью материала, затруднявшего написание прямого штриха.

41 Появление удлиненного штриха следует объяснять соском орудия письма, о чем свидетельствует его искривленная форма и плавное сужение, идущее к низу.

42 Черепнин Л.В. *Русская палеография*, 241.

43 Высоцкий С.А. *Средневековые надписи Софии Киевской...*, 172.

44 Рыбаков Б.А. *Русские датированные надписи XI–XIV вв.* [=Свод археологических источников. Вып. E1–44] М., 1964. Таблица IX–X.

более архаический). Это дает основание предположить, что граффито, возможно, было выполнено несколько ранее надписи на Васильевских вратах.

Использование соответствующих моделей букв надписи в берестяных грамотах дает следующую картину.

			1100	1200	1300	1400
Д	3	Длинные ножки (обычн.)			°)	(° °
Є	II	Вертикальные				
Є	3	Засечка на язычке	° ()° ° °
И	1а	Верхние засечки (длинные)				° ° ° ° ° °
И	4	Высокая перекладина			(
К	1б	Основной вид (разомкнутые)				
И	1б	Основной вид (полудиagonalь)				
И	1а	Верхние засечки (длинные)			° °)	° ° ° ° ° ° ° °
И	3	Высокая перекладина			(° ° ° ° ° ° ° °	
О	I	Основной вид				
Р	1а	Округлая петля (прямая мачта))° ° °	
Г	I	Основной вид				
Т	I	Основной вид				
У	1а	Основной вид (простые)				
Ѡ	1б	Обычное О (О и У сближены)) ° ° ° °	[° ° °]
Ѳ	I	Основной вид	[° - -]			[° ° -]
Ъ	1а	Наклонная мачта				
Ъ	III	Петля с двумя изломами			(° ° ° °	
Ъ	3	Выступ вправо вверх)° ° ° ° ° ° ° ° ° °	° ° ° ° ° ° ° ° ° °
Ѧ	I	Основной вид	[° - - - - ° - - - ° ° ° °]			

Сравнение надписи с палеографическими и графико-орфографическими особенностями письма берестяных грамот свидетельствует о сочетании архаических, присущих XI — первой половине XIII в., и более поздних, характерных для второй половины XIII–XIV в., признаков. Так, к первым можно отнести начертание букв И и И с длинными верхними засечками и отсутствием нижних. Эта модель характерна для грамот XI — первой четверти XII вв. (в грамотах XIII — первой половины XIV в. она встречается только в качестве исключения). Ранним признаком является также присутствие верхнего правого выступа у Ъ. Укажем и на передачу /y/ в позиции после согласной через диграф **ѠѢ** (в слове «**РОУѢСИНЪ**»), свойственную преимущественно памятникам XI–XIII вв., а в

первой половине XIV в. встречающуюся уже редко⁴⁵. С другой стороны, уменьшенный верх буквы **К**, петля с двумя изломами у буквы **Ъ** (в слове «**ДИЯКЪ**»), высокая перекадина у букв **И** и **Н** — признаки, характерные в основном для XIV в. Обращает себя внимание и передача /ja/ (в слове «**ДИЯКЪ**») через графему **ИЯ**, которая в берестяных грамотах практически не употребляется вплоть до конца XIII в.⁴⁶

Таким образом, надпись дьяка Стефана следует датировать второй половиной XIII — первой половиной XIV в.

Славяно-русские граффити храма св. Софии являются ценным источником по истории взаимоотношений Руси-России с Византией и Османской империей, отечественной письменности, языка и культуры. Поэтому планомерное изучение и введение данного эпиграфического материала в научный оборот авторы считают своей приоритетной задачей.

45 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*, 29.

46 Там же, 31.

РЕЦЕНЗІЇ. ОГЛЯДИ

У пошуках держави

Пузанов В.В. *Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты*. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007, 623 с.

Нові думки про шляхи виникнення держави завжди корисні, оскільки допомагають нам скласти своє уявлення щодо природи соціальних утворень, в яких доводиться жити людству. Пропонована увазі читача книга є актуальною, оскільки наш час позначений перманентними пошуками країнами пострадянського простору власної державності, а науковцями цих країн — нових, звісно, немарксистських, підходів до її вивчення.

Обираючи ліберальну форму подачі матеріалу у вигляді низки «нарисів», автор ніби запрошує до діалогу, пропонує інформацію до роздумів, чим відразу ж обеззброює надміру прискіпливих критиків. До того ж ці нариси, безумовно, є свідченням довгої копіткої праці В.В. Пузанова в області потестарно-політичних студій.

Історіографічна частина книги має цінність окремого дослідження. Приділена в ній увага розробці проблеми державності українськими вченими особливо втішна. У самій постановці проблеми автор слушно відзначає, що, здавалося б, найдоцільніше дослідити саме те, як «бачили» державу її сучасники, проте це сприйняття досить неоднорідне, адже «для когось це носії влади; для когось — образи «лісів, полів і рік» (с. 30). Відзначається також, що уявлення про владу на Русі мало різнитися і через те, що країна то підкорювалася єдиній владі, то ставала поліцентричною (с. 31).

Головним для свого дослідження історик визначає XI ст., вивчаючи яке, він сподівається заповнити прогалину щодо цього періоду в концепції «санкт-петербурзької школи», а також знайти нові дискурси для вирішення традиційних питань (с. 38). Однак, витоки державності він починає шукати в епосі становлення слов'янських народностей — у VI–VII ст., що не може не нагадати колишні дослідження Б.О. Рибаківа, які критикуються по ходу роботи автором (с. 260–261). Щоправда, ми з такою постановкою питання, в принципі, згодні.

У першій частині книги розглянуто питання про формування основ міжкультурного діалогу як одного з чинників соціо- й політогенезу. Вихід на історичну арену слов'яни здійснювали на стадії родоплемінного ладу. Переважаючу роль у сприйнятті ними світу відігравали категорії «свій — чужий», «вільний — невільний». Відносини слов'ян із зовнішнім світом були неоднозначними — від проявів гостинності до обернення іноземця в рабство, в чому, слов'яни, гадаємо, не поступалися й іншим варварським народам. Загальноприйнятими ватажками

озброєних дружин виступали сакральні вожді. На цьому етапі войовничість і ворожість до зовнішнього оточення, безумовно, служили меті обстоювання своєї ідентичності, хоча й не обходилося без вимушених поступок більш наполегливому ворогові, зокрема, аварам. Гучна поява слов'ян на світовій арені була зафіксована візантійськими і західноєвропейськими хроністами.

Підсумовуючи зазначене у нарисах цієї частини, автор справедливо відзначає важливість для становлення первісної людини (зокрема, і предків слов'ян) приборкання індивідуалізму. Щоправда, дослідник не наважився оцінити, яку роль в цьому відіграла праця. Водночас, найімовірніше, саме спільна виробнича діяльність стала для давнього людства головною школою колективізму. У формуванні системи багатоукладних соціальних зв'язків, на думку В.В. Пузанова, стала провідною найдавніша опозиція «свій — чужий», зокрема, невпинне розширення кола «своїх» за рахунок розгалуження етнічних контактів (с. 137), з чим важко сперечатися.

Частина друга розглядає утворення Давньоруської держави (передумови, етапи, типологію, етнокультурний аспект). Нарис 1-й присвячений тому, як *Повість временних літ* оцінює слов'янське розселення у Східній Європі. Особлива увага приділяється питанню достовірності даних, отриманих літописцем від своїх усних інформаторів, які могли зберегти в пам'яті відносно нещодавніх подій (с. 184).

Нарис 2-й, в якому автор виявляє чинники генези державності і типологію додержавних утворень у східних слов'ян, вигідно відрізняється своїм безпосереднім відношенням до задекларованої теми книги. Щоправда, як на наш погляд, надто багато місця відведено обговоренню в усі часи політизованої проблеми норманського впливу, тим більше, що дослідник знову повертається до неї у нарисах 4-му і 7-му. Щодо новацій 2-го нариса нашу увагу привертає свіжа думка про роль війни як одного з головних чинників державоутворення (с. 193 і далі). Війною прокладалися торгівельні шляхи, нею ж відбиралися у корінного населення продукти місцевого промислу, що призначалися на продаж, а також людські ресурси — основа работоргівлі. Війна ставала способом або умовою легітимації зовнішньої експлуатації (с. 197). «...Воєнне захоплення веде до формування складних племінних об'єднань, які, за певних умов, знову ж не без участі військового фактора, можуть трансформуватися в ранньодержавні об'єднання» (с. 199).

В якості первинних ознак держави називаються *податки — публічна влада — територіальний поділ народу* (с. 201). Саме організація населення за територіальною ознакою, так або інакше, передбачає наявність і елементів публічної влади, і податкової системи. Тому дана ознака, принаймні, по відношенню до східнослов'янської державності, — зазначає вчений, — може вважатися головною (с. 202).

Історик вирізняє три типи, або ступені, інтеграції суперсоюзів: 1) недовговічний союз племінних союзів («племен») з метою протистояння спільній зовнішній небезпеці; 2) об'єднання союзів племен під егідою найсильнішого з них, який являв зародок публічної влади по відношенню до решти; 3) перехід

від періодичного «наїзду» за даниною з боку панівного союзу до прямого управління «підвладними племенами», заміна місцевих племінних органів влади намісниками з центру (с. 204). На наступному етапі, згідно з автором, у східних слов'ян сформувалися міста-держави, і таким чином складний суперсоюз племен трансформувався у складну федерацію земель. Втім, особисто для рецензента гра з терміном «суперсоюз» лишилася дещо непереконливою, оскільки містить надто гіпотетичні побудови.

Далі, торкнувшись у нарисах 3-му і 4-му, відповідно: проблем хозарського і норманського впливів, й констатувавши, що суттєвої ролі в соціо- й політогенезі східних слов'ян вони не відіграли (с. 225, 240), у двох наступних нарисах (5-му й 6-му) автор розглядає проблему об'єднання племінних союзів під владою Києва. При цьому (всупереч попереднім твердженням) роль варягів виявляється не такою вже й незначною. Так, в літописних відомостях про Рюрика «відбитий процес переходу сформованого під егідою варягів Північного суперсоюзу племен в третю, заключну стадію інтеграції» (с. 245). Далі «взяття військами Олега і Ігоря Смоленська, а потім Києва ознаменували початок нової хвилі норманської експансії, наслідком чого стало розширення Північного суперсоюзу на південь і перенесення резиденції русів у Київ» (с. 247). Яким би не був рівень консолідації перерахованих Константином Багрянородним племен, що тяжіли до шляху «з Варяг у Греки», цілком очевидно, що ці «славинії» були «пактіотами» (данниками) «росів», тобто варязької династії, зосередження в руках якої влади над усіма цими територіями і племенами було підкорене одній меті — збуту полюддя, описаному тим же Константином. Тими ж таки інтересами київської династії зумовлювалось залучення цих племен у походи на Візантію. Виразно скандинавські риси притаманні і купцям-русам, що перебували у Булгарі, згідно із знаменитим описом Ібн-Фадлана. Щоправда, незаперечним є той факт, що нормани якимось чином вросли у місцеву культуру, ослов'янювалися. Їхні діти отримували слов'янські імена: Святославом звали сина Ігоря, Лютом, Мстишею(?) — сина Свенельда. Гадаємо, асиміляції сприяла традиція матрілокальних шлюбів, що легітимізувало входження у «місцевий рід». Цим, очевидно, послаблювалась міжетнічна конфліктність.

Остаточо намагаючись відповісти (нарис 7-й) на питання про роль скандинавських елементів у військово-політичній системі давньоруської держави, що утворювалася (X — перша половина XI ст.), автор констатує, що варяги переслідували на території Східної Європи власні інтереси. Хоча нормани не створювали східнослов'янської державності, втім «виступали в якості організуючої військово-політичної сили. Тим самим, вони сприяли формуванню інститутів публічної влади і податкової системи, підвищенню ряду місцевих племінних об'єднань, що призвело, в результаті, до домінування полянської общини... Варязький чинник не лише «підштовхнув» державоутворюючі процеси у східних слов'ян, але й надав їм масштабність... Однак, світло державності освітлює і скандинавів, і східних слов'ян вже за межами «норманського періоду» руської історії» (с. 292–293). Суперечливість цих висновків лише віддзеркалює традиційну складність проблеми ролі норманів у становленні руської державності.

Звісно, якщо дивитися на «норманський період» із пізніших часів, то сліди варягів (лінгвістичні, в побуті, в матеріальній культурі) виявляються незначними. Втім, незважаючи на те, що Константин Багрянородний і *Повість временних літ* називають конкретні слов'янські племена (часом навіть вказуючи імена їхніх ватажків), незаперечним є факт їхнього силового підкорення варягами, які прийшли з Півночі. І ця констатація, до речі, цілком збігається із підкресленою самим В.В. Пузановим роллю війни та військового підкорення як державоутворюючого зовнішнього чинника (с. 197, 199). Власне, саме у нарисі 7-му він докладно говорить про перевагу військових досягнень норманів над слов'янськими (с. 277).

Частина третя княжки присвячена давньоруській державності в XI ст. — «від Ярослава Мудрого до Володимира Мономаха». У нарисі 1-му автор аналізує розподіл земель Русі по Дніпро між Ярославом і Мстиславом, а також намагається розшукати тривання цієї традиції, зокрема, в розподілі земель за заповітом Ярослава. Втім, виразних слідів подібної традиції автор, схоже, не знаходить. Київська Русь XI ст. за умов відомого «тріумвірату», на його думку, була складним союзом (федерацією) земель, що знаходився під владою київського, чернігівського і переяславського князів (с. 357).

Нарис 2-ий розглядає обставини політичного життя Русі від київського перевороту 1068 року до Любецького з'їзду, з характерною, на думку автора, для цього періоду нестабільністю у співвідношенні князів і земель.

Нарис 3-ій присвячений Любецькому з'їзду та його наслідкам. Згідно з висновками автора, «тріумвірат» земель дозволив послабити зовнішню небезпеку, сповільнити процес розпаду Київської Русі, пом'якшити його негативні наслідки. Починаючи з другої третини XII ст., відцентрові тенденції перейшли у вирішальну, необоротну стадію. Новим етапом розвитку державності стало незалежне існування міст-держав. Утім, з розпадом складної федерації продовжує існувати генеалогічна федерація (що знаходила вираз у єдності князівського роду й у праві його на кормління у Руській землі), яка накладалась на систему самостійних міст-держав і елементи колишньої ієрархії міст (с. 392).

Частини четверта (феномен Володимира Мономаха) і п'ята (соціальні образи Давньої Русі) — є своєрідними додатками, хоча й великими за обсягом, до основного тексту книги, в яких робиться спроба залучити до реконструкції «картини світу» давньоруського суспільства різноманітні оригінальні джерела: *Повчання Мономаха*, *Київський лист X ст.*, *Слово про закон і благодать* Іларіона, *Пам'ять і похвалу князю Володимиру*, *Житіє Феодосія*. Завершують книгу розлогі висновки автора (с. 614–621).

В.В. Пузановим пророблено велику роботу, наведено майже енциклопедичний за обсягом матеріал. Втім, праця залишає враження енциклопедичної також і за способом подачі цього матеріалу. Автор надав читачеві можливість довідатися про чимало сторін давньоруської історії, але далеко не все з цього додасть до нашого уявлення саме про державність. Крім того, вступні і додаткові частини займають у книзі незрівнянно більше місця, ніж задекларована центральна, присвячена XI ст. Головне ж, що державність, як явище, набагато масштабніша,

ніж перерозподіл князівських столів. Держава має певну мету, освячену ідеологією, обслуговує інтереси певних соціальних верств, котрі якимось чином взаємодіють з іншими. В ній є судочинство і податкова система. Вона підтримує дипломатичні і торгівельні зносини з навколишніми країнами, організовує оборону від зовнішніх зазіхань, або здійснює напади на сусідів. Звісно, все це не просто простежити крізь павутиння міжкнязівських чвар, які звично складають собою основний сюжет досліджень про «державність». Вихід по-за межі цього традиційного (підказуваного літописами) дискурсу міг би стати головним внеском книжки у тему давньоруської державності.

Юрій Писаренко

Звіздецький Б.А. *Городища IX–XIII ст. на території літописних древлян*. К.: Ін-т археології НАНУ, 2008. 176 с.

Опублікована стараннями колективом науковців відділу давньоруської та середньовічної археології Інституту археології НАН України, монографія Б.А. Звіздецького (1958–2006 рр.) присвячена вивченню укріплених поселень давньоруського часу, розташованих на території розселення літописних древлян.

На основі аналізу літописних джерел та наявного археологічного матеріалу, автор, насамперед, спробував визначити межі Древянської землі. Східний її кордон фіксують, на думку дослідника, поселення та городища, розташовані в басейні р. Тетерева та на її вододілі, віддалені від синхронних їм полянських поселень VIII–X ст. лісовими масивами та болотистою заплавою р. Здвиг. На північному сході древляни займали територію від гирла Тетерева до гирла Прип'яті вздовж правого берега Дніпра й далі вздовж правого берега Прип'яті до гирла Славечни. Найбільша концентрація древянських поселень фіксується за археологічними даними на півночі Древянської землі в районі Овручського кряжу. Північні межі розселення древлян автор проводить по лінії р. Славечна, дещо північніше Овруча, і далі на захід, перетинаючи середню течію Уборті та Ствиги. Межі розселення древлян на заході сягали межиріччя Случі та Горині. За підрахунками автора, загальна площа Древянської землі наприкінці I тис. н.е. складала не менше 28 тис. км. При цьому, опираючись на дані картографування древянських поселень і могильників, дослідник зауважує, що її заселення було не однаково щільним.

Важливими є також спостереження Б.А. Звіздецького щодо хронології, топографії та соціальної типології древянських городищ. Перші древянські укріплення — «гради», виникли, як доводить дослідник, у VIII ст. (Малин). У IX–X ст. виникають і функціонують «два десятки подібних укріплень, включаючи і два згадуваних літописом міста — Іскоростень (Коростень) та Вручий (Овруч). У XI ст. більшість «градів» племінного періоду перестають функціонувати. У цей період існують лише п'ять-вісім городищ. XII ст. стало поворотним у відродженні фортифікаційного будівництва в ареалі Древянської землі. До восьми укріплень, що існували безпосередньо протягом IX–X ст., додалося ще двадцять три. Таким чином, у XII —

середині XIII ст. функціонувало тридцять одне укріплення. З них 18 було засновано на нових місцях, і лише 5 зайняли незаселені в XI ст. городища племінних «градів», що функціонували в більш ранній час» (с. 51).

Розглянувши особливості топографії і планування городищ Древянської землі, дослідник дійшов висновку, що провідним їх типом є мисові городища (24) та укріплені поселення на природних останцях (10). За соціальною типологією древянські городища IX–XIII ст. автор розподіляє на три окремі категорії. До першої з них він відносить 20 укріплень IX–X ст., що виступали племінними «градами» — центрами концентрації племінних органів влади, якими були князь та представники місцевої соціальної верхівки. На його думку, «саме з їх числа древяни обирали 20 представників («мужей лучших»), які їдуть у 945 р. до Києва з місією сватання до овдовілої Ольги. Кількість послів Древянської землі здається нам зовсім не випадковою. Вона в точності збігається з кількістю «градів», виявлених археологічним шляхом» (с. 76–77). Припущення автора про те, що 20 послів могли бути повноважними представниками 20 «градів» Древянської землі, тобто по одному «мужу» від кожного «граду» видається надто спокусливим аби беззастережно прийняти його на віру. Чи не був цей збіг випадковим? До того ж, не переконаний в тому, що подальші археологічні дослідження не виявлять нових городищ цієї категорії.

Другу соціально-типологічну групу давньоруських городищ складають, за класифікацією автора, поселення з укріпленою площею більше як 1 га та досить потужним культурним нашаруванням. Цю групу поселень дослідник відносить «до типу малих міст Русі, які жалувалися в кормління на правах умовного «держання (?) молодшим представникам правлячого великокнязівського клану» (с. 96). І, зрештою, до третьої, найбільш чисельної групи городищ, автор відніс укріплення з площею менше 1 га. Вони, на його думку, «поєднували в собі риси варгових фортець, а також господарсько-економічних одиниць — первинних осередків організації князівського фіску» (с. 96).

Приємне враження справляють дбайливо укладені «Додатки», які містять доволі повний *Каталог* городищ Древянської землі IX–XIII ст., а також *Таблиці*, що дозволяють скласти уявлення про хронологію, топографію та розміри поселень, їх матеріальну культуру.

В.Р.

Звіздецький Б. А. *Археологічні дослідження в північно-східних районах Житомирського Полісся (матеріали та дослідження до археологічної карти області: Коростенський, Овруцький і Народицький райони Житомирської області)*. Коростень, 2008. 130 с.

У цій книзі здійснено аналіз археологічних пам'яток, виявлених під час польових розвідок 1999–2004 рр. в північних регіонах Житомирської області, які постраждали внаслідок аварії на Чорнобильській атомній електростанції. До

наукового обігу також вводяться матеріали досліджень 1999–2004 рр. курганних некрополів і городищ на території Коростенського, Народицького і Овруцького районів Житомирської області. Укладений автором реєстр археологічних пам'яток дозволяє суттєво уточнити й доповнити археологічну карту регіону, скласти більш повне уявлення про характер поселенської структури та особливості матеріальної культури Древлянщини.

В.Р.

Водолазкин Е.Г. *Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеяного повествования XI–XV вв.)*. 2-е изд., переработанное и дополненное. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2008, 488 с.

Перше видання цієї книжки, що вийшло 2000 р. в Німеччині, лишилося недоступним і практично невідомим на Україні. Перевидання її в Росії значно посилює шанси знайомства української наукової громадськості із цим важливим дослідженням. Книга Є.Г. Водолазкіна присвячена давньоруським історіографічним та історико-екзегетичним текстам, що оповідають про «всесвітню» історію, тобто події від Сотворення світу до X ст. н. е. У «Вступі» (9–38) автор окреслює поняття «всесвітня історія» стосовно середньовічних текстів, визначає її місце в системі жанрів історичної оповіді, а також пропонує міркування щодо взаємовідношень між літописанням та оповіддю хронографічною і палеяною. Серед тем другої частини книги — «Историография как богословие» — такі: «История всемирная и история национальная», 41–70; «Структура хронографов и отношение хронистов к источникам», 71–77; «Времяисчисление русской хронографии», 78–96; «История как история выполнения пророчеств», 97–102; «Историограф и исторический процесс», 103–108; «Отношение к чудесному», 115–126; «История и экзегеза», 127–139; «Историография и «естественнонаучное», 153–159. Друга частина книги — «Хронология русской хронографии» (161–208) — детальніше розвиває одну з тем, намічених у попередній частині. Тут обговорюються проблеми відносної хронології, датувань за царствами, абсолютної хронології, ери руських хронографів та додаткові елементи обрахунку часу, а також дещо із технічного оснащення: індікт, вруцелето, круг місяця. Третя частина книжки (209–236) присвячена Хроніці Георгія Амартола як головному джерелі руської хронографії. Тут обговорюються проблема гаданого «Хронографа по великому изложению», а також відображення Амартола у текстах, що фізично дійшли до нашого часу: Троїцькому хронографі, Повній хронографічній Палей, обох редакцій Літописця Єлинського та Римського, Архівському та Софійському хронографам. Четверта частина — «Естественнонаучное. Сверхъестественное. Провиденциальное» (237–312) — присвячена дослідженню Тлумачної Палей. Книгу споряджено чотирма додатками,

з яких для дослідників давньоруської історії неоціненним стане перший: «Хроника Амартола в русских хронографических сводах» (321–375), де подано пофрагментний опис усіх запозичень із Амартола, включених у різноманітні хронографічні компіляції.

О.Т.

Івакін В. Г. *Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Києва*. К.: КИТ, 2008. 272 с.

На відміну від так званих «дружинних поховань», поховальні пам'ятки Києва Х–ХІІІ ст. як специфічна категорія старожитностей досі не стали предметом спеціального дослідження. У фаховій літературі вони розглядалися побіжно у більш широкому археологічному контексті. Монографія В.Г. Івакіна покликана заповнити цю лакуну. Автор поставив собі за мету реконструювати комплекси поховальної практики давніх киян на підставі єдиної формалізованої схеми та виявити статистичні закономірності для зазначеної категорії пам'яток.

Робота поділяється на чотири розділи. У першому аналізується історіографія проблеми та розкривається історія археологічних досліджень поховальних пам'яток давнього Києва. У другому створено топографічну карту, на якій нанесені основні категорії поховальних пам'яток давньоруської столиці. Автором зібрано матеріал по більш ніж тисячі поховальних пам'яток стародавнього Києва та його околиць. Некрополі розглядаються в контексті окремих київських районів та приміських монастирів. У наступному розділі виділено основні етапи формування некрополів Києва, визначено хронологічні особливості утворення системи міських кладовищ. За археологічним матеріалом, знайденим у похованнях, та стратиграфічною ситуацією визначається період функціонування того чи іншого могильника. Останній розділ присвячений аналізу поховального обряду давніх киян. Поховальні пам'ятки поділено на п'ять основних категорій: прихрамові кладовища; поодинокі поховання, зокрема дитячі; чернецькі катакомбні поховання; масові поховання, які з'явилися внаслідок пошестей (скудельниці) та війн (братські могили 1240 р.). Виведено статистичні показники та зроблено детальний аналіз елементів поховального обряду, виділено основні типи поховальних споруд та поховального інвентарю. В результаті проведеної роботи створено реєстр поховальних пам'яток Києва Х–ХІІІ ст.

Робота б суттєво виграла, коли б автор здійснив бодай побіжний порівняльний аналіз із поховальними пам'ятками інших міст Київської Русі і сусідніх країн. Недостатньо досліджено взаємозв'язок різних європейських поховальних традицій, тобто включення пам'яток Центральної та Північної Європи і Балкан, що дало б змогу залучити суму нових матеріалів для вивчення поховального обряду давніх киян.

В.Р.

Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М.: Индрик, 2008, 616 с.

Черговий том щорічника «Древнейшие государства Восточной Европы», який, що приємно, помітно збільшився у своєму об'ємі, спеціально присвячений одній із *grand theme* історіографії — «Рюриковичи и Российская государственность». Відділ «Исследования» розпочато роботою Є.В. Пчелова «Династическая история рода Рюриковичей» (с. 5–32), в якій зроблено поверхневу спробу загального аналізу «родинної історії» княжого роду, його поділу на численні гілки та поступового занепаду. У статтях В.Я. Петрухіна, об'єднаних спільним сюжетом, «Призвание варягов: историко-археологический контекст» (с. 33–47), та «Сказание о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии» (с. 76–84) піддано нищівній, але не завжди справедливій критиці уявлення Г. Вернадского, О. Прицака, Д. Мачинського та особливо К. Цукермана щодо початкової історії Русі. Так, апелюючи до нещодавнього відкритого «варяжского вика» в Києві (с. 43), автор, здається, потрапляє у подібну ж пастку, в яку він так вміло зміг заманити своїх попередників. Критичний скептицизм В.Я. Петрухіна, щодо хронології К. Цукермана позбавлений до певної міри своєї конструктивності: автор схоже воліє залишити намічені проблеми без відповіді, що на фоні його втомливої критики, не може не залишатися непоміченим. О.О. Мельнікова у статті «Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI–XII в.» (с. 47–75) проаналізувала структурні частини так званого «сказания о Рюрике», яке, на її думку, виступає найбільш типологічним із «сказаний о деяниях», героєм якого був вождь війська вікінгів. Більш спірним є висновок автора, що «сказание о призвании» було включено уже в первое систематическое изложение ранней истории Древнерусского государства — в Древнейший летописный свод конца 1030-х гг.». В іншій статті О.О. Мельнікової «К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей» (с. 240–250), до найбільш популярних скандинавської та візантійської гіпотез походження знаків Рюриковичів, зусиллями автора додана ще й хозарська. Серед важливих матеріалів розділу потрібно зважити на статті: Г.В. Глазиріної «Следы устной традиции о Ярославе Мудром в ранней письменности Скандинавии (до 1200 г.)» (с. 103–131); О.В. Назаренка «Братское совладение, отчина, сеньорат (династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте)» (с. 132–180); М.Ф. Котляра «Волынские и галицкие Рюриковичи (XII в.): происхождение и судьбы» (с. 180–202); Т.М. Джаксон «Рюриковичи и Скандинавия» (с. 203–227); І.Г. Коновалової «Древнейший титул русских князей «каган»» (с. 228–239); А.А. Молчанова «Знаки Рюриковичей: итоги и проблемы изучения» (с. 250–269); І.М. Данилевського «Рюриковичи в удельный период» (с. 270–293); В.А. Кучкина «Первый московский князь Даниил Александрович» (с. 294–319); П.В. Чеченкова «Суздальские Рюриковичи и территориально-политическое устройство Нижегородского княжества» (с. 319–340); В.Д. Назарова «Господин, великий князь», служилые князья и государев двор в

России XV века»; К.Ю. Ерусалимського «Андрей Курбский — идеолог княжеской власти: опыт реинтерпретации» (с. 371–407).

У розділі «Публикации» вміщене цінне дослідження А.А. Євдокімової «Корпус греческих граффити Софии Киевской на фресках первого этажа» (с. 465–518). Також поміщені замітки М.Ф. Котляра «Ничто... не проходит бесследно» (Заметки о книге А.А.Зимины «Слово о полку Игореве»). СПб., 2006. 515 с.) (с. 19–532).

До щорічника включені «Материалы к библиографии» (2001–2005), зібрані І.Г. Коноваловою.

О.Ф.

Карпов А.Ю. *Княгиня Ольга* [Жизнь замечательных людей: сер. биограф.; вып.1172]. М.: Молодая гвардия, 2009, 376[8] с. ил.

Нова книга Олексія Карпова своєрідно підсумовує багаторічні студії автора над створенням біографічного циклу праць, присвячених визначним особистостям Київської Русі. Раніше у цій же серії ним були опубліковані книжки про Володимира Великого і Ярослава Мудрого.

На основі використання широкого кола джерел та літератури автор відтворив основні віхи життя та діяльності княгині Ольги.

Борючись псковську версію її походження, дослідник з-поміж іншого покликається на *Проложене житіє* княгині XIV ст., у якому сказано: «Си блаженная Ольга родом бе пльсковитина». Публікація цього тексту була вміщена в праці М.І. Серебрянського «Древнерусские княжеские жития» (1915 р.). Зауважу, що останній був уродженцем Псковщини і йому не байдужим було питання локалізації місця народження княгині Ольги.

Авторські спостереження над походженням імені київської княгині дозволили обґрунтувати висновок про те, що Ольга належала до роду Олега Віщого. На думку вченого літописець штучно об'єднав Ігоря, Олега та Ігоря в рамках одного роду, зробивши Ігоря сином Рюрика, а самого Рюрика — родоначальником руських князів.

Життєвий шлях княгині Ольги від народження й до 944 р. — першої достовірної, на думку О.Ю. Карпова згадки її імені у джерелах окреслено, як відомо, всього двома фактами її біографії. Перший — це її шлюб з Ігорем; другий — народження Святослава. Виходячи з того, що Ольга народилася близько 920 р., дослідник датує ці події 30-ми рр. X ст.

Чимало місця у книзі відведено діяльності князя Ігоря. Йдеться про організовані ним військові походи та конфлікт з древлянами, що призвів його до загибелі, та винахідливі помсти Ольги за смерть свого чоловіка. У перебігу подій древлянської війни, яка завершилася захопленням і спаленням Іскоростеня, автор виявив такі риси характеру княгині Ольги як мудрість і винахідництво, хитромудрість і жорстокість, мстивість і підступність, а разом з тим і її жіночу

привабливість та звабу. О.Ю. Карпову уявляється, що всі ці якості, гіпертрофовані народною свідомістю віддзеркалюють реальні риси характеру київської княгині. Розвиваючи цю тему в розділі присвяченому державному облаштуванню підвладних їй земель дослідник стверджує: «...мужские черты в ее характере – такие, как решительность и твердость, – дополнялись и чисто женским обаянием и, конечно же, хитростью и изворотливостью, столь свойственными женскому уму. Именно в силу своей женской природы Ольга обратилась к внутреннему устройству своей державы, то есть к той стороне княжеской деятельности, которой пренебрегали ее предшественники-мужчины, более занятые военными походами и битвами» (с. 138–139).

Очевидно, такі риси характеру київської княгині у поєднанні з винятково гострим розумом дозволили їй відмовитися від язичницьких забобонів й відправитися до Царгороду, аби особисто поспілкуватися з візантійським імператором й на власні очі побачити християнські храми та пишність православного богослужіння. Як відомо, питання хронології константинопольського візиту Ольги та її хрещення лишаються вкрай дискусійними у науці. Константин Багрянородний, описуючи два прийоми київської княгині (9 вересня в середу і 18 жовтня у неділю) не згадує, якого року це сталося. В часи його правління відповідні дні місяці співпадали з днями тижня в 946 і 957 р. Приймаючи 957 р. за дату візиту княгині Ольги до Константинополя, автор обґрунтовує думку про те, що її хрещення відбулося через кілька днів після першої зустрічі з імператором. Ця подія сталася, як доводить О.Ю. Карпов, 13 вересня 957 р. на Воздвиження.

У «Додатку» вміщено огляд редакцій і тексти агіографічних творів про княгиню Ольгу.

В.Р.

Котляр М.Ф. *Київський літопис XII століття. Історичне дослідження*. К.: Інститут історії України НАН України, 2009, 316 с.

Нова книга М.Ф. Котляра в значній мірі є продовженням попередніх студій дослідника над давньоруським літописанням. У першу чергу, в методологічному відношенні. Виробивши на матеріалі *Галицько-Волинського літопису* концепцію *повісті* як базового елементу літописного оповідання й літопису як низки послідовно додаваних сюжетних повістей, у нинішній книзі автор спробував розповсюдити це уявлення на *Київський літопис XII ст.* У попередніх працях дослідник обґрунтовував подібний погляд на *Галицько-Волинський літопис* гіпотезою про відсутність у Галичі протягом XII ст. самостійної літописної традиції й, відповідно, орієнтацією на нелітописні взірці історіописання. У нинішній книзі, здається, автор суттєво модифікує цей вихідний пункт своїх досліджень. Правомірність розповсюдження методики, виробленої для, здавалося б, унікальної пам'ятки, на ще один, хронологічно більш ранній, літопис автор обґрунтовує тим, що насправді *повість* як жанр зародилася саме в рамках *Київського літо-*

тису, а *Галицько-Волинський літопис* є генетичним продовженням (і вдосконаленням) цієї традиції.

Книга складається із двох частин. Перша із них займається власне текстом *Київського літопису*. Перша глава («Джерела і структура Київського літопису», 6–50) містить короткий огляд повістей, з яких, на думку автора, складається літопис. Друга глава («Генетична спадкоємність Галицько-Волинського ізвода від Київського літопису XII ст.», 51–86) обґрунтовує думку, що «Галицько-Волинський літопис зовсім не випадково був приєднаний до Київського в спільному південноруському ізводі. Галицькі книжники дуже ймовірно читали і вивчали Київський літопис, прагнули наслідувати його» (86). Справді, факти прямого чи опосередкованого цитування авторами *Галицько-Волинського літопису* текстів *Київського літопису* добре відомі в науці. Подібне знайомство, втім, лише загострює проблему: знаючи і нібито намагаючись наслідувати, автори *Галицько-Волинського літопису*, однак, відмовляються від властивого *Київському літопису* хронологічного викладу, порічної сітки, та, зрештою, й самої річної статті як базового структурного елементу композиції. Такий радикальний розрив із традицією, здається, все ж таки краще пояснюється орієнтацією на взірці історіописання, представлені у перекладних творах візантійської хронографії, ніж розвитком інтуїтивно підміченої сюжетності *Київського літопису*.

Кожна з наступних глав першої частини присвячена одній чи кільком із повістей, які автор вичленовує в тексті *Київського літопису*. Таких М.Ф. Котляр нараховує, загалом, десять (їх кількість і порядок не збігаються із оглядом у першій главі): гл. 3: «Воїнські повісті в складі Київського літопису», 87–108 («Повість про Володимира Мономаха»; «Літопис Володимирового племені»; «Повість Всеволода Ольговича»); гл. 4: «Повість Ізяслава Мстиславича», 109–133; гл. 5: «Повість Мстиславичів-Ростиславичів», 134–171; гл. 6: «Повість про вбивство Андрія Боголюбського», 172–178; гл. 7: «Повість Ростиславичів про дальші змагання за Київ (70–90-т роки)», 179–202; гл. 8: «Галицькі повісті в складі Київського літопису», 203–220. Крім того, автор вичленовує ще дві повісті чернігівських князів: «Повість Святослава Ольговича» та «Повість Ігоря Святославича».

Друга частина книги — «Русь XII ст. на сторінках Київського літопису» (221–312) — являє собою нариси історії Русі на підставі інформації *Київського літопису*.

О.Т.

Мілов Л.В. Исследования по истории памятников средневекового права: Сборник статей. Под ред. Б.Н. Флори, А.А. Горского. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009, 336 с.

До збірника статей Л.В. Мілова (1929–2007), зібраних його учнями та друзями, включено матеріали, статті та розвідки, напрацьовані автором на протязі тридцяти років. Структура книги розподілена на чотири нерівномірні розділи, у

відповідності до наукових зацікавлень автора. У першому «Закон Судный людем на Руси», включені статті: «К истории текста Закона Судного людем Пространной редакции» (с. 5–27), «О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования (Закон Судный людем)» (с. 27–70) «К истории текста Закона Судного людем Краткой редакции» (с. 71–79). До другого розділу «Византийская Эклога и древнерусское право»: увійшли статті «О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги)» (с. 79–110); «Древнерусский перевод Эклоги и кодификационной обработке конца XIII в.» (с. 111–124); «Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава)» (с. 125–152); «Об «изводе пред 12 человека» Правды Ярослава» (с. 53–161); «Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции)» (с. 162–172); «Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (к рецепции византийского права на Руси)» (с. 173–186); «К вопросу об истории церковного устава Владимира» (с. 187–189); О древнерусских сборниках юридического содержания «К истории древнерусского права XIII–XIV вв.» (с. 190–196); «К истории древнерусской книжной письменности XIV в. (палеографические наблюдения)» (с. 197–212); «Тверская школа книжного письма второй половины XIV в. (к истории Троицкого Мерила Праведного)» (с. 212–233); «О древнейшей истории Кормчих книг на Руси» (с. 233–260). У третьому розділі — «Церковный устав Ярослава» вміщено працю «Устав Ярослава (к проблеме типологии и происхождения)» (с. 261–274) та, відповідно, у четвертому — «Русская Правда»: «О происхождении Пространной Русской Правды» (с. 274–314). Епілогом виступає стаття «Проблемы рецепции византийского права в Древней Руси» (с. 314–328). Нам залишається лише подякувати упорядникам за ідею компактного зібрання праць Л.М. Мілова та її добру реалізацію, що сподіваємося знайде свого не менш вдячного читача.

О.Ф.

Мининкова Л.В. *Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси*. Ростов-на-Дону, 2007, 518 с.

Об'ємна робота Л.В. Мінінкової є черговою спробою відкрити сейф під назвою «суспільно-політичний устрій Русі» за допомогою інструменту під назвою «феодалізм». Вона покликана (звісно ж, комплексно) дослідити відносини сюзеренітету-васалітету у домонгольській Русі: їхню генезу, етапи розвитку, форми на різних суспільних щаблях, їх правовий та культурний аспекти.

Книга складається з п'яти глав. У першій главі Л.В. Мінінкова робить докладний та скрупульозний історіографічний огляд, де показує історію «феодальних» концепцій устрою Русі на тлі інших концепцій та основних течій в історичній дисципліні за останні двісті років. Також у цій главі подано огляд джерельної бази дослідження; авторка користується з широкого кола як руських, так й іноземних джерел. На жаль, прискіпливішого, ніж поверховий огляд, аналізу джерел у книзі годі шукати.

Друга глава присвячена сюзеренітету-васалітету як науковому поняттю, розвитку його в історіографії та разом з тим основним рисам тієї реальності, щодо якої це поняття використовують. У третій главі Л.В. Мінінкова зосереджується на аналізі руських джерел з метою відчитування феодальних відносин руської дійсності у термінології джерел. Крім того, тут подано короткий нарис еволюції сюзеренно-васальних відносин до початку XII ст.

Четверта глава є логічним продовженням третьої: тут авторка перечитує основні епізоди руської домонгольської історії, шукаючи у них васалітет та інші атрибути класичного феодального Середньовіччя. При цьому вона спирається на досить очікувану періодизацію історії, де граничними є 1132, 1169 роки та виділяються етапи «загострення боротьби за Київ» у середині XII ст., доба *Слова о полку Ігоревім* і «передмонгольський час». У другій частині цієї глави Л.В. Мінінкова переходить від князів до дружини, розглядаючи генезу та розвиток боярського васалітету.

П'ята глава сфокусована на правових та культурних аспектах руського сюзеренітету-васалітету. Так, дослідниця (слідом за попередниками) віднаходить у руській дійсності конкретні правові форми васально-сюзеренних зв'язків, таких, як лен чи феоде, та норми і органи, що регулювали ці зв'язки (заповіти князів, з'їзди тощо). Окремо вона зупиняється на поземельних відносинах як властивій рисі даного суспільного устрою. Розгляд культури руського сюзеренітету-васалітету має надати картині завершеність: щось схоже на рицарську куртуазність, щось близьке до культу Дами — і сейф відкрито, на думку Л.В. Мінінкової.

Як бачимо, структура роботи ординарна: джерела та література, термінологічні аспекти, князівський та боярський васалітети, правове оформлення та культурний контекст досліджуваного феномену. Іноді, особливо заглибившись в останню главу, читач може запідозрити, що не оригінальність дослідження визначила структуру (а саме так ніби і має бути), а стандартна структура дисертації визначила обов'язковість певних розділів і сюжетів. Виникають і інші питання. Чи гарантує залучення якнайширшого джерельного матеріалу та літератури методологічної довершеності дослідження? Та обличчю нарікання і перейдемо до суті.

Яка логіка лежить в основі роботи і є її методологічною опорою? Використання певної взірцевої моделі для дослідження місцевих реалій. Понятійна рамка концепції феодалізму (зрощеної на західноєвропейських матеріалах) має упорядкувати давньоруські матеріали, надати їм смислу, а досліднику — розуміння того, що ж «насправді було». Раціональні підвалини розгляду Русі «феодальними очима» не такі й серйозні, хоч за ним стоїть поважна традиція. Власне, підвалин не багато більше, ніж у такого ж розгляду Японії, Індії чи Близького Сходу. Справді, у деяких відносно синхронних суспільствах не можна не побачити *щось* подібне: у економічній організації, влаштуванні зв'язків всередині панівних класів, культурі воїнських спільнот і т.д. Але чи достатньо цього для виведення «ідеальної схеми» на основі поглибленого вивчення одного з цих суспільств? Та чи треба використовувати схематизоване уявлення про устрій певного суспільства для пояснення устрою іншого? Де потрібно ставити кордон між соціологічною генералізацією і властиво історичною індивідуалізацією?

Багато з тих, хто практикує порівняльно-історичний метод у студіях Середньовіччя та феодалізму, декларують необхідність використання двох значень цього поняття: вузького — до Західної Європи, та розширеного — для інших об'єктів порівняльного аналізу. Про це ж пише і Л.В. Мінінкова. Але насправді історик потрапляє у пастку. Бо первинним є не надто раціональне *бажання* уявити і зрозуміти певне не західноєвропейське суспільство як феодальне (з васалітетом, ленами та рештою його начиння). Тому розуміючи феодалізм дуже широко, історик легко стверджує його наявність у певній країні. Далі ж він намагається віднайти у соціальному устрої даної країни якнайбільше того, що зближає його феодалізмом у вузькому значенні. В результаті у історика ще перед поглибленим аналізом місцевих матеріалів виявляється готова взірцева схема того, «як мало бути», тобто загальний результат стає зрозумілим раніше за дослідження. І залишається лише «правильно» інтерпретувати місцеві джерела, щоб віднайти у них взірць. Тобто, пропонується ніби два шари пояснення: один — у мові місцевих джерел, другий, насаджений — у термінології взірцевої схеми. Звісно ж, другий відображає об'єктивну дійсність, яка захована під мовою джерел. Звідси — прагнення швидше звільнитись від її пут і встановити чіткі відповідники джерельних «термінів» «об'єктивним» категоріям схеми. Останні, що ніби добре корелюють з місцевою дійсністю (хоч, між іншим, несуть у собі західноєвропейський сенс і конотації), від цієї дійсності відділені мовою джерел, що «спотворила» реалії.

І у випадку Л.В. Мінінкової дослідницька логіка виглядає подібним чином. Авторка стверджує *певну* подібність розвитку Русі і Західної Європи у період її Середньовіччя, а далі робить все «за сценарієм». Так, у третій главі знаходимо переказ вибраних епізодів руської історії, прочитаних у категоріях сюзеренітету-васалітету. У четвертій — те саме, тільки з головним героєм в особі бояр, а не князів. У п'ятій главі, в пошуках феодального права, дослідниця прочитає літописні повідомлення про князівське родинне співжиття як фіксацію існування «органів» та «інституцій» регулювання васальних надань і обсягу влади сюзерена. Їй вдається віднайти «під» літописними висловами «справжні» правові статуси різноманітних князівських і боярських володінь — алод, феод, бенефіцій. У тій же главі здійснено й «феодальне» прочитання культури вищих верств руського суспільства. Не дивно, що там Л.В. Мінінкова (щоправда, не перша) знайшла рицарський етос. У своїй книжці вона послідовно іменує бояр і князів не просто боярами і князями, але й сюзеренами та васалами, що є одним з відображень логіки «двох пояснювальних шарів».

Між тим, неочевидно, що дослідження Русі через невластиві їй категорії і у понятійній рамці саме західного феодалізму виправдане. Чи не краще позбутися такої рамки і таки довіритися місцевим джерелам, обов'язково враховуючи при тому нетермінологічність літописного нарративу та літературність багатьох «реалістичних» повідомлень. До того ж. Чи маємо право застосовувати порівняльно-історичний метод у такому його вигляді? Ось як Л.В. Мінінкова визначає невід'ємні риси сюзеренітету-васалітету: «вольность обеих связанных этими отношениями сторон и взаимная их верность, а также вознаграждение за службу

в той или иной форме». Це розширене значення поняття. Але яку методичну цінність воно має, якщо всі ці риси можна легко знайти у численних типах персональних взаємин ледве не в кожному суспільстві, включаючи наше сучасне? Після успіхів медієвістики у створенні концепції(ій) феодалізму історики дійшли висновку, що мають справу з явищем ширшим за західноєвропейське, але при тому саме європейські системи васально-сюзеренних відносин стали найбільш «правильним» прикладом явища. Така розширювальна дослідницька стратегія має очевидні недоліки. Чи не краще брати на озброєння звужувальну стратегію, яка використовує феодальну концепцію тільки щодо простору, де васально-сюзеренні поняття розвинулись?

В.А.

Dariusz Dąbrowski, *Genealogia Mścislawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)*. Kraków: Avalon, 2008, ss. 816, tabl. 7.

Книга Даріуша Домбровського вписується у багатолітню традицію досліджень над давньоруською генеалогією, фахово започаткованою понад сто років тому Миколаєм де Баумгартемом, праці якого на довгі роки залишалися базовими для даної теми. Втім, у згоді із відомим висловлюванням, нове покоління істориків пише власну історію. Сучасне покоління дослідників минулого докладає зусиль до створення нового розуміння генеалогії гілки Рюриковичів — Мстиславичів, нащадків Мстислава Федора Гаральда, сина Володимира Мономаха, праправнука Володимира Великого. Таку спробу здійснив Даріуш Домбровський, автор цілої низки публікацій з даної тематики, серед яких добре відома праця «Родовід галицько-волинських князів Романовичів» (Познань — Вроцлав, 2002).

Автор узявся за невдячну працю, що вимагала і неабиякої майстерності, і доброго ознайомлення зі зростаючим обсягом літератури, і врешті бенедиктинського терпіння. Впорався з нею він однак чудово.

Книгу відкриває вступ, що налічує понад 50 сторінок, де охарактеризовано зміст і завдання роботи, джерела, а також зроблено цікавий екскурс в історію генеалогії Мстиславичів в історіографії Речі Посполитої за період XVI–XVIII ст. Автор розмірковує над дослідницькими методами, застосованими в дослідженні, а також впроваджує читача у складний світ давньоруського шлюбного права, календаря та ін. Зауважимо, що кожна з окремих частин вступу сама по собі є, по суті, мінітрактатом, що містить, з однієї сторони, значну порцію знань, з іншої — свідчить про широку компетенцію автора у цій галузі.

Значну частину праці становлять біограми Мстиславичів. Тут застосовано цікавий критерій аутентичної приналежності даної особи до цього роду. У першу чергу подано біограми безсумнівних Мстиславичів (всього їх 117), далі подано біограми здогадних осіб (10). Автор не спокусився знехтувати цими сюжетами. Біограми є (наскільки дозволяють джерела) вичерпними, наприклад, Переяславі,

гаданій дочці Данила Романовича присвячено близько 14 сторінок тексту (с. 656–669). Цю частину книги замикають біографії помилково ідентифікованих Мстиславичів, тобто представників інших гілок Рюриковичів, або осіб помилково за таких визнаних, а також свого роду історіографічних «міфів» чи загалом неіснуючих у реальному житті (тут 36 осіб — реальних або вигаданих).

Працю завершує післямова, яка в дуже цікавий спосіб представляє висновки автора та певні дослідницькі постулати, один з яких небезпідставно звучить досить драматично: «Вважаю — пише автор, — що нагальним є нове систематичне опрацювання родоводів інших гілок Рюриковичів. Це завдання варто було б реалізувати, спираючись на канон, розроблений Бальцером — Ясинським для Пястів та з певними змінами пересаджений на ґрунт руської середньовічної генеалогії автором цих рядків. Завдання це не терпить зволікань, оскільки знання про деякі з гілок Рюриковичів є просто фатальними» (с. 734).

Імпонує багатомовна бібліографія, що містить (а це рідкість у подібного типу виданнях) джерела, досліджені в архівах та бібліотеках Львова, Вільнюса, Києва, Москви та Любліна. Список опрацьованих джерел займає в тексті майже 12 сторінок, а література — додатково ще 24. Припускаю, що важко було б знайти сьогодні дотичний до теми книжки текст, який би не був врахований автором. Видання доповнюють іменний покажчик і генеалогічні таблиці з поясненнями.

У такому короткому огляді представити усі достоїнства цієї книги неможливо. Врешті, серед них найбільш показовою є не стільки незвичайна ерудиція автора і його велика праця, скільки легкість викладу, завдяки чому книга чималого обсягу читається досить приємно і легко. Вона містить усі ознаки наукової праці, водночас автор зміг надати їй характеру свого роду історичної бесіди, проводячи читача крізь лабіринти давньоруської генеалогії до висновків, що народжуються на наших очах. Саме тому ми в стані прослідкувати хід думок автора від часу її появи до моменту вирішення порушеної проблеми. Особливе мистецтво автора полягає в тому, що йому вдається представити своє вирішення проблеми як наслідок саме такого, а не іншого ходу міркувань. Повагу викликає також готовність до перегляду власної точки зору всюди, де автор знайшов інше можливе вирішення. Стосується це насамперед біограм декого з нащадків Романа Мстиславича, яким — як уже згадувалося — вже присвячена окрема публікація.

На позитивну оцінку даної праці аж ніяк не впливають деякі недоліки редакційного характеру, вина за які лягає скоріше на видавництво аніж на автора.

Праця Даріуша Домбровського на довго увійде до доробку сучасної історіографії як приклад модерно написаної (при великій повазі до його попередників) монографії, що стосується одного з ключових аспектів давньоруської генеалогії. Врешті, вона представляє хороший компендіум знань про Мстиславичів у широкому контексті історії Русі, її далеких і близьких сусідів від кінця XI до початку XIV ст.

Анджей Гіль

Сугдейский сборник. Выпуск 3. К., Судак, 2008, 679 с.

Третій випуск «Сугдейського збірника» складають матеріали конференції «Причорномор'я, Крим, Русь в історії та культурі» (Судак, 2006), присвяченої пам'яті відомого дослідника кримських старожитностей І.А. Баранова. Збірник складається із чотирьох розділів: «Матеріали та дослідження», «Джерела, знахідки, відкриття (публікації)», «Охорона пам'яток» та «Наукова спадщина». У першому розділі увагу дослідників східноєвропейського Середньовіччя привенуть стаття А.В. Джанова («Походы сельджукских войск на Судак и в Киликию в правление Ала ал-Дина Кайкубада», 46–78), де автор пропонує нову дату походу сельджуків на Судак (історикам Русі цікавого тим, що джерела згадують військову присутність в Криму русі та половців як союзників Судака) — «не раніше 1226 і не пізніше початку 1227 р.» (66); дослідження Г. Козубовського «О роли «плетенки» на русских и русско-литовских монетах конца XIV в.», 79–86); О. Моці та Л. Иванченко («Тмутараканський «слід» у Пороссі», 137–145) Натомість розлога стаття Н.М. Нікітенко тавтологічно нагадає читачеві ексцентричні погляди автора на т. зв. «княжий портрет» в Софійському соборі як зображення Володимира Святославича із родиною в момент освячення храму. У автора серйозні проблеми із стилістикою російської мови, пор.: «как хорошо известно из древнерусской литературы, князь считал себя рабом Христа», 147; «центральная... фигура нимбирована и отмечена царскими регалиями», 149; «на остальных князях надето такое же плотно застегнутое платье», 149 (надягати на когось щільно застібнуте плаття — малоприємна процедура, якщо здійснює); «определил, что ним (sic!) обнаружена копия», 151; «[Владимир]... вместе с Ольгой фланкировал утраченную центральную фигуру Христа», 151; «подпоясанный у стана кафтан», 154 (із словника: «стан — туловище человека», не кафтана); «предложенную персонификацию подтверждают также изображения...», 159 (очевидно, таки — ідентифікацію персони); «церемониальный выезд... включал также императрицу», 161 (нагадаю, що «выезд», згідно тлумачного словника — «лошади с экипажем и упряжкой»). Нездатність автора до граматично правильного висловлювання суттєво зменшує інтерес до її ідей. Але мовні курйози — не єдина окраса статті. Читач, наприклад, дізнається, що гадане співправительство Володимира та Анни «имело идейное обоснование в культе Богородицы — Царицы Небесной при ее Сыне — Иисусе Христе, Царе Небесном», 155. Читачу також запропонують (з мотивом — «інтересно») «сравнить портрет Владимира на фреске, зарисованной А. ван Вестерфельдом, с прижизненными сохранившимися изображениями князя на древнейших русских монетах», оскільки «они обнаруживают общий для них тип Владимира», 153. З доданого до статті мал. 1 читач довідається, що «княжий портрет» родини Володимира включав не тільки чотирьох (!) невідомих за достовірними джерелами дочок Володимира та Анни, але й дружину князя Бориса. Утім, якщо читач бодай побіжно обізнаний із здобутками авторки на ниві розбудови кількісного складу князівського дому, він не буде вражений сміливістю: в іншій пра-

ці Н.М. Нікітенко спромоглася назвати на ім'я чотирьох невідомих джерелам синів Святополка Окаянного — Михайла, Меркурія-Іоанна, Стефана та Іоанна. Полемічна стаття В.В. Хапаєва «Славянская диаспора в средневековом Крыму: к преодолению историографических иллюзий» (238–249) критично переглядає відомі аргументи на користь популярної колись думки про тривале існування чисельної слов'янської діаспори в Криму.

О.Т.

Проблемы историографии, источниковедения и истории Востока: сборник научных статей памяти профессора В.М.Бейлиса. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2008, 255 с.

Збірник наукових праць пам'яті відомого сходознавця Вольфа Менделевича Бейліса (1923–2001) у своїй структурі розподілений на чотири розділи, зміст останніх двох, на жаль, не відповідає науковим зацікавленням видатного вченого. У першій — «біографічно-мемуарній» частині поміщені статті М.С. Бурьяна із численними співавторами «В.М.Бейлис и развитие востоковедения в Украине» (с. 10–20) та Ю.М. Кочубея «Видатний арабіст України В.М. Бейліс» (с. 20–23), в яких окреслено як нелегкі життєві шляхи В.М.Бейліса та його покоління, так і поступ вченого до досліджень східних джерел з історії Давньої Русі. У другій частині поміщена одна із неопублікованих робіт В.М. Бейліса «Арабо-испанское географическое сочинение XII века *Китаб ал-джа'рафийя* и его сведения о странах Европы» (с. 33–70), де особливу увагу дослідників Русі повинен привернути розділ про «*море Слов'ян*». Серед численних матеріалів розділу «Источниковедение» варто виокремити статті Т.М. Калініної «Река Танаис в представлениях арабо-персидских географов X в.» (с. 76–82), в якій автор аналізує повідомлення ал-Мас'уді, ал-Харакі та ал-Біруні про *Meotic* та, що особливо цікаво, «*море варягів*»; І.Г. Коновалової «Сведения о Хазарии в арабской географии XII–XIV вв.» (с. 83–89), звідки читач може дізнатися не лише про географію, міста та населення Хозарії та їх відображенні у арабській традиції, але й завдяки розповіді ібн Са'ід ал-Магрібі, про історію хозарської столиці — Ітилю після її зруйнування русами; Д.Е. Мішина «Сведения мусульманских писателей о славянах в окрестностях Майнца в раннее средневековье» (с. 123–129).

До збірника включена повна бібліографія праць В.М.Бейліса.

О.Ф.

Михеев С.М. *«Святополк седе в Києве по отци». Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках.* М.: Институт славяноведения РАН, 2009, 292 с.

Щоб задовольнити цікавість читача до історії написання цієї історії, автор завбачливо починає книгу короткою передмовою у стилі «а як же все починалося». Оснащеність монографії різного роду примітками, технічними поясненнями, схемами, таблицями, підзаголовками суттєво полегшує читання. З позитивістською охайністю історик скрупульозно подає цитати, розрахунки, зіставлення — говорити мають факти. Читач завважить і специфічний стиль автора, який легко відрізнити від інших.

Мета роботи — окреслити межі придатних до верифікації реконструкцій подій усобиці синів Володимира Святого. Такої мети автор збирається досягти через прискіпливий аналіз широкого кола джерел: руського та іноземного походження. Структурою джерельного корпусу значною мірою визначена структура книги.

Перша глава присвячена інформації руських джерел про усобицю Володимировичів. Спочатку С.М. Михеев розглядає літописні матеріали, а потім звертається до двох житійних текстів про Бориса і Гліба: анонімного Сказання та Чтения Нестора. В обох випадках дослідник намагається визначити найдавніші читання у збережених літописних та житійних текстах. Ці нариси складені з низки цілком самостійних розвідок щодо окремих джерелознавчих питань (об'єм джерела Новгородського першого літопису нетотожного ПВЛ, формування списку синів Володимира, походження сюжету про народження Святополка «від двох отців» та сюжету про вбивство Бориса). У третій же частині глави автор відтворює історію складання текстів про усобицю Володимировичів, реконструюючи зміст найдавнішого тексту.

У другій главі книги С.М. Михеев докладно висвітлює долю руських сюжетів про Ярослава і Бурислава у скандинавських джерелах (зокрема, Пряді про Еймунда та Сазі про Інгвара Мандрівника). Концентруючись на історії Еймунда, автор виділяє у наявному варіанті саги найдавніше ядро, яке безпосередньо відобразило участь скандинавського ватажка у руських подіях по смерті Володимира. Паралельно дослідник розплутує складні генеалогічні клубки, встановлюючи особу Еймунда та прояснюючи його місце у плетиві русько-скандинавських зв'язків X–XI ст.

Як наслідок попередньої роботи, у третій главі зіставляються руське і скандинавське джерела з метою ідентифікацію Бурислава — героя саги і учасника подій, що цікавлять автора. Так, дослідник доводить походження імені Бурислав від слов'янського Борис, методом структурного аналізу доводить спорідненість руського переказу про вбивство Бориса зі скандинавською легендою про прокляття Інґлінґів. Та основне у цій главі — реконструкція обставин загибелі Бориса і, як наслідок, нове бачення всієї послідовності і змісту подій усобиці Володимировичів. На думку С.М. Михеева, Борис був убитий після 1016 р. варягами за наказом Ярослава, будучи до цього союзником Святополка.

Отож, дочитавши останні рядки та пригадавши прочитане, читач відзначить певні неоднозначні особливості книги. Наприклад, він не зауважить спеціального методологічного розділу, більше того — методологія дослідження як така спеціально не оговорюється. А йдеться ж про дуже тонку і відповідальну задачу — окреслити межі реконструкцій. Звучання мети вельми достойне. Але що той таки читач знайде насправді? Виявиться, що «межі» уміщують лише одну, авторську, реконструкцію подій (створення якої задля досягнення поставленої мети, між іншим, не обов'язкове — і тут читач знов згадає про брак нудних методологічних пояснень). Та й взагалі, якщо у назві книги йдеться про події-текстах, то у висновках дослідник легко переходить до подій-поза-текстами. Зрозуміло, коли дослідник не починає з нуля, а дисципліновано чіпляє свій вагон до довжелезного поїзда, він вважає недоречним пояснювати те, що ніби «і так ясно». А дарма. Як взагалі можна окреслити межі реконструкцій? Можна відтворювати найдавніші тексти/варіанти оповідей про певні події — і залишитись суто в рамках слів, не подій. Можна, не займаючись небезпечною текстовою археологією, окреслити головні способи тлумачення оповіді у наявних пам'ятках — через структурний та змістовий порівняльний аналіз джерел. Врешті, можна піти від зворотного і змалювати негативну картину — відзначити сумнівне, не варте використання при реконструкції подій. Тут же автор пропонує свій варіант історії подій, з урахуванням історії джерел. «Комплексно».

Дослідник критично аналізує обидві групи джерел: руські і скандинавські. Але головний іспит складають саме руські. С.М. Міхеєву потрібна детальна реконструкція формування літописного та житійних текстів про усобицю. Вважається, що найдавніший текст має бути найбільш правильним і, зрозуміло, цілісним; цієї думки дотримується і наш автор. З іншого боку, оскільки такий текст є найчастіше уявним конструктором історика, він намагається приписати йому ту інформацію, яку (не тільки з текстологічних міркувань) вважає правильною. Це створює пастку, до якої не раз потрапляли дослідники. Автор висуває свою гіпотезу складання текстів борисоглібського циклу і розвитку сюжету про усобицю в них, а паралельно прагне реконструювати справжні події-поза-текстами. Не дивно, що дві паралельні прямі сходяться у кінці роботи: С.М. Міхеєв реконструює зміст найдавнішого тексту про усобицю, який виявляється найбільш точним відображенням правильного (на думку автора) ходу подій. Тобто, текстологічна гіпотеза верифікується реаліями, а реконструкція реалій — текстологічною гіпотезою.

Проте, є рятівник у вигляді скандинавського джерела. Його інформація, зрештою, і стає критерієм суджень про руські реалії і тексти. При тому, не секрет, що скандинавське джерело плутане, пізніше й важке для верифікації. С.М. Міхеєв виходить з ситуації таким чином: дійових осіб і загальну канву подій з саги верифікує за руськими джерелами, а далі на основі саги відмовляє останнім у правдивості. І, як це часто буває з істориками, вступає в область віри. Той, хто традиційно довіряє хронологічно ближчим до подій руським текстам (а не пізнім сагам, що довгий час побутували в усній формі), не прийме тезу про загибель Бориса-Бурислава аж наприкінці усобиці. Але той, хто увірував у сагу,

твердитиме про фальсифікацію історії в руських текстах (наприклад, «штучне» датування вбивства Бориса 1015 роком). Якщо ми вже допускаємо контамінацію Святополка і Бориса (а, можливо, ще й Болеслава) в образі Бурислава — ворога Яріцлейва, то чому на слово віримо сазі, що закінчує усобицю чимось дуже схожим на вбивство Бориса?

Загалом же, читач зостанеться задоволеним книгою. Окремі дослідження, з яких зіткане тіло роботи, є вельми цікавими, корисними та спонукальними до власних розвідок.

В.А.

Симонов Р.А. *Математическая и календарно-астрологическая мысль Древней Руси. По данным средневековой книжной культуры* [Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси]. М.: Наука, 2007, 431 с.

Попередні томи, що вийшли в серії «Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси» (наприклад, слов'янський переклад Хроніки Георгія Амартола), також не завжди відповідали буквальному розумінню її назви. Але то були видання пам'яток. Книжка Р.О. Симонова являє собою, по суті, монографічне дослідження математичної (в специфічно середньовічному розумінні) думки, відображеної у кириличних текстах східноєвропейського походження. Її публікація у зазначеній серії великою мірою виправдовується обширними *Додатками* (що займають майже третину обсягу книги, 291–426), де наводяться — частково у транскрипціях, частково навіть у факсимільному відтворенні — тексти, обговорювані у дослідницькій частині книги. Власне дослідження складається із двох частин. Перша частина — «Источники математической и календарно-астрономической мысли Древней Руси», 9–184 — пропонує систематичний огляд джерел для реконструкції природничонаукової думки. Поряд із відомими й давно введеними в науковий обіг текстами, огляд включає джерела, виявлені самим автором в ході тривалої роботи в рукописних зібраннях. В результаті, перед читачем — надзвичайно цінний довідник, який стане незамінним керівництвом для кожного, хто бажатиме зорієнтуватися у цій досить специфічній ділянці середньовічної культури. Друга частина книги — «Исследования древнерусских естественнонаучных представлений», 185–290 — є власне дослідженням, серед тем якого, зокрема, наступні: «Сотворение мира» как начало отсчета времени в свете библейской экзегетики», 187–198; «Символизм богослужебного цикла на Руси», 199–208; «Математическая культура Древней Руси в свете исторической антропологии», 226–242; «Символизм и реальность астрологической «окраски» древнерусского времени», 243–256; «Древнерусская «сокровенная математика» XV — первой половины XVI века», 257–278. Нарешті, як зазначалося, книга завершується публікацією текстів, з яких для традиційного історика домонгольської Русі, можливо, найбільший інтерес являтиме нове видання *Учення про*

числа Кирика Новгородця, споряджене перекладом на сучасну російську мову та коментарями.

У короткій замітці неможливо віддати належне книзі і навіть просто відобразити її зміст. Зупинюся лише на одному прикладі (глава «Отражение календарной аутентичности в «Слове о законе и благодати» Илариона, 193–198), важливого у світлі нових дискусій щодо дати написання *Слова про закон і благодать* Іларіоном. Розповсюдженим видом пасхального табличного інструментарію на Русі були так звані «руки» із календарними значеннями на чотирьох з'єднаних пальцях. Пасхальні «руки» були парними і симетричними: права називалася «рука жидовська» і містила значення для визначення весіннього повного місяця («круг місяця»), ліва рука називалася «Іоана Богослова» і визначала числа сонячних епакт («сонячний круг»). Разом обидві «руки» виражали ідею об'єднання у Пасці обох частин Біблії — Ветхого та Новго Завітів. У *Синтагмі* Матфея Властаря (XIV ст.) календарні «круги», що символізують Ветхий та Новий Завіти, асоціюються із відповідними світилами — Сонцем та Місяцем — і характерні особливості їхнього світіння переносяться на релігії, іудаїзм та християнство. Місяць, закон Мойсея, тьм'яним світлом показує ветхозавітну Паску; Сонце ж своїм яскравим світлом — істинну християнську Паску. Точно таку ж метафору (світло Місяця як символ Ветхого Завіту й іудаїзму, світло Сонця як символ Нового Завіту й християнства) знаходимо у Іларіона. Цілком вірогідно, що Іларіонові порівняння мають календарний смисл. «Резонно задаться вопросом, — продовжує автор, — не мог ли Иларион, работая над «Словом о законе и благодати», прийти к метафорам Луна — иудаизм, Солнце — христианство под влиянием календарных «рук» типа Скалигерова каноника 1331–1332 гг., если использовал их для расчета (проверки) даты Пасхи?» (195). Спостереження автора ще раз підтверджують погляд на *Слово* як саме великодню промову, виголошену при тому в момент, коли Паска надзвичайно близько сусідствовала із Благовіщенням. Співпадіння обох свят на проміжку 1037–1050 рр. не було, але двічі — у 1038 і 1049 рр. — Великдень припадав на 26 березня, тобто на наступний день після Благовіщення (25 березня). Обираючи між двома датами, автор віддає перевагу першій із них, 1038 р., слідом за О.М. Ужанковим вказуючи на прикметні співпадіння: 50-річний ювілей хрещення Русі та 500-літній ювілей Константинопольської Софії.

О.Т.

Шенк Фритьоф Беньямин. *Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000)*. Авториз. перевод с нем. Елены Земсковой и Майи Лавринович [Historia Rossica]. М.: Новое литературное обозрение, 2007, 592 с.

Новгородський князь Олександр Ярославич (1220/1221 – 1263 рр.) є однією із найбільш легендарних фігур російської історії. Книга присвячена осягненню

російської і радянської історії пам'яті про Олександра Невського з кінця XIII ст. й аж до шкилу XX ст. Предметом аналізу німецького історика стала не біографія князя, а історія пригадування та пам'яті про нього. Вивчення опертих на славному минулому таких «місць пам'яті», що співвідносяться з цим образом, дозволяє простежити процес формування, вияви та еволюцію концептів колективної ідентичності в російській історії.

Структурно праця орієнтована на хронологію пам'яті про Олександра Невського. В історичному вступі (розділ 2) автор на широкому історичному тлі представив й упорядкував основні віхи біографії Олександра Ярославича. Незважаючи на те, що багато важливих епізодів життя останнього залишаються дискусійними, представлений біографічний нарис є доволі повним і об'єктивним орієнтиром для дослідження історії пам'яті про нього.

Третій розділ монографії присвячений початкам сакралізації Олександра Невського. У ньому розглядається, зокрема, становлення його місцевого пошанування у Володимирі. Тамтешній Різдвянський монастир, де 23 листопада 1263 р. був похований князь став центром ранньої пам'яті про нього. Вже наприкінці XIII ст. Олександр був канонізований і вшановувався як святий у місці свого поховання. У 80-х рр. XIII ст. тут була складена перша редакція його *Житія*, яке дослідник слушно розглядає як «претекст» історії пам'яті про Олександра Невського. У XV ст. культ святого переміщується із локального на регіональний рівень. В цей період пошанується пошанування пам'яті про князя у Новгороді, що пояснюється, на думку автора, знайомством новгородських літописців з *Житієм* Олександра Невського. Результатом рецепції цього твору і став образ князя, створений у *Новгородському Першому літописі* молодшого ізводу. Інтеграція *Житія* і *Новгородського літопису*, яка відбулася, як гадає дослідник, у 30-х рр. XV ст. за вказівкою новгородського архієпископа Єфимія II поєднала володимирську лінію пам'яті (*Житіє*) й *Новгородський Перший літопис*, створюючи в такий спосіб «новгородизоване Житіє» князя. У першій половині XV ст. Олександр Невський став важливою фігурою в культурній пам'яті Новгорода. Опинившись покровителем міста, захисником і охоронцем новгородських вольностей уславлений князь став заручником у боротьбі за політичну владу між Новгородом і Московією.

Про цю боротьбу, яка закінчилася «присвоєнням» Олександра Невського московським історичним дискурсом йдеться у четвертому розділі книги. Автор простежує трансформацію місцевого святого у фігуру «загальноруського» значення, включення його до орієнтованого на Велике князівство Московське телеологічного нарративу. Розглядаючи образ Олександра Невського, створений у джерелах московського періоду (1462–1700 рр.) дослідник виділяє дві ідеально типові конструкції, два способи його прочитання: з одного боку, Олександр є втіленням ідеї сакрального співтовариства (церковний дискурс), а з іншого — достоїнства і легітимності правлячої династії (династичний дискурс). Якщо в церковному дискурсі на перший план виходить святість князя, його чернецтво і чудотворство, династичний дискурс фокусується на Олександрі як володарі. В династичному дискурсі московського періоду Олександр

Невський зображувався князем, родоначальником Даниловичів і зразком для московського царя.

Секуляризація державної ідеології та подальший розвиток незалежного поняття держави, що набуло чітких рис в часи правління Петра I, покликали до життя певну трансформацію образу Олександра Невського. Висвітленню цих питань присвячений п'ятий розділ монографічного дослідження Ф.Б. Шенка. Перенесення останків князя в Санкт-Петербург у 1724 р. уподібнюється дослідником з відомим на Заході від XII ст. обрядом інтронізації «національного святого». Олександр став небесним покровителем не тільки нової столиці, але і всієї Російської імперії. «Завдання покровителя цілої нації, — зауважує автор, — полягає не тільки і не стільки в тому, щоб підтримувати певну династію у її домаганнях влади і захищати від внутрішніх і зовнішніх ворогів. Патронат святого слугує конкретно-персональній символізації нової державності. Він репрезентував країну і був персоніфікацією новонародженої нації» (с. 145). В імперській міфотворчості XVIII ст. Олександр Невський став визначальною фігурою ідентифікації, невід'ємною частиною нового імператорського культу.

Третьою силою у боротьбі держави і церкви за символічне прочитання образу Олександра Невського стали носії наукового дискурсу, що формувалася у середовищі дворянської спільноти та інтелігенції. З цього суспільного дискурсу на початку XIX ст. розвинулося нове, національне прочитання образу князя. Автор простежує механізми його інкорпорації в російську національну історіографію та трансформацію Олександра Невського в національному дискурсі із давньоруського православного святого і російського правителя – в національного російського героя.

Не залишаться, переконаний, байдужими читачу і вміщені у наступних розділах цієї захоплюючої книги сюжети присвячені трансформації образу Олександра Невського у більшовицькому офіційному дискурсі пам'яті, екранізації його біографії 1938 р., інструменталізації постаті князя у роки Великої Вітчизняної війни, повоєнному Радянському Союзу та Російській Федерації.

В.Р.

СКОРОЧЕНИЯ

АИУ	Археологические исследования на Украине. Киев
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси. СПб.
ВДИ	Вестник древней истории. М.; Л.
ВИВ	Военно-исторический вестник.
ЖМНП	Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб.
ИАК	Известия Археологической комиссии. Пг.
ИОЛЕАЭ	Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.; М.
ИРАИМК	Известия Российской Академии истории материальной культуры. Пг.; Л.
КСИА АН УССР	Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
ЛПС	Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). <i>ПСРЛ</i> . Т. XLI. М., 1995.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.
МЛС	Московский летописный свод конца XV в. <i>ПСРЛ</i> . Т. XXV. М.–Л., 1949.
НА ІА НАНУ	Науковий архів Інституту археології НАН України
НПЛ	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов /Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
ОАК	Отчеты Императорской Археологической комиссии
ПВЛ	Повесть временных лет /Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ст. и комм. Д.С. Лихачева. М.; Л., Ч. 1–2; 2-е изд. испр. и доп. /М.Б. Свердлов. СПб., 1996.
ПЭ	Православная энциклопедия, М.
ПЛДР	Памятники литературы Древней Руси. М.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
РИБ	Русская историческая библиотека. СПб.
Сб. ОРЯС	Сборник статей Отделения русского языка и словесности АН. СПб.; Пг.; Л.
СлККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси, в 3 вып., Л., СПб., 1987–2004.
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Л., СПб.
УІЖ	Український історичний журнал
AGZ	Akta grodzkie i ziemskie z czasow Rzeczypospolitej Polskiej, z archiwum tak zwanego Bernandynskiego we Lwowie w skutek fundacji A.Stadnickiego / Wyd. K. Liske. Lwów.

Наукове видання

RUTHENICA

ТОМ VIII

Відповідальні редактори:
Володимир Ричка, Олексій Толочко.

УДК [(367)+(477)] 08

RUTHENICA. Том VIII. — К.: Інститут історії України НАН України,
2009. — 270 с.

Свідоцтво про державну реєстрацію
серія КВ № 6937 від 04.02.2003 р.

Оригінал-макет підготувала
Анжела Корженівська

Підписано до друку ??????. Формат 70×108 1/16
Ум. друк. акк. ????. Обл.-вид. арк. ????.
Наклад ??? прим. Зам Ціна договірна
Поліграфічна дільниця Інституту історії України НАН України
Київ-1, вул. Грушевського, 4